

СОВЕТСКАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА НА
УРАЛЕ
(1917—1937)

СВЕРДЛОВСК ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Советская историография Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале (1917—1937).

Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 292 с.

В монографии освещается изучение советскими историками различных проблем истории Урала переходного от капитализма к социализму периода. Основное внимание уделяется степени изученности таких проблем, как история борьбы за установление Советской власти и упрочение ее завоеваний, вооруженного отпора силам контрреволюции и интервенции на Восточном фронте, восстановления и реконструкции народного хозяйства. Авторы тщательно проанализировали ленинское теоретическое наследие по истории края и руководствовались им при оценке научной литературы. Наряду с анализом проблематики литературы по истории Урала переходного периода в монографии рассматриваются вопросы организации научных исследований на всех этапах развития советской исторической науки: совершенствование методологических основ, формирование сети научных учреждений, создание квалифицированных кадров историков, развитие источниковой базы исследований.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор
О. А. Васьяковский (отв. ред.),
кандидаты исторических наук, доценты
В. Д. Камынин и **Н. М. Щербакова**.

Рецензенты:

**кафедра истории СССР
Челябинского университета;**
В. В. Баженов, кандидат исторических
наук, доцент кафедры истории
государства и права Свердловского
юридического института.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время ураловедение находится на такой ступени развития, когда на передний план все больше выдвигаются его историографические аспекты. Изданные ранее работы давали анализ литературы по отдельным проблемам истории советского Урала¹ или развития исторической науки на территории автономных республик края². В большинстве своем они были выполнены в учебных целях или носили обзорный характер.

Авторы монографии проводят критический анализ литературного наследия и стремятся показать, как на разных этапах развития исторической науки организовывалось изучение истории Октябрьской революции, гражданской войны и социалистического строительства на Урале, создавалась источниковая база исследований, готовились профессиональные кадры историков. Особое место отводится вопросам методологии, формирования научной концепции темы, борьбе за преодоление объективистских и субъективистских ошибок в понимании истории советского Урала. Специальный параграф посвящен характеристике ленинского теоретического наследия, вклада великого вождя пролетарской революции в разработку истории советского общества, его значения для понимания

¹ См.: Антонов А. Д. Историография Октябрьской социалистической революции и упрочения Советской власти на Урале (март 1917—июль 1918 г.): Учеб. пособие. Пермь, 1975; Васьковский О. А., Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Современная советская историография истории Октябрьской социалистической революции на Урале: Учеб. пособие. Свердловск, 1985; Васьковский О. А. Историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны на Урале: Учеб. пособие. Свердловск, 1981; Васьковский О. А., Тертышный А. Т. Современная историография истории Урала периода гражданской войны (1918—1920): Учеб. пособие. Свердловск, 1984; Историография социалистического строительства на Урале в переходный период. Свердловск, 1982.

² См.: Очерки советской историографии Башкирской АССР: Сб. статей. Уфа, 1975; Историография истории Удмуртии. Ижевск, 1977.

причин и условий установления и упрочения Советской власти в крае, перспектив его экономического, социального и культурного развития.

Исследовательская деятельность по истории социалистического строительства в последние годы приобретает массовый характер. Огромный поток литературы, издаваемой как центральными, так и местными издательствами, свидетельствует о повышении внимания советских историков к проблемам наиболее важных этапов в жизни нашей страны, но приводит и к некоторым издержкам. Нередко происходит дублирование исследований, т. е. многократное обращение к одним и тем же вопросам в ущерб решению других, не менее важных, допускаются ошибки фактического и теоретического порядка. Для того чтобы помочь исследователям избежать возможных просчетов, подвести определенные итоги изучения тех или иных проблем, выделить нерешенные вопросы, необходимы исследования историографического характера. В них обязательно присутствуют анализ имеющейся литературы по тем или иным проблемам, указание на ее сильные и слабые стороны, на спорные или нерешенные проблемы.

В основу структуры книги положен принцип периодизации истории советской исторической науки. Три главы монографии посвящены анализу особенностей собирательской, исследовательской и публикаторской работы, изучению качественных сдвигов в развитии исторической науки на Урале соответственно трем крупным периодам. Внутри глав материал распределяется по основным этапам развития советского общества. Историография Урала показывается как составная и неотъемлемая часть советской исторической науки. Анализируются закономерности развития советской исторической науки и особенности их проявления в уральской литературе.

Монография подготовлена на кафедре историографии и источниковедения истории СССР Уральского государственного университета им. А. М. Горького. В ее написании принимали участие преподаватели и научные сотрудники других вузов Урала и Сибири, а также отдела истории Института экономики Уральского отделения АН СССР. Анализ ленинского идейного наследия выполнен докторами исторических наук А. В. Бакуниным и О. А. Васьковским, кандидатом исторических наук Е. Б. Заболотным. Параграфы глав, характеризующие организацию научных исследований темы, написаны О. А. Васьковским и кандидатами исторических наук В. Д. Камыниным и Н. М. Щербаковой. Историография Октябрьской социалистической революции на Урале разработана Е. Б. Заболотным и кандидатом исторических наук Л. А. Фофановой. Анализ литературы, посвященной истории социалистических преобразований в крае, проведен кандидатом исторических наук В. В. Третьяковым. Процесс изучения истории края периода гражданской войны и военной интервенции исследован О. А. Васьковским и кандидатом исто-

рических наук А. Т. Тertyшным. Авторами историографии социального строительства на Урале являются А. В. Бакунин, В. Д. Камынин, кандидат исторических наук Л. И. Пересторонина, Н. М. Щербакова (промышленность) В. Д. Камынин (рабочий класс, культурное строительство), кандидат исторических наук В. Е. Муравьев (сельское хозяйство и крестьянство).

Глава I

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО УРАЛА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1917 — первая половина 30-х гг.)

1. Теоретическое наследие В. И. Ленина — основа научной историографии советского Урала

Изучая историю победы в нашей стране советского общественного и государственного строя, исследователи неизменно обращаются к произведениям великого Ленина. В его идейном наследии формулируются важнейшие закономерности переходного от капитализма к социализму периода. Это богатейший источник, в котором содержится громадный конкретно-исторический материал, освещающий многие стороны жизни партии и народа в первые годы Советской власти.

Важное научное и политическое значение имеет ленинская оценка соотношения классовых сил в стране, в том числе на Урале, в процессе созревания предпосылок социалистической революции. Характеризуя уральскую буржуазию, В. И. Ленин отмечал, что ее консерватизм и реакционность, присущие российской буржуазии, усиливались частной собственностью на землю. «...Горнопромышленники, — писал он, — были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве»¹. Крепостнические пережитки, обусловленные наличием принадлежавших заводчикам крупных земельных латифундий и отсутствием полной свободы промышленности, чрезвычайно обостряли социальные противоречия. Уральская буржуазия не была заинтересована в ликвидации сохранившихся от старых времен феодальных порядков, так как они обеспечивали ей возможность варварской эксплуатации дешевой рабочей силы и получения огромных барышей.

Сердцевину ленинской концепции истории Октября составляет учение о диктатуре пролетариата. Ленин указывал, что только пролетариат в силу своего экономического положения, своей организованности и сознательности способен стать гегемоном революции и на социалистическом, и на буржуазно-демократическом ее этапе. Анализируя строй горнозаводской промышленности, Владимир Ильич вскрыл особенности социально-экономического положения рабочих Урала, прежде всего связь части заводского населения с землей. Наделяя мастеровых землей и превращая их таким образом в мелких собственников, горнозаводчики заботились не

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 485—486.

только о прикреплении к заводам рабочей силы, но и о том, чтобы воспрепятствовать пролетаризации горнозаводского населения, вовлечению его в революционное движение. Ленин, однако, доказал, что обработкой земли добывала средства к жизни незначительная часть рабочих. Большинство тех, кто имел земельный надел, использовали его для покосов, выгонов, приусадебных нужд².

В. И. Ленин выявил высокую концентрацию производства на Урале и, как следствие этого, сосредоточение рабочих на крупных предприятиях горной и металлургической промышленности. В самом деле, абсолютное большинство рабочих было занято здесь на таких крупных заводах, как Мотовилихинский, Златоустовский, Белорецкий, Ижевский и др. Высокая концентрация промышленности, уступавшая по уровню только Центральному промышленному району, неуклонное ослабление роли поземельных отношений в жизни заводского населения по мере развития капитализма благоприятствовали сплочению, политическому просвещению и росту революционной активности уральского пролетариата. На Урале рабочие сосредоточивались не в городах, а главным образом в индустриальных поселках. В таких поселках, тесно соприкасавшихся с крестьянской округой, вырастали боевые пролетарские коллективы, способные под руководством большевистской партии возглавить революционную борьбу широких трудящихся масс.

В ленинском идейном наследии содержатся материалы, раскрывающие невероятно тяжелую жизнь уральского пролетариата до революции. Пользуясь бесконтрольностью, горнозаводчики устанавливали на предприятиях подневольный режим. Горным уставом регламентировался не только труд, но и личная жизнь рабочих. Администрация имела право даже подвергать их порке за «ослушание». Предоставление рабочим в пользование земли привязывало их к заводам, но являлось и формой эксплуатации. Ленин писал: «Само собой разумеется, что это бесплатное пользование на деле стоит очень дорого, ибо благодаря ему чрезвычайно понижается заработная плата...»³. Тяжелым бременем для трудящихся была хроническая безработица в виде так называемых гулевых дней. В этом случае, отмечал Владимир Ильич, уральский рабочий, связанный своим хозяйством, не мог бросить завода. «И вот, он готов переживать годы, готов работать из половины рабочей платы, или, что то же, половину своего рабочего времени оставаться без работы, чтобы дать возможность другому такому же местному рабочему заработать кусок хлеба»⁴.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 567—568.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 486.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 487.

Указанные особенности развития горнозаводской промышленности не помешали В. И. Ленину включить в состав «громоздкого большинства» российского пролетариата, живущего за счет продажи своего труда, и рабочих Урала. Этот отряд революционного авангарда отличался высокой организованностью, сплоченностью и боевитостью. В марте 1903 г., анализируя развитие классовой борьбы в стране, Ленин упоминает о расстреле бастующих рабочих в Златоусте. В 1912 г. он пишет о стачке на сысертских заводах, где «рабочие добились повышения заработной платы»⁵. Это, по его словам, закаляло рабочий класс, готовило к решительной схватке с капитализмом.

Естественным союзником авангарда социалистической революции в борьбе за власть Ленин считал беднейшее крестьянство страны. Анализируя материалы земской статистики по Пермской губернии, он установил здесь наличие батраков и поденщиков, чьим трудом в той или иной форме пользовалось большинство зажиточных крестьян⁶. По его мнению, разложение крестьянства на Урале происходило заметно сильнее, чем в некоторых губерниях Центральной России.

Дифференциация крестьянства в эпоху капитализма происходила при сохранении крепостнических форм землевладения и землепользования. Поясняя это на примере Урала, Владимир Ильич писал: «Помещики имеют здесь десятки тысяч десятин земли... Крестьяне до сих пор в зависимости от помещиков, до сих пор не наделены землей»⁷. К числу крупных землевладельцев он относил и уральских заводчиков. Тот факт, что в собственности заводов находились огромные массивы земель, рассматривался им как «прямой пережиток крепостнических, сеньориальных латифундий в буржуазной России»⁸.

Ленинский анализ развития капитализма в сельском хозяйстве Пермской губернии, усилившего социальное расслоение деревни и интенсивность эксплуатации ее пролетарских слоев, позволяет сделать вывод, что на Урале имелись объективные условия для прочного союза рабочего класса с трудящимся крестьянством. Этот анализ важен для понимания политической обстановки, сложившейся здесь накануне и в ходе Октябрьской революции.

В период от Февраля к Октябрю большевистские организации Урала постоянно поддерживали связь с Лениным, который живо интересовался положением дел в регионе. 20 августа 1917 г. буржуазная газета «Русская воля» поместила корреспонденцию, рассказывающую о введении Советом рабочих и солдатских депутатов Екатеринбурга натуральной повинности для «лошададных граждан».

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 392.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 100.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 373.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 198.

Поддерживая этот почин, В. И. Ленин писал: «Это еще не социализм, а только один из первых шагов к социализму, но это именно то, что необходимо бедному народу действительно и немедленно. Без таких мер нельзя спасти народ от голода и гибели.

Почему же Екатеринбургский Совет остается редким исключением? Почему подобные меры по всей России не применяются давно, не разворачиваются в целую систему мер именно такого рода?»⁹. Возражая эсерам и меньшевикам, утверждавшим, что Россия еще не созрела для введения социализма, Ленин указывал: «Ни одна партия, ни один человек «вводить социализм» указом не собирался. Речь идет и шла исключительно о таких мерах, которые, подобно установлению общественной повинности для богатых в Екатеринбурге, вполне одобряются массой бедных, т. е. большинством населения, о таких мерах, которые технически и культурно вполне назрели, доставляют немедленное облегчение жизни бедноте, позволяют ослабить тяготы войны и распределить их равномерно»¹⁰.

Под руководством Ленина, Центрального Комитета партии большевики Урала неуклонно проводили в жизнь экономическую и политическую программу революции, боролись за выход страны из империалистической войны, вскрывали контрреволюционные замыслы буржуазии, готовили массы к завоеванию всей полноты государственной власти. К октябрю 1917 г. здесь имелись необходимые условия для установления диктатуры пролетариата. Хорошо зная политическую обстановку на Урале, боевитость местных партийных организаций, В. И. Ленин при выработке плана вооруженного восстания отвел в нем важное место уральскому пролетариату: он должен был сломить сопротивление своей буржуазии и в случае необходимости прийти на помощь обеим столицам¹¹.

Ленинское идейное наследие является первоосновой изучения последующей истории социалистической революции: вооруженной борьбы советского народа за упрочение диктатуры пролетариата. В трудах В. И. Ленина глубоко и всесторонне разработан вопрос о роли революционной армии в защите социалистического отечества. Рабоче-Крестьянская Красная Армия, которая в годы гражданской войны противостояла интервентам и белогвардейцам, строилась на основе ленинских организационных и политических принципов. Это была армия нового типа, отличавшаяся классовой однородностью, высоким моральным духом, тесной связью с народом. Как руководитель обороны Советского государства Владимир Ильич уделял много внимания военному строительству: он обосновал необходимость перехода от добровольческих отрядов трудя-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 131.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 132.

¹¹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967. Т. 3, кн. 1. С. 376.

щихся к массовой регулярной армии, был инициатором проведения мобилизаций коммунистов, создания института военных комиссаров, мощного партийно-политического аппарата в армии, показал решающее значение авангарда социалистической революции — промышленного пролетариата в деле организационного сплочения и политического просвещения красноармейской массы, состоявшей преимущественно из крестьян.

Важное место в ленинской концепции гражданской войны занимает вопрос о военно-политическом союзе рабочего класса с крестьянством. В. И. Ленин рассматривал этот союз как главную общественную силу в борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией. Ход и исход войны зависели в первую очередь от поведения крестьянских масс. Вот почему Ленин в своих статьях и выступлениях так часто касался расстановки классовых сил в деревне на разных этапах развития революции. Он подчеркивал, что в тот момент, когда революция доводила до конца буржуазно-демократические преобразования, пролетариат опирался на поддержку всего трудового крестьянства. Это дало возможность сравнительно легко сломить сопротивление буржуазии и помещиков и установить Советскую власть по всей стране. Летом 1918 г. в деревне развернулась социалистическая революция. Продолжая прочно опираться на бедноту, рабочий класс повел решительную борьбу с кулачеством, которое попыталось свергнуть Советскую власть.

Недовольный введением продовольственной монополии и запрещением свободной торговли хлебом, середняк, который в то время составлял основную массу крестьянского населения, заколебался. Это привело к невыгодному для Советской власти соотношению классовых сил и позволило империалистам развязать гражданскую войну. Однако опыт гражданской войны убедительно показал колеблющимся буржуазно-помещичью сущность белогвардейщины. Уже осенью 1918 г. обозначился поворот основных масс трудового крестьянства на сторону пролетариата. Это дало возможность перейти от нейтрализации середняка к прочному союзу с ним. Социальная база контрреволюции резко сократилась, а Советская власть приобрела неистощимый источник резервов. Прочный союз с трудящимся крестьянством, отмечал В. И. Ленин, создал благоприятные условия для завершения строительства массовой регулярной Красной Армии, для укрепления ее морально-политического единства и повышения боеспособности. Этот союз позволил Советскому государству успешно решить важнейшие военно-хозяйственные задачи, прежде всего обеспечить армию и городское население хлебом на основе продовольственной разверстки.

В ленинских произведениях военных лет всесторонне освещена и проблема организации советского тыла. Объективными и субъективными факторами, обеспечившими лучшую организацию советского тыла по сравнению с тылом контрреволюционных армий, бы-

ли прочность Советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата, выражающей жизненные интересы абсолютного большинства рабочего класса и трудящегося крестьянства, организационное, политическое и хозяйственное руководство тылом со стороны пролетариата и его Коммунистической партии, огромные преимущества советского экономического строя, основу которого составляет общественная собственность на орудия труда. Сосредоточив в своих руках экономику в результате национализации промышленности, транспорта и банков, пролетарское государство могло осуществлять централизованный контроль за производством и распределением продуктов в интересах обороны страны.

Ленинское учение о характере гражданской войны, о позиции общественных классов на том или ином ее этапе, о роли в войне политических партий, о причинах победы Советской власти над интервентами и белогвардейцами имеет исключительно важное значение для понимания хода событий на Урале в 1918—1920 гг. Особый научный интерес представляет оценка движущих сил контрреволюции в восточных районах страны. Ленин обнажил классовую сущность вооруженного выступления чехословацкого корпуса, которое имело тяжелые последствия для Советской власти. Сопоставив факты, он пришел к выводу, «что чехословацкое движение было одним из звеньев, давно рассчитанных на удушение Советской России систематической политикой англо-французских империалистов...»¹².

Ленин характеризовал белочехов как ударную силу международного империализма, связанную в то же время с внутренней контрреволюцией. Цель Антанты, по его словам, заключалась в том, чтобы превратить чехословацкую авантюру в широкое белогвардейское движение. «Вся буржуазия, — говорил он, — все бывшие Романовы, все капиталисты и помещики за чехословаков, ибо мятеж последних они связывают с возможностью падения Советской власти»¹³. С нетерпением ждали чехословаков кулаки. Белочехи, как образно выразился Владимир Ильич, разбудили кулаков, и те вступили в открытую борьбу с Советской властью, что объединило силы внешней и внутренней контрреволюции. Ленин указывал, что «война гражданская у нас теперь с той стороны, с которой не все ожидали и не все ясно сознавали, и она слилась с войной внешней в одно неразрывное целое. Кулацкое восстание, чехословацкий мятеж, мурманское движение, — это одна война, надвигающаяся на Россию»¹⁴.

По мере развития гражданской войны союз внешней и внутренней контрреволюции приобретал все более реакционный, агрессив-

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 1—2.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 69.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 13.

ный характер. На смену чехословакам пришел черносотенный диктатор Колчак, ставленник свергнутых эксплуататорских классов внутри страны. Колчаковская диктатура способствовала консолидации белогвардейских сил. Но Ленин еще и еще раз напоминал, что белогвардейцы не смогли бы воевать с Советской властью без военной, технической и финансовой помощи иностранных империалистов.

Ход гражданской войны на востоке В. И. Ленин тесно связывал с поведением крестьянства. Если в начальный период гражданской войны белогвардейцы добились серьезных военных успехов, то лишь потому, что изменилось соотношение классовых сил, обозначились колебания мелкобуржуазных масс. Правда, опыт чехословацкого мятежа дал определенные политические результаты. В губерниях Поволжья и Приуралья, оказавшихся в зоне мятежа, Ленин отмечал такое явление: «...сначала чехословаков встречают чуть не как избавителей, но через несколько дней господства этой буржуазии замечается громадный поворот против чехословаков за Советскую власть, потому что крестьяне начинают понимать, что все фразы о свободе торговли и об Учредительном собрании означают только одно: власть помещиков и капиталистов»¹⁵.

Иначе обстояло дело на Урале и в Сибири. Здесь пролетариату пришлось выдержать длительную и весьма напряженную борьбу за упрочение Советской власти. Дело в том, указывал Ленин, что крестьянин в восточных районах страны был относительно хорошо обеспечен. Следовательно, Октябрьская революция не могла дать ему сразу и непосредственно тех материальных выгод, которые она дала крестьянству Европейской России. Этот наиболее сытый крестьянин, владевший большими излишками хлеба и привыкший свободно торговать ими на вольном рынке, упорно поддерживал соглашательские партии и не доверял большевикам. В доказательство В. И. Ленин ссылался на итоги выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. Тогда в восточных районах страны большевистская партия собрала наименьшее количество голосов. На Урале за большевиков голосовало всего 12% избирателей, в Сибири — 10%. Зато за эсеровских депутатов было подано соответственно 43 и 75% всех голосов¹⁶.

Большевистскую партию поддерживал преимущественно пролетариат, эсеровскую — крестьянство. В ходе революции и гражданской войны позиция зажиточного крестьянства существенно менялась. Сначала — за большевиков, когда они дали землю и обнародовали Декрет о мире. Потом — против большевиков, когда

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 16—17.

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 3.

был подписан Брестский договор, оскорбивший патристические чувства мелкой буржуазии. «Диктатура пролетариата, — писал Ленин, — не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам. Крестьянство Урала, Сибири, Украины поворачивает к Колчаку и Деникину»¹⁷.

Таким образом, уральский и сибирский середняк, превыше всего ставивший свободную торговлю, отказался признать диктатуру пролетариата, отказался воевать за Советскую власть. Он не извлек нужных уроков из чехословацкого мятежа, меньшевистско-эсеровских восстаний и помог Колчаку, который казался твердой властью и тоже выступал под лозунгом свободной торговли. Колчак, указывая Ленин, привлек на свою сторону массу добровольцев. Его армия на первых порах была едина в классовом отношении и потому сильна.

В работе «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» и ряде других Владимир Ильич много писал об уроках колчаковщины. Раскрывая классовую сущность этой политики, он подчеркивал неразрывную связь между свободной торговлей, которая вела к восстановлению капитализма, и насилиями над трудящимися. Ленин говорил: «Свободная торговля хлебом есть экономическая программа колчаковцев, расстрел десятков тысяч рабочих (как в Финляндия) есть необходимое средство для осуществления этой программы, потому что рабочий не отдаст даром тех завоеваний, которые он приобрел»¹⁸. Чтобы утвердить господство крупного капитала, Колчак неизбежно должен был встать на путь самых жестоких репрессий не только против рабочего класса, но и против мелкобуржуазных масс, главным представителем которых являлось крестьянство. Сибирские и уральские крестьяне получили суровый урок классовой борьбы, на собственном опыте распознав истинный смысл колчаковщины, практически сравнив диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата. Они увидели, говорил Ленин, что большевистские тяготы были тяготами для победы над эксплуататорами, что диктатура пролетариата вещь тяжелая, жестокая и даже кровавая, но без нее нельзя справиться с капиталистами и помещиками. И тогда крестьянин сказал: «Я выбираю диктатуру рабочих масс и я пойду на то, чтобы добить до конца диктатуру бюрократической буржуазии, — как он называет диктатуру Колчака, — чтобы была диктатура пролетариата, диктатура народа»¹⁹.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 17.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 364.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 129.

Важным уроком колчаковщины В. И. Ленин считал полный крах политики соглашательства с буржуазией, которую пытались проводить меньшевики и эсеры во время гражданской войны. Соглашательские партии, отмечал он, прямо содействовали победе белогвардейцев. Они пугали колеблющиеся массы диктатурой пролетариата, обвиняли большевиков в нарушении демократии, в насилии над крестьянством, взбунтовали кулаков, спекулянтов, мелких собственников, когда Советская власть стала отбирать хлебные излишки, чтобы спасти рабочих от голодной смерти. Заключив военный союз с Антантой, чехословаками и белогвардейцами, эти партии помогли им свергнуть большевиков в Поволжье, на Урале, в Сибири. Соглашатели внушали неискушенным в политике людям, что можно обойтись без господства одного класса над другим и построить независимое государство, что свободная торговля есть неотъемлемое право свободной демократии. Разогнав с помощью чехословаков Советы, меньшевики и эсеры попытались создать новую власть по этому образцу и торжественно провалились с нею прямо к диктатуре Колчака. На поверку они оказались жалкими болтунами, безвольными марионетками в руках буржуазии и реакционной военщины. Почувствовав свою силу, буржуазия бесцеремонно прогнала соглашателей и поставила у власти Колчака. По выражению В. И. Ленина, миллионы крестьян Сибири и Урала звали, сажали на власть меньшевиков и социалистов-революционеров, а из этого вышла старая русская монархия, старая держиморда, которая принесла народу неслыханное насилие. Чехословацкое восстание и колчаковщина полностью разоблачили фразы об Учредительном собрании, о народовласти, о всеобщей свободе и всеобщем равенстве. Жизнь, учил Ленин, подтвердила абсолютную правоту большевиков, которые всегда говорили: может быть только две власти — либо диктатура рабочего класса, либо диктатура капиталистов и помещиков, третьего нет²⁰.

В. И. Ленин указывал, что крушение соглашательских иллюзий масс под влиянием жестоких уроков гражданской войны привело к коренному изменению в соотношении классовых сил и политических партий. Испытав на себе гнет колчаковщины, крестьяне Урала и Сибири становились сознательными сторонниками большевизма. Это отразилось в первую очередь на моральном состоянии белогвардейских армий. Пока Колчак опирался на добровольцев из среды зажиточных крестьян, он добивался успехов. Но как только его армии стали пополняться за счет принудительных мобилизаций, они потеряли классовую однородность и, следовательно, силу. Отход крестьянских масс от Колчака вызвал и полную дезорганизацию белогвардейского тыла, мощную волну народного движения сопротивления. Летом 1919 г. началось массовое восста-

²⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 158.

ние уральских рабочих и сибирских крестьян против колчаковского ига. Поголовное участие трудящегося населения в боевых действиях Красной Армии помогло разгромить Колчака и спасти социалистическую революцию²¹. Победа над Колчаком явилась ярким свидетельством жизнеспособности Советской власти.

Ленинское учение о классовом характере гражданской войны, о соотношении фронта и тыла воюющих армий базировалось на огромном практическом опыте вождя Коммунистической партии по руководству обороной страны, в частности Восточным фронтом. Ленин четко определил значение этого фронта, на котором дважды за годы войны решалась судьба социалистической революции. Он непосредственно направлял организаторскую и политико-воспитательную работу партии и Советского государства на защиту Волги и Урала. По его указаниям сюда непрерывно перебрасывались мобилизованные коммунисты, свежие подкрепления, командные кадры, вооружение. Здесь интенсивно шел процесс реорганизации добровольческих отрядов трудящихся в регулярные части Красной Армии, налаживалась система партийно-политического руководства войсками, решались проблемы организации устойчивого тыла. В. И. Ленин лично следил за ходом наиболее важных оборонительно-наступательных операций и в случае возникновения серьезной опасности требовал незамедлительного принятия мер для ее устранения. Всеобъемлющей программой борьбы против опаснейшего врага Советской республики Колчака явились написанные Лениным «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта»²².

Внимание вождя привлекали не только политические и военные события на Восточном фронте. Он придавал большое значение экономическому потенциалу Урала, его роли в возрождении и индустриальном развитии страны. Еще до начала гражданской войны и интервенции В. И. Ленин выдвинул идею Урало-Кузбасса, создания на Востоке крупнейшего промышленного комплекса на основе соединения рудных богатств Урала с сибирским углем. Он писал: «Российская Советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает — даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь)... Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил»²³.

Разрабатывая в последующих произведениях и документах идею Урало-Кузбасса, глава Советского государства исходил из таких соображений.

²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 39.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 271—274.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 188.

Во-первых, эта идея являлась одним из главных звеньев в реализации плана строительства социализма, а именно создания социалистической индустрии, в первую очередь тяжелой промышленности на основе современной техники. Ленин говорил: «...только на минеральном топливе может быть прочная постановка крупной промышленности, способной служить базой для социалистического общества»²⁴. Для Урала это имело принципиальное значение, поскольку уральская металлургия базировалась на древесном угле, что было причиной ее технико-экономической отсталости.

Во-вторых, Ленин считал первоочередным развитие производительных сил в восточных районах именно на базе уральской промышленности, которая хотя и значительно отставала от южной индустрии, но зато располагала индустриальными кадрами и богатейшими источниками сырья. Объединение Урала и Сибири в хозяйственный комплекс позволяло, как указывал В. И. Ленин, развить производительные силы страны при наименьшей потере труда, максимальном использовании природных богатств и быстрейшем получении готового продукта.

В-третьих, соединение уральского железа с кузнецким углем должно было способствовать, по мысли Владимира Ильича, рациональному размещению производительных сил России. Открывались перспективы подъема экономики двух крупнейших регионов страны — Уральского и Сибирского, которые располагали огромным промышленным потенциалом. Занимая выгодное экономическое, географическое и стратегическое положение, индустриальный Урал становился базой социалистического преобразования народного хозяйства не только Востока, но и Средней Азии, слаборазвитых районов Европейской России.

В-четвертых, в результате развития металлургии Урала и угледобычи Сибири получали мощный импульс все ведущие отрасли экономики: металлообработка и машиностроение, большая химия и энергетика, нефтяная промышленность, транспорт, легкая индустрия. Это позволяло самостоятельно, как отмечал Ленин, без помощи извне снабдить страну «всеми главнейшими видами сырья и промышленности»²⁵.

В-пятых, в создании новой угольно-металлургической базы на востоке Ленин видел важное условие решения кардинальной задачи социалистического строительства — электрификации народного хозяйства. Транспортные связи Урала с Кузбассом приобретали в данном случае первостепенное значение. Наличие богатейших запасов угля, торфа и воды позволяло получить здесь электрическую энергию с наименьшими затратами. Владимир Ильич писал: «Мы намерены электрифицировать всю нашу промышленную систему путем создания электростанций на Урале и в других местах...

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 317.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 228.

Завершение электрификации явится первой важной ступенью на пути к коммунистической организации экономической жизни общества»²⁶.

Полное и всестороннее обоснование необходимости развития индустрии Урала в интересах всей страны содержится в ленинском плане ГОЭЛРО. «Интересы всего народного хозяйства, регулируемого по определенному государственному плану, — говорится в нем, — выдвигают Урал на первый план, так как положение Урала на границе Европейской России и Сибири с ее необъятными перспективами развития повелительно диктует возможно полное использование его богатств»²⁷. Составной частью плана ГОЭЛРО была «Электрификация Уральского района», где впервые определялись перспективы развития народного хозяйства края.

Многочисленные доклады, речи, статьи, обращения, с которыми выступал Владимир Ильич в первые годы Советской власти, печатались во всех газетах, издавались в большом количестве отдельных брошюрами и были широко известны. Значит, уже в то время советские историки могли использовать ленинские работы как методологическое руководство и черпать из них богатейший фактический материал.

После гражданской войны в соответствии с указаниями Центрального Комитета партии началась систематическая работа по собиранию, изучению и публикации идейного наследия В. И. Ленина. В 1926 г. Институтом Ленина было завершено первое издание сочинений Владимира Ильича в двадцати томах. Подготовка второго и третьего изданий началась в 1924 г. по решению XIII съезда партии. В 1932 г. эти издания вышли в свет в тридцати томах каждое.

2. Основные направления исследовательской и публикаторской работы

Становление советской исторической науки происходило, как известно, с 1917 г. до первой половины 30-х гг. В то время были достигнуты большие результаты в собирательской, исследовательской и публикаторской работе, комплектовании партийных, государственных и военных архивов, подготовке кадров историков. Огромное методологическое значение имела публикация идейного наследия В. И. Ленина, в особенности первых изданий его сочинений. Ленинская концепция истории первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян стала научной основой советской историографии, ее главным идейным оружием в борьбе с

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 155—156.

²⁷ План электрификации РСФСР: Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955. С. 518.

буржуазными фальсификаторами. В разработке этой концепции приняли активное участие видные руководители и теоретики партии Я. М. Свердлов, М. И. Калинин, С. М. Киров, Ф. Э. Дзержинский, И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе. Крупным вкладом в историографию советского общества явилось издание обобщающих работ по истории Коммунистической партии, написанных А. С. Бубновым, В. И. Невским, Н. Н. Поповым, Е. М. Ярославским. Важные вопросы истории социалистического строительства были затронуты в произведениях А. В. Луначарского, В. А. Быстрянского, С. И. Гусева, М. Н. Покровского. Решающее условие успешного становления советской исторической науки заключалось в преодолении влияния буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, идейном разгроме троцкизма и других оппортунистических течений.

Изучение истории первых лет Советской власти связано главным образом с деятельностью Истпарта и его местных отделений. Комиссия по изучению истории Октябрьской революции и истории партии — Истпарт была создана на основании Декрета СНК от 21 сентября 1920 г., подписанного В. И. Лениным²⁸. Ей поручалось выявление, систематизация и научная публикация архивных документов, рукописей, воспоминаний и других материалов о революционном прошлом. Истпарты проделали огромную работу, давшую возможность создать необходимую источниковую базу для развертывания научных исследований. В них приняли участие и высшие учебные заведения, военные академии, научные и краеведческие общества, архивные учреждения. Во второй половине 20-х — начале 30-х гг. центральные издательства опубликовали произведения А. Л. Сидорова, М. Н. Покровского, А. В. Шестакова, А. М. Панкратовой, Н. Е. Какурина, в которых на основе ленинской концепции вскрывались закономерности победы советского общественного и государственного строя. Творчество ведущих историков оказало большое влияние на формирование исследовательской мысли на местах, сыграло важную роль в становлении советской исторической науки.

На Урале работа над историко-революционной тематикой началась сразу после окончания гражданской войны. В 1921 г. в Екатеринбурге было организовано Уралбюро Истпарта. Несколько позднее начали действовать истпарты при окружках ВКП(б) в Перми, Кунгуре, Сарапуле, Нижнем Тагиле, Тюмени, Челябинске, Златоусте, Уфе, Троицке. Областной комитет партии привлек к этой работе наиболее подготовленных товарищей. В годы войны многие из них работали корреспондентами фронтовых газет, сотрудниками политотделов армий и дивизий.

²⁸ СУ РСФСР. 1920. № 8. Ст. 386.

На Уралистпарт была возложена задача координировать и направлять работу на местах по сбору и пропаганде материалов об истории революционного движения. Как отмечал в своем отчете первый заведующий истпартком В. М. Быков, эта работа тормозилась из-за недостатка денежных средств, малочисленности штатов. Но уже в 1922 г. Уралбюро обратилось к губкомам партии с циркулярным письмом, в котором предлагались конкретные меры по организации деятельности местных истпартов, говорилось о необходимости начать активный поиск документов и материалов эпохи революции и гражданской войны путем привлечения широкой общественности, создания специальных комиссий из участников революционных событий²⁹.

Активно начала работать Пермская комиссия Истпарта, образованная в декабре 1920 г. Справившись с неизбежными трудностями организационного периода, она за десять месяцев, с мая 1921 г. по март 1922 г. добилась заметных успехов³⁰. Главной задачей было признано создание источниковой базы для изучения истории партии, истории Октябрьской революции и гражданской войны. Для этого проводились следующие мероприятия: розыск архивов бывшего жандармского и охранного отделения; организация библиотеки по вопросам истории партии и рабочего движения; создание рукописного отдела истпарта (исторические очерки, стенографические отчеты вечеров воспоминаний, мемуары, биографии), подбор газетного материала, листовок, воззваний; специальный учет белогвардейской печати. Были налажены связи с губернским архивом, при котором образовалась историко-революционная политсекция. Большое внимание Пермистпарт уделял агитационно-пропагандистской работе: читались лекции по истории партии, открывалась постоянно действующая выставка «Партийное строительство», которую со дня открытия — 7 ноября 1921 г. по 1 марта 1922 г. посетило 4 922 человека³¹.

В 1922 г. возникло отделение Истпарта при Башкирском обкоме РКП(б). В его составе организовалась научно-историческая секция из 20 человек, которая взялась за создание архива и музея, сбор документальных материалов и воспоминаний³². В 1923 г. секция образовала уральскую и башкирскую группы для изучения истории революционного движения. Особое внимание уделялось вопросам национально-освободительной борьбы башкирского народа с целью разоблачения буржуазно-националистической теории о клас-

²⁹ См.: Быков В. Пора оживить истпарты // Уральский коммунист. 1922. № 6. С. 26—28.

³⁰ См.: Работа бюро истпарта с 1 мая 1921 г. по 1 марта 1922 г. // Пролетарий. 1922. № 1. С. 31—33.

³¹ Там же. С. 33.

³² См.: Кузнецова И. И. К истории организации и деятельности Башкирского истпарта (1922—1929) // Южно-Уральский археографический сборник. Уфа, 1976. Вып. 2. С. 36.

совом единстве угнетенных наций. С 1925 г. к этой работе подключились национальные секции, организованные при истпарте и райкомах ВКП(б). Они занимались также историей распространения большевизма среди башкир и татар³³.

Одним из самых важных условий плодотворной деятельности истпартов являлась их связь с общественными организациями. В этом отношении показателен Пермский истпарт. Через своих уполномоченных он был связан с заводами и крупными районами, где имелись особые корреспондентские пункты и комиссии содействия. При самом истпарте в 1927 г. возникли общественные группы содействия изучению собираемых материалов и разработке важнейших тем из истории Пермской партийной организации. К работе были привлечены старые большевики, молодежь, преподаватели, ученые, армейские политработники. В начале 1928 г. истпарт организовал в местном краеведческом обществе историко-революционную секцию. Туда вошли главным образом преподаватели общественных и исторических дисциплин Пермского университета, совпартшколы, наиболее способные студенты-дипломники. Поддерживалась связь с историческим семинарием, действовавшим на этом факультете³⁴.

Общественность активно участвовала и в работе Уралистпарта. Во второй половине 20-х гг. в Свердловске была создана сеть кружков содействия из старых большевиков и рабочих — участников революционного движения, литературных и научных работников, молодежи. Один из таких кружков объединял преподавателей историков Урало-Сибирского коммунистического университета (впоследствии Уральский коммунистический университет — Комвуз). Он работал над материалами по истории гражданской войны и готовил к 10-летию освобождения Урала от Колчака книгу «Колчаковщина на Урале». Другой кружок, который возглавляла Р. С. Землячка, собирал и готовил к печати материалы об участии трудящихся женщин в революции, гражданской войне и социалистическом строительстве на Урале. При Свердловском окружном комитете ВКП(б) образовалось пять групп содействия, работавших над различными историко-партийными темами, в том числе над историей большевистского подполья при Колчаке. Уралистпарт организовал, кроме того, две целевые комиссии, которым было поручено подобрать материалы по истории Красной гвардии, а также взять на учет памятники и исторические места, связанные с событиями гражданской войны. Группы содействия истпарту возникли на многих предприятиях и в учреждениях города.

³³ См.: Голубцова Р. И. Развитие советской археографии на Урале (1917 — середина 1930-х): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1979.

³⁴ Партийный архив Свердловской области (ПАСО). Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 9, 10, 15.

Истпарт тесно сотрудничал с уральским отделением Общества историков-марксистов, Обществом политкаторжан, Обществом старых большевиков и революционеров. Под его руководством работали комиссии по истории профсоюзов и комсомола — истпроф и истмол³⁵.

На Урале истпрофработа велась во многих городах — Екатеринбурге, Перми, Оренбурге, Тюмени и др. Местные комиссии начали свою деятельность в 1922—1923 гг., но организационно сложились к середине 20-х, когда истпрофы стали функционировать при обкомах и окружках профсоюзов. Тогда же определилось и четкое содержание работы по изучению профессионального движения — сбор и публикация материалов по истории рабочего класса Урала. Ведущее положение среди уральских истпрофов заняла комиссия при Уралпрофсовете, игравшая роль организатора истпрофработы. Она поддерживала тесную связь с истпрофами союзов рабочих швейной промышленности, кожевников и печатников, Нарпита и Рабпроса, получая от них информацию о текущих делах; инициативно участвовала в розыске профсоюзных архивов 1917 — начала 1918 г., пропавших во время гражданской войны³⁶. Уралистпроф постоянно сотрудничал с научными работниками истпарта и преподавателями Уральского коммунистического университета. В частности, преподаватели Комвуза А. П. Таняев, А. Д. Бессонова и Е. Гольдич проделали большую работу по подготовке к изданию документов по истории рабочего класса Урала кануна и периода Октябрьской революции, а также гражданской войны.

Комиссии по истории комсомола находились в непосредственном ведении истпартов. Наибольшей активностью отличались уральские отделения истмола в Екатеринбурге и Перми, созданные в 1922 г., и образованный годом позже областной истмол при Уралбюро ЦК РКСМ³⁷. Они занимались проведением вечеров воспоминаний с участием организаторов первых союзов молодежи на Урале, публикацией документов и статей по истории комсомольского движения. Так, Уральский истмол подготовил сборник «Живой гранит» (Екатеринбург, 1924), а Пермский — «Под знаменем Октября» (Пермь, 1927). В них вошли статьи, документы, воспоминания об уральских молодежных организациях периода их возникновения и начального этапа деятельности, об участии комсомольцев в гражданской войне. Собранные материалы печатались также в журнале «Юный пролетарий Урала» — органе Уралбюро ЦК РЛКСМ. Издательские планы истпрофов и истмолов, как правило,

³⁵ ПАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 44, 46.

³⁶ См.: Голубцова Р. И. Из истории создания и деятельности уральских комиссий Истпрофа ВЦСПС // Историография социалистического строительства на Урале в переходный период (1917—1937). Свердловск, 1980. С. 133.

³⁷ См.: Голубцова Р. И. Археографическая деятельность истмолов на Урале в 20-е гг. // Историография и источниковедение. Свердловск, 1976. С. 99.

утверждались и контролировались истпартами, под руководством и при непосредственной помощи которых проходила публикаторская деятельность комиссий.

На первых порах главное внимание истпарты уделяли выявлению и сбору необходимых источников — воспоминаний, документов партийных, советских, профсоюзных и военных организаций, газетных материалов, фотографий, печатных изданий. К концу 20-х гг. Уралистпарт в основном завершил систематизацию архивных материалов за период Октябрьской революции и гражданской войны. Этой работой руководила специальная историческая комиссия под председательством профессора А. П. Танеева. В округах собирательскую работу вели уполномоченные истпартов. В 1929 г. в соответствии с решением ЦК ВКП(б) при Уралистпарте начал создаваться единый областной партийный архив. Здесь концентрировались партийные документы из всех округов. За два года облпартархиву были переданы дела 76 районов области, более 400 комплектов газет, значительное количество литературы³⁸.

Многие документы, касающиеся истории Октябрьской революции и в особенности социалистического строительства, откладывались в фондах государственных архивов. На Урале организация архивного дела на основе советского законодательства началась вскоре после изгнания белогвардейских оккупантов. В сентябре 1919 г. было образовано управление губернским архивным фондом в Екатеринбурге. В его задачу входили розыск, собирание и сохранность материалов упраздненных царских учреждений, учреждений Временного правительства и правительства Колчака, а также частных архивов и документов органов Советской власти. С помощью населения на складе бывшего акционерного страхового общества «Саламандра» удалось обнаружить 130 ящиков документов преимущественно по вопросам экономического развития края и управления горнозаводской промышленностью. Эти документы и составили основу губернского архива. Дело налаживалось с большим трудом: не доставало подходящих помещений, мало было квалифицированных кадров, готовых сотрудничать с Советской властью. В Екатеринбурге из-за некомпетентности местных руководителей и саботажа старых архивных работников были уничтожены дела советских учреждений за 1918—1922 гг., хранившиеся в подвале одного из домов по ул. Пушкина.

В Перми губернский архив начал функционировать с августа 1919 г. В отличие от Екатеринбургского архива в нем сосредоточивались главным образом материалы об административно-политической жизни Урала.

³⁸ ПАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 76.

В Челябинской губернии первоначально были открыты уездные архивы (например, в Шадринске на базе материалов Далматовского монастыря). А в сентябре 1921 г. в Челябинске при отделе народного образования организовался губернский архив. С середины следующего года сюда стали поступать материалы, принадлежавшие различным учреждениям и воинским частям. Всего было принято 58 фондов, в которых насчитывалось около 50 тыс. документов³⁹.

После образования в 1923 г. Уральской области управление архивным делом стало более централизованным. Был создан областной архив, которому подчинялись окружные архивные бюро. Из года в год архивохранилища пополнялись новыми, преимущественно советскими, документами и материалами, становясь опорными пунктами изучения краеведческой тематики. В Свердловском архиве в 1928 г. насчитывалось 317 фондов и около 400 тыс. дел, тогда как в конце 1919 г. было всего 20 фондов⁴⁰. Важно отметить, что в государственных архивах области по инициативе истпартов были созданы политсекции, которые занимались выявлением и систематизацией историко-революционных материалов.

Традиционным средством накопления исторических источников, привлечения общественности к собирательской и исследовательской деятельности оставалась краеведческая работа, которую организовывали музеи и добровольные краеведческие общества. В первые годы Советской власти продолжало действовать возникшее задолго до революции Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), занимавшееся изучением природных богатств и истории края. Общество располагало естественно-историческим музеем, научно-краеведческой библиотекой и обширным рукописным фондом. На основе материалов УОЛЕ организовался Уральский (затем Свердловский) областной краеведческий музей, который был поставлен на государственное обеспечение и в 1925 г. передан в ведение органов народного образования. С дореволюционного времени краеведческая работа велась в Перми и Красноуфимске, но по-настоящему развернулась только при Советской власти. В 1920—1924 гг. открылись новые музеи в Камышлове, Ревде, Верхнетуринске, Ирбите, Каменске-Уральском. В Челябинске в 1923 г. был организован губернский краеведческий музей. Образовались музеи на предприятиях, в высших учебных заведениях и воинских частях.

³⁹ См.: Жуков Л. Развитие архивного дела в Челябинской области за годы Советской власти // 40 лет советского архивного строительства в Челябинской области. Челябинск, 1958. С. 18.

⁴⁰ См.: Бубнов В. 40 лет государственных архивов Свердловской области // 40 лет государственных архивов Свердловской области. Свердловск, 1958. С. 9.

В старых музеях на первых порах преобладало стремление к собиранию письменных и вещественных памятников далекого прошлого. Но очень скоро главным объектом краеведческой работы стала эпоха Великого Октября. В апреле 1921 г. в Екатеринбурге работал 1-й съезд уральских краеведов, который наметил пути перестройки музейного дела в соответствии с задачами социалистического строительства. При этом особое внимание обращалось на необходимость выявления и пропаганды историко-революционных документов. На 2-м съезде в октябре 1924 г. было образовано Уральское областное бюро краеведения под председательством Я. А. Итомина. Оно наметило ряд конкретных мер с целью коренным образом изменить содержание краеведческой работы и привлечь к ней широкую общественность. Так, музеи получили специальные программы, касающиеся сбора воспоминаний и других свидетельств революционного прошлого края.

Интерес исследователей к проблемам борьбы за установление и упрочение Советской власти на Урале заметно возрос в связи с 10-летием Октябрьской социалистической революции. К этой дате была приурочена широкая политическая кампания, в которой приняли активное участие общественные организации, научные и культурно-просветительные учреждения, в частности музеи. Показательна деятельность Свердловского музея революции, возникшего в 1927 г. по инициативе истпарта и систематически организовывавшего выставки к памятным революционным датам.

Значительный подъем собирательской и исследовательской работы в области историко-революционной проблематики вызвало постановление Центрального Комитета партии «Об издании истории гражданской войны», принятое в июле 1931 г.⁴¹ Главная редакция издания во главе с А. М. Горьким поставила перед историками задачу создать многотомное научно-популярное исследование, которое с наибольшей полнотой отразило бы ход борьбы за установление и упрочение Советской власти как в целом, так и в отдельных республиках и районах страны.

Эта задача решалась при участии широкой общественности. Для содействия изданию на местах были созданы специальные комитеты и комиссии из представителей партийных организаций, различных обществ, объединявших ветеранов революции и гражданской войны, научных и архивных учреждений, политорганов Красной Армии. Они собирали материалы, привлекали к собирательской и публикаторской работе активных участников событий, осуществляли массовую пропаганду героических подвигов советских людей в период борьбы с белогвардейцами и интервентами. Такой комитет содействия возник и в Свердловске при истпарте по инициативе Уралобкома ВКП(б). В других крупных городах и

⁴¹ См.: Правда. 1931. 31 июля.

заводских поселках Урала организовались соответствующие комиссии.

Истпарту и комитету содействия изданию истории гражданской войны удалось сплотить работоспособный общественный актив, насчитывавший свыше 100 человек. В 1932—1933 гг. при участии общественности было проведено 23 совещания, на которых обсуждались планы издания литературы, рукописи книг, воспоминаний и другие материалы. С этой же целью предпринимались выезды на места — в Пермь, Чусовую, Лысьву, Нижний Тагил, Уфалей, Магнитогорск⁴².

Совместно с комитетом содействия истпарт приступил к работе над трехтомной историей гражданской войны на Урале. В 1933 г. бригада исследователей — Ф. И. Решетов, Г. П. Рычкова, Ф. П. Быстрых, М. И. Алексеев — уже трудилась над составлением первого тома, который охватывал период Октябрьской революции и начало гражданской войны. Одновременно велась разработка истории Красной гвардии и наиболее известных частей Красной Армии Камышловского, Крестьянского коммунистического Красных Орлов, Кизеловского, Верхнекамского полков, отрядов В. К. Блюхера. Группа сотрудников истпарт под руководством С. С. Моисеева работала над составлением хроники революционных событий.

Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, историки попытались вскрыть закономерности революции, определить ее движущие силы, воссоздать историю Советов и других организаций трудящихся, показать руководящую роль Коммунистической партии в мобилизации революционных масс на борьбу за установление диктатуры пролетариата.

Видное место в историографии 20-х гг. занимала литература по истории гражданской войны. Некоторые принципиальные вопросы темы, касавшиеся классового содержания войны, особенностей Красной Армии как армии нового типа, значения морально-политического фактора для достижения победы над контрреволюцией, сущности партийного руководства обороной страны, были разработаны в трудах выдающихся военачальников. Издательства Москвы и Ленинграда выпустили первые обобщающие работы⁴³. Появились тематические исследования, посвященные отдельным проблемам истории гражданской войны и военной интервенции⁴⁴.

⁴² ПАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 77—78.

⁴³ См.: *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны. 1917—1920. Л., 1925; *Какурин Н.* Как сражалась революция. М.; Л., 1925. Т. 1; 1926. Т. 2.

⁴⁴ См.: *Городнев А.* Очерки Красной Армии. М., 1924; *Левидов М.* К истории союзной интервенции. Л., 1925; *Субботовский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926; *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам: Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.; Л., 1927; *Петухов И.* Партийная организация и партийная работа в РККА. М.; Л., 1928.

Издавалась литература о революционном движении, о борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией на востоке страны, в частности на Урале, в его национальных районах⁴⁵.

В произведениях историков 20-х гг. был обобщен и проанализирован большой фактический материал. Это дало возможность конкретизировать важнейшие положения ленинской концепции относительно причин, характера и целей гражданской войны, расстановки классовых сил и политических партий на ее различных этапах, основных направлений военной, экономической, социальной и международной политики Советского государства. Была точно установлена ответственность иностранных империалистов за организацию военных действий против нашей страны, показана реальная роль российской контрреволюции, буржуазно-помещичьих и мелкобуржуазных партий. Историки правильно поняли величайшие преимущества рожденного революцией нового общественного строя, которые обеспечили ему победу над силами международного империализма.

Конечно, ленинское идейное наследие не сразу заняло подобающее место в советской исторической науке, не сразу сложилась и научная методология и методика исследования. В оценке характера, движущих сил, основных этапов Октябрьской революции и гражданской войны не допускались и серьезные ошибки. Многие были неясны из-за недостатка фактического материала, но даже определение главных событий указанного периода и попытка правильно их осмыслить составляли существенный вклад в историографию.

Публикаторская деятельность истпартов и краеведческих обществ на Урале выразилась первоначально в издании воспоминаний, отдельных документов и популярных брошюр. В 1919—1920 гг. в Уфе были опубликованы два сборника под общим названием «Уфимский октябрьский сборник». В нем со слов очевидцев описывался ход борьбы за установление Советской власти на заводах Южного Урала. Аналогичный сборник, вышедший годом позднее в Екатеринбурге, носил комбинированный характер⁴⁶. Он состоял из статьи, посвященной деятельности Екатеринбургского Совета в период проведения Октябрьской революции, воспоминаний активных участников событий П. М. Быкова, Р. И. Берзина и др., а также документов, относящихся к истории колчаковщины. К 5-й годовщине Октябрьской революции был приурочен сборник, изданный в Тюмени⁴⁷. Отдельными изданиями вышли воспомина-

⁴⁵ См.: *Атнагулов С.* Башкирия. М.; Л., 1925; *Гай Г.* Первый удар по Колчаку: Военно-ист. очерк. М., 1926; *Борьба за Урал и Сибирь.* М.; Л., 1928; *Колчаковщина: Из белых мемуаров.* Л., 1930.

⁴⁶ См.: *Рабочая революция на Урале: Эпизоды и факты.* 1917—1921 гг. Екатеринбург, 1921.

⁴⁷ См.: *Октябрьский сборник.* Тюмень, 1922.

ния В. Быкова, М. Голубых, И. Онуфриева, в которых рассказывалось о борьбе с контрреволюцией в годы гражданской войны⁴⁸. Значительной работой Уралистанта явился сборник статей, воспоминаний и документов под названием «Колчаковщина»⁴⁹. В 1927—1928 гг. в связи с 10-летием Октябрьской революции и гражданской войны местные издательства выпустили в свет брошюры А. Ослоновского и А. Орлова, П. М. Быкова, А. Баранова⁵⁰. Помимо фактического материала они содержали некоторые соображения об особенностях развития социалистической революции на Урале, об основных направлениях советского, хозяйственного и военного строительства. Большую работу по изучению и обобщению источников провел А. П. Таняев. В 1927 г. под его редакцией Уралпрофсовет издал обширную документальную публикацию, посвященную положению и классовой борьбе рабочих Урала накануне и в период Октября⁵¹. Во вводной статье содержались интересные высказывания о социально-экономических факторах революции⁵². Затем, используя материалы архива истпарт, А. П. Таняев издал сборник документов и исследование о жизни уральских рабочих под игом колчаковской диктатуры⁵³.

Литература по истории Октябрьской революции и гражданской войны издавалась и в других городах Урала. Активно продолжал публиковать различные материалы Уфимский истпарт⁵⁴. Обращает на себя внимание юбилейный сборник «Пройденный путь». Статья А. Кийкова, помещенная в нем, касалась экономики Южного Урала и Приуралья периода империалистической и гражданской войн. Автор привел конкретные сведения о положении про-

⁴⁸ См.: *Быков В.* Подполье. Екатеринбург, 1923; *Голубых М.* Уральские партизаны. Екатеринбург, 1924; *Онуфриев И.* Гражданская война на Урале: Воспоминания бывшего комбрига. Свердловск, 1925.

⁴⁹ См.: *Колчаковщина: Сб. статей, воспоминаний и док.* Екатеринбург, 1924.

⁵⁰ См.: *Ослоновский А., Орлов А.* Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск, 1927; *Быков П. М.* Красная Армия в борьбе за Урал. Свердловск, 1928; *Баранов А.* Октябрь и начало гражданской войны на Урале. Свердловск, 1928.

⁵¹ См.: *Рабочий класс Урала в годы войны и революции: Док. и матер.: В 3 т.* Свердловск, 1927.

⁵² Впоследствии А. П. Таняев издал эту статью отдельной брошюрой под названием «Рабочее движение на Урале в годы империалистической войны» (М.; Свердловск, 1931).

⁵³ См.: *Колчаковщина на Урале. 1918—1919 гг.: В док. и матер.* Свердловск, 1929; *Таняев А.* Колчаковщина на Урале (1918—1919). Свердловск; М., 1930.

⁵⁴ См.: *Революционное прошлое. Уфа, 1923; Былое Урала. Уфа, 1924. № 3, 4; Кийков А.* Южный Урал и Предуралье в годы империалистической и гражданской войн // *Пройденный путь: К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Уфа, 1927; Тупеев Ш. И.* Основные этапы в истории национального движения в Советской Башкирии (1917—1929). Уфа, 1929; *Он же.* Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930.

мышленности и сельского хозяйства, имущественном расслоении крестьянства. Отдельные материалы об участии трудящихся Башкирии в Октябрьской революции содержались в работах Ш. И. Типеева: Не претендуя на полноту отражения фактической стороны событий, автор стремился раскрыть классовое содержание национального движения на разных этапах его развития. Ш. И. Типеев решительно выступил против буржуазно-националистической концепции о бесклассовости башкирской нации. Он вскрыл социальную подоплеку контрреволюционности местной буржуазии и доказал закономерность перехода трудящихся масс на сторону Советской власти.

Работы истпартов и краеведческих обществ по историко-революционной тематике были изданы также в Ижевске, Перми, Златоусте, Тюмени, Ишиме, Вятке, Сарапуле, Оренбурге, Верхнеуральске, Шадринске⁵⁵. В них помимо воспоминаний имелись и исследования. Так, в сборнике Златоустовского истпарта была помещена статья С. Шапурина и К. Петрова «Экономика Южного Урала», написанная на основе изучения статистики и других источников. Авторы предприняли серьезную попытку проанализировать движущие силы Октябрьской революции в регионе. Здесь же был опубликован исторический очерк С. Шапурина «Годы борьбы» о деятельности партийных организаций Южного Урала, особенно большевиков Симского горного округа по сплочению своих рядов, подготовке пролетарских масс к революции. В юбилейном сборнике, вышедшем в Вятке, рассматривалось партийное руководство трудящимися массами в годы революции и гражданской войны. Этой теме посвящалась статья А. Новоселова. В статье Н. Городиловой содержался интересный материал о борьбе большевиков за установление Советской власти в уездах Вятской губернии.

Исследования, развернувшиеся после принятия Центральным Комитетом партии постановления «Об издании истории гражданской войны», опирались на более прочную теоретическую и источниковую базу. Историки чаще обращались к работам Ленина, директивным документам партии и правительства. Большое значение имело начало издания эпистолярного наследия Ленина 1917—1920 гг., которое содержало ценнейшие сведения о мерах по организации отпора контрреволюции на Восточном фронте и, в частнос-

⁵⁵ См.: Октябрь на Южном Урале. Златоуст, 1927; Октябрь и гражданская война в Вятской губернии. Вятка, 1927; Ижевск в огне гражданской войны: Из истории революционного движения ижевских рабочих (1917—1918 гг.). Ижевск, 1927; Десять лет Советской власти в Ишимском округе (1917—1927). Ишим, 1927; Десять лет Советской власти в Сарапульском округе (1917—1927). Сарапул, 1927; Пройденный путь: Ист.-полит. и лит. сб. Верхнеуральск, 1927; Пролетарская революция в Оренбурге. 1917. Оренбург, 1927; *Кашеваров М. С.* Красная страничка из истории 4-го Уральского полка. Шадринск, 1928; *Он же.* Борьба за Советы на Урале // Исетский край. Шадринск, 1931.

ти, об укреплении обороны Урала⁵⁶. В оборот начали активно вовлекаться архивные материалы. Все это обеспечило сравнительно высокий уровень обобщающих исследований, которые появились в первой половине 30-х гг. Наиболее показательна книга А. Голубева, посвященная событиям гражданской войны⁵⁷. В ней правильно охарактеризованы причины войны, ее движущие силы, основные этапы, с ленинских позиций вскрыты источники победы над интервентами и белогвардейцами. Из публикаций на местную тематику, изданных в центре, следует назвать воспоминания П. И. Студитова-Парфенова о революционных событиях в Лысьве и брошюру Ф. Попова о борьбе с дутовщиной⁵⁸. Изучением истории оренбургского казачества накануне и в период Октябрьской революции активно занимался С. М. Петров⁵⁹.

В 1932 г. журнал «Уральский коммунист» — орган Уралобкома ВКП(б) — опубликовал статью заместителя заведующего истпартотом Ф. Решетова «Создадим большевистскую историю гражданской войны на Урале». Автор призывал исследователей показать выдающиеся заслуги Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, В. И. Ленина, местных партийных организаций в мобилизации трудящихся на борьбу с интервентами и белогвардейцами, воссоздать историю формирования и боевого пути частей и соединений Красной Армии. Ф. Решетов сообщал, что истпарт совместно с комитетом содействия приступил к работе над созданием обобщающего труда по истории гражданской войны на Урале⁶⁰.

В соответствии с намеченным планом Уралистпарт выпустил в Свердловске несколько тематических публикаций⁶¹. Существенным вкладом в историографию Октябрьской революции и гражданской войны на Урале явились работы Г. П. Рычковой, особенно ее книга о Красной гвардии, написанная на основе изучения опубликованных источников и архивных материалов, широкого использования произведений В. И. Ленина, что обеспечило высокий научный уровень исследования. Г. П. Рычкова отметила, что уральский про-

⁵⁶ См.: *Ленин В. И.* Из эпохи гражданской войны: Письма, документы, распоряжения. М., 1934.

⁵⁷ См.: *Голубев А.* Гражданская война 1918—1920 гг. М., 1932.

⁵⁸ См.: *Студитов-Парфенов П. И.* От стачек к Октябрю: Воспоминания рабочего Лысьвенского завода. М., 1935; *Попов Ф.* Дутовщина: Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае. Самара, 1934.

⁵⁹ См.: *Петров С. М.* Борьба с дутовщиной // *Борьба классов*. 1934. № 4; *Он же.* Борьба с дутовщиной: (первый этап, 1917 и янв 1918 г.). Челябинск, 1937.

⁶⁰ См.: *Уральский коммунист*. 1932. № 8. С. 34—36.

⁶¹ См.: *Рычкова Г. П.* Лысьва: Очерк по истории революционного движения в Лысьвенском заводе. Свердловск; М., 1932; *Она же.* Красная гвардия на Урале. Свердловск; М., 1933; *Бажов П.* Бойцы первого призыва. Свердловск, 1934; *Он же.* Формирование на ходу: К истории Камышловского 254-го 29-й дивизии полка. Свердловск, 1936.

летариат во главе с большевиками проявил большую энергию в создании вооруженных сил революции, что с их помощью он активно боролся за установление Советской власти и осуществление социально-экономических преобразований. Вооруженные рабочие, писала она, составили основу добровольческих, а затем регулярных частей Красной Армии, которые взяли на себя оборону Урала от интервентов и белогвардейцев в период гражданской войны. Достоинство книги в том, что местные события освещались в ней в органической связи с общим развитием революции.

Публикация литературы по истории Октябрьской революции и гражданской войны продолжалась и в национальных районах. Были изданы, в частности, работы по Удмуртии⁶². Серьезное для своего времени исследование написал Ф. П. Макаров. На материалах статистики он рассмотрел характер социальных отношений в Удмуртии накануне Октября и убедительно показал, что здесь, как и в других районах страны, имелись политические силы в лице рабочих, солдат и беднейших крестьян, на которые могли опереться большевики в борьбе за победу социалистической революции. Вместе с тем автор отмечал серьезные трудности, возникавшие перед Советской властью в ходе гражданской войны. Башкирские историки занялись изучением материалов о легендарном походе уральских партизан под командованием В. К. Блюхера по тылам белых. Этой теме были посвящены изданные в начале 30-х гг. воспоминания участников похода и брошюра И. Недолина⁶³. Здесь впервые приводились сведения о структуре, социальном и национальном составе блюхеровских отрядов, об их командирах и партийных организаторах, прослеживался боевой путь партизан, анализировались наиболее крупные сражения.

Ряд статей, содержащих большой фактический материал по различным вопросам истории Октябрьской революции и гражданской войны на Урале, был опубликован в центральных журналах «Пролетарская революция», «Борьба классов», «История пролетариата СССР», «Проблемы экономики», а также в журнале «Уральский коммунист» и других местных периодических изданиях.

3. Изучение социально-экономических и политических проблем истории Октябрьской революции на Урале.

В перечисленных публикациях история советского Урала связывалась прежде всего с событиями Великой Октябрьской социалистической революции. Опираясь на марксистско-ленинскую тео-

⁶² См.: Макаров Ф. П. Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932; Максимов В. А. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание (1918 г.). Ижевск, 1933; Он же. Октябрь в Удмуртии. Ижевск, 1935.

⁶³ См.: Гражданская война в Башкирии: Сб. воспоминаний. Уфа, 1932; Недолин И. Рейд Блюхера. Уфа, 1932.

рию, уральские историки попытались показать закономерности революции, ее движущие силы, подчеркнуть руководящую роль большевистских организаций в мобилизации трудящихся масс на борьбу за власть Советов. И хотя в то время в историографии еще не сложилась полностью научная концепция Великого Октября, ее важнейшие элементы просматривались довольно отчетливо.

Чрезвычайно интересны отдельные высказывания об экономических условиях, в которых вызревала революционная ситуация на Урале⁶⁴. Однако этот вопрос, требующий основательного знания произведений классиков марксизма-ленинизма, широкой научной эрудиции, использования большого статистического материала, в основном не был решен. В то время историки еще не усвоили в полной мере ленинского учения об империализме как кануне пролетарской революции, не имели конкретного представления о формировании материально-технической базы нового общества в недрах империалистической экономики.

Гораздо конкретнее и глубже исследователи 20-х — первой половины 30-х гг. осмыслили субъективные факторы революции, и прежде всего решающую роль рабочего класса в свержении власти капиталистов и помещиков. Они признавали пролетарский характер массового движения на Урале в канун Октября. А. Ослоновский и А. Орлов справедливо называли Урал «местом, где имелись мощные революционные организации рабочего класса, прочно связанные с большевистской партией», и считали, что «уральский рабочий активнее, чем где-либо, вел борьбу с буржуазией и Временным правительством»⁶⁵. О материально-бытовом и правовом положении уральского пролетариата, его классовых организациях, методах экономической и политической борьбы с правительством и горнозаводчиками много писал А. П. Таняев.

Наиболее ярким проявлением революционного творчества трудящихся масс было создание Советов рабочих и солдатских депутатов. В исторической литературе 20-х — первой половины 30-х гг. этой теме уделялось большое внимание. Относительно подробно была освещена хозяйственно-организаторская и административная деятельность крупнейшего на Урале Екатеринбургского Совета. На его примере раскрывалась реальная правомочность рабочих организаций, которые действовали как революционная власть: вводили явочным порядком восьмичасовой рабочий день на предприятиях, энергично вмешивались в конфликты между трудящими-

⁶⁴ См.: *Таняев А. П. Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны // Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах: В 3 т. Свердловск, 1927. Т. 1. С. 15.*

⁶⁵ *Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. С. 27.*

ся и предпринимателями, занимались продовольственным снабжением населения, решали зачастую и земельные вопросы.

Исследователи отмечали, что в предоктябрьский период развития революции действия Советов были наиболее радикальными в производственной сфере. Они выразились в установлении рабочего контроля над производством. Особую активность в этом отношении показывали те заводские Советы, где преобладало влияние большевиков. По свидетельству Ф. Вдовина, на заводах Симского горного округа рабочий контроль охватывал все производство, начиная с заготовки сырья и кончая сбытом продукции. Совет рабочих депутатов здесь «далеко до Октября в значительной мере овладел заводами», являлся фактическим органом власти, и инженеры округа вели с ним борьбу «как со вторым и незаконным хозяином завода»⁶⁶. Историки, в частности Ш. Типеев, А. Баранов, С. Шапурин, выделяли лидирующую роль заводских Советов Миньяра, Сима, Аша-Балашева, Усть-Катава в развитии революционной борьбы на Южном Урале. В работах Г. П. Рычковой и П. И. Студитова-Парфенова дана высокая оценка деятельности Лысьвенского Совета рабочих депутатов. Имея в Совете преобладающее влияние, большевики, несмотря на упорное сопротивление соглашателей, сумели сделать его единственной властью на заводе⁶⁷.

Важно подчеркнуть, что исследователи верно ставили революционный характер деятельности Советов, их готовность и способность взять в свои руки всю полноту политической власти в прямую зависимость от партийного состава этих организаций трудящихся. Закономерно был поставлен вопрос: почему в некоторых промышленных центрах Урала меньшевики и эсеры пользовались значительным влиянием накануне Октября? Отмечались разные причины. Например, П. М. Быков считал, что эсеровскую партию в Советах поддерживали солдатские фракции, которые численно превосходили рабочих⁶⁸. По мнению С. Моисеева, уральский пролетариат не сразу приобрел опыт строительства своих классовых организаций, чем и воспользовались политические противники большевиков⁶⁹. Некоторые авторы указывали на организационную слабость самих большевистских ячеек, только что вышедших из подполья.

⁶⁶ Вдовин Ф. Миньярцы: (дореволюционное) // Октябрь на Южном Урале. С. 78.

⁶⁷ См.: Рычкова Г. П. Лысьва: Очерк по истории революционного движения в Лысьвенском заводе. С. 81—82; Студитов-Парфенов П. И. От стачек к Октябрю: Воспоминания рабочего Лысьвенского завода. С. 62.

⁶⁸ См.: Быков П. М. На пути к Октябрю // Округ. 1927. № 21. С. 14.

⁶⁹ См.: Моисеев С. Начало большевизации Советов на Урале // Уральский коммунист. 1929. № 16. С. 36.

Серьезную попытку разобраться в объективном существе проблемы предприняли удмуртские историки Ф. П. Макаров и В. А. Максимов. На примере ижевских заводов они показали, что социальной базой соглашательской идеологии являлись привилегированная верхушка рабочих, составлявшая своеобразную рабочую аристократию, а также более широкие слои заводского населения, связанные с землей, с подсобным хозяйством. Статистическими выкладками этот важный вывод не обосновывался. Лишь из доклада делегата V Всероссийского съезда Советов наркому внутренних дел, который В. А. Максимов использовал в своей работе, следовало, что на ижевских заводах плохо оплачиваемые «чистые пролетарии» составляли к октябрю 1917 г. 60% рабочих⁷⁰. Исследователи отмечали существенные изменения в составе рабочего класса в связи с империалистической войной. Присланные из центра квалифицированные рабочие активизировали революционное движение на ижевских заводах. Однако более многочисленная группа зажиточно-кулацких элементов, укрывавшихся здесь от мобилизации, способствовала распространению мелкобуржуазной идеологии.

Некоторые историки неправомерно абсолютизировали аграрные отношения на заводах Урала, распространяя их на все категории заводского населения. В литературе 20-х гг. появилась ошибочная теория о мелкобуржуазной природе уральского пролетариата, объективно приводившая к смещению социальных различий между трудящимися города и деревни, к отрицанию гегемонии пролетариата в социалистической революции. В той или иной мере эта теория оказала влияние на взгляды А. Бессоновой, Е. Гольдич, С. Моисеева и др. Ее принимал даже такой высококвалифицированный историк, как А. П. Таняев, работы которого отличались научной глубиной и обстоятельностью. Однако, признавая полукрестьянское положение уральского пролетариата, он не подвергал сомнению пролетарский в целом характер рабочего движения на Урале. По мнению исследователя, мелкобуржуазная стихия затрагивала лишь наиболее отсталые слои заводского населения, а аграрные требования были строго побочными по отношению к общим чисто рабочим требованиям⁷¹.

Уже в 20-е гг. предпринимались попытки доказать несостоятельность теории о мелкобуржуазной социальной природе пролетариата Урала. В частности, историческая секция Башкирского истпарт опубликовала в 1925 г. материалы о событиях первой русской революции на Южном Урале, где в результате анализа зависимости политической активности рабочих от их обеспеченности

⁷⁰ См.: Максимов В. А. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание (1918 г.). С. 9.

⁷¹ См.: Таняев А. П. Уральский рабочий накануне и в период 1905 г. // Металлисты Урала накануне и в период 1905 г. Свердловск, 1926. С. 11.

землей был сделан вывод, что «земельный фактор... решающей роли не играл»⁷². С. Шапурин и К. Петров ставили под сомнение сколько-нибудь серьезную роль аграрных отношений в хозяйственной жизни заводского населения. Из использованных ими «Историко-статистических таблиц деятельности уфимских земств» вытекало, что количество надельной земли на одного рабочего в среднем составляло 0,75 дес., тогда как для минимальной земельной обеспеченности крестьянского хозяйства необходимо было 5—6 дес.⁷³.

Неоднородность состава уральского пролетариата отмечала и Г. П. Рычкова. Она высказала важное соображение относительно зависимости социального облика рабочего от типа предприятия, на котором он работал. Связь с землей и восприимчивость к мелкобуржуазной идеологии, по утверждению автора, свойственны рабочим отсталых заводов, где сохранились крепостнические пережитки. Однако на Урале имелись заводы «с высоко поставленной техникой, являвшиеся чисто капиталистическими предприятиями». Соответственно и характер пролетариата здесь был иной⁷⁴.

Для правильного понимания хода событий в октябре 1917 г. необходимо было выяснить и революционные возможности крестьянства. В литературе 20-х — первой половины 30-х гг. этот вопрос связывался прежде всего с социальной дифференциацией деревни Урала накануне революции. Историки изучили различные статистические материалы по аграрным районам края. Так, Ф. П. Макаров, воспользовавшись данными сельскохозяйственной переписи 1918 г. об обеспеченности рабочим скотом хозяйств Глазовского уезда, где был наивысший процент удмуртского населения, показал глубокое имущественное расслоение крестьянства Вятской губернии и установил соотношение его основных социальных групп. Безлошадные и однолошадные хозяйства, т. е. беднота, составляли здесь 44,8% всех дворов. Зажиточных и кулацких дворов, владевших тремя и более лошадьми, насчитывалось 15—17%. На долю середняков (в основном двухлошадные хозяйства) приходилось 37,3% дворов⁷⁵. На основе анализа арендных отношений исследователь показал процесс превращения основной массы беднейшего крестьянства, как он выразился, используя ленинскую терминологию, в батраков с наделом, в сельский пролетариат.

Достаточно много внимания историки уделили имущественному положению крестьянства Уфимской губернии, а также всей Баш-

⁷² Материалы к истории боевых дружин // Революционные события 1905 г. в Уфе и уральских заводах. Уфа, 1925. С. 127.

⁷³ См.: Шапурин С., Петров К. Экономика Южного Урала // Октябрь на Южном Урале. С. 7.

⁷⁴ См.: Рычкова Г. П. Красная гвардия на Урале. С. 61.

⁷⁵ См.: Макаров Ф. П. Октябрь и гражданская война в Удмуртии. С. 13.

кирии. Для изучения этого вопроса были использованы сельскохозяйственные переписи, экономические обзоры Уфимской губернии, материалы Башкирского ЦСУ. Статистика дала возможность А. Кийкову, Ш. Типееву, С. Атнагулову и другим исследователям наглядно отобразить соотношение основных групп деревенского населения. Они подчеркнули возрастание удельного веса неимущих и малоимущих слоев крестьянства. По подсчетам А. Кийкова, в Уфимской губернии в 1917 г. было 45% малоземельных и 7% безземельных батрацких хозяйств⁷⁶. Интересная постановка вопроса дана в статье С. Шапурина и К. Петрова. Здесь не только показана степень имущественной дифференциации крестьянства, но и выявлены те его социальные элементы, которые в силу своего экономического положения могли стать союзниками пролетариата в революции. Это прежде всего безземельные батраки, которые накануне революции составляли 16,6% общего числа дворов (речь идет о Златоустовском уезде), затем неимущие крестьяне казачьих районов, или так называемые разночинцы, и наконец, резерв революции — батраки-припущенники, т. е. малоземельные крестьяне, которые вели упорную борьбу с башкирами-вотчинниками, владевшими большими излишками земли⁷⁷.

Таким образом, в литературе наметилось понимание того, что борьба обездоленных масс крестьянства за землю являлась составной частью общего революционного движения. Некоторые историки, например А. Баранов, считали, что размах этой борьбы зависел от влияния пролетарских центров⁷⁸. В целом же ленинская концепция союза рабочего класса с беднейшим крестьянством в социалистической революции воспринята не была. Что касается отдельных высказываний о значении пролетарского влияния в деревне, то они носили отвлеченный характер и не подкреплялись какими-либо документальными свидетельствами.

Анализируя соотношение сил революции и контрреволюции накануне и в период Октября, исследователи особо заинтересовались казачьими районами Урала. Они отметили, что революционное движение развивалось здесь в более сложных условиях, чем в крестьянской округе, что было обусловлено привилегированным положением казачества, живучестью в его среде реакционно-кастовых традиций, сильным влиянием кулацко-офицерской прослойки. Главной привилегией казаков являлась относительно высокая по сравнению с крестьянами земельная обеспеченность. Ф. Попов приводит такие данные: если казачье население Оренбургской гу-

⁷⁶ См.: *Кийков А.* Южный Урал и Предуралье в годы империалистической и гражданской войн. С. 5.

⁷⁷ См.: *Шапурин С., Петров К.* Экономика Южного Урала. С. 19.

⁷⁸ См.: *Баранов А.* Октябрь и начало гражданской войны на Урале. С. 35.

бернии в 1917 г. на одного едока в среднем имело 9,4 дес. земли, то крестьянское — лишь 2,9 дес.⁷⁹.

Отличительной особенностью литературы, посвященной роли казачества в революции, является стремление раскрыть социальную структуру этого сословия. Неоднородность его классового состава отмечал Ф. Попов. Другой историк дутовщины С. М. Петров писал: «Будучи втянуто, как и все остальное население России, в общий капиталистический товарооборот страны, казачество неизбежно дифференцировалось»⁸⁰. Выделив две социальные группы — кулацко-зажиточную и бедняцкую, он квалифицировал первую как опору дутовщины, а вторую — как благоприятную среду для большевистского влияния. По его мнению, к 1917 г. бедняцкая прослойка составляла 35—40% казачьего населения⁸¹. Г. П. Рычкова более четко определяла социальные группы казачества Оренбуржья: кулачество, беднячество и середнячество. Причем в отличие от других исследователей она считала, что бедняцкие слои составляли сравнительно небольшую часть казачьего населения⁸². Следует признать важной саму постановку вопроса о наличии внутри привилегированного сословия малоимущих элементов, которым, как и беднейшим крестьянам, были близки идеи пролетарской революции. Что касается приведенных расчетов, то они весьма приблизительны, ибо основаны на статистических данных начала XX в.: Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. сводных материалов о казачьих хозяйствах Оренбургской губернии не содержала.

Рассматривая казачью бедноту как потенциального союзника пролетариата, историки вместе с тем отмечали ее недостаточную активность, неспособность на первых порах противостоять влиянию кулацко-офицерской верхушки. Представляется правильным утверждение Г. П. Рычковой, что основной революционной силой казачьей деревни выступало «батрацко-бедняцкое крестьянство», не имевшее земельных наделов, не входившее в казачье сословие и не скованное никакими привилегиями⁸³. Именно вокруг него сплывались малоимущие слои казачества.

В 20-х — первой половине 30-х гг. были сделаны первые шаги и в изучении истории освободительного движения нерусских народностей Урала, которое стало важной составной частью революционной борьбы трудящихся масс за свержение власти капи-

⁷⁹ См.: Попов Ф. Дутовщина: Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае. С. 16.

⁸⁰ Петров С. М. Борьба с дутовщиной. С. 61.

⁸¹ Цифра приводится без ссылки на источник. По-видимому, автор взял в расчет и часть средних элементов (см.: Петров С. М. Борьба с дутовщиной. С. 61).

⁸² См.: Рычкова Г. П. Красная гвардия на Урале. С. 65.

талистов и помещиков. Основным объектом исследования была Башкирия. Одними из первых и весьма активно башкирские историки начали публиковать материалы, посвященные революционному прошлому своего народа. Но не все они выступали с марксистских позиций. Так, в работах А. Абдуллина, А. Адигамова, А. Бишева, К. Идельгужина, М. Муртазина содержались серьезные ошибки в характеристике движущих сил революции в Башкирии, в оценке деятельности буржуазных националистов.

Большую роль в становлении марксистской историографии башкирского национально-освободительного движения сыграл Ш. И. Типеев, решительно выступавший против антинаучной теории о бесклассовости башкирской нации. В «Очерках по истории Башкирии» и особенно в работе «Основные этапы в истории национального движения в Советской Башкирии (1917—1929)», опубликованной в Уфе в 1929 г., историк на конкретных примерах раскрыл классовую сущность понятия «нация». По его наблюдениям, «до революции среди башкирского населения были на одном полюсе — башкирские кулаки, духовенство, представители зарождавшегося торгового капитала и их националистически настроенная интеллигенция, а на другом — башкирская беднота, батраки и наемные кулаки»⁸⁴. Влияние национальной буржуазии на освободительное движение объяснялось тем, что крестьянские массы находились на низком уровне экономического и культурного развития, а башкирский пролетариат практически отсутствовал.

Проблема национальных отношений в Удмуртии не стала предметом специального исследования. Удмуртские историки сделали на этот счет лишь ряд замечаний общего характера. Так, В. А. Максимов отметил наличие неустраимых противоречий между национальной буржуазией и беднейшим крестьянством. Буржуазия, писал он, стремилась использовать национально-освободительное движение в собственных целях, маскировала в нем свою контрреволюционность. Но беднота не пошла за провозглашенным ею лозунгом «классового мира». Он получил поддержку только в кулацкой прослойке деревни⁸⁵. Ф. П. Макаров высказался по данному вопросу более осторожно. Он признал значительное влияние местной буржуазии, которая старалась держать в зависимости массы беднейшего и среднего крестьянства, опираясь не только на свое экономическое преимущество, но и на пережитки феодально-родовой организации⁸⁶.

⁸³ См.: Рычкова Г. П. Красная гвардия на Урале. С. 65.

⁸⁴ Типеев Ш. И. Основные этапы в истории национального движения в Советской Башкирии (1917—1929). С. 131.

⁸⁵ См.: Максимов В. А. Октябрь в Удмуртии. С. 81—82.

⁸⁶ См.: Макаров Ф. П. Октябрь и гражданская война на территории Удмуртии. С. 13, 14.

Несмотря на правильное в основном понимание классовой сущности национального вопроса, исследователи того времени не сумели до конца осознать его роль в стратегии и тактике нашей партии, конкретно представить себе процесс превращения национально-освободительного движения из резерва буржуазии в резерв пролетариата.

Таким образом, были определены, хотя и недостаточно четко, движущие силы революции, исключая солдатские массы, которые активно выступали против империалистической политики буржуазии и помещиков, но пока остались вне поля зрения исследователей. Однако деятельность этих сил не представлялась целенаправленной, подчиненной задаче уничтожения эксплуататорского строя и установления диктатуры пролетариата. Историки даже не пытались осмыслить, какие объективные и субъективные факторы способствовали превращению разрозненных и разнородных антиимпериалистических течений в единую политическую армию социалистической революции.

Вместе с тем появились отдельные материалы, характеризующие работу большевистских организаций Урала по разоблачению соглашательской политики меньшевиков и эсеров, привлечению на свою сторону трудящихся масс. Как отмечали Г. П. Рычкова, С. Шапурин, С. Моисеев и другие авторы, подобная работа давала нужные результаты прежде всего на крупных заводах, где имелись прочные революционные традиции, многочисленный и сплоченный рабочий коллектив, боевая и влиятельная партийная ячейка. Большевики придавали очень важное значение завоеванию массовых организаций трудящихся, особенно Советов, и добились в этом значительных успехов. По мнению С. Моисеева, которое разделяли многие историки, росту влияния большевиков в Советах способствовал выдвинутый ими лозунг рабочего контроля над производством⁸⁷. В литературе сложилось представление, что во многих горнозаводских районах Урала процесс большевизации Советов начался раньше и закончился быстрее, чем даже в центре России. Это подтверждалось, в частности, ссылками на партийный состав II съезда Советов Урала, вошедшего в историю как первый большевистский областной съезд Советов в стране. А. Баранов охарактеризовал его как «лучший и бесспорный показатель большевизации Советов Урала»⁸⁸. Так же расценили съезд А. Ослоновский и А. Орлов, В. М. Быков, С. С. Моисеев, А. Бессонова.

Историки старшего поколения много писали о свершении Октябрьской революции на Урале, об установлении Советской власти и ее первых социально-экономических преобразованиях. Прежде

⁸⁷ См.: *Моисеев С.* К истории Октябрьской революции на Урале // Уральский коммунист. 1929. № 20. С. 38.

⁸⁸ *Баранов А.* Октябрь и начало гражданской войны на Урале. С. 14.

всего они, как уже говорилось, отметили тот факт, что во многих случаях переход власти в руки Советов осуществлялся мирным путем. Это объяснялось большевизацией масс еще до победы революции. С. Моисеев писал, что большевики за несколько месяцев до решающих событий одержали победу в Советах, полностью вытеснив соглашателей⁸⁹. По словам В. М. Быкова, благодаря упорной борьбе партии за массы «лозунги Октября еще задолго до переворота проводились в жизнь почти на всех уральских заводах»⁹⁰. Вместе с тем трудности в установлении единовласти Советов в ряде городов и заводских поселков, где преобладало мелкобуржуазное население, обуславливались значительным влиянием партий меньшевиков и эсеров. Это показал А. Баранов на примере заводов Южного Урала. Большевистские Советы Сима, Миньяра, Аша-Балашева, Усть-Катава, писал он, взяли власть без промедления. Но в Сатке, Кусе, Златоусте, Белорецке из-за соглашателей процесс большевизации Советов и сосредоточения в их руках всей полноты власти затянулся до марта 1918 г.⁹¹. А. Баранов отметил и такое серьезное препятствие на пути Советской власти на Южном Урале, как контрреволюционные выступления казачества. Советы Челябинска, Троицка, Оренбурга были большевистскими, но противостоять вооруженной силе казаков не могли. Им понадобилась помощь красногвардейских отрядов и революционных солдат.

Видный советский историк А. М. Панкратова, анализируя ход Октябрьской революции на местах, отнесла Урал к тем районам, где Советы «в процессе борьбы за рабочий контроль, за урегулирование продовольственного вопроса и т. п. приходили к фактическому установлению единовласти»⁹². Но она подчеркивала, что органами государственной власти даже эти Советы могли стать только в результате и на основе победы пролетариата в центре. К сожалению, уральские исследователи истории Октября не учли этого очень важного обстоятельства. Они не постарались понять роль местных событий в общем ходе социалистической революции, не приняли во внимание помощь Центрального Комитета большевистской партии рабочему классу, партийным организациям Урала в установлении и упрочении Советской власти.

В литературе рассматриваемого периода содержатся интересные высказывания о ходе советского строительства на Урале в первые месяцы после победы Октябрьской революции. Историки показали, по какому образцу формировался аппарат местной власти, какова была его структура, как он функционировал. При этом отме-

⁸⁹ См.: *Моисеев С.* К истории Октябрьской революции на Урале. С. 32.

⁹⁰ *Быков В. М.* Октябрь на Урале // *Уральский коммунист*. 1923. № 15. С. 29.

⁹¹ См.: *Баранов А.* Октябрь и начало гражданской войны на Урале. С. 32.

⁹² *Панкратова А. М.* Ленин и Советы в первый период диктатуры пролетариата // *Борьба классов*. 1934. № 1. С. 96.

чалась важная особенность: разрушая старую государственную машину, Советы использовали в интересах революции ее учетно-распределительный аппарат. Например, в Сарапульском уезде Вятской губернии упраздняемые волостные земские управы нередко превращались в хозяйственные отделы Советов⁹³. В Тюмени, как сообщает В. Кармашев, Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов использовал для своих нужд технический аппарат земской управы, городской думы и военно-промышленного комитета⁹⁴.

А. Ослоновский и А. Орлов, А. Баранов и другие исследователи отметили важную роль III областного съезда Советов, заседавшего 24—29 января 1918 г., в становлении советской государственности на Урале. Они пришли к выводу, что съезд закрепил объединение всех Советов Урала и утвердил единую областную власть. Процесс создания новых органов управления в области, по мнению А. Баранова, закончился в мае. Именно тогда был «разрушен старый аппарат власти и на его месте создан достаточно жизнеспособный советский...»⁹⁵.

Конечно, приведенные факты дают лишь самое общее представление о событиях тех лет. Процесс становления государственной организации диктатуры пролетариата на местах был гораздо сложнее и многограннее. Он протекал в условиях ожесточенного сопротивления эксплуататорских классов, старого чиновничества, острейшей борьбы большевистской партии с меньшевиками и правыми эсерами, которые и после революции некоторое время сохраняли позиции в Советах. Огромное значение для укрепления диктатуры пролетариата имело строительство Советов в деревне, а также объединение Советов крестьянских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов. Все эти вопросы не нашли отражения в литературе.

Проблема первых социально-экономических преобразований Советской власти на Урале в литературе 20-х — первой половины 30-х гг. была фактически сведена к национализации производства. История национализации уральской промышленности привлекала внимание исследователей, поскольку национализация горнозаводских округов имела исключительно важное значение не только для Урала, но и для страны в целом. Эта тема получила освещение в ряде статей, опубликованных в центральной периодической печати. Их авторы обратили внимание на форсированные темпы перехода от рабочего контроля к национализации производства на

⁹³ См.: Десять лет Советской власти в Сарапульском округе (1917—1927). С. 5.

⁹⁴ См.: Кармашев В. Советская власть в Тюмени в 1918 году и ее падение // Октябрьский сборник. С. 5.

⁹⁵ Баранов А. Октябрь и начало гражданской войны на Урале. С. 51. стр 10.

Урале. По мнению Б. Фрейдлина и М. Рубинчика, к началу 1918 г. крупные предприятия здесь в основном уже перешли в собственность государства. Постановления о конфискации имущества акционерных обществ таких крупных горных округов, как Богословский, Симский, Сергинско-Уфалейский, Невьянский и Кыштымский, были приняты в декабре 1917 — январе 1918 г.⁹⁶ Причину этого исследователи видели в обострении борьбы капиталистов против рабочего контроля, что выразилось в отказе управлять предприятиями, финансировать их, снабжать сырьем и топливом. Вместе с тем они правильно подчеркивали объективную закономерность процесса обобществления основных орудий и средств производства. Сроки и темпы национализации, писал Б. Фрейдлин, зависели от конкретных условий классовой борьбы, вопрос же о национализации был предreshен социалистическим характером Октябрьской революции и фактом завоевания диктатуры пролетариата⁹⁷.

Ведущие исследователи отметили характерную черту начального этапа социалистических преобразований в экономике. Во многих районах страны, в том числе на Урале, национализация производства начиналась снизу, по инициативе местных властей, а уж затем санкционировалась Советским правительством. И в этом, в частности, выражалась роль промышленного пролетариата как гегемона революции. М. Рубинчик писал: «В национализации находила свое проявление воля рабочего класса к овладению и экономическому руководству фабриками и заводами»⁹⁸.

Специально вопрос о национализации уральской промышленности был рассмотрен Я. Резвушкиным⁹⁹. На примере предприятий Южного Урала автор показал огромные трудности, которые приходилось преодолевать рабочему классу в деле организации новых производственных отношений. Империалистическая война пагубно отразилась на производственно-технической базе заводов. Остро ощущалась нехватка сырья и продовольствия. На многих предприятиях понизилась трудовая дисциплина, упала производительность труда. Преодоление этих отрицательных явлений стало первоочередной задачей органов рабочего управления.

В литературе, выпущенной местными издательствами, история национализации промышленности на Урале описывалась главным

⁹⁶ См.: *Фрейдлин Б.* Экспроприация фабрик и заводов после Октября // *Борьба классов.* 1933. № 11. С. 32; *Рубинчик М.* Рабочий контроль и национализация промышленности в первые месяцы Советской власти // *Пробл. экономики.* 1936. № 1. С. 100.

⁹⁷ См.: *Фрейдлин Б.* Экспроприация фабрик и заводов после Октября. С. 36.

⁹⁸ *Рубинчик М.* Рабочий контроль и национализация промышленности в первые месяцы Советской власти. С. 100.

⁹⁹ См.: *Резвушкин Я.* Национализация промышленности на Урале // *Пробл. экономики.* 1936. № 3. С. 167—183.

образом на примере отдельных предприятий. В общем плане эта тема исследована Е. Гольдич¹⁰⁰. В ее статье дано наглядное представление о том критическом положении, в котором оказалась уральская промышленность в результате хозяйственной разрухи, усугубленной злостным саботажем предпринимателей. Сопротивление буржуазии, создавшее угрозу полной дезорганизации производства, автор расценила как главную причину перехода от рабочего контроля к рабочему управлению, сбросив со счетов объективные предпосылки национализации. Это была серьезная теоретическая ошибка. Вместе с тем статья Е. Гольдич содержит интересный фактический материал, правдиво освещающий ход социалистических преобразований в экономике Урала. Особенно подробно рассмотрена проблема организации управления национализированными предприятиями. Автор показала, что в сравнении с дореволюционным периодом положение рабочего класса по отношению к производству стало иным. В связи с этим изменилась не только структура органов рабочего управления — деловых советов, но и их назначение: из органов совещательного характера они превратились в фактических распорядителей заводами.

К сожалению, национализацией производства ограничена в литературе 20-х — первой половины 30-х гг. социально-экономическая проблематика послеоктябрьского периода истории революции на Урале. Ни осуществления Декрета о земле, ни организации продовольственного дела, ни мероприятий Советской власти в области социального обеспечения, здравоохранения, народного образования и культуры истории не коснулись. Это придало несколько фрагментарный характер их исследованиям.

Истории дутовщины было уделено особое внимание. Исследователи попытались выяснить социальные истоки этого движения, его состав, причины политического и военного краха. Они убедительно доказали, что главной классовой опорой дутовщины являлись зажиточные казаки, в особенности офицеры, которые в победе социалистической революции усматривали угрозу своим эксплуататорским привилегиям. Как отмечали С. М. Петров и Г. П. Рычкова, на первых порах в ней приняли участие и более широкие слои казачьего населения, сбитые с толку антисоветской пропагандой. Даже станичная беднота, хотя и уклонялась от активных действий против Советской власти, проявляла колебания. По мнению Г. П. Рычковой, только казаки-фронтовики были твердыми сторонниками революции. Их поддерживали батрацко-бедняцкие массы крестьянских сел Южного Урала¹⁰¹. Исследователи под-

¹⁰⁰ См.: Гольдич Е. Октябрьский переворот на Урале // Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Свердловск, 1927. Т. 3. С. 16—23.

¹⁰¹ См.: Рычкова Г. П. Красная гвардия на Урале. С. 65.

няли вопрос о причастности башкирского населения к дутовщине. С. М. Петров полагал, что за Дутовым сознательно пошли лишь богатые башкиры-вотчинники, но, используя националистические предрассудки, они сумели временно увлечь за собой и часть трудящегося крестьянства¹⁰².

Анализируя причины первоначального успеха белогвардейцев, историки обратили внимание на ту позорную роль, которую сыграли в дутовщине мелкобуржуазные партии. Лишившись доверия рабочего класса, они пошли на открытое предательство интересов трудового народа и вступили в военный союз с махровой контрреволюцией¹⁰³.

В литературе достаточно объективно показано, как в ходе Октябрьской революции происходил процесс неуклонного постепенного размывания социальной базы белогвардейского движения на Южном Урале. Исследователи связывали его с политическими уроками антисоветского мятежа, который выявил коренное расхождение целей контрреволюции с интересами трудового казачества. Основная масса казаков, писал С. М. Петров, медленно, с трудом, с колебаниями, но все же начинала отходить от белогвардейцев¹⁰⁴. Важную роль сыграли здесь большая разъяснительная работа, которую развернула большевистская партия в казачьих станицах, а также успешные действия красновардейских отрядов против мятежников. Г. П. Рычкова считала, что к весне 1918 г. обозначился перелом в настроении трудящихся казаков, соотношение сил изменилось в пользу революции¹⁰⁵. Доказывая обреченность дутовщины, исследователи ссылались и на внешнеполитический фактор. По их мнению, в то время внутренняя контрреволюция еще не имела поддержки международного империализма, поэтому у нее не хватало сил, чтобы помешать триумфальному шествию Советской власти.

Решающую роль в разгроме дутовщины сыграл пролетариат, прежде всего рабочие уральских заводов, организованные в красновардейские отряды. Это признано большинством историков. С. М. Петров не соглашался с В. Владимировой в том, что исход борьбы решило само казачье население¹⁰⁶. По его мнению, роль революционных элементов казачества переоценивать не следовало¹⁰⁷. Однако признание данного факта не подтверждалось конкрет-

¹⁰² См.: *Петров С. М.* Борьба с дутовщиной: (первый этап, 1917 и янв. 1918 г.). С. 10.

¹⁰³ См.: *Попов Ф.* Дутовщина: Борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае. С. 27.

¹⁰⁴ См.: *Петров С. М.* Борьба с дутовщиной: (первый этап, 1917 и янв. 1918 г.). С. 115.

¹⁰⁵ См.: *Рычкова Г. П.* Красная гвардия на Урале. С. 78.

¹⁰⁶ См.: *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам: Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. С. 147.

¹⁰⁷ См.: *Петров С. М.* Борьба с дутовщиной: (первый этап, 1917 и янв. 1918 г.). С. 15, 16.

ным исследованием. В литературе слабо отразилась деятельность партийных организаций Урала по мобилизации революционных сил на дувольский фронт, не отмечалась и та большая помощь, которую оказали уральским большевикам Центральный Комитет партии, В. И. Ленин в борьбе за упрочение Советской власти.

4. Проблемы вооруженной защиты и упрочения Советской власти на Урале в исторической литературе

История Урала периода гражданской войны и интервенции подверглась основательному изучению. Неподдельный интерес вызывало величие народного подвига, совершенного во имя защиты завоеваний Октября. Внимание исследователей привлекла прежде всего проблематика вооруженной борьбы рабочих и крестьян с контрреволюцией, создания и укрепления основных фронтов, в том числе Восточного, строительства Красной Армии, ее боевой деятельности. В той или иной мере она была проанализирована в общих исследованиях по истории гражданской войны. Специально ею занимались Н. Какурин, Г. Гай, А. Баранов, П. М. Быков, М. С. Кашеваров. Важнейшие мероприятия партии по мобилизации сил на борьбу с белочехами рассмотрены в работах А. Анишева, А. Голубева, Г. П. Рычковой.

А. Анишев, как и другие историки, отмечал, что в начале войны войска белогвардейцев и интервентов превосходили войска Республики Советов не только в техническом отношении, но и в умении воевать. В связи с этим важное значение имел переход от добровольческих отрядов трудящихся к армии регулярного типа. Ссылаясь на воспоминания Р. И. Берзина, А. Анишев коротко рассказал о приезде на Урал представителей Высшей военной инспекции, об образовании Северо-Урало-Сибирского фронта, о создании на Волге и Урале регулярных частей и соединений Красной Армии. Улучшение организационного и политического руководства армиями Восточного фронта, повышение их боеспособности справедливо связывалось с массовыми мобилизациями коммунистов, проведенными в соответствии с постановлениями Центрального Комитета РКП(б). В тот момент, пишет А. Анишев, на восток было обращено все внимание нашей партии. В этом заключалась правильная оценка решающего значения Восточного фронта для существования Республики Советов.

История борьбы с чехословаками и белогвардейцами на Урале в начальный период войны более подробно изложена в работах местных историков. Первое систематическое исследование этой темы — брошюра активного участника событий П. М. Быкова, написанная на основе не только личных воспоминаний, но и материалов Уралистпарта. Анализируя ход военного строительства, автор сообщал интересные данные относительно состава, численности,

вооружения и боевого расположения советских войск на главных направлениях чехословацкого фронта, раскрывал особенности военной организации начального периода войны. В брошюре на фактическом материале обосновывалась необходимость реорганизации добровольческих отрядов Красной Армии в части регулярного типа, прослеживалась история формирования полков и дивизий 3-й армии Восточного фронта.

Интересный материал был подобран в небольших исторических очерках шадринского краеведа М. С. Кашеварова, посвященных событиям гражданской войны на Среднем Урале и в Зауралье и написанных с привлечением документов Архива Красной Армии в Москве. Основное внимание автор уделил истории 4-го Уральского, 1-го Камышловского и 1-го Крестьянского коммунистического полков. Сформированные в основном из добровольцев, они были лучшими в 3-й армии и сыграли главную роль в осуществлении таких крупных операций, имевших не только тактическое, но и определенное стратегическое значение для левого фланга советских войск Восточного фронта, как оборона Ирбитского завода, Егоршинского плацдарма, Нижнего Тагила, Кушвы.

Боевой путь Камышловского и Крестьянского коммунистического полков детально прослеживался и в воспоминаниях П. П. Бажова. Собственно, это и исследование, поскольку автор использовал статистику и архивные материалы. Воспоминания П. П. Бажова интересны тем, что в них на конкретных примерах раскрывалась классовая основа военного строительства. По свидетельству автора, Камышловский и Крестьянский коммунистические полки формировались преимущественно из деревенских низов — бедняков, батраков и малоимущих середняков. Организационным ядром этих полков были добровольческие рабочие дружины Камышлова, Шадринска, Ирбитского и Каменского заводов. Они-то и придали крестьянской массе особую стойкость, политически просветили ее, приучили к железной пролетарской дисциплине.

Из многих примеров высокого патриотизма и революционной доблести Красной Армии, которыми изобилует история гражданской войны на Урале, особое внимание исследователей привлекал легендарный поход В. К. Блюхера по тылам белых отрядов. История этого похода впервые была описана в воспоминаниях М. Голубых «Уральские партизаны». Ценный фактический материал содержался в сборнике воспоминаний «Гражданская война в Башкирии», подготовленном истпартком Башкирского обкома партии совместно с областной комиссией по изучению истории гражданской войны.

Сведения о блюхеровском рейде заметно расширились с выходом в Уфе книжки И. Недолина, написанной на основе хронологических записей автора в дневнике. Хотя книга и не является исследованием, но имеющийся в ней материал достоверен и хо-

рошо осмыслен. И. Недолин политически правильно оценивал события, связанные с историей образования партизанского соединения В. К. Блюхера. Они представлялись ему как проявление ожесточенной классовой борьбы, которая развернулась на Южном Урале летом 1918 г., когда на стороне Советской власти выступили с оружием в руках широкие массы рабочего класса, беднейшего крестьянства и трудового казачества. Конкретное участие трудящихся в борьбе с контрреволюцией показано на примере Стерлитамакского отряда, в котором воевал автор. Достоинство данной публикации в том, что в ней подчеркивался не только классовый, но и национальный, а также интернациональный характер гражданской войны на Южном Урале. Приведенные в ней факты полностью опровергали утверждения буржуазно-националистических историков, будто нерусские народности Урала не поддерживали Советскую власть. И. Недолин осветил деятельность красных партизан главным образом в пределах Башкирии, но зато ход боевых операций на Уфимском направлении воспроизвел довольно подробно.

Что касается истории 2-й армии Восточного фронта — другого крупного воинского соединения, также возникшего и воевавшего на Урале, то она не была изучена в полной мере. Лишь в работах удмуртских историков, в частности Ф. П. Макарова, содержались общие сведения о действиях армии, прежде всего Сводной дивизии Азина, по подавлению кулацко-эсеровского мятежа в Прикамье и освобождению от белогвардейцев Ижевского и Воткинского заводов.

Важное место в литературе 20-х — первой половины 30-х гг. заняла проблема расстановки классовых сил и политических партий на Урале в ходе войны. Историки показали, что организованное Антантой восстание чехословаков послужило сигналом для вооруженного выступления всех антисоветских сил, в первую очередь кулачества. Успехи контрреволюции на Урале и в Сибири были обусловлены и серьезными колебаниями среднего крестьянства. Глубокий анализ особенностей расстановки классовых сил в уральской деревне дал А. П. Танеев. Он писал: «Не зная помещика, уральский крестьянин и не мог сразу ощутить и глубоко прочувствовать всю свою заинтересованность в рабочей революции, как это было в Европейской России, где крестьянин получил от Советской власти так долгожданную им помещичью землю и вместе с этим — освобождение от помещичьей кабалы и эксплуатации»¹⁰⁸.

Что касается беднейшего крестьянства, то его участие в борьбе с контрреволюцией было сначала недостаточно активным в силу некоторых субъективных обстоятельств. А. П. Танеев, например, подчеркивал слабую организованность пролетарских и по-

¹⁰⁸ Танеев А. Колчаковщина на Урале (1918—1919). С. 6.

лупролетарских слоев деревни, отсутствие здесь систематической работы большевистской партии. Сразу после социалистической революции все внимание партийных организаций Урала было направлено на упрочение Советской власти и хозяйственное строительство в промышленных центрах. Задача организации революционных сил деревни отодвигалась на второй план. К ее решению большевики приступили лишь в июле-августе 1918 г., когда гражданская война была в полном разгаре. В условиях войны социалистическая революция в деревне не успела развернуться. В оккупированных интервентами и белогвардейцами районах Урала кулачество сохранило экономическое господство и политическое влияние на середняка.

Серьезным препятствием на пути упрочения Советской власти на Урале продолжали оставаться мелкобуржуазные партии меньшевиков и особенно правых эсеров. Значительное влияние эсеров отмечали В. Владимиров, А. П. Танеев, А. Баранов и другие исследователи. Так, А. Баранов ссылался на результаты выборов в Учредительное собрание на Урале, которые дали крупный перевес соглашателям. Самое опасное заключалось в том, что за соглашателями в первый период войны шли не только мелкобуржуазные слои населения, зажиточное крестьянство и казачество, но и отсталая часть рабочего класса. В литературе отмечалось, что после чехословацкого мятежа контрреволюции удалось спровоцировать антисоветские выступления в ряде городов и заводских поселков. Многие историки объясняли это с позиций пресловутой теории полукрестьянского происхождения уральского пролетариата. Показывая расстановку классовых сил в восточных районах, А. Голубев писал: «Советская власть не располагала здесь прочными центрами. Пролетариат уральских заводов, имевший полукрестьянский характер, не проявил большой политической устойчивости»¹⁰⁹. Подобного рода огульная негативная оценка не соответствовала действительности. В воспоминаниях, документальных подборках и исследовательских работах 20-х — первой половины 30-х гг. содержалось достаточное количество фактов, чтобы составить объективное представление о выдающихся заслугах рабочего класса Урала в вооруженной борьбе с контрреволюцией.

Антисоветские выступления на заводах некоторые историки связывали с тяготами войны. В частности, А. П. Танеев писал, что обострение хозяйственных трудностей, нехватка продовольствия, закрытие заводов вызвали среди части рабочих рецидив мелкобуржуазных настроений и привели к колебаниям этой части в сторону кулацкой Вандей¹¹⁰.

¹⁰⁹ Голубев А. Гражданская война 1918—1920 гг. С. 30.

¹¹⁰ См.: Танеев А. Колчаковщина на Урале (1918—1919). С. 10.

Крупный очаг контрреволюции образовался в районе Ижевского и Воткинского заводов, где меньшевики и эсеры при поддержке кулацко-белогвардейских банд свергли Советскую власть в августе 1918 г. По мнению историков, политическая обстановка в этом районе определялась негативными изменениями в составе рабочего населения, которые наметились еще в дооктябрьский период. Ф. П. Макаров в книге «Октябрь и гражданская война в Удмуртии» отметил дальнейшее падение удельного веса пролетарских элементов на заводах в результате массовой мобилизации революционных рабочих на чехословацкий фронт. Это усилило разгул мелкобуржуазной стихии, укрепило позицию контрреволюционных сил. В числе других причин, которые вызвали временную утрату Советской власти в Ижевске и Воткинске, автор называет активизацию контрреволюции в окрестных деревнях, антисоветские настроения среднего крестьянства. Борьба с кулачеством осложнилась рядом крупных ошибок, допущенных на местах в решении аграрного и национального вопросов, в проведении налоговой политики.

Выяснив социально-экономические и политические предпосылки гражданской войны на Урале, исследователи попытались показать, как менялось соотношение классовых сил под влиянием уроков белогвардейщины. Уже в первые месяцы господства белочехов и их меньшевистско-эсеровских союзников достаточно ясно обнажилась социальная сущность происходящего. Подробнее других об этом писал А. П. Танеев в предисловии к сборнику документов «Колчаковщина на Урале» и в брошюре с одноименным названием. Он подверг критическому анализу деятельность областного правительства Урала, которое было создано в Екатеринбурге меньшевиками и эсерами совместно с кадетами после свержения Советской власти. Используемые автором белогвардейские документы служат убедительным свидетельством буржуазного характера этого правительства. К сожалению, А. П. Танеев ограничил политику белогвардейских оккупантов рабочим вопросом и не показал ее по отношению к крестьянству.

Ф. П. Макаров раскрыл классовую сущность белогвардейщины на примере деятельности временного Прикамского комитета членов Учредительного собрания, где также верховодили меньшевики и правые эсеры. И здесь, в оккупированном белыми Прикамье реакция развернула наступление на политические права и жизненный уровень трудящихся масс.

Заслуживает внимания попытка ведущих историков 20-х гг. проанализировать основные военно-политические итоги первого этапа борьбы с интервентами и белогвардейцами на Восточном фронте. Как известно, осенью 1918 г. Красная Армия нанесла поражение контрреволюционным силам, освободив Поволжье и Прикамье. Причины этих успехов А. Анишев и Н. Какурин связывали

прежде всего с организационной и политико-воспитательной работой партии, направленной на увеличение численности, укрепление боевой мощи и моральной стойкости советских армий. Вместе с тем они подчеркивали важное значение социальных факторов, которые привели к ослаблению классовой базы контрреволюции. Господство меньшевистско-эсеровских правительств дало свои политические результаты. Трудящиеся крестьяне Поволжья и Прикамья, писал Н. Какурин, насильно мобилизованные в так называемую Народную армию, в конце концов перестали служить соглашателям и начали массами дезертировать.

Исследователи не могли, однако, не обратить внимания на тот факт, что наряду с одержанными успехами в Поволжье и Прикамье советские войска осенью 1918 г. продолжали вести тяжелые оборонительные бои на Урале. Н. Какурин в брошюре «Восстание чехословаков и борьба с Колчаком» объясняет это следующим образом. В планах восточной контрреволюции важное место занимала идея прорыва советского фронта в районе Перми — Котласа для объединения чехословаков и белогвардейцев с войсками английских интервентов на севере страны. В связи с этим большое значение приобретало Екатеринбургско-Пермское направление. Здесь были сосредоточены значительные силы врага, в том числе все сибирские формирования и основная часть чехословацкого корпуса. А в центре и на правом фланге советских войск действовали части разваливающейся Народной армии. Отсюда относительная легкость победы Красной Армии в Поволжье и весьма упорный и ожесточенный характер боев на Урале. Но историк не учел, что в основе всего лежала иная расстановка классовых сил: уральские и сибирские крестьяне еще не усвоили уроков гражданской войны и продолжали поддерживать контрреволюцию.

Большой интерес ученых и краеведов вызывала борьба с колчаковщиной, знаменовавшая собой высшее напряжение гражданской войны на Урале. Прежде всего в литературе был поставлен вопрос об ответственности иностранных империалистов за установление черносотенной диктатуры Колчака в восточных районах России. А. Голубев писал: «Без непосредственного вооруженного вмешательства иностранной буржуазии наша гражданская война никогда бы не превратилась в массовые организованные вооруженные фронты»¹¹¹. Однако первоначально историки считали главным союзником белогвардейцев лишь правящие круги Англии и Франции, оставляя в тени антисоветскую политику американских империалистов. Впервые этот пробел попытался восполнить Н. Какурин. Он утверждал, что наряду с другими империалистическими державами США приняли активное участие в вооружении

¹¹¹ Голубев А. Гражданская война 1918—1920 гг. С. 16.

белогвардейских режимов, хотя руководствовались при этом будто бы чисто коммерческими соображениями¹¹².

Некоторые историки 20-х гг. были склонны преувеличивать значение противоречий в лагере интервентов в связи с отношением к Советской России. В предисловии к воспоминаниям английского полковника Уорда, которые были помещены в сборнике «Колчаковщина» (Екатеринбург, 1924), говорится, например, что союзники якобы не имели общей цели, участвуя в интервенции. Подобное мнение высказывалось и во вступительной статье к сборнику с тем же названием, изданному в Ленинграде в 1930 г.

В литературе правильно отмечалось, что с установлением колчаковской диктатуры начался новый этап гражданской войны, который характеризовался, с одной стороны, усилением военной интервенции, а с другой — консолидацией внутренней контрреволюции. С точки зрения Н. Какурина, А. Анишева и др., процесс объединения антисоветских сил являлся главным содержанием истории российской контрреволюции конца 1918 — начала 1919 г. Он был обусловлен стремлением империалистов создать более или менее крупные вооруженные силы под единым руководством для борьбы с Красной Армией. Чтобы задушить революцию и полностью восстановить эксплуататорский строй, нужна была твердая власть. Прежние белогвардейские правительства, возглавляемые меньшевиками и эсерами, для этого дела не годились. Они достаточно разоблачили себя в глазах народа как ярые защитники классовых интересов эксплуататоров. Лишившись поддержки масс, их армии потеряли боеспособность и не выдержали единоборства с Красной Армией. Соглашатели сыграли позорную роль, расчистив путь для установления контрреволюционной диктатуры. После этого, как выразился Н. Какурин, они были выброшены из рамок законного существования, словно мавр, сделавший свое дело, и буржуазия с помощью Антанты выдвинула из своих рядов военного диктатора, который и присвоил себе всю полноту власти¹¹³.

Характеризуя социальную основу черносотенной диктатуры, исследователи почти не обратили внимания на взаимоотношения Колчака и крестьянства. Игнорирование специфики аграрных отношений в восточных районах страны помешало объективно осветить этот вопрос. А дело обстояло таким образом, что зажиточное крестьянство Урала и Сибири, разуверившись в соглашателях, все же не потеряло надежды разбогатеть на свободной торговле и обратило свои взоры к Колчаку, который казался твердой властью и, как подчеркивал В. И. Ленин, тоже выступал под флагом частного

¹¹² См.: *Какурин Н.* Роль держав Антанты в военной экономике белых правительств во время гражданской войны в России // *Кто должник?* М., 1926.

¹¹³ См.: *Какурин Н.* Как сражалась революция. Т. I. С. 48.

предпринимательства. Эта важная сторона ленинской концепции не была разработана в литературе.

Успехи Колчака на Восточном фронте историки не сразу сумели связать с действием социально-политических факторов. Например, поражение 3-й армии под Пермью в декабре 1918 г. Н. Какурии объяснял главным образом военными причинами. Он отмечал, в частности, большую растянутость фронта армии, ослабление ее пролстарского ядра в результате огромных потерь в боях, отсутствие подготовленных резервов и низкое качество пополнений, плохую согласованность в действиях 3-й и 2-й армий. Сыграли свою роль также крайне неблагоприятные географические и климатические условия, в которых приходилось сражаться советским войскам.

Наступление колчаковских армий весной 1919 г. тоже не получило в литературе достаточно полного объяснения. А. Баранов видел основную причину наших неудач в том, что армии Восточного фронта были сильно ослаблены в результате систематической переброски частей на другие фронты. Н. Какурии подчеркивал большое значение военной помощи, которую оказали Колчаку интервенты, особенно англичане и чехословаки, взявшие на себя охрану коммуникаций белогвардейских армий и позволившие диктатору высвободить максимум сил для борьбы с Красной Армией. В работе А. Анишева упомянуты некоторые социальные причины военных успехов Колчака весной 1919 г. Автор писал, что в это время обнаружились серьезные колебания крестьянства, которыми и воспользовалась контрреволюция в своих классовых целях. По его мнению, крестьянство к моменту описываемых событий в основном признало Советскую власть как единственного организатора вооруженного отпора буржуазии и помещикам и шло на необходимые жертвы. Колебания же были вызваны тем, что эти жертвы казались слишком тяжелыми. В данном случае высказывалось все то же ошибочное мнение, которого придерживались многие исследователи, будто поворот крестьянства Урала и Сибири на сторону Советской власти произошел до установления колчаковской диктатуры.

Советские историки первого поколения достаточно хорошо понимали, что колчаковщина явилась для трудящихся Урала жестоким уроком классовой борьбы. А. П. Танеев одним из первых основательно проанализировал экономическую политику Колчака. Он показал, что полное восстановление власти крупного капитала привело к катастрофическому падению жизненного уровня трудящихся масс и обострению хозяйственной разрухи. За время хозяйничанья на Урале русских и иностранных капиталистов, усиленно грабивших природные богатства края, промышленность и транспорт пришли в полный упадок, многие предприятия из-за недостатка топлива, сырья и материалов закрылись, резко сократились

выплавка чугуна, производство промышленных товаров¹¹⁴. Однако ни Танеев, ни другие исследователи не коснулись методов осуществления экономической программы крупной буржуазии и помещиков. Только А. Ослоновский и А. Орлов попытались рассмотреть этот вопрос на конкретном фактическом материале, выбрав ряд характерных документов, правдиво рисующих картину безудержного террора и насилий белогвардейских оккупантов по отношению к рабочему классу и трудящемуся крестьянству¹¹⁵. Но отдельные факты еще не давали конкретного представления о крайних проявлениях колчаковского режима, которые породили массовое движение сопротивления, направленное на изгнание белогвардейских оккупантов и восстановление Советской власти.

В литературе описано контрнаступление Красной армии, завершившееся сокрушительным разгромом Колчака. Достаточно детальный анализ стратегических и оперативно-тактических планов советского командования дал Н. Какурин в брошюре «Восстание чехословаков и борьба с Колчаком». Автор отметил исключительно важное значение успешных действий Южной группы войск Восточного фронта, которые внесли коренной перелом в ход борьбы с колчаковщиной. Он разобрал тактические особенности наиболее крупных операций Красной Армии, какими являлись контрудар под Белебеем и Бугульмой, форсирование реки Белой и овладение Уфой, сражение на Златоустовском плоскогорье, освобождение Екатеринбурга, бои за Челябинск. Выдающиеся победы Красной Армии над Колчаком получили в основном правильное объяснение. А. Голубев, выражая мнение и других ведущих историков, отмечал «колоссальную организующую роль партии, комсомола и передовых рабочих». По его словам, именно они, прибыв на фронт, вдохнули в войска решимость бороться до конца, заменив упадок духа боевым подъемом¹¹⁶. К сожалению, это правильное положение не было подкреплено фактическим материалом. Уральские исследователи не осознали руководящей роли партии, ее Центрального Комитета в деле подготовки и осуществления разгрома колчаковщины.

Всеобщее внимание привлек вопрос о поведении крестьянства на заключительном этапе борьбы с Колчаком. Выражая мнение большинства историков, Н. Какурин писал, что попытка диктатора пересмотреть решенные революцией аграрный и национальный вопросы в конце концов поссорила его с мелкобуржуазными массами. Изменения в настроении крестьянства восточных районов, как правильно указывается в литературе, в первую очередь отразились на боеспособности белых армий. Пока Колчак опирался на отбор-

¹¹⁴ См.: *Танеев А.* Колчаковщина на Урале (1918—1919). С. 50—52, 64—66.

¹¹⁵ См.: *Ослоновский А., Орлов А.* Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. С. 67.

¹¹⁶ См.: *Голубев А.* Гражданская война 1918—1920 гг. С. 80.

ные офицерские части, замечает А. Анишев, он мог наносить сильные удары. Но для того, чтобы развить успех, нужна была массовая армия, мобилизация крестьянства. Однако крестьяне, наученные горьким опытом войны, уже не хотели воевать с Советской властью. Насильственные же мобилизации только разлагали белые армии и обрекали их на поражение.

В литературе была затронута и другая сторона проблемы — разложение белогвардейского тыла в результате развития массового движения сопротивления рабочего класса и крестьянства. При этом это движение непосредственно связывалось с революционной деятельностью партии по ту сторону фронта. Нужно сказать, что в 20-х гг. был накоплен ценный материал по истории большевистского подполья на Урале и в Сибири. В какой-то мере им воспользовались уральские историки А. Таняев и А. Баранов. Но они даже не попытались раскрыть тему в полном объеме и ограничились описанием деятельности крупнейших в регионе Екатеринбургского и Челябинского подпольных центров, да и то в самых общих чертах.

Под влиянием уроков колчаковщины коренным образом изменилось отношение крестьянства к Советской власти, к Красной Армии. Раньше, писал Н. Какурин, неустойчивость красного тыла объяснялась враждебными настроениями среднего крестьянства, «которое, не видя непосредственно перед собой помещика, думало уклониться от тягот гражданской войны, раздражавшей его необходимости давать солдат в армию и хлеб по продразверстке; эти настроения сменялись другими, как только крестьянин воочию убеждался, что несет ему власть белой диктатуры, которая своим режимом содействовала советизации оккупированных ею районов в области психологической...»¹¹⁷. Это дало практические результаты. Н. Какурин сообщал примечательный факт: при освобождении Челябинской губернии в Красную Армию за две недели влилось без всякого принуждения 24 тыс. бойцов из местного населения, а Колчак сумел завербовать только 200 добровольцев¹¹⁸.

Большинство местных историков, к сожалению, не поняли значения правильной политики по отношению к крестьянству. Революционизирование трудящихся масс деревни рассматривалось в литературе в основном как стихийный процесс, совершавшийся под воздействием уроков белогвардейщины. Однако ведущие историки подошли к этому вопросу с верных методологических позиций. Так, А. Анишев подчеркивал, что изменения в расстановке классовых сил, которые наметились в ходе гражданской войны, явились в значительной мере результатом целеустремленной борьбы партии за крестьянство. Особо важное значение, по мнению исследо-

¹¹⁷ Какурин Н. Как сражалась революция. Т. 1. С. 94.

¹¹⁸ См.: Какурин Н. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. С. 69.

вателя, имел VIII съезд РКП(б), закрепивший в своих решениях линию партии на союз с середняком. А. Голубев, развивая ту же мысль, писал: «Линия на прочный союз с середняком предопределила и ускорила выявление позиции крестьянства в гражданской войне, обеспечив окончательный переход его основных слоев на сторону пролетариата»¹¹⁹.

История Урала в последующий период гражданской войны, когда после разгрома Колчака главная тяжесть вооруженной борьбы с контрреволюцией переместилась в южные и западные районы страны, была изучена слабо. Наиболее полно проблематика этого периода отражена в книге А. Ослоновского и А. Орлова. На конкретных материалах, извлеченных из архивных источников и периодической печати, авторы проанализировали некоторые важные стороны восстановительного процесса, который начался после освобождения Урала от белогвардейских оккупантов. Эти материалы свидетельствовали о том, что для возрождения уральской экономики государство мобилизовало крупные ресурсы рабочей силы. Только на основе трудовой повинности в 17 уездах края было привлечено к восстановительным работам до 800 тыс. человек. В книге приводились сведения и о 1-й трудовой армии, которая была образована на базе 3-й армии Восточного фронта в целях скорейшего преодоления хозяйственной разрухи на Урале. А. Ослоновский и А. Орлов писали, что с января по ноябрь 1920 г. каждый день на хозяйственном фронте работало до 46 тыс. трудармейцев. В борьбу с разрухой включился весь рабочий класс, демонстрировавший прекрасные образцы трудового героизма. Исследователи впервые опубликовали материалы о коммунистических субботниках на Урале. По их подсчетам, только на Пермской железной дороге в октябре-декабре 1920 г. было проведено 367 субботников, в которых участвовало свыше 60 тыс. человек.

А. Ослоновский и А. Орлов затронули еще одну важную проблему, касавшуюся взаимоотношений Советского государства, рабочего класса Урала с крестьянством после разгрома колчаковщины. Они попытались показать на конкретных примерах, как практически осуществлялся курс на союз с середняком, разработанный партией в решающий момент гражданской войны в целях мобилизации всех сил народа на разгром контрреволюции. Представляют интерес приведенные в книге цифры, характеризующие хозяйственную помощь крестьянству¹²⁰.

Из литературы, посвященной жизни края на решающем и завершающем этапах гражданской войны, можно выделить издан-

¹¹⁹ Голубев А. Гражданская война 1918—1920 гг. С. 69.

¹²⁰ См.: Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. С. 94—95, 98.

ный в Тюмени в начале 20-х гг. «Октябрьский сборник», в котором помещена обстоятельная статья С. Агеева о некоторых направлениях советского строительства в Тюменской (Тобольской) губернии. Автор правильно отметил, что организация государственного аппарата на местах началась с образования ревкомов, чья деятельность должна была способствовать созданию необходимых условий для восстановления конституционных органов власти. Очень интересны данные о том, как шел процесс воссоздания деревенских Советов. По данным С. Агеева, в ноябре 1920 г. в губернии насчитывалось 211 волостных исполкомов и 2700 сельсоветов, общий штат которых составлял 15 тыс. человек. В статье подчеркивался неуклонный рост влияния большевистской партии в крестьянских массах по мере восстановления и укрепления Советской власти. Проанализировав приведенную здесь таблицу, характеризующую партийный состав уездных Советов и исполкомов к концу 1920 г., автор сделал заключение, что большевистская партия прочно заняла руководящее положение в системе местных органов власти, но вместе с тем в них достаточно широко были представлены и беспартийные. Последнее обстоятельство свидетельствовало о возросшей политической активности трудящихся, об их действительном участии в государственном управлении¹²¹.

Таково содержание основных проблем истории Урала периода Октябрьской революции и гражданской войны, поставленных и исследованных в советской исторической литературе 20-х — первой половины 30-х гг.

Становление советской исторической науки происходило в обстановке острой борьбы с влиянием буржуазной идеологии. Эта борьба находила отражение и в истории Октябрьской революции и гражданской войны. Еще в разгар гражданской войны в свет вышла брошюра К. Буревой «Колчаковщина». В ней ставилась определенная политическая цель: доказать непричастность меньшевиков и эсеров к кровавому господству буржуазно-помещичьей реакции. Автор утверждал, что они боролись лишь за Учредительное собрание, а Дутов и Колчак примазались к ним, чтобы свергнуть большевиков, а затем расправиться и с «социалистами». Самарскую «учредилку» Буревой назвал подлинно социалистическим правительством, а сформированную им белогвардейскую Народную армию объявил единственной силой демократии¹²².

Наиболее характерным образчиком мелкобуржуазного объективизма и эклектизма в объяснении событий Октябрьской революции и гражданской войны на Урале может служить работа И. Под-

¹²¹ См.: Агеев С. Строительство советского аппарата в губернии: (некоторые итоги к 3-й годовщине Октябрьской революции) // Октябрьский сборник. С. 25—26.

¹²² См.: Буревой К. Колчаковщина. М., 1919.

шивалова, опубликованная Военно-научным обществом¹²³. Концепция автора, чрезвычайно путаная и противоречивая, сложилась, по всей видимости, под влиянием левозероверской идеологии. Свое исследование И. Подшивалов ограничил территориальными рамками Южного Урала, точнее, Уфимской губернии. Главное внимание он уделил социально-экономическим и политическим факторам революции, ее движущим силам. По его мнению, ведущую роль в классовой борьбе на Южном Урале играли крестьянские массы. Причем крестьянство он изображал как единый общественный класс и называл в целом бедным в отличие, например, от богатого самарского крестьянства, а значит, не признавал наличия двух социальных войн в деревне накануне Октября.

В характеристике экономического положения и социального состава рабочего класса были допущены еще более грубые искажения. Подшивалов протасил в советскую историческую литературу либерально-народническую, эсеровскую теорию о полукрестьянской природе уральского рабочего. Он отрицал наличие капиталистической эксплуатации на заводах Урала и считал, что не противоречия между трудом и капиталом, а полукрепостническая кабала заводчиков и земельная необеспеченность являлись тем «крупнейшим революционным фактором, который ставил уральского рабочего-крестьянина в передовые ряды бойцов революции»¹²⁴. В своей концепции автор исходил из того, что коренной уральский пролетариат, зараженный мелкобуржуазной идеологией, не мог сыграть авангардную роль в революции, не мог обеспечить правильного руководства массами трудящегося крестьянства, т. е. политические предпосылки Октябрьской революции на Урале он полностью игнорировал.

Следует назвать еще одно произведение, которое никак нельзя отнести к марксистской историографии. Это изданная штабом РККА книга М. Л. Муртазина об участии в гражданской войне башкирских национальных войск¹²⁵. Автор по своим политическим убеждениям — типичный буржуазный националист, отстаивающий антинаучную идею о бесклассовости башкирской нации. Он утверждал, будто в революции и гражданской войне башкиры, исключая верхушку крупной буржуазии, выступали единой компактной массой под общим лозунгом национального самоопределения. Социальные противоречия в их среде из-за крайней экономической и культурной отсталости не успели развиться. Противоречия существовали только между всей нацией и колониальной политикой царизма, между земледельческим населением и русскими переселенцами,

¹²³ См.: Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале. 1917—1918 гг. М., 1925.

¹²⁴ Там же. С. 31.

¹²⁵ См.: Муртазин М. Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М., 1927.

захватившими лучшие земли. Они и являлись, по мнению Муртазина, главным стимулом национально-освободительного движения. Таким образом, в книге полностью опущены социально-экономические и политические факторы, которые привели к победе революции и установлению Советской власти в Башкирии.

Идеологическая борьба вокруг коренных социальных и политических проблем истории Октябрьской революции и гражданской войны выражалась не только в откровенной апологии мелкобуржуазных партий. Влияние чуждой марксизму идеологии сказывалось и в объективистской трактовке событий, аполитичности, отсутствии четкого представления о соотношении сил революции и контрреволюции, недооценке роли Коммунистической партии и Советского правительства в руководстве трудящимися массами.

Печатная продукция Уралистпарта и его местных отделений, хотя и внесла большой вклад в изучение революционных событий, в целом отличалась недостаточно высоким идейно-теоретическим уровнем. В большинстве работ местных историков не было ссылок на директивные документы партии и правительства, ленинское идейное наследие. Недостаток принципиальной большевистской партийности, слабая теоретическая подготовка исследователей, их некритический подход к различного рода источникам антисоветского происхождения способствовали проникновению в литературу меньшевистско-эсеровских, троцкистских взглядов на историю.

Коммунистическая партия проявляла постоянную заботу о повышении теоретической подготовки историков. Большое значение имели дискуссии в советской печати 20-х гг. по политическим и военным проблемам. Активное участие в пропаганде методологических основ исторической науки, разоблачении идейных противников ленинизма приняли журналы «Пролетарская революция» — орган центрального Истпарта и «Историк-марксист», издававшийся Обществом историков-марксистов. Через свой журнал, а также путем непосредственных инструктивных указаний Истпарт руководил работой большой массы исследователей, объединяемых местными истпартами, оказывал им необходимую организационную и теоретическую помощь.

Заметное улучшение качества научной разработки истории революционного движения на Урале наметилось в начале 30-х гг. 6 марта 1930 г. секретариат Уралобкома ВКП(б) рассмотрел вопрос о деятельности истпарта и вынес постановление, где указывалось на неудовлетворительное состояние дела изучения революционного прошлого Урала, в особенности истории борьбы большевиков против антиленинских оппортунистических группировок. Областной комитет партии признал необходимым в ближайшее время приступить к подготовке популярных книг и научных монографий, освещавших наиболее важные события из жизни Ураль-

ской партийной организации за весь период ее существования¹²⁶.

В 1931 г. Уралистпарт организовал просмотр всех более или менее крупных работ по истории партии и революционного движения, выпущенных местными издательствами. Активное участие в просмотре приняли историки города, краеведы, старые большевики. Для обсуждения работ было создано семь совещаний актива. Рецензии публиковались в журнале «Уральский коммунист» и газете «Уральский рабочий»¹²⁷. Просмотр выявил серьезные теоретические и политические ошибки в освещении некоторых важных моментов истории революционного движения на Урале.

Чтобы поднять идейно-теоретический уровень исследовательской работы, необходимо было в первую очередь решить вопрос о кадрах. В начале своей деятельности Уралистпарт почти не располагал квалифицированными специалистами. Сюда была направлена группа выпускников Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской в составе Р. М. Рубинштейн, Г. П. Рычковой, В. И. Решетова, М. И. Алексеева, А. И. Мошковой. Штатными работниками истпарта стали А. П. Танеев, С. И. Цукерман, окончившая Ленинградский институт истории и литературы, А. П. Шавин и Ф. В. Казакевич, которые повышали квалификацию в Совпартшколе. По совместительству в Уралистпарте работали преподаватели Комвуза профессор С. М. Петров и Ф. П. Быстрых, направленный в Свердловск после окончания Академии коммунистического воспитания. Деятельное участие в работе Уралистпарта принимал видный пролетарский писатель и публицист П. П. Бажов.

Важным условием, гарантировавшим высокое качество исторических исследований, являлось дальнейшее укрепление связи с общественностью. При истпарте организовался общественный совет, куда вошли представители Уралобкома ВКП(б), Общества историков-марксистов, Общества старых большевиков, обкома ВЛКСМ, Уралпрофсовета, Общества политкаторжан, комиссий содействия из Перми, Златоуста, Лысьвы, Надеждинска, Челябинска, Нижнего Тагила. Совет рассматривал планы научно-исследовательских, организационных и политико-массовых мероприятий, устраивал обсуждение и рецензирование рукописей, заслушивал творческие отчеты сотрудников.

С принятием постановления ЦК ВКП(б) о создании многотомной истории гражданской войны идеологическая работа приобрела еще большее значение. Партийная организация Урала продолжала вести настойчивую борьбу против остатков мелкобуржуазной, в первую очередь троцкистской, идеологии, против аполитичности и объективизма в исторических исследованиях. Шире развернулась работа по критическому осмыслению — с позиций большевистской

¹²⁶ ПАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 56.

¹²⁷ Там же. Л. 76.

партийности — печатной продукции, выпущенной местными и центральными издательствами.

Серьезной критике была подвергнута брошюра Т. Д. Корушина «Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917—1926 гг.)». Автор изобразил борьбу за установление и укрепление Советской власти как стихийный процесс, полностью игнорируя руководящую роль коммунистов¹²⁸. В рецензии на ежемесячный исторический журнал Кунгурского истпарт «Крот», издававшийся в 20-х гг., отмечалось, что редакция журнала проделала весьма полезную работу в деле пропаганды героики революции и гражданской войны. Опубликованные ею воспоминания и другие материалы о борьбе за Советскую власть в деревне, политике колчаковщины, белогвардейском терроре, деятельности большевистского подполья имели большое политическое значение, пробуждали среди трудящихся живой интерес к революционному прошлому своего края. Вместе с тем по политической направленности журнал не отличался принципиальностью. В нем часто печатались материалы эсеровского содержания, которые искажали подлинную историю революционной борьбы¹²⁹.

В 1932—1933 гг. Уралистпарт организовал публичное обсуждение наиболее значительных историко-революционных произведений местных авторов, изданных в разное время. Главное внимание обращалось на такие моменты, как обоснование в соответствии с ленинским учением объективных и субъективных предпосылок революции, правильное понимание авангардной роли пролетариата во главе с большевиками в руководстве революционным движением трудящихся масс, позиции других общественных классов и политических партий, разоблачение меньшевистско-эсеровских и троцкистских фальсификаторов истории по вопросу о движущих силах, формах и особенностях классовой борьбы на Урале¹³⁰. Наиболее острую дискуссию вызвала ошибочная, объективистская трактовка социальной природы уральского рабочего класса, проникавшая в литературу 20-х гг. под влиянием мелкобуржуазной идеологии. Участники обсуждения критиковали С. М. Петрова и особенно А. П. Тяняева за то, что они оценивали пролетарское движение с либерально-народнических позиций, рассматривая уральского рабочего как полурбочего-полукрестьянина, заинтересованного преимущественно в демократическом разрешении аграрного вопроса.

¹²⁸ ПАСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 131. Л. 101—110.

¹²⁹ ПАСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 131. Л. 111—118.

¹³⁰ Там же. Д. 129. Л. 168—186; Д. 131. Л. 119—130; Д. 137. Л. 68—71; Уральский коммунист. 1932. № 1. С. 102—112; № 8. С. 41.

5. Начало изучения истории социалистического строительства

В период становления советской исторической науки были сделаны первые шаги и в изучении истории социалистического строительства. История писалась по свежим следам событий. Этого требовала практика нашей жизни. Необходимо было уже в ходе восстановления и реконструкции народного хозяйства, возрождения культуры обобщить творческий опыт масс, исправить ошибки, наметить пути дальнейшего развития.

Для Урала первостепенное значение имело изучение вопросов развития промышленности, поскольку в созидательных планах партии ему отводилась роль одного из ведущих центров социалистической индустрии. Ленинские указания о решающем значении крупной промышленности для победы социалистического общественного строя, о роли восточных районов в восстановлении и развитии промышленности России легли в основу плана ГОЭЛРО и курса на индустриализацию страны, который был провозглашен историческим XIV съездом Коммунистической партии. Они получили развитие и конкретизацию в трудах выдающихся партийных и государственных деятелей Ф. Э. Дзержинского, С. М. Кирова, В. В. Куйбышева, В. И. Межлаука, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутака, И. В. Сталина. На этой теоретической основе были написаны исследовательские произведения общесоюзного масштаба, в которых раскрывалась история промышленности и рабочего класса в период строительства социализма. В работах Д. И. Курского, Э. Ю. Локшина, В. П. Милютина, А. М. Панкратовой, С. Г. Струмилина, А. Ф. Хавина и др. впервые были поставлены вопросы о характере восстановительных процессов в промышленности страны на основе осуществления новой экономической политики, об использовании экономических рычагов хозяйствования, о закономерностях, сущности и особенностях социалистической индустриализации, ее исходных рубежах и этапах развития, создании новых отраслей промышленности и их географическом размещении, о путях технического перевооружения народного хозяйства. Эти исследования служили ориентиром для изучения соответствующей проблематики на местах.

Первыми исследователями истории социалистического строительства на Урале, в том числе истории промышленности и рабочего класса, были практики. Широкую известность получили работы начальника областного статуправления В. С. Немчинова, председателя облсовнархоза Ф. И. Локацкого, руководителя треста «Уралмедь» В. С. Гулина, работника Уралпромбюро В. А. Гассельблата и др.¹³¹.

¹³¹ См.: *Немчинов В. С.* Народное хозяйство Урала. Екатеринбург, 1923; *Гулин В. С.* Медные богатства Урала и пути их использования. М., 1925; *Он же.* Производительность труда в уральской медной промышленности. М.; Л., 1926; *Локацкий Ф. И.* Положение и перспективы уральской промышленности. Свердловск, 1926 и др.

Они систематизировали опубликованные статистические материалы и сделали на их основе выводы о ходе восстановления уральской промышленности и перспективах ее развития. Хотя эти работы носили не исторический, а экономический характер, их авторы сделали интересные наблюдения о процессах, происходивших в промышленном развитии Урала. В. С. Немчинов достаточно подробно рассмотрел ход восстановления отдельных отраслей промышленности Урала, обратив внимание на важность в период нэпа таких организационных мер, как хозрасчет, перестройка управления промышленностью, подчеркнул значение развития товарно-денежных отношений¹³². Авторы не скрывали и трудностей, мешавших восстановительным процессам, указывая, в частности, на так называемый кризис сбыта, борьбу с частным капиталом, слабость советской финансовой системы.

Ф. И. Локацков и В. С. Гулин отмечали относительно высокий прирост промышленной продукции в ходе успешной ликвидации хозяйственной разрухи, что, по их мнению, было связано с преимуществами социалистической экономики, которая развивалась более быстрыми темпами, чем капиталистическая. Интересны статистические выкладки В. С. Гулина, который в подтверждение выдвинутого тезиса привел данные об увеличении выплавки меди в СССР по сравнению с уровнем ее производства в дореволюционной России и странах капиталистического мира, включая США¹³³.

Анализ восстановительных процессов в промышленности Урала содержат работы экономико-географического характера¹³⁴. П. Н. Степанов обработал данные о рудном и лесном хозяйстве Урала, о размещении металлургических и металлообрабатывающих предприятий на территории края, о состоянии трудовых резервов в промышленности. Используя данные Всесоюзной переписи населения 1926 г., автор подробно охарактеризовал социальную структуру уральского населения к концу восстановительного периода. Положительной чертой работ П. Н. Степанова являлся анализ основных положений плана реконструкции уральского хозяйства. В противовес украинским националистам, доказывавшим невозможность одновременного интенсивного развития двух промышленных регионов страны и предлагавшим сосредоточить все средства на развитии промышленности юга России, автор убежденно поддерживал идею Урало-Кузбасса и доказал, что Урал располагает всем необходимым для ее претворения в жизнь.

¹³² См.: *Немчинов В. С.* Народное хозяйство Урала. С. 96—98.

¹³³ См.: *Гулин В. С.* Производительность труда в уральской медной промышленности. С. 3.

¹³⁴ См.: *Константинов С. А.* СССР по районам: Уральская область. 2-е изд. М.; Л., 1928; *Степанов П. Н.* Уральская область. М., 1928; *Он же.* Металлопромышленность Урала. М., 1930.

Особый интерес представляет исследование А. Ослоновского и А. Орлова, в котором впервые дается исторический анализ итогов промышленного развития края за десять лет Советской власти. Авторы показали исходный рубеж, с которого началось возрождение промышленности, впервые приведя цифровые данные об огромном ущербе, нанесенном интервентами и белогвардейцами производительным силам Урала¹³⁵. Правда, в дальнейшем они лишь констатировали итоги восстановления промышленности в регионе, не раскрывая методов и путей этой работы. Однако в отличие от других исследователей А. Ослоновский и А. Орлов не просто называли цифры, а стремились раскрыть их социальное содержание, связать с трудовым подвигом рабочего класса, с организаторской и политической деятельностью партий и государства.

В конце 20-х — первой половине 30-х гг., когда на Урале в соответствии с заданиями пятилетних планов развернулось строительство гигантов социалистической индустрии, основное внимание обращалось на роль тяжелой индустрии в реконструкции народного хозяйства¹³⁶. В публикациях того времени давалось экономическое обоснование рационального размещения и сроков строительства крупных объектов для создания мощной угольно-металлургической и машиностроительной базы на востоке страны. Это имело очень важное не только практическое, но и политическое значение, поскольку вокруг проблемы Урало-Кузбасса шла острая борьба партии с оппортунистами, силившимися доказать ошибочность, нереальность курса на социалистическую индустриализацию. Авторы подчеркивали, что освоение природных богатств Урала и Сибири будет большим шагом вперед в развитии производительных сил страны, укреплении ее обороноспособности. Урало-Кузбасс представлялся им как комплекс взаимосвязанных отраслей производства, в первую очередь металлургии, энергетики, химии. Этим было положено начало пропаганды курса партии на пересмотр возможностей и перспектив развития промышленности в восточных районах страны. Однако авторы видели не только технические, но и социальные аспекты решения проблемы. Как подчеркивал Б. И. Эвенчик, развитие комбината тяжелой индустрии влечет за собой коренную социальную реконструкцию сельского хозяйства, ускоряет ликвидацию противоположностей между городом и дерев-

¹³⁵ См.: *Ослоновский А., Орлов А.* Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. С. 84.

¹³⁶ См.: *Тиунов В. Ф.* Мировые гиганты на Урале. Свердловск; М., 1931; *Эвенчик Б. И.* Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината. М., 1932; *Березов Н. Ф.* Размещение черной металлургии. М., 1933; *Он же.* Черная металлургия Урала. Свердловск, 1933; *Он же.* Урал — база качественной металлургии Союза. Свердловск, 1933; *Гуревич А. И.* Победа партии: Черная металлургия к VII съезду Советов СССР. М., 1935; *Исупов Г. И.* Черная металлургия Челябинской области. Свердловск, 1935.

ней, что связано с подъемом культуры, улучшением быта трудящихся¹³⁷.

В конце 20-х гг. стали появляться работы по истории отдельных промышленных предприятий Урала¹³⁸. В них содержались сведения о состоянии промышленного производства в период Октября, гражданской войны и хозяйственной разрухи, о возрождении из руин и современном состоянии предприятий. В последующие годы интерес к этой теме возрастал, чему в немалой степени способствовала широкая общественная кампания по написанию истории фабрик и заводов, развернувшаяся в начале 30-х гг. по инициативе А. М. Горького. Великий пролетарский писатель замыслил дело «поставить таким образом, чтоб в результате получилось нечто подобное энциклопедии нашего строительства в его постепенном развитии от возникновения завода до наших дней»¹³⁹. 10 октября 1931 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление об издании книг по истории предприятий, обязав партийные организации на местах возглавить это важное политическое дело¹⁴⁰.

Выступая со своей инициативой, Горький, несомненно, имел в виду и Урал с его мощным промышленным потенциалом, богатыми революционными и трудовыми традициями рабочего класса. В июле 1932 г. он обратился с письмом на имя начальника строительства Магнитки Я. С. Гугеля, в котором настоятельно просил форсировать написание «Истории Магнитостроя». Алексей Максимович писал: «История вашего строительства — дело не местного значения, а огромной политической и воспитательной важности для всего Союза Советов»¹⁴¹. Это письмо было с пониманием встречено общественностью и очень помогло делу. А партком Магнитостроя обсудил его специально, наметив конкретные меры по оказанию помощи авторскому коллективу.

Создание истории фабрик и заводов предполагало активное участие историков, писателей, партийных и хозяйственных работников. Вместе с тем А. М. Горький нацеливал общественность на привлечение к работе самих участников событий — ветеранов труда, новаторов производства. В сентябре 1933 г. он писал секретарю Уралобкома ВКП(б) И. Д. Кабакову: «На Уралмаше сейчас проводится интересная и политически важная работа по написанию истории этого завода. Основной том пишется авторским коллективом журнала «Наши достижения». Кроме того — и это очень ценная инициатива — рабочие создали свои авторские кол-

¹³⁷ См.: *Звенчик Б. И.* Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината. С. 8.

¹³⁸ См.: *Швецов В., Петров К.* Из прошлого южно-уральских заводов. Зла-тоуст, 1927; *Глен В. В.* По Уралу и его заводам. М.; Л., 1928.

¹³⁹ А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов: Сб. док. и матер. М., 1959. С. 28.

¹⁴⁰ Правда. 1931. 11 окт.

¹⁴¹ ПАСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 371. Л. 34.

лективы в основных цехах, которые будут писать историю строительства каждого цеха и борьбы за освоение нового производства.

Эта работа своеобразная, ценная и заслуживает внимания. Главная редакция просит Вас лично заинтересоваться ею и помочь рабочим-авторам Вашим руководящим участием и обеспечением всей необходимой помощи»¹⁴².

В конце 1932 г. была организована Уральская областная редакция «Истории фабрик и заводов» под председательством П. М. Невлянского. Она занималась подбором авторских коллективов, записью воспоминаний, поисками неопубликованных документов и материалов, редактированием и рецензированием рукописей¹⁴³. Местные краеведы действовали в тесном контакте с Главной редакцией, с исследователями Москвы и Ленинграда, работавшими над уральской тематикой. К делу активно подключились заводские партийные организации. Они способствовали привлечению к нему внимания широкой общественности. В результате расширялись авторские коллективы за счет передовых рабочих, создавались новые. В июне 1936 г. к написанию истории заводов только Свердловской области было привлечено 383 рабочих-автора¹⁴⁴. Началась работа по написанию истории Магнитостроя, Уралмаша, Красноуральского медеплавильного комбината, Березниковского химического, Надеждинского и Новотагильского металлургических и ряда других предприятий. Рабочие Урала с большой готовностью взялись за сбор необходимых материалов для создания истории своих заводов. «Сейчас мы все коллективно работаем над составлением «Истории» нашего завода, — писали рабочие Надеждинского металлургического комбината. — В эту работу вовлекаются все, начиная с пенсионеров и кончая комсомольцами. Пусть новое поколение рабочего класса знает, как рос, креп рабочий класс, как росла большевистская партия, как сломано здание капитализма»¹⁴⁵.

К сожалению, эта интересная и важная для исторической науки работа по ряду причин не была доведена до конца. Собранный и обобщенный материал большей частью осел в архивах. Но наиболее значительные произведения все же увидели свет¹⁴⁶. Они вобра-

¹⁴² ПАСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 371. Л. 27.

¹⁴³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 138-Р. Оп. 1. Д. 4. Л. 154—155.

¹⁴⁴ ПАСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 961. Л. 93.

¹⁴⁵ А. М. Горький и история фабрик и заводов: Сб. док. и матер. С. 88.

¹⁴⁶ См.: *Добровольский Б. Н.* Уральский машиностроительный завод. М., 1931; *Капралов Ф. К.* Челябинск обгоняет Америку. М., 1931; *Нариньяни С. Л.*, 1931; *Капралов Ф. К.* Челябинск обгоняет Америку. М., 1931; *Нариньяни С. Л.* На стройке мирового гиганта. М., 1931; *Богданов Н.* Гигант пятилетки. Свердловск, 1931; *Гарин С.* Гигант в тайге: (Уралмедьстрой). Свердловск, 1932; *Островский Э.* Магнитострой. М., 1932; *Медь: (очерки из истории борьбы за Красноуральский завод).* Свердловск; М., 1932; *Уральский завод тяжелого машиностроения. 1928—1933.* Свердловск; М., 1933; *Михайлов М.* Уральский вагоностроительный завод. Свердловск, 1934; *Магнитострой: Строительство и эксплуатация.* Челябинск, 1934; *Уральский алюминиевый комбинат: Строительство.* Свердловск, 1934; *Григорович Г. П.* Челябинский электрометаллургический комбинат. М.; Л., 1935.

ли в себя огромное количество фактов, многие из которых воспроизведены участниками событий. Современники героической эпохи первых пятилеток писали о трудовых подвигах рабочего класса, о развитии массового социалистического соревнования, об авангардной роли коммунистов и комсомольцев на производстве. В их работах освещались проблемы освоения новой техники и технологии, новой организации труда, подводились некоторые итоги промышленного строительства. В описании истории старых уральских заводов наряду с современной проблематикой развивалась тема тяжелой жизни трудящихся до революции и преимуществ, которые дала им Советская власть. Здесь прослеживалась история освободительной борьбы, возникновения и деятельности большевистских организаций. Первые публикации о промышленных предприятиях Урала содержали не только яркий фактический материал, но и определенные обобщения: о закономерностях формирования советского рабочего класса, его идеологии, новом отношении к труду, общественно-политической активности. Словом, это был весьма полезный вклад в историографию социалистической индустриализации.

В работах по истории промышленности содержатся важные сведения о формировании социалистического рабочего класса Урала, его количественном и качественном составе и деятельности в период восстановления и реконструкции промышленности. В. С. Немчинов показал, как изменился количественный состав рабочего класса региона за первые годы Советской власти. По его подсчетам, к началу восстановительного периода численность уральских рабочих сократилась по сравнению с довоенным периодом почти в два раза и составила в 1922 г. 64 895 человек¹⁴⁷. Особенно большое сокращение рабочих произошло в металлургической и золотоплатиновой отраслях. Следует заметить, что автор пользовался явно заниженными данными. Статистические источники зафиксировали, что общая численность рабочих в промышленности Урала в 1922 г. составила 169,9 тыс. человек, 2/3 которых было занято в горной и горнозаводской промышленности¹⁴⁸. Привлечение статистических материалов позволило проследить распределение рабочей силы по секторам. Так, в начале восстановительного периода на государственных предприятиях работало 155 680 человек, на кооперативных — 2 073, на частных — 2 748¹⁴⁹.

О. А. Константинов и П. Н. Степанов охарактеризовали некоторые особенности развития рабочего класса Урала в годы восстановления народного хозяйства. О. А. Константинов писал, что

¹⁴⁷ См.: Немчинов В. С. Народное хозяйство Урала. С. 28.

¹⁴⁸ См.: Обзор хозяйства Урала за 1923—1924 гг.: Стат. сб. Свердловск, 1925. С. 108.

¹⁴⁹ См.: Уральский статистический ежегодник за 1923—1924 гг. Свердловск, 1925. С. 108.

удельный вес городского населения на Урале был велик — 19% по сравнению с 15% по СССР. В то же время основная масса уральских рабочих проживала в так называемых заводских поселениях или рабочих поселках, имея небольшое хозяйство — усадьбу, покос, выгон. Автор отметил также высокую концентрацию уральского пролетариата, приведя данные о том, что в 1924 г. на 1/20 долю промышленных предприятий приходилась половина рабочей силы Урала¹⁵⁰.

П. Н. Степанов проанализировал динамику рабочих крупной промышленности Урала на протяжении всего восстановительного периода. По его подсчетам, наименьшее количество рабочих в крупной промышленности было занято в 1921/22 г. — 88,7 тыс. человек. Затем численность рабочих на ценовых предприятиях Урала стала неуклонно возрастать и к концу восстановительного периода достигла 149,5 тыс. человек. С этого времени, подчеркнул автор, уральская промышленность начала испытывать острую нехватку рабочей силы, особенно квалифицированной¹⁵¹.

В литературе тех лет содержались лишь отрывочные данные о безработице уральских рабочих. В. С. Немчинов писал, что с октября 1922 г. по октябрь 1923 г. количество безработных значительно возросло — с 20,3 тыс. до 25,6 тыс. человек. Однако безработица на Урале в то время носила неиндустриальный характер, так как большую часть безработных составляли служащие и чернорабочие¹⁵². По статистическим источникам, подтверждающим приведенные данные, к концу 1925 г. на Урале насчитывалось уже 34,7 тыс. безработных¹⁵³. В указанных источниках содержались сведения о социальном составе безработных, а также о мерах, направленных на искоренение этого зла.

В конце 20-х — первой половине 30-х гг. были предприняты попытки осветить развитие рабочего класса Урала в ходе социалистической индустриализации. Большое влияние на становление проблематики по истории рабочего класса оказали труды А. М. Панкратовой, П. Н. Лепешинского, в которых были разработаны теория и методика исследования социальной структуры советского рабочего класса. Значительный фактический материал был получен при обработке данных профессиональных переписей 1929 и 1932—1933 гг. Подсчеты и выводы, вытекающие из этих переписей, были сделаны крупнейшими учеными в области социальной структуры советского общества А. Г. Рашиным, С. Г. Струмилиным, М. Т. Гольцманом, Л. Коганом, Б. Л. Маркусом.

¹⁵⁰ См.: *Константинов О. А.* СССР по районам: Уральская область. С. 12, 71.

¹⁵¹ См.: *Степанов П. Н.* Уральская область. С. 54, 55.

¹⁵² См.: *Немчинов В. С.* Народное хозяйство Урала. С. 49, 101.

¹⁵³ См.: *Труд на Урале в 1924/25 и 1925/26 гг.*: Стат. сб. Свердловск, 1926. С. 25.

Особый интерес исследователей истории рабочего класса Урала вызвал начальный период индустриализации — своеобразный исходный этап выполнения первого пятилетнего плана. Авторы оперировали различными сведениями о количестве рабочих Урала в этот период. По данным А. Ослоновского и А. Орлова, в 1926/27 г. на Урале было 136 468 рабочих¹⁵⁴, а по подсчетам П. Н. Степанова, только в крупной промышленности края в этот год трудилось 154 тыс. рабочих¹⁵⁵. Следует считать более точными данные П. Н. Степанова, хотя и они несколько занижены. По статистическим источникам, в начале индустриализации в крупной промышленности области насчитывалось 178,6 тыс., а во всех отраслях хозяйства Урала — 560,7 тыс. рабочих¹⁵⁶.

Н. Колоссовский указывал, что отличительной особенностью края было наличие большого количества рабочих кадров в городах и заводских поселках. Автор отметил постоянный приток на Урал сезонных рабочих из соседних западных областей (лесная зона Коми, Нижегородская область, перенаселенные области Татарии, Чувашии и Башкирии), а также значительное оседание на Урале переселенцев, ехавших в Зауралье и Сибирь. Он сделал вывод, что к началу огромного промышленного строительства Урал располагал значительными неиспользованными кадрами квалифицированных рабочих. Избыток рабочей силы имелся и в районах старых, закрытых заводов, и в районах с преобладанием кустарной промышленности¹⁵⁷.

К сожалению, в литературе, опубликованной местными издательствами, характеристики социального состава уральских рабочих в годы первых пятилеток не содержится. Видимо, это объясняется более низким теоретическим и методическим уровнем местных исследователей. Чаще всего в уральской литературе первой половины 30-х гг. заимствовались данные из работ А. Г. Рашина, Ф. Заузолкова, А. Авдиенко, касающиеся металлостроителей и горнорабочих Урала. Самостоятельного же анализа не проводилось.

Ученые Башкирии и Удмуртии предприняли попытку по горячим следам событий рассмотреть вопрос о формировании национальных кадров уральского пролетариата. Правда, речь шла о чисто количественном увеличении доли рабочих из татар, башкир, удмуртов на промышленных предприятиях автономных республик. По данным башкирских исследователей, за годы первой пятилетки при общем увеличении количества рабочих в 2 раза количество ра-

¹⁵⁴ См.: *Ослоновский А., Орлов А.* Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. С. 130.

¹⁵⁵ См.: *Степанов П. Н.* Уральская область. С. 54.

¹⁵⁶ См.: *Уральское хозяйство в цифрах.* 1929. Свердловск, 1929. С. 120.

¹⁵⁷ См.: *Колоссовский Н.* Уральская область и Башкирская АССР. М., 1929. С. 20.

бочих-башкир выросло в 5,6 раза¹⁵⁸. Было отмечено, что удельный вес национальных кадров среди рабочих республики не отвечал имеющимся потребностям. Удмуртские историки подсчитали, что численность рабочих-удмуртов на Ижстальзаводе к 1935 г. выросла по сравнению с 1926 г. в 14 раз и составила 12,7% общего количества рабочих¹⁵⁹.

В 20-х — первой половине 30-х гг. не было создано специальных работ по истории рабочего класса Урала. Некоторые сведения об уральских рабочих периода социалистического строительства содержатся в трудах по истории общественных организаций на Урале¹⁶⁰. В частности, А. А. Андреев, длительное время проработавший на Урале, остановился на воссоздании профсоюзных организаций после гражданской войны и перестройке их работы в условиях перехода к новой экономической политике. А. Чашихин и Ф. Фрумкина, ответственные профсоюзные работники, раскрыли деятельность профсоюзов по выполнению задач социалистического строительства. Ф. Фрумкина по результатам анкетного опроса рабочих Мотовилихинского завода проанализировала состав рабочих металлической промышленности по таким факторам, как социальное происхождение, производственный стаж, связь с землей, грамотность, общественно-политическая активность.

Уральские исследователи особенно внимательно изучили деятельность партийных и профсоюзных организаций по повышению материального уровня рабочих и усилению их производственной активности. Д. Майзельс, Л. Гольдич, Д. Антонов, В. Овсянников, Д. Коган и др.¹⁶¹ на основе анализа роста заработной платы, обследования рабочих бюджетов, жилищного положения рабочего класса, рабочего снабжения попытались выработать понятие «материальное положение» и проследить, как оно менялось в зависимости от успехов социалистического строительства. Заслугой авторов тех лет было то, что они часто обращались к методу сопоставления материального уровня рабочих Урала и других промышленных районов СССР. В качестве критерия оценки благосостояния

¹⁵⁸ См.: 15 лет Советской Башкирии. Уфа, 1934. С. 134.

¹⁵⁹ См.: 15 лет Удмуртской АССР. Ижевск, 1935. С. 16.

¹⁶⁰ См.: Андреев А. А. Профсоюзы России в 1921—1923 гг. М., 1923; Практика массовой работы профсоюзов на Урале / Под. ред. А. Чашихина. Свердловск, 1926; Фрумкина Ф. Перестроить массовую работу на предприятиях Урала. Свердловск, 1930; В буднях стройки. Пермь, 1929; На путях к победам: Комсомол в борьбе за промфинплан. Златоуст, 1931; 15 лет ВЛКСМ. Уфа, 1933.

¹⁶¹ См.: Овсянников В. Бюджеты екатеринбургских рабочих // Рабочий журнал. 1922. № 1; Майзельс Д. Обзор заработной платы // Хоз-во Урала. 1925. № 5—6; Гольдич Л. К вопросу о заработной плате // Уральский коммунист. 1926. № 2; Антонов Д. Рабочее продовольственное снабжение на Урале // Хоз-во Урала. 1930. № 10; Коган Д. О результатах проведения тарифной реформы // Уральский коммунист. 1932. № 3 и др.

рабочего класса брались показатели не только роста заработной платы, но и расходов государства на социально-культурные нужды.

Отдельную группу составили книги, специально посвященные трудовой деятельности рабочего класса Урала в реконструктивный период¹⁶². Их авторы на основе личных наблюдений, текущей документации и материалов периодической печати попытались воссоздать историю социалистического соревнования и ударничества на промышленных предприятиях края. Делалось это с целью пропаганды передового опыта.

Как и многие другие, указанные работы были написаны непрофессиональными историками и не содержали глубоких обобщений. Но они давали четкое представление о конкретных формах участия передовых рабочих в борьбе за рационализацию производства и повышение производительности труда. История соцсоревнования описывалась в развитии — от более или менее регулярного использования рабочей инициативы для улучшения технологии до появления ударных бригад и коллективов, которые стали основной формой организации массового соревнования. Большая роль в подготовке этого движения отводилась производственным совещаниям, возникшим на Урале еще в 1924—1925 гг. Отмечая значение совещаний, П. Парамонов писал, что на них «должна вестись вся предварительная работа по организации соревнования, поддерживаться жажда соревнования»¹⁶³.

В литературе анализировались все виды, в которые облекалось соревнование на начальном этапе своего развития. Многие исследователи подчеркивали роль таких проявлений трудовой активности рабочих, особенно молодежи, как производственные конкурсы, смотры и перекички. Они способствовали развитию соревнования и движения за рационализацию производства. П. Волков писал: «Конкурсы и соревнования заинтересовали молодежь своей живостью, заставили многих отряхнуться от разгильдяйства и халатности на производстве»¹⁶⁴. Их значение состояло прежде всего в воспитании нового отношения к труду, укреплении трудовой дисциплины. По словам В. Бубекина и А. Филиппова, «снижение прогулов всегда являлось одним из положительных результатов кон-

¹⁶² См.: *Бубекин В., Филиппов А.* Ударники (опыт работы ударных бригад Урала). Свердловск, 1929; *Волков П.* Революционеры производства: опыт работы ударных бригад молодежи. Свердловск, 1929; *Парамонов П.* Производственные совещания и соцсоревнование на Урале. Свердловск, 1930; Социалистическое соревнование на Урале. Свердловск, 1930.

¹⁶³ *Парамонов П.* Производственные совещания и соцсоревнование на Урале. С. 18.

¹⁶⁴ *Волков П.* Революционеры производства: Опыт работы ударных бригад молодежи. С. 11.

курсов, так как этот вопрос фигурировал как одно из неперменных условий»¹⁶⁶.

Отметив значение конкурсов и смотров, исследователи указали, что расширение масштабов хозяйственного строительства требовало перехода от единичных кратковременных форм участия рабочих в улучшении производства к массовой трудовой активности. Этому наилучшим образом отвечали ударные бригады, появившиеся в Лысьве и Златоусте в 1927 г.

Историки 20-х — начала 30-х гг. не пришли к единому мнению о причинах возникновения ударных бригад. Одни авторы, например П. Волков¹⁶⁶, писали о возникавших в процессе производства трудностях, ликвидировать которые были призваны ударные бригады, после чего надобность в них отпадала. Другие, в частности П. Парамонов¹⁶⁷, видели непосредственную причину появления бригад в переходе на конвейерную систему работы, т. е. принимали во внимание изменения в организации труда. Обе позиции были слишком односторонни и не могли до конца раскрыть истоков данного явления.

Поднимался вопрос и о времени создания первой ударной бригады на Урале. Даже современникам нелегко было ответить на него. По мнению П. Парамонова, первая постоянная ударная бригада организовалась в кузнечном цехе Златоустовского механического завода в ноябре 1926 г. Он привел результаты ударного труда и подчеркнул, что бригада «взяла тем, что с первых же шагов своей работы дала значительный производственный эффект»¹⁶⁸. Но потом выяснилось, что эти сведения относятся к более позднему времени. Большинство исследователей считало датой возникновения первой ударной бригады в Златоусте ноябрь 1927 г.

Историки отмечали, что Урал стал родиной движения ударников. Однако другие исследователи считали, что возникшие здесь ударные бригады оказались нежизнеспособными и не оказали заметного влияния на массовое соцсоревнование, которое развернулось в 1929 г.¹⁶⁹ Это не так. Почин ударников Лысьвы и Златоуста не угас, а послужил толчком для нового подъема творческой активности рабочего класса.

Часть произведений о социалистическом строительстве на Урале касалась другой важной темы — истории крестьянства, развития

¹⁶⁶ Бубекин В., Филиппов А. Ударники: (опыт работы ударных бригад Урала). С. 7.

¹⁶⁶ См.: Волков П. Революционеры производства: Опыт работы ударных бригад молодежи. С. 14.

¹⁶⁷ См.: Парамонов П. Производственные совещания и соцсоревнование на Урале. С. 67.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ См.: Социалистическое соревнование на Урале. С. 7.

социально-экономических отношений в ходе подготовки и осуществления массовой коллективизации. Их назначение заключалось в том, чтобы, проанализировав эволюцию мелкотоварного уклада в доколхозной деревне, показать закономерность и неизбежность перевода сельского хозяйства на путь коллективизма. Изучая историю крестьянства, исследователи исходили из положений ленинского кооперативного плана, который содержал четкую перспективу развития советской деревни в переходный период. Этот план, конкретизированный и закреплённый в соответствующих решениях партии и правительства, прежде всего в резолюции XV съезда ВКП(б), взявшего курс на коллективизацию сельскохозяйственного производства, служил теоретическим ориентиром для аграрников-марксистов старшего поколения. Судьбы деревни, равно как и вопросы социалистической индустриализации, решались в обстановке непримиримой идеологической и политической борьбы. Партия разоблачала правых оппортунистов, которые выступали против социалистического переустройства сельского хозяйства и проповедовали идею мирного вхождения кулака в социализм. Исследователи были призваны вооружить партию фактами, доказывавшими правильность политики коллективизации.

Первыми исследователями аграрных отношений были А. И. Хрящева, Л. Н. Крицман, С. Г. Струмилин и другие ведущие экономисты и историки. Они создали научную методику обработки статистических материалов и сделали на ее основе важные выводы о характере социальной дифференциации крестьянства в условиях новой экономической политики.

Кроме статистики в оборот вошли архивные источники, воспоминания, периодическая печать, позволившие показать, как руководимое партией Советское государство регулировало социально-экономические отношения в деревне в интересах социализма. Появились работы И. А. Конюкова, А. Х. Митрофанова, М. Е. Власова, К. Г. Луговского о кооперативном плане В. И. Ленина, об истории первых коллективных хозяйств.

Полезный вклад был внесен и в историографию истории сельского хозяйства и крестьянства Урала. Прежде всего изучению подверглось состояние индивидуального сектора, который в доколхозный период составлял основу сельскохозяйственного производства. В статьях А. Воробьева, Ф. М. Казанского, Н. Ишмаева, А. Кустарного, М. Советникова, И. Войтова, Ф. Лебедева, опубликованных в периодической печати второй половины 20-х гг., приводился большой фактический материал об имущественном обеспечении и классовой структуре уральской деревни. Используя методы статистического анализа, предложенные ведущими экономистами, авторы показали, что на Урале, как и во всей стране, переход к нэпу вызвал дифференциацию крестьянства, но в отличие от дореволюционной она сопровождалась не увеличением численности

полярных групп — бедноты и кулачества, а их сокращением при возрастании удельного веса средних слоев.

Однако точное соотношение основных социальных категорий деревенского населения удалось установить не сразу. Первоначально классовым признаком считался лишь уровень наделения крестьян посевами, скотом и инвентарем. Недостаточную объективность такого критерия подметил В. С. Немчинов. Он предложил более совершенный метод группировки крестьянских хозяйств, когда учитывались не только натуральные показатели, но и социально-экономические отношения. Этот метод, в основу которого была положена ленинская концепция аграрного вопроса в России, дал возможность более точно установить соотношение четырех основных групп крестьянства, выявленных в советской доколхозной деревне: сельскохозяйственных пролетариев; бедняков и полупролетариев; середняков, или мелких производителей; кулаков, или сельскохозяйственных буржуа. Они различались между собой условиями производства, способами накопления, размерами основных средств производства¹⁷⁰.

Последователем В. С. Немчинова на Урале был заместитель управляющего областным статистическим бюро Ф. М. Казанский. Под его непосредственным руководством специальная комиссия Урало-Сибирского коммунистического университета провела тщательное обследование большой группы крестьянских дворов в Каргапольском районе Шадринского округа. Взяв в расчет комплекс признаков, определяющих социальную принадлежность хозяйства, в том числе имущественное положение, наем рабочей силы, аренду земли, использование инвентаря, побочные заработки, она получила объективную картину классовой дифференциации деревни¹⁷¹.

Вопрос о способах группировки крестьянских хозяйств имел большое практическое и политическое значение. От его решения зависело правильное определение тенденции социально-экономического развития деревни. Между тем некоторые экономисты допускали произвольную компоновку статистических данных и делали на ее основе тенденциозные выводы о характере классового расслоения крестьянства. Например, Н. Ишмаев пытался доказать, что «в связи с общим подъемом хозяйства Урала растут экономически все социальные группы деревни, но наиболее сильно растет сельская буржуазия»¹⁷². Для этого он объединял кулаков с крепкими середняками и таким образом выводил относительно высокий про-

¹⁷⁰ См.: *Немчинов В. С.* Опыт классификации крестьянских хозяйств // Избр. произв. М., 1967. Т. 1. С. 85—86.

¹⁷¹ См.: *Казанский Ф.* У кого находятся хлебные излишки? // *Хоз-во Урала*. 1926. № 19. С. 12—15.

¹⁷² *Ишмаев Н.* О классовом расслоении уральской деревни // *Хоз-во Урала*. 1926. № 10—11.

цент деревенской буржуазии. Подобный вывод противоречил установкам партии и играл на руку разного рода оппозиционерам, стремившимся сорвать курс на коллективизацию сельского хозяйства.

Наиболее точно отражал социально-экономический облик крестьянского хозяйства комбинационный метод социальной группировки, учитывающий не только размеры хозяйств через их стоимость, но и способы хозяйствования, отношения их друг с другом, а также с городом. Такой метод и применил Ф. Казанский на практике, что позволило ему нарисовать достоверную картину соотношения классовых сил в уральской деревне и показать тенденции ее развития¹⁷³.

В литературе были освещены и некоторые другие аспекты социально-экономического развития уральской деревни: применение наемного труда в крестьянских хозяйствах, состояние землеустройства и землепользования, организация сельскохозяйственного кредита, занятия сельского населения и др. Исследователи 20-х гг. не исчерпали всей проблематики истории индивидуального сектора сельского хозяйства на Урале в доколхозный период. В частности, они не показали прогрессирующего снижения производительности и товарности мелкого хозяйства, что в конечном счете и вызвало насущную необходимость замены его системой коллективного земледелия. Однако изучение на конкретном статистическом материале сложнейшего явления социальной дифференциации деревни в рамках новой экономической политики было их существенным вкладом в историческую науку.

Центральное место в работах аграрников занял вопрос о предпосылках коллективизации сельского хозяйства и ее осуществлении на Урале в соответствии с кооперативным планом В. И. Ленина. Прежде всего внимание исследователей привлекла роль кооперации в жизни доколхозной деревни. Этой теме были посвящены опубликованные в журнале «Хозяйство Урала» статьи Г. Милова, А. Вершинина, М. Зыкова. Авторы старались показать, как Советское государство с помощью кооперации постепенно подчиняло интересы единоличного хозяйства интересам социалистического строительства, переделывало частнособственническую психологию крестьянства, подготавливало условия для победы колхозного строя.

Они попытались проанализировать все формы кооперативного движения и при этом правильно выделили процесс естественного перерастания простейшей снабженческо-сбытовой кооперации в производственную. Так, А. Вершинин писал, что кредитные товарищества, которые являлись одним из основных видов сельскохозяйственной кооперации и служили главным каналом снабжения деревни орудиями производства, были «ступенью к коллективизации

¹⁷³ См.: *Казанский Ф.* Социально-классовая структура уральской деревни // *Хоз-во Урала*. 1919. № 1. С. 19—27.

крестьянских хозяйств»¹⁷⁴. Г. Милов рассматривал другой вид объединения крестьян — машинные товарищества, получившие широкое распространение накануне массовой коллективизации, как переходную ступень от низших форм кооперации к высшим — колхозам¹⁷⁵. К сожалению, значение кооперации освещалось главным образом в плане реорганизации крестьянских хозяйств на новой, более высокой технической основе, в плане материальных преимуществ, которые она давала крестьянину. По мнению М. Зыкова, «объединение отдельных хозяйственных процессов преимущественно на коллективных началах способствует поднятию материальной культуры деревни, получению более устойчивых и высоких урожаев, содействует увеличению товарности крестьянских хозяйств»¹⁷⁶.

Уральские исследователи правильно отметили классовую направленность кооперативной политики Советской власти. М. Советников, И. Войтов, Э. Лейрих, Г. Милов охарактеризовали разнобразную помощь государства трудовому крестьянству через кооперацию как способ планомерно-регулирующего воздействия на социально-экономические процессы в деревне. Особо было подчеркнута значение фонда кредитования бедноты. По данным М. Советникова, этот фонд, составлявший к весне 1927 г. примерно 900 тыс. р., предназначался исключительно для обслуживания нужд бедняков и кооперирования их хозяйств. Автор пишет, что государственная помощь реально способствовала поднятию производительных сил малоомощных хозяйств. В Сарапульском, Коми-Пермяцком и Шадринском округах в процессе кредитования бедноты было образовано вновь 167 производственных коллективов, главным образом машинных товариществ¹⁷⁷.

В литературе 20-х гг. предпринимались попытки показать роль специальных производственных форм кооперации в подготовке коллективизации сельского хозяйства. Была установлена прямая связь количественных и качественных результатов колхозного движения с уровнем развития специальных форм кооперации. Обращалось внимание, в частности, на такое важное средство производственного кооперирования крестьян, как контрактация, получившая распространение на Урале в весеннюю посевную кампанию 1929 г. Отмечалось, что государство заключало договор о поставках промышленных изделий в обмен на сельскохозяйственную продукцию только с крестьянскими объединениями, с тем чтобы

¹⁷⁴ Вершинин А. Состояние сельскохозяйственных кредитных товариществ на Урале и их очередные задачи // Хоз-во Урала. 1927. № 2—3. С. 137.

¹⁷⁵ См.: Милов Г. Машинные товарищества на Урале // Хоз-во Урала. 1928. № 1. С. 65.

¹⁷⁶ Зыков М. Производственная кооперация на Урале // Хоз-во Урала. 1927. № 10—11. С. 52.

¹⁷⁷ См.: Советников М. Первые шаги кредитования деревенской бедноты // Хоз-во Урала. 1927. № 7. С. 1, 5.

простейшие из них в последующем перевести на устав производственных кооперативов. Эта новая форма кооперирования получила поддержку трудового крестьянства. Как сообщал П. Потеряхин, план весенней контрактации в области был выполнен по зерновым культурам на 121,9%, льноволокну — на 93, подсолнечнику — на 70, картофелю — на 120, льносеменам — на 107, огородным овощам — на 120%¹⁷⁸.

Вопрос о контрактации в полном объеме не был изучен. Ее конкретные результаты остались вне поля зрения исследователей. Они ограничились лишь констатацией того факта, что контрактация выдвинула такую простую форму производственного объединения крестьянства, как зерновые или посевные товарищества, организация которых способствовала лучшей обработке почвы, соблюдению необходимых агротехнических мероприятий, повышению урожайности¹⁷⁹.

Что же касается освещения в литературе тех лет проблем непосредственной подготовки и осуществления массовой коллективизации, то оно шло по двум направлениям: в плане изучения истории колхозного строительства в целом (И. Лошилов, Г. Милов, Ф. Казанский и др.) и отдельных аспектов и вопросов социалистического строительства на примере зон, округов, районов и даже сел и деревень Уральской области (П. Бажов, А. Караваев, А. Сосновский, П. Уральский и др.).

Исследователи отмечали, что с переходом к нэпу количество коллективных хозяйств на Урале начало сокращаться. И. Лошилов, например, объяснил это тем, что в условиях свободной торговли часть колхозников сочла более выгодным снова заняться мелкотоварным производством, что некоторые молодые коллективы не смогли приспособиться к товарно-денежным отношениям, оказались нерентабельными. С 1923 г. начался подъем колхозного движения, но на качественно иной основе. Новая историческая обстановка потребовала создания более жизненных по сравнению с коммунами форм производственных объединений, которые учитывали бы принцип материальной заинтересованности крестьян¹⁸⁰. К сожалению, этот вопрос не получил конкретной разработки. Некоторые авторы, в частности И. Лошилов, представляли себе такие объединения в виде коммун, возникших в результате преобразования сельскохозяйственных артелей, которые в свою очередь должны были произойти из товариществ по совместной обработке земли. Однако большинство справедливо считали, что особен-

¹⁷⁸ См.: Потеряхин П. О весенней кампании 1929 года // Хоз-во Урала. 1929. № 7. С. 105.

¹⁷⁹ См.: Вершинин А. Специализация сельскохозяйственной кооперации на Урале // Хоз-во Урала. 1929. № 2. С. 81.

¹⁸⁰ См.: Лошилов И. Колхозное движение на Урале // Хоз-во Урала. 1927. № 7. С. 65.

ностью колхозного строительства на Урале в 1921—1927 гг. являлось преимущественное развитие простейших форм коллективных объединений с широким охватом бедняцких и середняцких слоев крестьянства¹⁸¹. Причем на долю колхозов в системе низовых кооперативов приходилось всего 2,1% кооперированного населения¹⁸².

В 1928—1929 гг. были достигнуты крупные успехи в колхозном движении, созданы условия, необходимые для массовой коллективизации сельского хозяйства. Этот период наиболее обстоятельно освещен Ф. М. Казанским. Автор отметил прежде всего быстрый рост таких коллективов на Урале. Только за один год (с мая 1928 по май 1929 г.) их стало вдвое больше¹⁸³. По темпам коллективизации Уральская область занимала в то время ведущее положение в стране, уступая лишь основным зерновым районам. Ф. М. Казанский писал, что наиболее перспективной формой колхозного строительства становилась сельскохозяйственная артель: с мая по октябрь 1929 г. количество коммун увеличилось с 398 до 509, тозов — с 1 584 до 1 696, артелей — со 147 до 1 315¹⁸⁴. Он, однако, не дал социально-экономической характеристики каждой из трех форм крестьянских коллективов, не проанализировал динамики колхозного движения.

Исследователь подчеркнул, что перед единоличными крестьянскими хозяйствами колхозы имели неоспоримые преимущества: более производительное использование сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, применение передовых методов агротехники, ведение правильных севооборотов, применение минеральных удобрений, посев сортовыми семенами и т. д. Он указывал: «В колхозах мы имеем не только форму коллективизации, реконструирующую социальную природу индивидуальных крестьянских хозяйств, но и культурную систему хозяйства, технически перестраивающую господствующие отсталые способы ведения хозяйства»¹⁸⁵.

Ф. М. Казанский касался и географии колхозного движения в Уральской области. По его словам, главной базой коллективизации оставались районы Центрального и Южного Зауралья, в которых сосредоточивалось 2/3 всех колхозов, причем наиболее крупных, и 3/4 коллективизированных крестьянских дворов¹⁸⁶.

¹⁸¹ См.: *Зыков М.* Производственная кооперация на Урале // *Хоз-во Урала*. 1927. № 10; *Милов Г.* Коллективные хозяйства и их деятельность // *Хоз-во Урала*. 1928. № 3 и др.

¹⁸² См.: *Лощилев И.* Колхозное движение на Урале. С. 68.

¹⁸³ См.: *Казанский Ф.* Коллективизация в сельском хозяйстве Урала // *Хоз-во Урала*. 1929. № 8—9. С. 94.

¹⁸⁴ См.: *Казанский Ф.* Колхозное строительство на Урале // *Хоз-во Урала*. 1928. № 10. С. 3—6.

¹⁸⁵ *Казанский Ф.* Колхозное строительство на Урале. С. 10.

¹⁸⁶ См.: *Казанский Ф.* Колхозное строительство на Урале.

Для Урала было характерно относительно широкое распространение коммун. Ф. М. Казанский отмечал, что они отличались более высокой степенью обобществления основных средств производства, чем тозы и сельскохозяйственные артели¹⁸⁷. П. Уральский проанализировал деятельность Шатровского союза коммун и дал ей высокую оценку. Он писал, что это «особого рода интересный образец не только тюменского, но и уральского и даже всесоюзного значения»¹⁸⁸. Действительно, Шатровский союз сыграл важную роль в коллективизации одного из крупных сельскохозяйственных районов края. Но в союзе имелись и недостатки, в частности, распределение доходов производилось по уравнительному принципу, без учета количественной и качественной меры труда.

Большой заслугой исследователей 20-х гг. являлось изучение состояния материально-технической базы коллективизации. Этому вопросу посвящены статьи В. Немчинова, А. Воробьева, И. Войтова, М. Советникова, Н. Ишмаева, Н. Панкратова и др. В них правильно говорилось о невозможности для крестьян в одиночку улучшить техническую оснащенность своих хозяйств и поднять культуру земледелия. Авторы подчеркивали, что машинные товарищества — а они накануне массовой коллективизации составляли более половины всех типов сельскохозяйственных кооперативов — создавались крестьянами для совместного приобретения и эксплуатации машин и инвентаря. Применение машин, особенно тракторов, позволяло подвести под сельское хозяйство современную техническую базу, поднять его продуктивность, облегчить труд колхозников.

Особое внимание уделялось деятельности машинно-тракторных колонн и машинно-тракторных станций. Исследователи показали на конкретных материалах, что использование тракторов способствовало не только повышению качества обработки полей, но и переделке психологии крестьян, выработке у них заинтересованного отношения к идее коллективизации.

Определенное отражение в литературе конца 20-х — первой половины 30-х гг. нашла и сама массовая коллективизация на Урале, хотя тогда события только еще разворачивались и современники в полной мере не могли охватить их содержания. Литература эта, представленная не только журнальными статьями, но и отдельными публикациями, разнообразна по тематике и назначению.

Прежде всего выделяются работы общего плана, в которых рассматривается сравнительно широкий круг вопросов, связанных с осуществлением коллективизации в целом или ее важнейших задач. Это опубликованные в журналах статьи М. Зыкова, А. Ка-

¹⁸⁷ Там же. С. 7—9.

¹⁸⁸ *Уральский П.* Союз шатровских коллективов // *Хоз-во Урала.* 1923. № 4. С. 120.

раваева и ряд брошюр¹⁸⁹. Исходя из указаний В. И. Ленина и директив Коммунистической партии о путях вовлечения масс трудового крестьянства в социалистическое строительство, авторы попытались осмыслить те перемены, которые происходили в деревне в ходе реконструкции сельского хозяйства на коллективистских началах. Они констатировали, что на рубеже 30-х гг. идея коллективизации, настойчиво пропагандируемая Советской властью, наконец овладела массами и превратилась в мощную созидательную силу. Как и по всей стране, на Урале темпы колхозного строительства резко возросли. Если, по данным М. Зыкова, в октябре 1928 г. в колхозы было объединено 2% крестьянских хозяйств, то в октябре 1930 г. — уже 26%. Окончательно определилась и наиболее целесообразная форма обобществления орудий и средств производства. Накануне массовой коллективизации более половины коллективизированных хозяйств состояло в тозах, а в сельскохозяйственных артелях их было 36%. На 1 октября 1930 г. артели объединяли 77% общего числа коллективизированных хозяйств. Бурный рост колхозов автор объяснял тем, что в них пошел середняк. Он подсчитал, что в 1930 г. середняки составляли 35% колхозного крестьянства на Урале¹⁹⁰.

В книге Г. И. Крумина подведены общие итоги колхозного строительства на Урале в годы первой пятилетки. В этот период число коллективных хозяйств увеличилось с 2 150 до 8 900 и они объединили около 70% всех крестьянских хозяйств. Значительно укрепилась материально-техническая база общественного земледелия. За три года пятилетки количество тракторов возросло с 830 до 6 312. МТС стали обрабатывать свыше 2 млн га колхозных посевов¹⁹¹. Из этих цифр автор делал слишком далеко идущие выводы. Он заявлял, что к началу второй пятилетки машины вытеснили примитивные орудия крестьянского труда и сельское хозяйство превратилось в крупное передовое производство с мощной технической базой¹⁹².

Опыт социалистического строительства в уральской деревне полностью подтвердил преимущества коллективного ведения хозяйства, определяемые прежде всего способом использования орудий и средств производства. М. Зыков подчеркивал, что уже про-

¹⁸⁹ См.: *Ишмаев Н.* На путях к социализму: Уральские коллективные хозяйства. Свердловск, 1930; *Зыков М.* Перед новым колхозным подъемом // *Уральская новая деревня.* 1930. № 19—20. С. 6, 9; *Караваев А.* Ликвидация кулачества как класса // *Уральский коммунист.* 1930. № 2; *Хлестов П.* Борьба за совхозы и колхозы на Урале. Свердловск, 1932; *Стариков С.* В колхозах в весенний сев. Свердловск; М., 1932 *Крумин Г. И.* Итоги I пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 г. Свердловск, 1933.

¹⁹⁰ См.: *Зыков М.* Перед новым колхозным подъемом. С. 6, 9.

¹⁹¹ См.: *Крумин Г. И.* Итоги I пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 г. С. 27.

¹⁹² Там же. С. 28.

стое сложение крестьянского инвентаря давало экономический эффект по сравнению с применением его в индивидуальных хозяйствах. История колхозного движения, писал он, опровергает Троцкого, который считал, что путем сложения крестьянских сох и крестьянских клещ невозможно создать крупное хозяйство. Автор отмечал значительно больший процент товарности коллективного сектора сельского хозяйства, нежели единоличного. По его данным, на втором году пятилетки колхозы по объему хлебозаготовок в 4—5 раз превзошли кулацко-зажиточную верхушку деревни¹⁹³.

В уральской литературе поднимался вопрос и о значении организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Исследователи писали о необходимости повсеместного распространения оправдавшей себя бригадной формы организации колхозного производства, правильной постановки учета труда, развертывания соцсоревнования и ударничества, широкой подготовки механизаторских и управленческих кадров. Особое внимание уделялось вопросам распределения доходов. Выступавшие в печати требовали введения сдельщины, обязательного учета при расчете с колхозниками количества и качества труда каждого. По мнению М. Зыкова, уравниловка была выгодна только кулакам и прогульщикам и в конечном счете снижала продуктивность общественного производства¹⁹⁴.

Одним из самых злободневных в то время был вопрос о классовых противоречиях в деревне в связи с ее социалистическим переустройством. Специально он был рассмотрен А. Караваевым и М. Зыковым. А. Караваев показал, как осуществлялась на Урале задача ликвидации последнего и самого многочисленного эксплуататорского класса — кулачества. Автор подметил, что в условиях сплошной коллективизации классовый враг изменил тактику борьбы. Потерпев поражение в открытом бою, кулаки стали проникать в колхозы, чтобы развалить их изнутри, или сами организовывали так называемые лжеартели. Но А. Караваев сгустил краски, утверждая, что деревенские богатеи проявляли в этом деле даже большую инициативу, чем бедняцко-середняцкие массы крестьянства¹⁹⁵. М. Зыков подошел к вопросу с другой стороны. Он обратил внимание на противоречия, порождаемые частнособственническими настроениями части колхозников. Эти настроения, всячески подогреваемые кулацкой пропагандой, являлись, по его мнению, серьезным препятствием на пути становления новых социалистических отношений в деревне¹⁹⁶.

¹⁹³ См.: Зыков М. Перед новым колхозным подъемом. С. 7, 9.

¹⁹⁴ См.: Зыков М. Борьба за организацию социалистического труда в колхозах Урала // Уральский коммунист. 1931. С. 5—6.

¹⁹⁵ См.: Караваев А. Классовая борьба в условиях сплошной коллективизации // Уральский коммунист. 1929. № 15. С. 20—29.

¹⁹⁶ См.: Зыков М. Борьба за организацию социалистического труда в колхозах Урала. С. 5—6.

В литературе, составляющей идейное наследие начального этапа советской историографии, отражен, правда в самых общих чертах, еще один аспект социалистического строительства в крае — развитие культуры. Исследователями этой проблемы стали непосредственные участники событий — государственные и партийные деятели, работники органов народного образования, руководители плановых учреждений. Большой вклад в обоснование конкретных направлений культурного строительства внесли работавшие на Урале крупные организаторы партии Бела Кун, Н. М. Шверник, И. Д. Кабаков, Д. Е. Сулимов. В газетах, журнале «Уральский коммунист», специальных журналах «Просвещение на Урале», «Студент-рабочий», «Студент-пролетарий» публиковались обзорные либо тематические статьи, посвященные наиболее злободневным вопросам культурной жизни.

Одновременно велась разработка конкретной проблематики. Она была довольно разнообразна. Особое внимание привлек опыт борьбы с неграмотностью. Он был рассмотрен в специальных брошюрах¹⁹⁷. Авторы рассказали о всенародном движении за ликвидацию неграмотности среди взрослого населения, о постановке работы начальных и средних школ, о некоторых итогах осуществления всеобщего. Обобщенные сведения по данным вопросам содержались в книге А. Ослоновского и А. Орлова. Там были отмечены и трудности, с которыми сталкивалась культурная революция на Урале. Они были обусловлены неодинаковым уровнем развития различных категорий населения, в результате чего национальные районы по темпам всеобщего обучения значительно отставали от области в целом. Из-за бедности и отсталости нерусских народностей, объясняли А. Ослоновский и А. Орлов, успехи культурного строительства на Урале были менее значительными, чем в среднем по стране¹⁹⁸. И. И. Абрамов и В. Н. Мочалов обобщили опыт работы местной общественности по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Они писали, в частности, о культпоходе, который был проведен по инициативе комсомола в 1929 г. и стал эффективной формой мобилизации культурных сил на борьбу с неграмотностью¹⁹⁹. К сожалению, авторы, приведя содержательный

¹⁹⁷ См.: *Истомин И., Жук Я.* Состояние начального обучения на Урале в 1925/26 учебном году. Свердловск, 1926; На путях к всеобщей грамотности. Свердловск, 1927; Подготовка введения всеобщего обучения на Урале. Свердловск, 1927; Борьба за всеобщее на Урале. Свердловск, 1930; В бой за всеобщее обучение. Свердловск, 1930; *Абрамов И. И., Мочалов В. Н.* Первые победы: (из уральского опыта ликвидации неграмотности). М.; Л., 1930; Культфронт Урала на подъеме. Свердловск, 1932.

¹⁹⁸ См.: *Ослоновский А., Орлов А.* Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. С. 139.

¹⁹⁹ См.: *Абрамов И. И., Мочалов В. Н.* Первые победы: (из уральского опыта ликвидации неграмотности). С. 18.

материал и сделав важные обобщения, не сумели должным образом оценить роль областной партийной организации в руководстве массовым движением за социалистическую культуру.

Одним из основных направлений культурного строительства являлось развитие общеобразовательной школы. Эта тема сравнительно широко освещалась в литературе, относящейся к периоду, когда осуществлялось всеобщее сначала начальное, а затем семилетнее обучение²⁰⁰. В результате успешного выполнения народнохозяйственных планов увеличивались бюджетные ассигнования на нужды народного образования, расширялась школьная сеть, непрерывно рос контингент учащихся, решался вопрос с подготовкой учительских кадров. Ставились на обсуждение вопросы практического порядка, связанные с совершенствованием учебного процесса. Некоторые авторы предупреждали о «левацких» увлечениях поисками новых форм обучения, когда главный упор делался на количественные показатели в ущерб прочности знаний.

Уже в то время ставился вопрос о необходимости приближения школьного обучения к жизни, привития учащимся определенных профессиональных навыков. На примере Урала он был специально исследован Е. К. Старцевым, решительным сторонником создания и развития единой трудовой политехнической школы. Однако он считал допустимым усилить политехнизацию за счет общеобразовательных предметов²⁰¹.

В конце 20-х — первой половине 30-х гг. появились первые исследования, посвященные истории национальной школы на Урале²⁰². Авторы отмечали большие трудности в деле ликвидации культурной отсталости нерусских народов, в частности башкир. Эти трудности заключались в острой нехватке учительских кадров, могущих вести преподавание на национальном языке, влиянии реакционных традиций, которые препятствовали вести совместное обучение мальчиков и девочек, противоборстве со стороны местного духовенства и т. д. Говорилось и о необходимости введения в Башкирии начального всеобщего обучения ввиду массовой неграмотности взрослого населения.

Важнейшее значение в период реконструкции имела подготовка квалифицированных кадров промышленных и сельскохозяйствен-

²⁰⁰ См.: *Перель И. А.* За боевую перестройку культфронта Урала. М.; Свердловск, 1931; По-боевому реализуем решения ЦК ВКП(б) о школе. М.; Свердловск, 1932; *Старцев Е. К.* Состояние и задачи трудового политехнического обучения в средней школе Урала. М.; Свердловск, 1933; *Перель И. А.* О задачах школы Урала в 1933/34 учебном году. М.; Свердловск, 1935; Начальная и средняя школа Свердловской области в 1934/35 учебном году: (по материалам выборочного обследования учебной работы). Свердловск, 1935.

²⁰¹ См.: *Старцев Е. К.* Состояние и задачи трудового политехнического обучения в средней школе Урала. С. 13.

²⁰² См.: *Амиров Х.* Проблема всеобщего начального обучения в Башкирской АССР. Уфа, 1929; *Абзанов Ш.* К вопросу о народном образовании в Башкирии. Уфа, 1935.

ных рабочих. Она получила освещение в упомянутых работах по истории общеобразовательной школы и в специальных исследованиях²⁰³. Н. Миславский нарисовал общую картину профессионального образования молодежи на Урале к концу восстановительного периода. Он полагал, что практиковавшееся тогда закрепление подростков за промышленными предприятиями не решает проблемы, что нужно создавать для этого широкую сеть заведений профессионально-технического обучения²⁰⁴. Обсуждался и метод ускоренной подготовки квалифицированных кадров, предложенный Центральным институтом труда. Большинство исследователей не соглашались с этим, отдавая предпочтение таким оправдавшим себя формам, как школы фабрично-заводского ученичества, школы массовых профессий, обучение рабочих без отрыва от производства.

Определенное внимание в литературе того времени уделялось формированию новой социалистической интеллигенции на Урале через систему высшего и среднего специального образования. Ряд публикаций были посвящены истории отдельных учебных заведений²⁰⁵. Это в основном популярные очерки, где рассказывалось о борьбе местных советских и партийных органов за перестройку работы вузов и техникумов в соответствии с задачами социалистического строительства, за пролетаризацию социального состава студенчества, за использование педагогического опыта и знаний старой профессуры. Здесь сообщались самые общие сведения о выпуске специалистов, давалась их социально-политическая характеристика.

Помимо системы народного образования исследовались и другие средства формирования духовной культуры масс. Особое внимание уделялось печати, которая играла важнейшую роль в распространении культурных и политических знаний²⁰⁶.

В литературе затрагивались лишь отдельные стороны политико-просветительной работы, которую вели партийные органы в городе и деревне через сеть партийного просвещения, культурно-просветительные учреждения. Разоблачая проявления буржуазной идеологии, выступавшие в печати партийные и советские работники призывали усилить воспитательное воздействие коммунистов на рабочую и крестьянскую массу, развернуть антирелигиозную пропаган-

²⁰³ См.: Миславский Н. Вопросы труда молодежи. Свердловск, 1925; Гасников И. Уральский комсомол в борьбе за кадры. М.; Свердловск, 1930.

²⁰⁴ См.: Миславский Н. Вопросы труда молодежи. С. 23.

²⁰⁵ См.: Преподаватели и студенты Уральского университета. Екатеринбург, 1923; Отчет о деятельности Пермского государственного университета за 1923/24 учебный год. Пермь, 1924; Что должен знать рабочий и крестьянин о рабфаках, техникумах и вузах Урала: Справочник. Свердловск, 1929; Пермский рабфак за 10 лет: Юбил. сб. 1919—1929 гг. Пермь, 1929; Уральский индустриально-педагогический институт. Свердловск, 1930.

²⁰⁶ См.: Поликашин А. Крестьянская газета: (трехлетний уральский опыт). М.; Л., 1927.

ду, активнее перестраивать идеологическую работу в связи с задачами нэпа. Эти вопросы рассматривались в брошюрах²⁰⁷. Особое значение придавалось разоблачению религиозных пережитков. Издавались работы, посвященные обобщению опыта постановки атеистической пропаганды на Урале²⁰⁸, затрагивались и вопросы идейно-политического воспитания масс в национальных районах²⁰⁹.

Таким образом, в первый период существования советской исторической науки разработка истории установления, упрочения и развития диктатуры пролетариата на Урале значительно продвинулась вперед. Это выражалось в утверждении научной методологии и определении конкретной проблематики исследования. Однако существовали объективные факторы, которые накладывали отпечаток на литературную продукцию того времени.

Дело в том, что научное творчество сдерживалось прежде всего недостатком профессиональных кадров, владевших методикой исторического исследования. Да и сама методика была разработана не сразу. Как свидетельствует пример Урала, обобщением опыта революции и социалистического строительства занимались не историки, а главным образом пропагандисты, практические работники. Далеко не все они могли правильно организовать и оформить свой научный поиск, сделать нужные выводы на основе анализа конкретного материала.

Работы первого поколения исследователей истории советского Урала носят во многих случаях фактографический характер. Это явление, присущее главным образом периферии, имело положительную сторону. Литература, написанная современниками и активными участниками событий на основе личных впечатлений, текущих материалов, частично статистики, отличалась большой точностью воспроизведения фактов и потому до сих пор не утратила своего источникового значения. Но теоретический уровень ее был недостаточно высок.

Фактором, сдерживающим изучение конкретной проблематики, являлась узость источниковой базы. В 20-х — первой половине

²⁰⁷ См.: *Альшуллер М. И.* Опыт местной работы по ИОТ. Пермь, 1925; *Авербах Л.* Большевицкая весна: (очерки советского и партийного строительства на Урале). М., 1925; Из опыта работы Пермской партгруппы ЦК ВКП(б). Пермь, 1925; Из опыта работы студентов УСКУ в деревне. Свердловск, 1925; На партийно-воспитательной работе: Из опыта Надеждинской партгруппы ЦК ВКП(б). М., 1926; *Мудрик М.* От XIV к XV съезду: Экономическая политика партии на Урале. Свердловск, 1927.

²⁰⁸ См.: *Щепкин И., Волжанин К.* Сектанты на Урале. Свердловск, 1928; *Щепкин И.* Уральские сектанты. Свердловск, 1930; *Эристов А. Г.* На тобольском фронте борьбы с религией. Тобольск, 1929; *Коробейников Н. А.* За Уралом-Кузбасс, против рософормных мракобесов. Свердловск, 1932.

²⁰⁹ См.: *Ибрагимов А., Садыков С.* Успехи ленинской национальной политики на Урале. Свердловск, 1932; *Юрень И.* Национальный вопрос на Урале. Свердловск, 1930; *Гурьев Н. А., Шаматов М. К.* Национальные меньшинства на Урале. М., 1930.

30-х гг. в научный оборот еще не вошла основная масса неопубликованных документов, концентрировавшихся в архивных фондах. Многие из этих документов успели отложиться только в текущих архивах предприятий и учреждений. Это сужало диапазон конкретных исследований, порождало одностороннее, а иногда и ошибочное представление о ходе экономических и социально-политических процессов.

Становление исторической науки происходило на теоретической основе марксизма-ленинизма. Идейные противники нашей партии, пользуясь недостаточной квалификацией и теоретической неподготовленностью исторических кадров, особенно на местах, стремились протащить в литературу по истории Октябрьской революции и социалистического строительства чуждые взгляды, исказить подлинные факты, выхолостить их классовое содержание. Надо было утвердить в исторической науке принцип большевистской партийности, решительно противостоять влиянию буржуазной идеологии, организационно и идейно разбить оппортунизм, чтобы ленинская концепция окончательно восторжествовала.

Глава 2

ИСТОРИОГРАФИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА УРАЛЕ

(вторая половина 30-х — 50-е гг.)

1. Организация научных исследований

Победа социализма в СССР поставила ряд новых и весьма ответственных задач перед общественными науками, в том числе перед историей. Необходимо было повысить их значение в идеологическом воспитании советских людей, прежде всего подрастающего поколения, сплотить кадры историков на единой основе марксизма-ленинизма. 16 мая 1934 г. было опубликовано постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР»¹. В нем указывалось на отсутствие правильной системы в обучении школьников, на недооценку воспитательной функции исторических знаний. В постановлении партии и правительства «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», принятом в 1936 г., подчеркивалась необходимость развертывания научно-исследовательской работы в области истории².

В 30-х гг. была создана стройная система исторического образования, которая охватывала весь цикл обучения — от начальной школы до вуза. Это позволило приступить к систематической подготовке высококвалифицированных кадров историков-марксистов. Именно в те годы история утвердилась как одна из важнейших общественных наук, а ведущее место в ней заняла отечественная история. Высшим научным учреждением страны стал созданный в 1936 г. Институт истории АН СССР. Его периодические издания — журналы «Историк-марксист», «Исторический архив», «Исторические записки», «Исторический журнал» сыграли важную роль в накоплении знаний, совершенствовании методологии и методики исторических исследований.

На втором этапе развития исторической науки значительно возрос интерес к историко-партийной тематике. В 1938 г. в Москве вышел в свет «Краткий курс истории ВКП(б)». Это было большим событием в политической жизни советского общества. В книге пред-

¹ СЗ СССР. 1934. № 26. Ст. 204.

² КПСС в резолюциях... 9-изд. М., 1985. Т. 6. С. 351—361.

принималась попытка воссоздать основные этапы истории революционного движения и социалистического строительства, исправить серьезные ошибки в толковании фактов, связанных с разработкой организационных, тактических и идеологических основ нашей партии, дать принципиальную оценку внутривнутрипартийным разногласиям. Вместе с тем в «Кратком курсе» содержались крупные ошибки теоретического и фактического характера, обусловленные как общим уровнем развития историко-партийной науки, так и влиянием культа личности Сталина.

Большое значение в накоплении конкретных знаний имело развитие вспомогательных исторических дисциплин, особенно источниковедения, археографии и архивоведения. Главным центром изучения этих дисциплин стал открытый в 1931 г. в Москве Историко-архивный институт. Их роль заметно возросла в связи с упорядочением архивного дела в стране. В конце 30-х — начале 40-х гг. Государственный архивный фонд значительно расширился за счет включения в него материалов научных, культурных и технических учреждений и предприятий, фондов печати. Было учреждено Главное архивное управление при Наркомате внутренних дел СССР.

Перестройка системы архивных учреждений коснулась и периферии. В связи с разукрупнением Уральской области были организованы областные архивы в Свердловске, Челябинске (1934 г.), затем в Перми (1938 г.), Кургане (1943 г.). В крупных административных центрах стали действовать их филиалы. Возникли многочисленные городские и районные архивы. Упорядочение архивного дела создало благоприятные возможности для вовлечения в научный оборот массы неопубликованного материала.

Некоторые структурные изменения претерпели краеведческие организации на местах. В 1935 г. Уральское областное бюро краеведения было преобразовано в оргбюро обществ по изучению областей. Историческую секцию общества по изучению Свердловской области возглавил профессор С. В. Юшков. В апреле 1938 г. Наркомпрос РСФСР распространил письмо «О постановке и организации краеведческой работы», в соответствии с которым на базе обществ изучения областей создавались советы по краеведению при областных отделах народного образования.

Существенно продвинулось решение проблемы подготовки исторических кадров. Большое значение имело восстановление гуманитарных факультетов в университетах и педагогических институтах. В 1938 г. в числе первых открылся исторический факультет в Уральском государственном университете, а в 1941 г. — в Пермском. На исторических и историко-партийных кафедрах вузов постепенно начали складываться коллективы ученых, которые в скором времени взяли на себя основную работу по изучению истории края.

Особое место в истории советской исторической науки занимает период Великой Отечественной войны. В это время вся работа идеологического фронта была подчинена общей цели — добиться победы над немецко-фашистскими захватчиками. Война внесла существенные изменения в распределение исторических кадров. Ряд исторических учреждений были эвакуированы в глубокий тыл. В числе их сотрудников находились крупные ученые, которые способствовали значительному оживлению исследовательской работы на местах. Так, историки Москвы и Ленинграда сделали немало полезного для лучшей постановки учебной и научной работы на историческом факультете Уральского государственного университета, приняли активное участие в деятельности советов по краеведению.

После ликвидации разрушительных последствий войны были достигнуты крупные успехи в развитии социалистической экономики, повышении материального благосостояния трудящихся, укреплении советского общественного и государственного строя. В 1959 г. XXI съезд КПСС отметил полную и окончательную победу социализма в СССР. Колоссально вырос международный авторитет нашей страны. Вместе с тем по мере утверждения мировой социалистической системы ужесточалась борьба с империализмом в области политики и идеологии. Спекулируя на трудностях послевоенного времени, пуская в ход грубую фальсификацию и низкопробную антисоветскую пропаганду, наши противники пытались поколебать морально-политическое единство советского общества. В этой обстановке наиболее важное значение приобрели проблемы идейного содержания науки и культуры. Во второй половине 40-х гг. ЦК ВКП(б) принял ряд постановлений по идеологическим вопросам, подвергнув резкой критике серьезные отступления от ленинского принципа партийности в области литературы и искусства³.

Разработке вопросов методологии во многом способствовала дальнейшая публикация ленинского идейного наследия. В 1950 г. закончилась подготовка издания наиболее полного четвертого собрания сочинений В. И. Ленина. Помимо статей, докладов и выступлений Владимира Ильича в научный оборот стала вовлекаться его разнообразная переписка, представляющая исключительный интерес с методологической и источниковедческой точки зрения. Начали шире публиковаться труды Маркса и Энгельса, произведения руководителей партии и правительства, партийные документы.

³ См., например, постановления ЦК ВКП(б): от 2 августа 1946 г. «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников»; от 25 июля 1947 г. «О подготовке научно-педагогических кадров через аспирантуру»; от 16 июня 1949 г. «О мерах по устранению недостатков в подборе, подготовке и переподготовке кадров преподавателей основ марксизма-ленинизма, политической экономии и философии высших учебных заведений» (КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 39—48, 147—151, 190—192).

В обстановке культа личности, однако, не могла полностью сложиться научная концепция исторического процесса. Субъективистская оценка событий, произвольный отбор фактов, искусственная регламентация творческих поисков и проблематики исследования — все это отрицательно влияло на развитие науки. В области истории советского общества допускалось принижение роли В. И. Ленина, роли народных масс и партии в подготовке и проведении Октябрьской революции, организации вооруженной защиты Советской власти, осуществлении социалистических преобразований. Влияние культа личности сказывалось в недостаточном внимании исследователей к объективным закономерностям общественного развития, в недооценке такого важного фактора истории, как соотношение классовых сил и политических партий на том или ином ее этапе. В научной жизни стали практиковаться методы администрирования, несправедливой критики, приклеивания ярлыков. Эти негативные явления носили временный характер. Их устранение позволило партии в полной мере использовать творческий потенциал советских историков.

Значительно расширилась подготовка исторических кадров высшей квалификации. Прямое отношение к этому имело принятое в августе 1946 г. постановление ЦК ВКП(б) «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников». В соответствии с ним открылись Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), республиканские, краевые и областные партийные школы, а также Академия общественных наук на правах аспирантуры. Все больше специалистов обучалось в аспирантуре вузов и научных учреждений. Они внесли существенный вклад в развитие науки. По подсчетам Е. Н. Городецкого, с середины 30-х до середины 50-х гг. только по истории Октябрьской революции и гражданской войны было защищено 464 кандидатских и 15 докторских диссертаций. Работы на эту тему составили более 30% всех кандидатских диссертаций, посвященных истории советского общества⁴.

Партия поставила перед специалистами задачу на основе глубокого освоения марксистско-ленинской теории и массового использования новых источников, в первую очередь архивных, широко развернуть монографическое изучение важнейших проблем отечественной истории, особенно периода социализма. К тому времени относится творческая деятельность А. М. Панкратовой, И. И. Минца, Э. Б. Генкиной, С. И. Якубовской, И. А. Гладкова, А. Ф. Хавина, М. А. Краева и других ведущих исследователей истории советского общества. Большим событием в общественно-политической и научной жизни страны явился выход в свет первых двух томов «Истории гражданской войны в СССР (т. 1 — в 1935 г.; т. 2 — в

⁴ См.: Городецкий Е. Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930—1960-е гг.: Очерки. М., 1982. С. 11, 14.

1942 г.), посвященных предыстории Великого Октября и установлению Советской власти. Это был первый обобщающий труд на такую тему.

В монографической литературе получили освещение и некоторые общие проблемы переходного периода, в частности, социалистическая реконструкция промышленности и сельского хозяйства, развитие союза рабочих и крестьян в условиях новой экономической политики, ликвидация остатков эксплуататорских классов, преодоление хозяйственной и культурной отсталости национальных районов. Крупный вклад в советскую историографию внесли авторы многочисленных статей по различным вопросам истории СССР эпохи социализма. Они публиковались в центральной периодической печати, прежде всего в журналах «История СССР», «Вопросы истории», «Исторические записки», а также в ученых записках и трудах кафедр общественных наук высших учебных заведений.

Вся эта литература в основном не выходила за рамки тех представлений, которые утвердились в науке под влиянием культа личности. Располагая большим количеством фактов, исследователи вынуждены были использовать их постольку, поскольку они укладывались в схему «Краткого курса истории ВКП(б)». Но в ряде случаев конкретный фактический материал все же подсказывал историкам новое направление в изучении той или иной темы.

XX съезд партии и принятое на основе его решений постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий»⁵ сыграли важную роль в дальнейшем развитии советской исторической науки. Осуждение субъективистских ошибок, восстановление исторической правды, отказ от иллюстративно-цитатнического стиля и возвращение к научной методике исторического исследования обусловили заметный подъем творческой мысли. Резко увеличилось количество документальных публикаций, возросло качество их археографической обработки. Значительно расширился диапазон исследований. Появились новые капитальные труды по истории партийного, советского, хозяйственного, культурного и национально-государственного строительства в переходный период. Этот процесс шел под организационным и идейным воздействием Коммунистической партии. Во второй половине 50-х гг. ЦК КПСС принял ряд постановлений, касающихся исторической науки⁶. Главное заключалось в том, чтобы поднять

⁵ См.: КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 111—129.

⁶ См. например, постановления ЦК КПСС: от 8 января 1957 г. «Об издании полного собрания сочинений В. И. Ленина»; от 12 января 1957 г. «Об издании журнала «Вопросы истории КПСС»; от 9 марта 1957 г. «О журнале «Вопросы истории» (Справочник партийного работника. М., 1957. Вып. 1. С. 371—372, 381—382); от 11 февраля 1958 г. «Об издании исторической энциклопедии»; от 21 октября 1958 г. «О книгах по истории фабрик и заводов» (Там же. М., 1959. Вып. 2. С. 481—482, 513—514).

всю идеологическую работу на уровень тех задач, которые советскому народу предстояло решать на этапе перехода к развитому социализму.

На Урале деятельность исторических учреждений явно оживилась в первое послевоенное десятилетие. Это было связано с быстрым ростом профессиональных кадров, упорядочением архивного дела, совершенствованием организационных форм научно-исследовательской работы.

К тому времени истпарты прекратили свою деятельность. На базе их в областных центрах и столицах автономных республик Урала были созданы партийные архивы. Они занимались отбором, систематизацией и археографической обработкой архивных материалов, чтобы открыть к ним доступ широкому кругу исследователей, работавших над историей местных партийных организаций. В Свердловске в 1945 г. на правах филиала Института марксизма-ленинизма открылся Институт истории партии при Свердловском обкоме ВКП(б). Группа научных сотрудников института продолжала изучение историко-революционного прошлого нашего края, начатое в 20-х гг. Уралистпартом, в частности, изучение материалов, связанных с событиями Октябрьской революции и гражданской войны. Однако главной задачей института являлось написание истории Уральской партийной организации с момента ее возникновения до Великой Отечественной войны.

Специальные научно-исследовательские учреждения разрабатывали историю автономных республик Урала. В Уфе при СНК Башкирской АССР действовал Институт языка, литературы и истории. В 1948 г. совместно с комиссией Института истории АН СССР он провел научную сессию, посвященную проблемам формирования национальной культуры. В 1952 г. был создан Башкирский филиал АН СССР с отделением истории. В Ижевске со второй половины 30-х гг. функционировал Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка и фольклора.

Все более возрастающую роль в развитии исторической науки на Урале стали играть высшие учебные заведения. К середине 50-х гг. достаточно четко определились ведущие центры по изучению истории края: кафедры истории СССР Уральского, Пермского и Башкирского государственных университетов, а также кафедра истории КПСС Уральского политехнического института. Здесь стали формировать коллективы преимущественно из молодых ученых, окончивших аспирантуру в Москве и Ленинграде, или выпускников исторических факультетов, защитивших кандидатские диссертации без отрыва от производства. В исследовательской работе приняли участие и историки других вузов Урала.

Преподаватели исторических кафедр высших учебных заведений работали в тесном контакте с сотрудниками научно-исследовательских учреждений, архивов, краеведческих обществ, музеев.

Шел активный процесс накопления фактического материала и разработки конкретной проблематики. Большую роль в научной жизни края продолжали играть историки и краеведы старшего поколения. Г. П. Рычкова, Г. И. Гужвенко, Ф. П. Быстрых, С. М. Петров, Я. С. Юферов, В. Ф. Туинов, А. Н. Пятницкий и некоторые другие по-прежнему занимались изучением круга вопросов, который обозначился на предыдущем этапе развития исторической науки. Вместе с тем группа начинающих ученых вузов не только активно подключилась к традиционным направлениям научных поисков, но и взялась за осмысление новых важных аспектов истории социалистического строительства на Урале.

В 40-х гг. предпринимались попытки скоординировать усилия исследователей, работавших над историей края. Первой такой попыткой было проведение в 1947 г. научной конференции по истории Екатеринбурга—Свердловска в связи с 225-летием основания города. Ее организовали кафедра истории СССР исторического факультета и кафедра техники и производства печати факультета журналистики Уральского университета. Материалы конференции, опубликованные в том же году, явились подготовительным этапом к написанию научной истории города. К сожалению, они содержали только два доклада по советскому периоду — А. Н. Пятницкого и Ю. В. Гетлинга.

Вторая конференция по истории Екатеринбурга—Свердловска созывалась в 1948 г. Она была шире и по составу участников, и по тематике. Ее организаторы правильно учли, что прошлое города неотделимо от прошлого Уральского края, и поэтому представили возможность для выступления краеведам из других городов и районов. Значительная часть докладов и сообщений посвящалась советскому Уралу. Материалы конференции были изданы в 1950 г.

В те годы исследователи печатали свои труды, как правило, через областные книжные издательства. Помимо материалов научных конференций издавалась и монографическая литература. Большое значение имел выход в свет первой части «Очерков истории большевистских организаций на Урале»⁷. В ней излагались события до мая 1918 г., т. е. до упрочения Советской власти. Этот коллективный труд впервые систематически освещал деятельность уральских большевиков по руководству революционным движением масс, подготовке и проведению социалистической революции. Октябрьская тематика привлекала особое внимание историков. В конце 40-х — начале 50-х гг. были изданы книги Г. П. Рычковой, Ф. А. Александрова, Р. М. Раимова, Я. С. Юферова, А. И. Устьячкинцевой, в которых рассказывалось об участии трудящихся Урала и его национальных районов в установлении Советской власти и вооруженной защите завоеваний Великого Октября.

⁷ См.: Очерки истории большевистских организаций на Урале (1883—1918) / Под. ред. Я. С. Юферова. Свердловск, 1951. Ч. 1.

Лишь очень небольшая часть литературной продукции приходилась тогда на долю историков вузов. Кафедры истории СССР и кафедры истории партии еще не развернули свою публикаторскую деятельность. Отдельные статьи по истории советского Урала были напечатаны в ученых записках Уральского (Ф. П. Быстрых) и Пермского (Ф. С. Горовой) университетов, а также Глазовского педагогического института (Е. И. Рябухин). Тематика этих статей не выходила за хронологические рамки истории Октябрьской революции на Урале.

После XX съезда КПСС масштабы исследовательской и публикаторской работы уральских историков значительно возросли. Непосредственный толчок этому дал 40-летний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции, который широко отмечался научной общественностью страны. Прежде всего государственные и партийные архивы усилили деятельность по изданию первоисточников. Во второй половине 50-х гг. вышла в свет серия всесоюзных документальных публикаций, относящихся к национализации промышленности и началу ее социалистической реконструкции, первым шагам в осуществлении ленинского плана ГОЭЛРО, аграрным преобразованиям Октябрьской революции, политическому и трудовому подъему рабочего класса в связи с возникновением массового соревнования. В этих публикациях были представлены материалы и по Уралу.

Издательства Свердловска, Перми, Челябинска, Оренбурга, Ижевска опубликовали к юбилею большое количество документов архивов и статей в периодической печати об истории установления и упрочения Советской власти на Урале. Были изданы и переизданы многочисленные воспоминания активных участников Октябрьской революции и гражданской войны. Увеличился и выпуск монографической литературы. Книги, посвященные событиям Великого Октября, опубликовали все областные и республиканские издательства Урала. Особенно крупный вклад в изучение этих событий внесли Н. К. Лисовский, Ф. П. Быстрых, З. А. Аминев, П. И. Рощевский. Кроме того, книжные издательства выпустили несколько сборников статей на октябрьскую тематику.

Во второй половине 50-х гг. гораздо более значительную роль в развитии историографии советского Урала начали играть различные периодические издания. Количество научных статей непрерывно возрастало. Они публиковались главным образом в вузовских изданиях. Ученые записки и труды (по разделу исторических наук) стали выпускать Кировский и Тюменский педагогические институты, Уральский и Челябинский политехнические институты, Уральский лесотехнический институт, Свердловская высшая партийная школа, Курганский сельскохозяйственный институт. Общественность узнала имена Ф. С. Горового, К. П. Андреева, В. М. Куликова, В. А. Плотичкина, А. В. Бакунина, В. Н. Зуйкова, Н. В. Ефре-

менкова, М. Е. Главацкого, И. С. Добровольского и других молодых ученых, которые развернули работу по изучению истории социалистического строительства в регионе.

Уральские историки выступали также с докладами на вузовских научных конференциях, печатались в краеведческих сборниках, которые периодически выпускались областными музеями (например, Свердловска и Тюмени), публиковали статьи в центральных исторических журналах. Материалы по истории советского Урала помещались в ученых записках вузов Москвы, Ленинграда и других городов страны.

Продолжали расширяться контакты между исследователями, взаимный обмен информацией превращался в постоянную форму организации научной работы. В 1958 г. в Свердловске состоялась первая региональная конференция историков Урала, в которой приняли участие более 150 человек — преподаватели вузов, сотрудники научно-исследовательских учреждений и архивов, краеведы. На конференцию прислали своих представителей Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории и Институт материальной культуры Академии наук СССР. Было заслушано 22 доклада и более 50 сообщений. Помимо того, участники конференции обсудили макет второй части книги «Очерки истории партийных организаций Урала», охватывающей период 1918—1945 гг.

Отличительной особенностью данной конференции являлось то, что тематика представленных на ней докладов и сообщений значительно приблизилась к современной. Секция советского периода была самой многочисленной. Привлекли внимание выступления Ш. Х. Сакеева, Е. И. Дударь, Н. В. Ефременкова, В. А. Плотицкина, М. Е. Главацкого, В. Г. Чуфарова и других историков, посвященные проблемам Октябрьской революции, социально-экономических и культурных преобразований на Урале в реконструктивный период. Конференция признала необходимым усилить координацию научно-исследовательской работы и обратилась к соответствующим организациям с ходатайством об учреждении отдела истории при Уральском филиале АН СССР.

Историография советского Урала стала более содержательной, но процесс накопления знаний в этой области шел неравномерно. Организация научных исследований затруднялась рядом объективных и субъективных обстоятельств: с одной стороны, разрушительными последствиями войны, которые значительно ослабили материальную базу нашей науки, а с другой — отрицательным влиянием культа личности. Это заметно сказывалось на содержании и теоретическом уровне литературы. Преодоление указанных трудностей создало предпосылки для успешного развития советской исторической науки.

2. Освещение в литературе истории подготовки и свершения Октябрьской революции на Урале

В историографии Великого Октября на данном этапе развития науки произошли определенные качественные сдвиги, обусловленные, как отмечалось, утверждением ленинского принципа партийности в исторической литературе, вовлечением в научный оборот архивных источников, пополнением кадров профессиональных историков. Разработка темы продолжилась прежде всего в масштабах всей страны. Большой вклад в это внесли ведущие историки И. И. Минц, А. М. Панкратова, Э. Б. Генкина, Г. Н. Голиков, Е. Н. Городецкий, Э. Н. Бурджалов, Б. Г. Верховень, И. М. Разгон и др.⁸. Ряд их приняли участие в написании и редактировании второго тома «Истории гражданской войны в СССР», где впервые сравнительно полно была отражена огромная работа большевистской партии по подготовке и проведению Октябрьского вооруженного восстания⁹. Во второй главе тома кратко характеризовался процесс создания массовой политической армии революции на Урале. Творчество ведущих исследователей по-прежнему оказывало большое воздействие на формирование научной мысли на местах.

На Урале изучение истории Октябрьской революции осуществлялось на иной источниковой основе, нежели в предыдущий период развития советской науки. До середины 50-х гг. местные издательства очень редко выпускали в свет воспоминания активных участников событий. Документов тоже издавалось мало: в 1947 г. вышел единственный сборник (составитель Г. П. Рычкова)¹⁰. Но в научных исследованиях, при написании диссертаций, книг и статей историки широко пользовались документами центральных и местных партийных, государственных и ведомственных архивов, материалами периодической печати.

Исследованием октябрьской тематики занимались исключительно профессионалы. Большинство опубликованных ими работ было написано на основе защищенных диссертаций. Из литературы о событиях Октябрьской революции на Урале, вышедшей во второй половине 30-х — середине 50-х гг., следует прежде всего назвать произведения общего плана, созданные сотрудниками Института

⁸ См.: *Минц И. И.* Стратегия Великой Октябрьской социалистической революции // *Вопр. истории.* 1947. № 10; *Бурджалов Э. Н.* Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1951; *Голиков Г. Н.* Великая Октябрьская социалистическая революция: Краткий ист. очерк. М., 1954 и др.

⁹ См.: *История гражданской войны в СССР.* М., 1947. Т. 2.

¹⁰ См.: *Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Урале: Сб. док. и матер.* Свердловск, 1947.

истории партии при Свердловском обкоме ВКП(б)¹¹. Наибольшей обстоятельностью отличалась книга Г. П. Рычковой, написанная на основе архивных материалов и других источников. В этих произведениях был собран и систематизирован большой фактический материал, освещавший процесс революционизирования масс на территории всего региона. Несколько книг о событиях Великого Октября издали башкирские историки¹². На высоком научном уровне была написана монография Р. М. Раимова, посвященная образованию Башкирской АССР. Ее автор — научный сотрудник республиканского филиала АН СССР первым на Урале удостоился ученой степени доктора исторических наук. На конкретном материале он убедительно показал проявление общих закономерностей революции и в то же время отметил особенности борьбы за социальное и национальное освобождение башкирского народа. Из тематической литературы выделялась монография А. И. Устькачкинцевой¹³. В ее первой главе анализируется процесс развития социалистической революции в Пермской губернии в период упрочения Советской власти. Серьезным шагом в изучении истории Удмуртии накануне и в период революции стала работа Е. И. Рябухина. Октябрьской тематике были посвящены статьи Ф. П. Быстрых, Б. Г. Верховеня, К. Я. Вотиновой, Е. И. Кирюхиной, Ф. С. Горового, М. А. Садакова, Н. Н. Латышева, Р. М. Раимова и др.

Как и раньше, недостаточно полно освещались вопросы, разработка которых была возможна лишь в масштабах всего региона, в первую очередь материальные предпосылки социалистической революции на Урале. Вместе с тем, опираясь на опыт своих предшественников, историки Октября в Удмуртии и Башкирии рассмотрели социально-экономическое развитие Вятской, Уфимской и отчасти Оренбургской губерний накануне 1917 г. Оценивая промышленность названных районов, они представили данные об отраслевом характере и количественном составе предприятий, численности и размещении рабочего класса. Е. И. Рябухин и Р. М. Раимов не только отметили рост капиталистической концентрации, но обнаружили ее высокий уровень в ряде отраслей экономики. Так, по подсчетам Р. М. Раимова, количество мелких пред-

¹¹ См.: *Рычкова Г. П.* Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Свердловск, 1947; *Юфев Я. С.* Трудящиеся Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Свердловск, 1951; *Очерки истории большевистских организаций на Урале (1883—1918)*. Ч. 1.

¹² См.: *Гужвенко Г. И.* Башкирия в борьбе за Октябрь: Краткий ист. очерк. Уфа, 1941; *Александров Ф. А.* Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 году. Уфа. 1951; *Раимов Р. М.* Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952.

¹³ См.: *Устькачкинцева А. И.* Пермская партийная организация в борьбе за упрочение Советской власти (1918 г.). Молотов, 1953.

приятый в Уфимской губернии с 1913 по 1915 г. сократилось на 510 (19%), а численность рабочих увеличилась на 3700 (22%)¹⁴. Автор указал и на проникновение в промышленность Южного Урала финансового капитала, подчеркнув, что к моменту Октябрьской революции ряд заводов перешли в руки акционерных обществ. Этим и ограничен в литературе тех лет показ новейших черт капитализма, свидетельствовавших о вступлении края в империалистическую стадию.

Изменения же в социально-экономическом укладе деревни показывались более обстоятельно. Главное внимание исследователи направили на изучение имущественной, а соответственно классовой, дифференциации крестьянства. Они ввели в научный оборот большой статистический материал, характеризующий сельское хозяйство Вятской и Уфимской губерний. Опираясь на цифровые сведения, извлеченными из сборников и губернских земельных статистических обзоров за 1905, 1908, 1912—1913 гг., историки, к сожалению, почти не обращались к материалам всероссийских сельскохозяйственных и поземельных переписей 1916 и 1917 гг., однако в целом качество работы с источниками значительно улучшилось.

Г. И. Гужвенко, Ф. А. Александров, Р. М. Раимов, Е. И. Рябухин, взяв за основу ленинский метод анализа аграрных отношений, применили научные группировки крестьянских хозяйств: по величине посева, по распределению рабочего скота, — и таким образом наглядно сопоставили их имущественную состоятельность. Это дало возможность раскрыть классовую неоднородность сельского населения, определить социальную направленность экономического развития деревни накануне революции. Особую ценность представляли подсчеты по основным социальным группам крестьянства, выяснением удельного веса которых упомянутые историки занимались весьма активно. В то время утвердилось мнение о наличии процесса капитализации крестьянской общины у башкир и удмуртов. Четко высказывалось оно в работе Е. И. Рябухина. Автор пришел к выводу, что община развивалась «по линии разложения (дифференциации) крестьянства — образования сельской буржуазии, разорения массы бедноты и вытеснения ее в ряды пролетариата»¹⁵.

В историографии определилось планомерное изучение основных потоков революции. Дать цельную картину пролетарского движения в крае, т. е. проанализировать формы и методы борьбы рабочих, суть выдвигаемых ими требований, рост их классовой сплоченности и сознательности, историкам не удалось. Сказывалась преж-

¹⁴ См.: *Раимов Р. М.* Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. С. 27.

¹⁵ *Рябухин Е. И.* Большевики Удмуртии в борьбе за установление и укрепление Советской власти (1917—1918) // Учен. зап. / Глазов. пед. ин-т. 1955. Вып. 11. С. 27.

де всего общая неразработанность проблемы социального облика уральского пролетариата, его количественного состава и качественной неоднородности, характера связи с землей. При освещении стачечного движения от Февраля к Октябрю Г. П. Рычкова, Ф. П. Быстрых, Ф. С. Горовой, Б. Г. Верховень ограничились рядом конкретных примеров, указывавших на рост стачек летом и осенью 1917 г. Нераскрытой осталась и роль профсоюзов и фабзавкомов в подготовке пролетариата к революции. Вопросы эти требовали специального исследования с учетом специфики протекания революционного процесса в крае.

Вместе с тем наметился более углубленный подход к истории установления рабочего контроля над производством и распределением. Авторы не только систематизировали большой фактический материал, некоторые, например Ф. П. Быстрых, попытались объяснить причину, вызвавшую «беспрецедентное, совершенно исключительное вмешательство уральских рабочих в организацию и управление производством»¹⁶.

Анализ крестьянского движения, ранее практически отсутствовавший в историографии, строился в основном на материалах Пермской и Уфимской губерний. Ф. П. Быстрых вычислил, что доля частновладельческого и казенного землевладения на Урале была очень велика. В 1905 г. она составляла по четырем губерниям 48% всей земли, а в горнозаводских уездах — 66,7%¹⁷. Этим, по мнению историков, и объяснялся широкий размах борьбы крестьян за землю. Г. И. Гужвенко и Ф. А. Александров считали, что в Уфимской губернии крестьянское движение стало массовым уже в первые месяцы революции, а в дальнейшем имело постоянную тенденцию к росту. Р. М. Раимов выявил динамику этого процесса. Проведя сравнение различных источников, он подсчитал количество крестьянских выступлений с марта по сентябрь. Получилась такая картина: всего в рассматриваемый период произошло 275 выступлений, из них в марте—июне — 92, а в оставшиеся месяцы — в два раза больше¹⁸. Г. П. Рычкова и Ф. А. Александров частично затронули вопрос о формах крестьянской борьбы, приведя факты широкого распространения самовольной порубки лесов, разгрома имений и захвата частных земель.

В развитии аграрного движения на Урале историки выделяли два этапа сообразно общей периодизации революции — мирный и немирный. Искусственность такого деления долгое время сдерживала разносторонний взгляд на проблему. По-прежнему мало внима-

¹⁶ Быстрых Ф. П. Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Урале // Учен. зап. / Урал. ун-т. 1948. Вып. 5. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 14.

¹⁸ См.: Раимов Р. М. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. С. 17. (Автор оперирует обобщенными цифрами по Уфимской и Оренбургской губерниям.)

ния уделялось союзу рабочего класса и беднейшего крестьянства, а также разворачиванию второй социальной войны в деревне.

Историей национально-освободительного движения продолжали активно заниматься исследователи Октября в Башкирии. На общем уровне освещения вопроса положительно отразилось преодоление влияния порочной теории о бесклассовости башкирской нации, упорная борьба с которой велась в исторической науке 20-х — первой половины 30-х гг. Г. И. Гужвенко, Ф. А. Александров, Р. М. Раимов доказали несовместимость социальных интересов буржуазно-националистического лагеря и основной массы трудового народа, раскрыв классовую сущность политической и экономической позиции буржуазных националистов-валидовцев, стремившихся изолировать бедноту от пролетарской революции.

Серьезнее стал изучаться процесс превращения башкирского национального движения в крупную силу революции. Его длительность и сложность авторы верно связывали с социально-экономическими особенностями Башкирии. Р. М. Раимов подчеркивал, что отсутствие среди башкир промышленного пролетариата, малочисленность большевиков, засилье феодально-байских элементов создавали благоприятные условия для контрреволюционных действий националистов. В своей монографии историк подробно осветил деятельность партийных организаций по формированию у широких народных масс классового самосознания, завоеванию их на сторону революции. Важным представляется обоснованный в историографии вывод о решающей роли русского пролетариата в мобилизации рабочих и крестьян Башкирии на борьбу за власть Советов.

Историки начали систематически обращаться к вопросам партийного строительства, выработки большевиками края революционной стратегии и тактики в период от Февраля к Октябрю. Не осталась без внимания проблема объединенных организаций, наличие которых на Урале единодушно расценивалось как серьезный просчет большевиков. Основной вред объединенчества, по справедливому мнению Г. П. Рычковой, заключался в том, что оно «замедляло процесс отвоеваания масс от соглашательских партий»¹⁹. На примере Уфимской парторганизации это показали Г. И. Гужвенко, Ф. А. Александров, Р. М. Раимов.

Значительно возрос в историографии интерес к изучению политической линии большевиков Урала в период подготовки и проведения революции. Признавалась высокая боеспособность партийных организаций края, которые накануне Октября, по словам Ф. П. Быстрых, «исключительно полно и четко формулировали большевистские лозунги»²⁰. Неоценимую помощь оказал здесь ЦК партии.

¹⁹ Рычкова Г. П. Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. С. 35.

²⁰ Быстрых Ф. П. Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 35.

Проблема его руководства местными большевиками только начинала разрабатываться в литературе. Однако сама постановка ее имела принципиальное значение.

Главными направлениями деятельности большевиков по мобилизации народных масс Урала на революцию историки Октября считали завоевание большинства в Советах, борьбу за рабочий контроль над производством, создание Красной гвардии. Успех подготовки трудящихся к революции они справедливо связывали с искоренением мелкобуржуазного влияния соглашательских партий. Однако процесс большевизации рабочего класса, беднейшего крестьянства, солдат освещался фрагментарно. Отдельные факты, приводимые Г. П. Рычковой, Ф. П. Быстрых, Ф. А. Александровым и другими авторами, не давали полного представления о многогранной деятельности большевистских организаций края по созданию политической армии революции. Вместе с тем результат этой деятельности историки оценили высоко и сделали правильное заключение: к моменту Октября трудящиеся массы Урала были готовы к завоеванию власти²¹.

Центром борьбы большевиков за массы были Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, являвшиеся «настоящими организациями громадного большинства народа»²². Понимая это, исследователи неразрывно с историко-партийной темой освещали проблему Советов, которая по-прежнему была одной из ведущих в историографии Октябрьской революции на Урале. Остановливаясь на истории создания Советов, многие авторы отметили следующую зависимость: наличие сильных партийных организаций, вышедших из подполья, как правило, гарантировало появление большевистских Советов. Так было в Миньяре, Симе, Усть-Катаве, Аша-Балашеве, ряде заводских районов Пермской губернии, где Советы сразу начали осуществлять единовластие. Однако историки справедливо указали на преобладающее влияние меньшевиков и эсеров в первом составе Советов и предприняли серьезную попытку выяснить его причины. Я. С. Юфев и Ф. П. Быстрых считали, что в первый период революции сильную поддержку соглашатели получили со стороны солдатской массы тыловых гарнизонов. По мнению Я. С. Юферева, имел значение и мелкобуржуазный состав населения ряда городов — Перми, Уфы, Челябинска.

Изучая большевизацию Советов, историки наряду с обобщением фактов высказывали важные соображения о специфике этого процесса. Ф. П. Быстрых видел одну из особенностей развития революции на Урале в том, что рост большевистского влияния в Советах происходил здесь быстрее, чем в целом по стране. Он связал это

²¹ См.: Очерки истории большевистских организаций на Урале (1883—1918). С. 287.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 30.

с действием таких факторов, как глубокая хозяйственная разруха в промышленности, предельно острая классовая борьба между рабочими и капиталистами, сравнительно слабая организованность буржуазного лагеря и высокая сплоченность революционных сил²³. Ф. С. Горовой, Г. П. Рычкова, К. Я. Вотинова придерживались такой же точки зрения, отмечая, что в августе основная масса трудящихся была завоевана большевиками.

При изложении истории отдельных Советов, их большевизации иногда допускались неточности. Например, Ф. А. Александров неверно считал, что Уфимский Совет с июня 1917 г. осуществлял единовластие²⁴. Разные мнения высказывались о сроках большевизации Екатеринбургского Совета. Ф. П. Быстрых справедливо не соглашался с Г. П. Рычковой, полагавшей, что уже в июле большевики одержали здесь победу. По его данным, борьба с меньшевиками и эсерами в этом Совете продолжалась до октября, т. е. до новых выборов²⁵.

История установления Советской власти на Урале рассматривалась, как правило, на примере отдельных губерний или городов, в зависимости от территориальных рамок исследований. Отсутствие обобщающих работ исключало возможность сравнительного анализа большого фактического материала, накопленного в литературе.

Некоторые исследователи постарались определить причины, обусловившие неодинаковый характер и темпы борьбы за победу революции в различных районах Урала. Они обратили внимание на политический состав Советов, боеспособность организаций большевиков и наличие у пролетариата вооруженной силы в лице отрядов Красной гвардии. Ф. С. Горовой подчеркивал: «Там, где Советы накануне Октября были большевистскими, Советская власть побеждала без особых трудностей»²⁶. Аналогичное мнение высказывалось Г. П. Рычковой, Я. С. Юфревым, А. И. Устькачкиной, К. Я. Вотиновой, Ф. А. Александровым, причем наглядно обосновывалось фактами. Ф. А. Александров, в частности, показал, что в Башкирии установление диктатуры пролетариата произошло быстро на заводах Южного Урала (Сим, Миньяр, Усть-Катав, Аша-Балашев) и затянулось до начала 1918 г. в тех местах, где в Со-е

²³ См.: Быстрых Ф. П. Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 11—12.

²⁴ См.: Александров Ф. А. Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 году. С. 66.

²⁵ См.: Рычкова Г. П. Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. С. 25; Быстрых Ф. П. Победа Советской власти в Екатеринбурге // Матер. второй науч. конф. по истории Екатеринбурга—Свердловска. Свердловск, 1950. С. 135.

²⁶ Горовой Ф. С. Победа Советской власти в Перми // Учен. зап. / Молот. ун-т. 1951. Т. 6, вып. 4. С. 126.

тах преобладали соглашатели (Бирск, Златоуст, Белорецк)²⁷. Ход событий, как считали Ф. С. Горовой и А. И. Устькачкинцева, во многом зависел от социального состава населения. Меншевистско-эсеровское влияние накануне Октября сохранялось в основном в городах с высоким удельным весом мелкобуржуазных элементов и незначительной по сравнению с ними прослойкой рабочего класса, таких, как Пермь, Вятка, Сарапул.

На Урале пролетариат завоевывал власть в упорной борьбе с контрреволюцией, которая в октябрьские дни заметно активизировалась. Видя главную опасность для революции в белоказачьем движении, исследователи правильно заключили, что победа Советов в крае была обеспечена только с ликвидацией дутовского мятежа. Однако в состоянии ли были силы реакции не допустить их к власти? По мнению Г. П. Рычковой, «уральские заводчики и помещики... не смогли противопоставить Советам ни крепких органов буржуазной государственной власти, ни серьезной вооруженной силы из военных частей местных гарнизонов»²⁸. И объяснялось это не столько слабостью лагеря контрреволюции, сколько мощью большевистских Советов, опиравшихся на отряды Красной гвардии.

Таким образом, историография тех лет давала ряд существенных, однако весьма общих положений относительно процесса установления Советской власти на Урале. Специфика его в отдельных районах прослеживалась еще очень слабо. Отсутствовал необходимый для глубокой научной аргументации цифровой материал.

В ряде работ раскрывался процесс упразднения буржуазно-помещичьих государственных учреждений. Начался он с роспуска комитетов общественной безопасности, местных органов Временного правительства, ареста его комиссаров. Ликвидацию системы буржуазного самоуправления: городских дум, губернских, уездных, волостных земских управ, — исследователи расценивали как уничтожение опасных очагов контрреволюции, для разгона которых во многих местах Урала потребовалось вмешательство отрядов Красной гвардии. Большое значение в условиях края имел слом буржуазного аппарата горной промышленности, главным и завершающим актом которого был арест бюро совещания съезда горнопромышленников.

Более широко стала излагаться история создания советской государственности. В определении практических задач советского и хозяйственного строительства на Урале признавалась решающая роль 3-й областной партконференции и III областного съезда Советов (январь 1918 г.). Историки остановились прежде всего на превращении Советов в полномочные органы государственной

²⁷ См.: Александров Ф. А. Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 году. С. 161—162.

²⁸ Очерки истории большевистских организаций на Урале (1883—1918). С. 288.

власти и оформлении управленческой структуры их исполкомов. Так, А. И. Устькачкинцева рассмотрела ее на примере Пермского губисполкома Советов рабочих и солдатских депутатов, а Е. И. Рябухин — исполкомов Сарапульского и Ижевского Советов. При чем последний заметил, что состав уездных, городских, волостных исполкомов не был одинаковым: количество и строение входящих сюда отделов и комиссий зависело от местных условий и потребностей. Этим автор подчеркнул известную самостоятельность мест в создании советского государственного аппарата. Структура Советов строилась с таким расчетом, чтобы охватить все политические и хозяйственные стороны жизни. Г. П. Рычкова правильно указывала на универсальный характер их деятельности в первые послереволюционные месяцы. Советы решали земельный вопрос, организовывали рабочий контроль, национализировали заводы, занимались строительством Рабоче-Крестьянской Красной Армии, подавляли мятежи контрреволюции, т. е. «практически осуществляли на местах все декреты и распоряжения Советского правительства»²⁹.

В литературе второй половины 30-х — 50-х гг. строительство Красной Армии добровольческого периода освещалось менее подробно, чем на раннем этапе исторической науки. Лишь Е. И. Рябухин и М. А. Садаков на фактическом материале Вятской губернии кратко описали, как создавались и управлялись красноармейские отряды, верно подчеркнув, что костяком их явились красногвардейские формирования и революционные солдаты местных гарнизонов, отбираемые по строго классовому принципу.

Вопрос о боевых организациях народного вооружения (БОНВ) на Южном Урале рассматривался гораздо подробнее. Занимались им Г. И. Гужвенко и Р. М. Раимов. Признавая массовый характер этих организаций, оба исследователя высоко оценили их роль в установлении и упрочении Советской власти в Башкирии, ликвидации контрреволюционных выступлений буржуазии и помещиков. Однако они разошлись во мнении о руководящем органе БОНВ — Уфимском губернском штабе. Р. М. Раимов подчеркивал, что он состоял в основном из коммунистов и деятельность БОНВ направлялась большевистской организацией. Г. И. Гужвенко резко противопоставлял положительное значение конкретной борьбы низовых боевых дружин заводов и волостей и ошибочную политическую линию губернского штаба, обусловленную, по словам историка, вхождением в него левых эсеров, а также отсутствием руководства со стороны Уфимского комитета большевиков. Он писал, что руководящий центр боевого движения «долго сопротивлялся проведению в жизнь декрета о создании регулярной Рабоче-Крестьянской

²⁹ Рычкова Г. П. Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. С. 81.

Красной Армии» и командированной в Уфу «высшей военной инспекции приходилось ломать это сопротивление штаба и через его голову формировать полки и дивизии из рабочих и крестьян боевых дружин»³⁰. Отметим, что в ряде случаев Г. И. Гужвенко был излишне категоричен и проявлял односторонность суждений. Нельзя полностью согласиться с негативной оценкой губернского штаба боевых дружин. Однако надо признать, что автор одним из первых обнаружил объективный подход к проблеме БОНВ: не отрицая значимости и необходимости боевых организаций для своего времени, он попытался объяснить сложность процесса их переформирования в части Красной Армии.

Активнее начали освещать историки первые социально-экономические преобразования Советской власти на Урале. Основное внимание они сконцентрировали на революционных мероприятиях в промышленности, а также на решении земельного и продовольственного вопросов. В плане исследования промышленности раннего послереволюционного периода центральными справедливо стали проблемы рабочего контроля и национализации.

Рабочий контроль над производством оценивался как решающее средство борьбы за закрепление победы Октября. Он был направлен в первую очередь на подавление саботажа буржуазии и ликвидацию хозяйственной разрухи. Практика осуществления рабочего контроля на предприятиях Урала представляла значительный интерес. Как известно, на ряде заводов Пермской и Уфимской губернии он был введен вскоре после февральской революции. Однако повсеместный, всесторонний, подлинно действенный контроль со стороны рабочих стал возможен только с установлением диктатуры пролетариата. Эта мысль четко проводилась в литературе. Некоторые авторы, в том числе Е. И. Рябухин и А. И. Устькачкинцева, рассмотрели функции и характер деятельности органов рабочего контроля: фабзавкомов, цехкомов, рабочих комиссий.

По единодушному мнению исследователей тех лет, Урал занимал ведущее место в стране по национализации промышленности³¹: по начальным срокам ее проведения, темпам и характеру осуществления. Быстрый переход к национализации объяснялся рядом факторов. Так, А. И. Устькачкинцева считала, что для этого сложились необходимые условия, выражавшиеся в успехах рабочего контроля, перерастании его в управление промышленностью. Большинство авторов высказали следующее суждение: это была

³⁰ Гужвенко Г. И. Башкирия в борьбе за Октябрь: Краткий ист. очерк. С. 39.

³¹ Известный экономист И. А. Гладков писал: «Уральскому пролетариату принадлежит большая заслуга в проведении советской национализации промышленности — он один из первых начал осуществлять вышибание капитала с его экономических позиций» (Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917—1918 гг. М., 1950. С. 128).

ответная мера на саботаж капиталистов. Национализация отдельных предприятий проводилась в процессе борьбы за рабочий контроль. Кроме того, утверждал И. А. Гладков, многие заводы Урала были взяты Советами в управление, поскольку оказались брошенными владельцами в знак неподчинения контролю³².

Был поднят и вопрос о формах национализации. Она проводилась по декретам СНК, постановлениям исполкома Уралоблсовета и губисполкомов. Особо отмечалась своеобразная форма национализации «снизу», широко распространенная, по словам историков, на Урале. На примере промышленности Вятской губернии Е. И. Рябухин и М. А. Садаков показали, что рабочие многих предприятий по собственному почину приступали к конфискации, которая потом санкционировалась Советами. В какой бы форме ни осуществлялась национализация, верно заключала А. И. Устьячкинцева, в основе ее, как правило, лежали требования общих собраний пролетариата.

Проблема революционных мероприятий Советской власти в деревне, а конкретно — осуществления на Урале Декрета о земле, серьезно начала разрабатываться лишь в историографии данного периода. Непременными условиями проведения аграрных преобразований считались наличие революционных Советов и земельных комитетов, ликвидация влияния мелкобуржуазных партий на трудовое крестьянство. Особо подчеркивалась роль большевистских организаций, возглавлявших борьбу за реализацию земельных мероприятий. Однако их многогранная деятельность по созданию партийных ячеек в деревнях, демократизации Советов и земкомов, классовому расслоению крестьянства и сплочению трудовых слоев освещалась поверхностно.

В работах Р. М. Раимова и Е. И. Рябухина подчеркивалось, что практическое осуществление декрета проходило в два этапа: конфискация помещичьих земель и перераспределение их между крестьянами. Четкая характеристика этих этапов отсутствовала, поэтому не раскрывалось своеобразие, заключавшееся в том, что на первом развернулась общедемократическая борьба крестьян за землю, а на втором усилилась борьба между кулачеством и беднотой. Вместе с тем историки отметили обострение второй социальной войны в деревне в период распределения земель. Кулачество, как верно указывал Р. М. Раимов, ожесточенно сопротивлялось включению в уравнильное распределение всех крестьянских земель, так как это подрывало его экономическое господство в деревне. В свою очередь, беднота была заинтересована в разделе всего земельного фонда. Конкретные мероприятия по реализации декрета проводили уездные и волостные Советы, вернее, их земельные отделы, а также земельные комитеты. Какое количество земли по-

³² См.: Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917—1918 гг.

лучило крестьянство края в бесплатное пользование от Советской власти, историки не показали, не привели и обобщающих цифр, а дали лишь сведения по Вятской губернии, в том числе отдельно по Удмуртии. Однако расчеты эти были разноречивы и нуждались в уточнении.

Обострение классовой борьбы внутри крестьянства было связано с борьбой за хлеб. Р. М. Раймов показал жизненную важность решения продовольственного вопроса для молодой Советской республики. Автор подробно остановился на работе большевиков Уфимской губернии, самой хлебной на Урале, по организации продовольственного дела.

40-летний юбилей Октябрьской социалистической революции на Урале был ознаменован серией документальных публикаций³³. Они помогли сделать достоянием исследователей, пропагандистов, широкой общественности огромный фактический материал, который воссоздал объективную картину развития революционных событий, содержал много имен, дат, названий. Положение Урала накануне и в период Октября нашло отражение и в общесоюзных публикациях документов, в частности, таких, как «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)» (М., 1958), «Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий» в пяти томах (М., 1957—1962) и особенно собрание документов и материалов в десяти томах «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1957—1965).

В связи с юбилеем краеведы, сотрудники архивов, музеев, книжных издательств провели значительную работу с непосредственными участниками Октябрьской революции на Урале. Ветераны партии выступали перед трудящимися с воспоминаниями о встречах с В. И. Лениным и его ближайшими соратниками, о революционной работе партийных организаций, Советов, профсоюзов, фабзавкомов, о том, как протекала борьба за установление диктатуры пролетариата на местах. Воспоминания активных участников событий публиковались в специальных сборниках³⁴.

³³ См.: Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции: Сб. док. и матер. Свердловск, 1957; Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии: Док. и матер. Молотов, 1957; Борьба за Советскую власть на Южном Урале (1917—1918 гг.): Сб. док. и матер. Челябинск, 1957; Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: Сб. док. и матер. Ижевск, 1957; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917—июнь 1918 гг.): Сб. док. и матер. Уфа, 1957; Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 — июль 1918): Сб. док. Свердловск, 1958.

³⁴ См.: В борьбе за власть Советов: Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны. Тюмень, 1958; В борьбе за власть Советов: Воспоминания коммунистов—участников Октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957; Боевые годы: Сб. воспоминаний и очерков, посвященных 40-летию ВЛКСМ. Оренбург, 1958 и др.

После осуждения партией последствий культа личности очень важно было правильно сориентировать исследователей в методологических вопросах истории Октября. Большую роль здесь сыграло опубликование в периодической печати ряда историографических статей³⁵. Их авторы, давая оценку предшествующей литературе, подвергли критике допущенные в ней субъективистские ошибки, проанализировали некоторые принципиальные положения ленинской концепции социалистической революции. Большое значение имела координация во всесоюзном масштабе научных поисков в области истории Октября. С этой целью при отделении истории АН СССР был создан научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». Его председателем стал академик И. И. Минц. Решение о составе совета и перспективном плане работы было одобрено президиумом Академии наук в декабре 1957 г.³⁶.

Более объективный подход к объяснению октябрьских событий нашел отражение в многочисленной и разнообразной литературе, изданной во второй половине 50-х гг. Вышел из печати третий том «Истории гражданской войны в СССР», который начинался описанием триумфального шествия Советской власти³⁷. Обобщающие работы очеркового характера создали Л. С. Гапоненко и Г. Н. Голиков³⁸. Были опубликованы также тематические исследования И. И. Минца, П. Н. Соболева, И. Ф. Петрова, С. Ф. Найды, Е. Ф. Ерыкалова, В. З. Дробижева и других ведущих историков³⁹.

Местные издательства выпустили ряд книг по истории Октябрьской революции в отдельных районах Урала⁴⁰. Эти исследования выполнены на более высоком научном уровне, чем предшествующие работы аналогичного плана. Солидная источниковая база — архивные документы, воспоминания, периодическая печать, историческая литература — позволила авторам значительно рас-

³⁵ См.: *Минц И. И.* Об освещении некоторых вопросов истории Великой Октябрьской социалистической революции // *Вопр. истории КПСС.* 1957. № 2; *Найденов М. Е.* Великая Октябрьская социалистическая революция в советской историографии // *Вопр. истории.* 1957. № 10; *Гапоненко Л. С.* К вопросу об освещении истории рабочего движения в России в исторической литературе, изданной к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции // *История СССР.* 1959. № 1.

³⁶ См.: *Партия и Великий Октябрь: Историограф. очерк.* М., 1976.

³⁷ См.: *История гражданской войны в СССР.* М., 1957. Т. 3.

³⁸ См.: *Гапоненко Л. С.* Великая Октябрьская социалистическая революция: Краткий ист. очерк. М., 1957; *Голиков Г. Н.* Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959.

³⁹ Эта литература уже получила достаточно полную оценку в историографии (см.: *Городецкий Е. Н.* Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930—1960-е годы: Очерки. М., 1982).

⁴⁰ См.: *Лисовский Н. К.* Октябрь на Южном Урале. Челябинск, 1957; *Садырина Е. С.* Октябрь в Вятской губернии. Киров, 1957; *Аминев З. А.* Октябрь в Башкирии. Уфа, 1958; *Рощевский П. И.* Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1959.

ширить проблематику, ввести в оборот много дополнительных фактов, конкретнее раскрыть как общие закономерности революционного процесса, так и специфику их проявления в данном регионе. Выход в свет подобных исследований свидетельствовал о том, что к тому моменту, когда партия устранила созданные культом личности искусственные препоны на пути развития науки, историки накопили достаточно обширный фактический материал, чтобы сделать обобщения, выходящие за рамки бытовавшей тогда догматической концепции.

Первой попыткой осветить на более широкой источниковой основе развитие революционных событий на Урале в целом явилась книга Я. С. Юферева⁴¹. В ней затрагивался комплекс проблем, связанных с созданием массовой армии революции, установлением власти диктатуры пролетариата, осуществлением социально-экономических преобразований в городе и деревне. Организаторская и политико-воспитательная работа Уральской партийной организации, направленная на создание основ нового общественного строя с момента провозглашения Советской власти до начала вооруженной борьбы с силами внешней и внутренней контрреволюции, нашла отражение в коллективном труде «Коммунисты Урала в годы гражданской войны»⁴². Некоторые конкретные вопросы истории Октября были рассмотрены в исследованиях А. С. Быстровой, В. В. Фельдмана, В. И. Ананьева⁴³. Кроме того, во второй половине 50-х гг. вышло много статей, помещенных в тематических сборниках местных издательств, исторических журналах, вузовских изданиях. Их авторы рассмотрели общий ход событий на Урале или в отдельных его районах (Ф. П. Быстрых, Ф. А. Александров, Н. К. Лисовский, В. П. Чемерис), проблемы советского строительства (Ф. П. Быстрых, Е. И. Рябухин, М. А. Садаков), рабочего контроля и национализации промышленности (Л. В. Вагапова, С. М. Бабушкин), крестьянского движения и советизации деревни (И. С. Капцугович, О. Р. Кочегарова, Д. М. Шнейдер, Л. А. Сашенков), создания Красной гвардии и добровольческих отрядов Красной Армии (С. И. Куляпин).

Центральное место в литературе второй половины 50-х гг. занимала тема о роли Уральской партийной организации в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Привлечение новых источников дало исследователям возможность прежде всего уточнить численность партийных рядов.

⁴¹ См.: *Юферев Я. С.* Победа Советской власти на Урале. Свердловск, 1957.

⁴² См.: *Коммунисты Урала в годы гражданской войны.* Свердловск, 1959.

⁴³ См.: *Быстрова А. С.* Комитеты бедноты в Вятской губернии. Киров, 1956; *Фельдман В. В.* Профсоюзы Урала до Великой Октябрьской социалистической революции (1905—1918 гг.). М., 1957; *Ананьев В. И.* Оренбургский военно-революционный комитет. Оренбург, 1959.

Я. С. Юферев подсчитал, что после февральской революции, как только партия вышла из подполья, в ее организациях на Урале состояло около 500 членов⁴⁴. Эта цифра наиболее распространена и в современной литературе. В монографиях, брошюрах и статьях руководящая роль партии в октябрьских событиях была раскрыта через деятельность конкретных лиц. Историки восстановили имена многих руководителей и рядовых членов партийных организаций, принимавших активное участие в революционном движении на Урале. Наиболее интересный материал об этих людях содержался в мемуарной литературе.

Серьезному изучению подверглись некоторые директивные документы, в частности решения 1-й и 2-й Уральских областных конференций РСДРП(б), которые сыграли большую роль в воссоздании и консолидации партийных организаций края. Вместе с тем были выяснены причины тактических колебаний уральских большевиков в начале революции. Как известно, 1-я областная партийная конференция приняла ошибочные решения по вопросам об отношении к войне, к Временному правительству и др. По мнению некоторых историков, такие решения объяснялись незнанием уральскими большевиками «Апрельских тезисов» Ленина. Ф. П. Быстрых на основе тщательного анализа первоисточников опроверг это суждение. Он убедительно доказал, что ленинский документ был известен делегатам конференции, но они не успели основательно его продумать, чтобы правильно сориентироваться в обстановке⁴⁵.

Характеризуя состав революционных сил на Урале накануне и в период Октября, историки по-прежнему отмечали особую активность их авангарда — промышленного пролетариата. В работах Ф. П. Быстрых, Ф. С. Горового, Н. К. Лисовского были с большой полнотой проанализированы различные формы классовой борьбы, которые использовал уральский пролетариат, чтобы отстоять свои права от посягательств буржуазии. В. В. Фельдман специально исследовал историю профсоюзного движения. По сведениям автора, оно объединяло в своих рядах 152,6 тыс. человек, или более 40% всех рабочих и служащих Урала⁴⁶. Он показал, какое важное значение придавали большевики привлечению на свою сторону профессиональных союзов, которые могли стать организаторами не только экономических, но и политических выступлений рабочего класса.

В литературе второй половины 50-х гг. были обобщены дополнительные материалы о развитии революционного процесса в уральской деревне. Историки продолжили изучение вопроса, связан-

⁴⁴ См.: Юферев Я. С. Победа Советской власти на Урале. С. 18.

⁴⁵ См.: Быстрых Ф. П. Первая Уральская (свободная) областная конференция РСДРП(б) // 1917 год на Урале: Сб. статей. Пермь, 1957.

⁴⁶ См.: Фельдман В. В. Профсоюзы Урала до Великой Октябрьской социалистической революции (1905—1918 гг.). С. 82.

ного с имущественным и социальным расслоением крестьянства накануне революции. В этом отношении интересна работа Л. А. Сашенкова по Южному Уралу, написанная на основе разнообразных статистических источников. Исходя из состояния землевладения и землепользования в 1917 г., автор условно делит Урал на три района: Оренбургскую губернию с преобладанием казачьих земель; Уфимскую губернию, где значительная часть земли была в собственности помещиков; Горнозаводский район, т. е. в основном Пермскую губернию, в которой огромные массивы земель и лесов принадлежали казне и заводчикам. Особенностью Южного Урала являлось наличие в деревне значительной и весьма богатой прослойки кулачества. Оно систематически прибегало к аренде, причем арендованные земли по площади в десятки и сотни раз превосходили размеры наделов. В особо привилегированном положении, подчеркивал Л. А. Сашенков, находилось казачество. Для казаков Оренбургского войска был установлен душевой надел 30 дес. только удобной земли. Но во многих станицах он значительно превышал эту норму, доходя иногда до 95 дес.⁴⁷

Подобные выкладки служили объективным основанием для выводов о позиции различных социальных групп крестьянства в социалистической революции.

Ряд исследователей затронули проблемы крестьянского движения. И. С. Капцугович попытался проанализировать формы классовой борьбы в деревне, объяснить преобладание тех или иных видов крестьянских выступлений на различных этапах развития революции. Автор одним из первых обратился к изучению истории крестьянских организаций и пришел к заключению, что характер их деятельности прямо зависел от их социального состава, а также от тех требований, которые выдвигало крестьянское движение. Например, волостные земельные комитеты не всегда оправдывали надежды буржуазной власти, поскольку под давлением масс выступали за конфискацию земель, выражая тем самым интересы беднейшего крестьянства⁴⁸.

Пристальное внимание ученых привлекала революционная ситуация в национальных районах Урала. Движущей силой пролетарской революции на территории нынешних Башкирской и Удмуртской автономных республик выступал рабочий класс и действовавшее в союзе с ним беднейшее крестьянство — русское, башкирское, удмуртское, татарское, чувашское. Но кадры рабочих, особенно выходцев из коренного населения, были здесь малочисленными.

⁴⁷ См.: Сашенков Л. А. Из истории создания и укрепления союза рабочего класса с крестьянством в первый период гражданской войны на Южном Урале // Учен. зап. / Челябин. политехн. ин-т. 1957. Вып. 1. С. 43, 44.

⁴⁸ См.: Капцугович И. С. Крестьянское движение в Пермской губернии в 1917 г. // 1917 год на Урале. С. 113—114.

Объективно это усиливало позицию буржуазных националистов. К тому же, например, в Удмуртии, отмечала Е. С. Садырина, сохранились пережитки родового строя, что отрицательно сказывалось на уровне экономического и культурного развития нации, сдерживало процесс созревания необходимых предпосылок революции. По мнению исследователя, победа февральской революции явилась толчком к подъему национального движения в Вятской губернии. В нем образовалось два направления: буржуазно-националистическое и революционно-демократическое. Сначала во главе движения попыталась встать местная буржуазия. Вятской организации большевиков пришлось приложить немало усилий, чтобы парализовать влияние националистических элементов и направить освободительную борьбу нерусских народов в общее русло социалистической революции⁴⁹.

В борьбе с националистическими предрассудками активно участвовали национальные кадры Коммунистической партии. Так, по инициативе Уральского областного и Уфимского губернского комитетов РСДРП(б) в октябре 1917 г. в Уфе состоялся съезд татарских и башкирских социал-демократов (большевиков). Он принял большевистские решения о войне, о Временном правительстве и другим вопросам. В. П. Чемерис отмечал, что объединение большевиков-мусульман и координация их действий способствовали расширению партийной работы среди угнетенных национальностей Башкирии⁵⁰.

Анализируя соотношение классовых сил на Урале в ходе подготовки Октябрьской революции, историки приступили к ознакомлению с положением дел в лагере контрреволюции. Были предприняты попытки изучить историю организации местных органов Временного правительства. П. И. Рощевский, например, сделал это на материалах Зауралья. Он проследил, как в условиях острейшей классовой борьбы буржуазия стремилась использовать все возможности, чтоб не допустить невыгодных ей демократических преобразований. Она благосклонно восприняла готовность бывших царских властей безоговорочно признать Временное правительство, подчиниться ему и вместе с тем «сохранить существующий порядок, руководствуясь действующим сводом законов»⁵¹.

В числе принципиальных был поднят вопрос о классовой сущности комитетов общественной безопасности, возникших повсеместно после падения самодержавия. Е. С. Садырина, Я. С. Юфев, П. И. Рощевский оценили эти организации как безусловно

⁴⁹ См.: Садырина Е. С. Октябрь в Вятской губернии. С. 25, 81—82.

⁵⁰ См.: Чемерис В. П. Установление Советской власти в Башкирии // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии: Сб. статей. Уфа, 1959. С. 40.

⁵¹ Рощевский П. И. Октябрь в Зауралье. С. 24.

контрреволюционные, как основную опору Временного правительства на местах.

Особое внимание в литературе, посвященной непосредственно победе социалистической революции, обращалось на те районы Урала (главным образом национальные и аграрные), где процесс установления Советской власти сопровождался определенными трудностями. В Вятской губернии, писала Е. С. Садырина, Октябрьское вооруженное восстание сразу же поддерживали рабочие Ижевска и Глазова. На территории остальной части губернии власть Советов была установлена в ноябре 1917 — феврале 1918 г. В силу ряда причин, связанных с особенностями социально-экономического развития края, большинство Советов длительное время находились под руководством меньшевиков и эсеров, которые сдерживали революционную инициативу масс. Социалистическая революция развертывалась помимо соглашательской верхушки Советов. Главную роль играли военно-революционные комитеты, созданные при большевистских партийных организациях⁵².

Значительные трудности встретились на пути установления Советской власти в Зауралье. Это объяснялось малочисленностью промышленного пролетариата, большим удельным весом зажиточного крестьянства и купечества, недостаточной организованностью большевиков. Лишь с помощью рабочих промышленных центров здесь в ходе революции оформились самостоятельные большевистские организации, которые повели решительную борьбу за передачу всей полноты власти в руки Советов и ликвидацию буржуазных органов управления⁵³.

В литературе, изданной к 40-летию Великого Октября, более конкретно освещался процесс установления и упрочения диктатуры пролетариата на Урале. Описывая слом старой государственной машины и создание советского аппарата власти, исследователи убедительнее показали противоборство антагонистических сил. Они отметили, что меньшевики, эсеры, кадеты, засевающие в волостных и уездных земских управах, органах городского самоуправления, оказывали упорное сопротивление наступлению революции. Сломить это сопротивление были призваны руководимые большевиками военно-революционные комитеты. По мнению Н. К. Лисовского, в большинстве городов Южного Урала ревкомы к маю 1918 г. отобрали реальную власть у буржуазии и передали ее Советам.

Борьба с агентурой буржуазии шла на первых порах и внутри советского аппарата. А. С. Быстрова, Н. К. Лисовский, Е. С. Садырина свидетельствовали, что в ряде Советов представительство соглашательских партий сохранялось и после революции. Они показали настойчивую борьбу партии большевиков за очищение орга-

⁵² См.: Садырина Е. С. Октябрь в Вятской губернии. С. 93—94.

⁵³ См.: Роцевский П. И. Октябрь в Зауралье. С. 58.

нов диктатуры пролетариата от социально чуждых элементов. Здесь особенно важную роль сыграли большевистские фракции. По данным Е. С. Садыриной, в Вятской губернии такие фракции образовались в большинстве уездных Советов и их исполкомов к середине 1918 г. Для осуществления пролетарского руководства деревней и ослабления там меньшевистско-эсеровского влияния очень важное значение имело объединение Советов рабочих с Советами крестьянских депутатов. Н. К. Лисовский считал, что этот процесс завершился на Урале в основном к началу февраля 1918 г., когда состоялся Уральский областной съезд Советов крестьянских депутатов.

Впервые в литературе была сделана попытка показать масштабы государственного строительства в период триумфального шествия Советской власти в пределах всего региона. По подсчетам Н. К. Лисовского, в марте 1918 г. на Урале действовало свыше 3 тыс. Советов⁵⁴.

В исследованиях второй половины 50-х гг. важное место продолжала занимать проблема создания вооруженных сил революции. Показав активное участие красногвардейских отрядов в установлении Советской власти и защите завоеваний Октября, историки больше внимания уделили созданию Красной Армии. Авторы монографии об истории Октябрьской революции на Урале привели интересные материалы, характеризовавшие военную деятельность местных партийных организаций. Она была направлена на демократизацию и постепенный роспуск старой армии, создание военномобилизационного аппарата пролетарского государства, широкую пропаганду среди трудящихся идеи защиты социалистического отечества, вербовку добровольцев, формирование и обеспечение всем необходимым частей новой армии. В книге «Коммунисты Урала в годы гражданской войны» сообщалось, что к лету 1918 г. были созданы первые соединения Рабоче-Крестьянской Красной Армии. А всего до начала гражданской войны в Уральской области встали под ружье 19 209 добровольцев⁵⁵.

Новые материалы дали возможность конкретизировать историю социально-экономических преобразований Октябрьской революции на Урале. В литературе впервые были приведены цифры, показывающие масштабы наступления рабочего класса на позиции крупного капитала. Как отмечал Я. С. Юферев, к июню 1918 г. в ведении областного правления национализированными предприятиями кроме казенных заводов находилось 25 горнозаводских округов. Они включали в свою хозяйственную структуру 90 предприятий с 90 доменными и 88 мартеновскими печами⁵⁶. Н. К. Ли-

⁵⁴ См.: Лисовский Н. К. Октябрь на Южном Урале. С. 195.

⁵⁵ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 43.

⁵⁶ См.: Юферев Я. С. Победа Советской власти на Урале. С. 114.

совский полагал, что до начала гражданской войны горнозаводская промышленность Урала была национализирована не менее чем на 85%. В руки Советского государства перешли 156 крупных заводов и фабрик⁵⁷.

Более конкретно был раскрыт процесс становления новых производственных отношений. Исследователи попытались шире показать роль общественных организаций рабочего класса в управлении национализированными предприятиями, повышении производительности труда, укреплении трудовой дисциплины, стимулировании творческой активности трудящихся масс. Авторы коллективной монографии «Коммунисты Урала в годы гражданской войны» рассказали о создании совнархозов в целях управления обобществленным сектором экономики, о деятельности деловых советов, направленной на обеспечение бесперебойной работы промышленности и транспорта, о попытках рабочих привлечь специалистов из среды демократически настроенной интеллигенции для решения технических вопросов. Соглашаясь с другими историками, они отметили как характерную особенность Урала сравнительно быстрое овладение рабочим классом функцией управления крупным производством. «К середине 1918 года, — написано в книге, — был окончательно сломлен буржуазный аппарат хозяйственного управления и при активном участии рабочих масс созданы новые органы руководства социалистической экономикой Урала»⁵⁸.

Некоторые количественные показатели были приведены и при рассмотрении первых аграрных преобразований Советской власти. По мнению большинства исследователей, конфискация земель нетрудового пользования проводилась на Урале в конце 1917 — начале 1918 г. Н. К. Лисовский указывал, правда без достаточно убедительного обоснования, что в результате передела крестьянство получило здесь свыше 10 млн дес. земли и леса⁵⁹. Земельная обеспеченность крестьян значительно возросла. Как свидетельствовали авторы книги «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», земельный надел, приходившийся на каждого едока, увеличился в Пермской губернии с 1,88 до 2,11, в Уфимской губернии — с 1,99 до 2,15 дес.⁶⁰. К сожалению, историки не смогли уточнить, к какому времени относятся эти результаты. Н. К. Лисовский и П. И. Рощевский заметили только, что полностью завершить передел земли не удалось из-за начавшейся гражданской войны.

В литературе обозначились и новые аспекты истории социалистической революции в уральской деревне. В частности, были отмечены первые шаги коллективного земледелия. В книге «Коммунисты Урала в годы гражданской войны» подсчитано, что

⁵⁷ См.: Лисовский Н. К. Октябрь на Южном Урале. С. 261.

⁵⁸ Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 79.

⁵⁹ См.: Лисовский Н. К. Октябрь на Южном Урале. С. 237.

⁶⁰ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 105.

только в Камышловском уезде Пермской губернии к лету 1918 г. возникло 20 коллективных хозяйств⁶¹. Здесь говорилось и о первых на Урале совхозах.

Историки подметили, что в уральской деревне в период завершения буржуазно-демократических преобразований обострилась вторая социальная война. В ряде мест крестьяне требовали пустить в передел земли не только крупных собственников, но и кулаков. Это вызвало необходимость организации пролетарских слоев деревни уже на первом этапе революции. А. С. Быстрова писала даже о возникновении в начале 1918 г. в Вятской губернии 'комбедов. Их было создано в феврале 104, в марте — 194, в мае — 200⁶².

3. Историки об участии трудящихся Урала в борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией в 1918—1920 гг.

На втором этапе развития исторической науки продолжалось изучение событий гражданской войны. Для этого этапа характерно прежде всего повышенное внимание исследователей к вопросам методологии, к ленинскому идейному наследию, которое стало доступно с выходом в свет четвертого издания собрания сочинений Ленина. Помимо статей, докладов и выступлений вождя в научный оборот вошла его переписка военных лет. В 1943 г. она была опубликована отдельным изданием⁶³. Ряд включенных в нее документов отразили деятельность партии по созданию и укреплению Восточного фронта, организации отпора контрреволюции на Волге и Урале.

Отличительная особенность нового этапа заключалась и в том, что научно-исследовательская работа была поставлена на более широкую источниковую базу. Главное внимание историков сосредоточивалось на изучении обширного документального материала, который сконцентрировался к тому времени в центральных и местных архивах. Расширение круга источников было связано и с деятельностью Главной редакции «Истории гражданской войны». В 1940 г. секретариат Главной редакции опубликовал первый том документов и материалов, который в основном осветил события 1918 г.⁶⁴. О ходе борьбы с контрреволюцией на востоке страны свидетельствовали приведенные в сборнике директивы Совет-

⁶¹ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 106.

⁶² См.: Быстрова А. С. Комитеты бедноты в Вятской губернии. Киров, 1956. С. 38.

⁶³ См.: Ленин В. И. Военная переписка. 1917—1920. М., 1943.

⁶⁴ См.: Документы по истории гражданской войны в СССР. М., 1940. Т. 1.

ского правительства о формировании частей Красной Армии, оперативные и разведывательные сводки, обращения местных партийных органов в связи с мобилизацией революционных сил на борьбу с мятежными чехословаками и белогвардейцами, сообщения о политической обстановке в прифронтовой полосе.

Группа научных сотрудников Центрального архива Красной Армии составила сборник документов о выдающемся полководце гражданской войны М. В. Фрунзе⁶⁵. Первый раздел книги «М. В. Фрунзе на Восточном фронте» содержал свыше 150 документов, позволявших детально проследить ход подготовки и осуществления наиболее крупных операций по разгрому армий Колчака. Были изданы и другие сборники или подборки документов, освещавшие преимущественно историю борьбы с колчаковщиной.

Вовлечение в научный оборот массы архивных источников позволило значительно углубить и конкретизировать изучение истории гражданской войны. Но творческая мысль историков подверглась воздействию субъективистской концепции культа личности, что наложило отпечаток на характер литературы.

В конце 30-х — 40-х гг. была издана серия военно-исторических произведений, обобщавших опыт борьбы с контрреволюцией на востоке страны. Некоторые из них являлись значительными исследованиями. Они базировались на большом фактическом материале, извлеченном главным образом из Центрального архива Красной Армии. Выделялась своей фундаментальностью книга профессора Ф. Огородникова⁶⁶. Изучив обширную военную документацию, автор сумел детально проследить ход боевых операций на Восточном фронте, начиная с зимней кампании 1918/19 г. и кончая контрнаступлением советских войск весной 1919 г. Он обстоятельно проанализировал оперативные и тактические планы сторон, боевое расположение, состав, численность и вооружение армий, географические особенности театра военных действий, состояние тыла. Ограничившись исследованием боевых действий, Ф. Огородников почти полностью опустил социально-экономические и политические аспекты истории борьбы с Колчаком. В книге нет имен непосредственных участников событий, описания наиболее ярких эпизодов, выдающихся боевых подвигов отдельных красноармейцев, командиров и комиссаров.

В аналогичном плане написаны и другие работы о событиях на Восточном фронте, опубликованные в то время военным издательством⁶⁷. Обращает на себя внимание тот факт, что в указанных

⁶⁵ См.: М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: Сб. док. М., 1941.

⁶⁶ См.: Огородников Ф. Удар по Колчаку. М., 1938.

⁶⁷ См.: Воробьев В. Ф. Оборона Оренбурга (апрель—май 1919 г.). М., 1938; Федоров А. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. М., 1939; Хрулев В. В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940; Болтин Е. А. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919). М., 1949.

работах начальный период борьбы с контрреволюцией на Восточном фронте освещен очень слабо. Популярная брошюра В. В. Хрулева внесла мало нового в имеющуюся литературу. Автор не касался событий на Среднем Урале, где белогвардейские войска при самом активном, а иногда и решающем участии чехословацкого корпуса летом и осенью 1918 г. вели упорную борьбу с частями 3-й армии. Он не сумел отобразить процесс сплочения революционных сил под руководством Коммунистической партии, а также проанализировать уроки чехословацкого мятежа.

Конкретные сведения о борьбе за Урал содержались в книге А. Федорова «Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта». Автор попытался воспроизвести последовательный ход боевых действий на Пермском направлении с конца ноября 1918 г., когда началось решительное наступление белогвардейских полчищ. По его мнению, стратегический замысел Колчака заключался в том, чтобы основными силами, наступавшими из района Екатеринбурга, разгромить 3-ю армию и прорваться к Перми, а на остальных участках фронта лишь сдерживать активность советских войск. Пермское направление, таким образом, приобретало первостепенное значение, а Восточный фронт становился главным фронтом гражданской войны. Это ошибочное утверждение противоречило объективным фактам и явилось шагом назад по сравнению с правильной в основном оценкой военного положения зимой 1918/19 г., содержавшейся в предшествующей литературе. Тем не менее А. Федоров объективно передал огромную напряженность заключительных боев за Пермь, которые развернулись в основном на фронте 29-й дивизии и Особой 3-й армии. В книге справедливо отмечено стойкое сопротивление Камышловского, Крестьянского коммунистического, 17-го Петроградского, Путиловского кавалерийского, Рабоче-Крестьянского и 4-го Уральского полков.

Неудачный исход всей операции, оставление советскими войсками Кушвы, Лысьвы, Кунгура и, наконец, Перми автор связывал с теми отрицательными факторами, которые дали себя знать еще осенью 1918 г. Сказались прежде всего невосполнимые потери, нанесенные противником 3-й армии, в особенности 29-й дивизии и Особой бригаде, в ходе непрерывных изнурительных боев, и отсутствие необходимых резервов. Боеспособность наших войск еще более снизилась в результате негодной постановки дела снабжения и слабой партийно-политической работы. Немаловажную роль сыграли и такие недостатки, как плохая организация разведывательной службы, низкая маневренность войск в связи с отсутствием специальных подразделений лыжников, которые, кстати, имелись у белых, неудовлетворительное руководство армиями.

Главную вину за поражение 3-й армии А. Федоров возлагал на Троцкого и его ставленников. По распоряжению Троцкого с Восточного фронта были сняты и переброшены на другие фронты

значительные силы. Между тем В. И. Ленин, подчеркивал автор, неоднократно давал командованию указания относительно помощи Перми. Однако главным, командующие фронтом и армиями, поддерживавшие предателя Троцкого, пренебрегали этими указаниями. Троцкисты умышленно лишили 3-ю армию резервов, сорвали взаимодействие ее со 2-й армией, развалили работу органов снабжения и партийно-политического аппарата, насадили в штабах белогвардейскую агентуру, истребили преданных партии командиров и политработников.

Таким рисовался А. Федорову, да и другим историкам, ход событий, предшествовавших прибытию в Вятку Сталина и Дзержинского. Под их руководством была проделана большая работа по восстановлению боеспособности советских войск на левом фланге Восточного фронта и укреплению ближайшего тыла. Все заслуги в ликвидации последствий поражения под Пермью и организации дальнейшей борьбы с колчаковщиной авторы приписывали исключительно Сталину, роль же ЦК партии, командования, Уральского обкома РКП(б) оказалась приниженной или свелась на нет.

Исследователи объясняли ход и исход гражданской войны с чисто субъективистских позиций, тщательно обходя все острые социальные и политические проблемы. В связи с этим процесс формирования классовой базы контрреволюции, например, в восточных районах страны понимался довольно упрощенно. Следуя концепции «Краткого курса истории ВКП(б)», авторы упомянутых работ о борьбе с мятежом чехословацкого корпуса и колчаковщиной изображали главной движущей силой гражданской войны иностранный капитал. Внутренняя контрреволюция в лице буржуазии, помещиков и их политических партий рассматривалась ими как агентура империалистов Антанты.

Конкретному изучению подверглась история создания Красной Армии. Этой теме была посвящена монография Н. И. Шатагина⁶⁸. Автор правильно подметил особенности военного строительства в разные периоды войны, конкретно исследовал процесс перехода от добровольческих формирований трудящихся к массовой армии регулярного типа. В книге уделялось достаточно внимания истории борьбы с контрреволюцией в восточных районах страны. Впервые были введены в научный оборот факты, характеризовавшие постоянную заботу Коммунистической партии и Советского правительства об укреплении армий Восточного фронта.

Важный вклад в историографию темы внесло исследование Ю. П. Петрова о создании партийно-политического аппарата в

⁶⁸ См.: Шатагин Н. И. Организация и строительство Советской Армии в 1918—1920 гг. М., 1954.

Красной Армии в годы гражданской войны⁶⁹. Автор правильно подчеркнул, что Коммунистическая партия придавала исключительно важное значение делу укрепления своего влияния в войсках. Он впервые опубликовал, правда без указания даты, небольшую выдержку из постановления ЦК РКП(б) от 29 июля 1918 г. в связи с положением на Восточном фронте, где говорилось о необходимости создания во всех без исключения войсковых частях на фронте и в тылу партийных ячеек⁷⁰. В соответствии с постановлением была проведена первая массовая мобилизация коммунистов, которая дала возможность развернуть партийное строительство в армии.

Ю. П. Петров сделал ряд верных замечаний относительно особенностей партийного строительства в армиях Восточного фронта и внес существенную поправку в утвердившуюся концепцию гражданской войны. По словам автора, партийные организации на этом фронте возникли раньше, чем на других фронтах, потому что сам фронт организационно оформился первым. Кроме того, партия посылала сюда свои лучшие, наиболее опытные и инициативные кадры, поскольку рассматривала Восточный фронт как «решающий и основной для судеб пролетарского государства»⁷¹. Таким образом, значение Восточного фронта в начальный период войны получило правильную оценку.

Одним из наиболее важных достижений историков в рассматриваемый период было основательное изучение международного аспекта истории гражданской войны, прежде всего причин, характера и последствий иностранной военной интервенции. Этой проблеме были посвящены опубликованные в 50-х гг. работы А. Е. Куниной, А. Березкина, Ф. Д. Волкова и других авторов⁷². Советские историки неопровержимо доказали, что с первых дней победы Великой Октябрьской социалистической революции империалисты США, Англии, Франции вмешивались во внутренние дела нашей

⁶⁹ См.: *Петров Ю. П.* Строительство партийно-политического аппарата Советской Армии в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1952.

⁷⁰ См.: *Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.): Док. и матер.* М., 1962. С. 107—109.

⁷¹ *Петров Ю. П.* Строительство партийно-политического аппарата Советской Армии в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). С. 98.

⁷² См.: *Кунина А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1918—1920 гг. М., 1951; *Березкин А.* США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М., 1952; *Гулыга А., Геронимус А.* Крах антисоветской интервенции США в 1918—1920 гг. М., 1952; *Волков Ф. Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917—1924 гг.). М., 1954.

страны с целью вооруженного свержения первого в мире государства рабочих и крестьян. Они вступили в военный, политический и экономический союз с эксплуататорскими классами старой России, помогли организовать контрреволюционным силам, снабдили их денежными средствами, оружием, продовольствием, обмундированием. Вместе с белогвардейцами они оккупировали самые богатые и обширные районы страны, закатали многих советских людей, установили режим террора, грабежа и насилий. Оккупационные войска Англии, США, Японии и Франции, имевшие в своем составе к началу 1919 г. около 200 тыс. человек, несли охранную и карательную службу в тылу колчаковских армий. Помощь интервентов дала Колчаку возможность сформировать огромную армию, насчитывавшую вместе с резервами более 870 тыс. солдат и офицеров.

Постановка этих вопросов имела большое политическое значение. Поведая человечеству истинную правду о тяжчайших преступлениях международного империализма на советской земле, историки внесли полезный вклад в общее дело борьбы народов за упрочение мира.

Определенные успехи в изучении военно-исторической тематики были достигнуты и на местах. В 1937 г. в Свердловске вышла популярная брошюра Ю. Бессонова «На фронте и в тылу», посвященная участию рабочих Верх-Исетского завода в борьбе с контрреволюцией⁷³. Автор рассказал немало интересного о боевых делах местной рабочей молодежи, самоотверженно сражавшейся за Советскую власть с дутовцами, белочехами и колчаковцами. Воспоминания бывшего визовского красногвардейца А. И. Медведева, выпущенные Свердловским областным издательством в 1939 г.⁷⁴, воспроизвели историю известного боевыми традициями полка им. Малышева.

Двадцатилетний юбилей с момента освобождения Урала от белогвардейских оккупантов ознаменовался выходом в свет ряда книг. Подготовленный испартом сборник статей «Разгром колчаковщины на Урале»⁷⁵ открывался содержательной общей статьей Р. Рубинштейн, Г. Рычковой и В. Солдатова «Колчаковщина на Урале». На основе некоторых цифр и фактов, взятых из материалов испарта и фондов областного партийного архива, они убедительно показали, что социальная и экономическая политика Колчака была направлена на реставрацию буржуазно-помещичьего строя, на закабаление рабочего класса и крестьянства. В отличие от своих предшественников авторы более глубоко и обстоятельно

⁷³ См.: Бессонов Ю. На фронте и в тылу: Рабочие Верх-Исетского завода в 1918—1920 гг. Свердловск, 1937.

⁷⁴ См.: Медведев А. По долинам и по взгорьям: Боевые походы Краснознаменного полка им. Малышева. Свердловск, 1939.

⁷⁵ См.: Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939.

изучили положение трудящихся масс под властью оккупантов. Большое впечатление производит ярко написанная картина чудовищного белогвардейского террора, жертвами которого стали десятки тысяч советских людей. Исследователи правильно отметили, что волна экономических притеснений и политических репрессий обрушилась не только на рабочий класс, но и на трудящееся крестьянство. Это привело к резкому повороту широких масс среднего крестьянства в сторону Советской власти, укреплению союза рабочего класса и крестьянства и полному разложению колчаковской армии.

Обращает на себя внимание статья «Большевистское подполье на Урале». Ее автор — Р. Рубинштейн в какой-то мере отошла от схематизма и декларативности, свойственных литературе того периода. Она постаралась конкретно показать руководящую роль партии в борьбе с белогвардейскими оккупантами. Приведенные ею факты свидетельствуют, что на оккупированном белогвардейцами Урале была создана довольно широкая сеть подпольных большевистских ячеек. Р. Рубинштейн правильно подчеркнула роль Центрального Комитета партии, Я. М. Свердлова в руководстве большевистским подпольем на Урале и в Сибири.

Юбилейный сборник документов был издан Удмуртским научно-исследовательским институтом истории, языка и фольклора⁷⁶. Эта небольшая публикация (в ней всего 46 документов) освещала лишь отдельные, произвольно выбранные события войны на территории Удмуртии. Представляют известный интерес некоторые документы и материалы, помещенные в сборнике, например, историческая справка о боевом пути Путиловского кавалерийского полка 3-й армии, который принимал активное участие в боях с колчаковцами на подступах к Вятке в апреле 1919 г., ряд приказов по войскам 2-й армии, характеризующих героизм командиров 28-й дивизии Азина, Чеверева и политического комиссара Аронштама. Привлекает внимание составленная на основе архивных материалов Сарапульского райкома ВКП(б) справка о последствиях колчаковщины в Удмуртии.

К двадцатилетию разгрома колчаковщины в Оренбурге был издан сборник «Гражданская война в Оренбургском крае»⁷⁷. В него вошли воспоминания участников войны, исторические очерки и статьи, документы, посвященные деятельности Оренбургской большевистской организации в период установления и упрочения Советской власти. В очерке А. Борисова «Зарождение Красной гвардии» популярно рассказывалось, как большевики Оренбурга создавали

⁷⁶ См.: К двадцатилетию освобождения Удмуртии от колчаковщины: Матер. и док. Ижевск, 1939.

⁷⁷ См.: Гражданская война в Оренбургском крае: По воспоминаниям участников гражданской войны и документам. Оренбург, 1939.

вооруженную силу революции, мобилизовали рабочих на борьбу с дутовщиной. Автор назвал имена некоторых активных организаторов и руководителей Красной гвардии. Статья Н. Постникова «Борьба за Оренбург в 1917—1918 гг.», написанная на основе документов Чкаловского областного архива, материалов местного истпарта, газет, воспоминаний и имеющейся литературы, была посвящена боевой деятельности красногвардейских отрядов, которыми командовал чрезвычайный комиссар по борьбе с дутовщиной П. А. Кобозев. Героическая оборона Оренбурга советскими войсками весной 1919 г. отражена в воспоминаниях И. Ломакина и М. Заикина.

В 40-х — начале 50-х гг. литература по истории гражданской войны на Урале почти не издавалась. Отдельные материалы, посвященные строительству Красной Армии и борьбе с колчаковщиной, публиковались в газетах, журналах, краеведческих сборниках в связи с различными юбилейными датами.

Основательное изучение истории борьбы за упрочение Советской власти на Урале возобновилось с выходом в свет монографии А. И. Устькачкинцевой. Событиям гражданской войны на Урале посвящена ее вторая глава. Автор рассказала о военно-мобилизационной деятельности Пермской партийной организации, о проведении добровольческой мобилизации коммунистов в городах, заводских поселках и волостях губернии, о создании партийных дружин, которые становились организационным ядром регулярных полков Красной Армии, о призыве на военную службу рабочих и трудящихся крестьян. В книге подчеркивалось активное участие петроградских рабочих, прибывших на Урал по партийной мобилизации, в проведении организационных и политико-массовых мероприятий. В связи с этим выделялась роль В. И. Ленина, который настойчиво добивался отправки лучших отрядов рабочего класса на чехословацкий фронт, считая, что именно здесь решалась судьба социалистической революции.

А. И. Устькачкинцева на конкретном материале показала острейшую классовую борьбу, развернувшуюся в тылу Красной Армии летом 1918 г. Она правильно отметила, что мятеж чехословацкого корпуса послужил сигналом для всеобщего выступления всех контрреволюционных элементов, в первую очередь деревенской буржуазии. Предпринимая военные меры против кулачества, пермские большевики вместе с тем развернули в деревне широкую разъяснительную работу, чтобы отвлечь от белогвардейского движения массы среднего крестьянства. В книге много говорилось о комбедах. Автор первой из уральских историков проанализировала и обобщила неопубликованный фактический материал, который ярко характеризовал выдающееся значение этих опорных пунктов диктатуры пролетариата в деревне в деле укрепления тыла.

Что касается общей постановки вопроса о соотношении классовых сил и политических партий на Урале в различные периоды гражданской войны, то здесь А. И. Устькачкинцева проявила полную беспомощность. Она даже не пыталась проанализировать те экономические и социальные причины, которые обусловили особую остроту классовой борьбы в этом районе страны и в конечном счете привели к временной утрате Советской власти. Игнорируя специфику социально-экономического развития Урала, А. И. Устькачкинцева старалась подогнать описываемые события под догматическую схему «Краткого курса истории ВКП(б)». В духе этой схемы трактовался, в частности, вопрос об изменении позиций среднего крестьянства под влиянием уроков гражданской войны: «Таким образом, в Пермской губернии, как и в Центральных районах Советской России, в октябре-ноябре 1918 г. определился поворот крестьян-середняков в сторону Советской власти»⁷⁸. Между тем отдельные постановления крестьянских сходов о поддержке Красной Армии, приведенные в книге, не давали основания для такого категорического заключения. Сама автор была вынуждена констатировать непрочность тыла советских войск во время решающих боев на Пермском направлении, но объяснила этот факт весьма упрощенно, сославшись на провокационные действия троцкистов, которые извратили классовую сущность Декрета о единовременном чрезвычайном налоге и таким образом снова обострили обстановку в деревне.

Вторая половина 50-х гг., когда в нашей стране широко отмечалось 40-летие Октябрьской революции, а затем гражданской войны, характеризовалась заметно возросшим интересом историков к военно-революционной проблематике. Решения XX съезда партии, осудившего вредные последствия культа личности, открыли простор творческой мысли и ускорили конкретную разработку важнейших вопросов истории гражданской войны. Сразу после съезда теоретический журнал ЦК КПСС «Коммунист» опубликовал статью, где критиковались субъективистские ошибки в освещении хода военных действий, в частности на Восточном фронте, и восстанавливались некоторые важные положения ленинской концепции⁷⁹. Была продолжена публикация эпистолярного наследия В. И. Ленина военных лет⁸⁰. Стали известны новые документы, характеризующие многогранную организаторскую и политическую деятельность гениального стратега революционных войн.

Широко развернулась работа по выявлению и изданию источников. Был полностью восстановлен в правах такой важный вид

⁷⁸ Устькачкинцева А. И. Пермская партийная организация в борьбе за упрочение Советской власти (1918 г.). С. 115.

⁷⁹ См.: Кузьмин Н., Найда С., Петров Ю., Шишкин С. О некоторых вопросах истории гражданской войны // Коммунист. 1956. № 12.

⁸⁰ См.: Ленин В. И. Военная переписка (1917—1920). М., 1956.

исторических источников, как воспоминания. Переиздавались воспоминания выдающихся военачальников времен гражданской войны М. В. Фрунзе, А. С. Бубнова, С. И. Гусева, С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского. Появилась обширная мемуарная литература, относящаяся к событиям гражданской войны на Урале⁸¹. Она содержала массу фактических подробностей о развернувшейся вооруженной борьбе и ее участниках, чего не было в других источниках. Центральное и местные издательства приступили к публикации документов и материалов⁸².

Используя более широкий круг источников и литературы, историки создали ряд монографических произведений, в которых по-новому трактовались важнейшие вопросы темы. Большим достижением нашей исторической науки было издание третьего и четвертого томов «Истории гражданской войны в СССР», а также обобщающих работ⁸³. Одним из первых произведений Ленинианы стала книга Н. Ф. Кузьмина, где раскрывались исторические заслуги вождя Коммунистической партии в организации обороны страны в 1918—1920 гг.⁸⁴. Вопросы партийно-политической работы в Красной Армии были исследованы Ю. П. Петровым⁸⁵. Появились книги, посвященные организации оборонного производства⁸⁶, созда-

⁸¹ См.: В борьбе за власть Советов: Воспоминания коммунистов—участников Октябрьской революции и гражданской войны на Урале; Под красным знаменем: Сб. воспоминаний. Пермь, 1957; За власть Советов: Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957; За власть Советов: Воспоминания участников гражданской войны на территории Коми-Пермяцкого края. Кудымкар, 1957; На Южном Урале: Воспоминания участников гражданской войны, М., 1958; Легендарный рейд: Сб. воспоминаний о походе южноуральских партизан под командованием В. К. Блюхера. М., 1959; В боях и походах: Воспоминания участников гражданской войны на Урале. Свердловск, 1959; *Пичугов С. Неизведанными путями. М., 1959; Голиков Ф. И. Красные Орлы. М., 1959; Страницы героического прошлого: Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны на Южном Урале. Челябинск, 1959.*

⁸² См.: Боевые подвиги частей Красной Армии (1918—1922 гг.): Сб. док. М., 1957; Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922): Док. и матер. М., 1957; Гражданская война в Оренбуржье (1917—1919 гг.): Док. и матер. Оренбург, 1958.

⁸³ См.: История гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3; 1959; Т. 4; *Кузьмин Г. В. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1958; Соловьев П. В. Коммунистическая партия — организатор разгрома военной интервенции и внутренней контрреволюции. Л., 1958; Поляков Ю., Шелестов Д. Боевой восемнадцатый год. М., 1958; Найда С. Ф., Алексашенко А. П. Коммунистическая партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1959.*

⁸⁴ См.: *Кузьмин Н. Ф. В. И. Ленин во главе обороны советской страны (1918—1920 гг.). М., 1958.*

⁸⁵ См.: *Петров Ю. П. Военные комиссары в годы гражданской войны. М., 1956; Он же. Партийные мобилизации в Красную Армию. 1918—1920 гг. М., 1956.*

⁸⁶ См.: *Гладков И. А. Очерки советской экономики. 1917—1920 гг. М., 1956; Баевский Д. А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. М., 1957.*

нию и укреплению военно-политического союза рабочего класса с крестьянством⁸⁷. Центральные издательства выпустили монографии Л. М. Спирина⁸⁸ и В. К. Путны⁸⁹ о событиях гражданской войны на востоке страны. В исторических журналах и сборниках были напечатаны работы Ю. П. Петрова, Л. М. Спирина, В. П. Вахрушева, И. В. Стародубцева, В. А. Овсянкина, А. Я. Казакова и др. по конкретным вопросам организации обороны Урала от белогвардейцев и интервентов.

С обобщающими исследованиями выступили уральские историки⁹⁰. На местах были опубликованы также произведения тематического плана, характеризующие военную, организаторскую и политико-воспитательную деятельность партии на Урале в 1918—1920 гг.⁹¹. Большой вклад в историографию гражданской войны начали вносить ученые записки кафедр общественных наук уральских вузов. В них публиковали статьи П. И. Рощевский, Я. Л. Ниренбург, Л. А. Сашенков, И. А. Попов, К. Н. Андреев, О. Ф. Боярских, Н. А. Кашеев, занимавшиеся изучением различных сторон жизни трудящихся Урала в период борьбы с интервентами и белогвардейцами. Областные издательства выпустили серию популярных очерков о героях гражданской войны⁹².

Появление всей этой литературы существенно изменило и дополнило недостаточно объективное представление о содержании темы, сложившееся под воздействием культа личности. Центральное место в литературе заняла проблема партийного руководства трудящимися массами в труднейших условиях войны и интервенции. Ю. П. Петров, Л. М. Спирин, Н. Ф. Кузьмин ввели в научный оборот документы, всесторонне отражавшие военную деятельность Коммунистической партии, местных организаций. Особенно важным представляется обращение историков к постановлению ЦК РКП(б) от 29 июля 1918 г., в котором подчеркивалась необходимость мобилизации партийных сил для организации эффективной обороны Волги и Урала. Исследователи показали огромный

⁸⁷ См.: Умнов А. С. Гражданская война и среднее крестьянство. М., 1957.

⁸⁸ См.: Спирин Л. М. Разгром армий Колчака. М., 1957.

⁸⁹ См.: Путна В. К. Восточный фронт: (штрихи). 2-е изд. М., 1959.

⁹⁰ См.: Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919 гг. Челябинск, 1958; Рябухин Е. И. В борьбе с контрреволюцией. Киров, 1959.

⁹¹ См.: Чеснокова Т. И. Первые коммунистические субботники на Урале (1919—1920 гг.). Челябинск, 1957; Спасский А. Третья армия. Пермь. 1958.

⁹² См.: Кучкин А. П. Александр Чеверев: (биографический очерк). 3-е изд. Уфа, 1957; Лукьянова Е. Н. Александр Борчанинов (1884—1932). Пермь. 1957; Они сражались за счастье народа. Ижевск, 1957; Рощевский П. И. П. Д. Хохряков. Тюмень, 1957; Солдаты революции: Из жизнедеятельности участников Октября и гражданской войны на Южном Урале. Челябинск, 1957; Тальская О. С. Их именами названы улицы Свердловска. Свердловск, 1959.

размах мобилизационной работы, которая развернулась на его основе. Только уральские партийные организации, как свидетельствовал Ю. П. Петров, послали в армию более 20 тыс. коммунистов⁹³.

Примечательно, что руководящая роль партии в гражданской войне стала пониматься историками не абстрактно, как было прежде, а конкретно. Массовое издание и переиздание воспоминаний активных участников вооруженной борьбы с контрреволюцией дало возможность наполнить историю персонажами. Читателю заново открылись имена руководителей уральской партийной организации И. М. Малышева, Н. Г. Толмачева, Ф. И. Голощекина, П. Д. Хохрякова, Л. И. Вайнера, командиров и политработников Красной Армии Р. И. Берзина, М. В. Васильева, М. Н. Тухачевского, В. К. Блюхера, А. Л. Борчанинова, В. И. Шорина, А. И. Юдина, С. А. Анучина, А. М. Чеверева, А. И. Северихина, деятелей героического подполья А. Валека, С. Дерябиной, М. Авейде, С. Кривой и многих других. Таким образом, вся деятельность партии на Урале по созданию Красной Армии и организации вооруженного отпора контрреволюции, перестройке на военный лад партийного, советского и хозяйственного аппарата, разворачиванию массового движения сопротивления в белогвардейском тылу была связана в литературе с конкретными участниками событий.

Было опубликовано много документов, раскрывавших роль В. И. Ленина как выдающегося политического стратега и военного организатора. Указанная тема красной нитью проходит через все произведения обобщающего плана. Воссоздавая последовательный ход событий 1918—1920 гг., историки стали руководствоваться ленинской оценкой основных фронтов, их роли в судьбах социалистической революции. Эта оценка легла в основу научной периодизации истории гражданской войны и военной интервенции.

Важным достижением исторической науки явилась разработка проблематики первого периода вооруженной борьбы советского народа с объединенными силами внешней и внутренней контрреволюции, когда главная опасность грозила Советской власти с востока. В литературе, написанной под влиянием культа личности Сталина, события данного периода сводились в основном к обороне Царицына летом и осенью 1918 г., а история создания Восточного фронта, в сущности, игнорировалась. Авторы произведений, изданных во второй половине 50-х гг., раскрыли по архивным материалам конкретное содержание процесса мобилизации революционных сил, которыми руководили центральные органы партии и ее местные организации. Было убедительно доказано, что возникнове-

⁹³ См.: Петров Ю. П. Партийные мобилизации в Красную Армию. 1918—1920 гг. С. 16.

ние и укрепление Восточного фронта связаны с именем В. И. Ленина. Вождь предупредил партию об огромной опасности совместного выступления чехословаков и кулацко-белогвардейских банд. Он, как указывалось в работах Ю. П. Петрова, Л. М. Спирина, в третьем томе «Истории гражданской войны в СССР», добивался отправки на Волгу и Урал наибольшего числа передовых рабочих Москвы, Петрограда и других промышленных центров страны для организации отпора контрреволюции, следил за переброской сюда подкреплений и боевой техники, требовал скорейшего создания устойчивой обороны.

Впервые было показано, как претворялись в жизнь указания В. И. Ленина о защите Волги и Урала, какое участие в этом приняли трудящиеся нашего края. Одним из первых на данную тему выступил в печати Л. М. Спирин. Его статья «Участие трудящихся Урала в строительстве Красной Армии (1918 г.)» была насыщена интереснейшим фактическим материалом и содержала важные обобщения. В ней рассматривались такие вопросы, как проведение добровольных и обязательных мобилизаций, строительство военных комиссариатов и их роль в осуществлении всеобщей воинской повинности, создание политических отделов, аппарата управления и снабжения армии, изменение в численности, вооружении и боевом расположении советских войск на Урале.

Общее представление о ходе военного строительства в период обороны Урала от интервентов и белогвардейцев давал исторический очерк А. Спасского «Третья армия». Автор привел яркие факты, характеризующие мобилизационную деятельность областного военного комиссариата и Революционного штаба Уральской области, который временно осуществлял и оперативное руководство советскими отрядами. Он рассказал, как возникали основные направления фронта, постепенно налаживалось централизованное управление войсками. В книге коротко описывались история создания и боевая деятельность наиболее известных частей и соединений 3-й армии, в частности, Крестьянского коммунистического, Камышловского, 4-го Уральского, 1-го Горного, 1-го и 2-го Красноуфимских, Рабоче-крестьянского, Рабочего им. Малышева полков Сводного Уральского отряда В. К. Блюхера.

В литературе второй половины 50-х гг. была выдвинута и в общих чертах рассмотрена на конкретных источниках проблема партийного руководства армией. В общесоюзном плане ее наиболее основательно изучал, как указывалось, Ю. П. Петров. Уральский материал по данной проблеме начал использоваться не сразу. Л. М. Спирин в упомянутой статье убедительно показал постановку партийной работы в тыловых частях и гарнизонах. Но борьба коммунистов за политическое просвещение армии непосредственно на фронте, в сущности, не привлекла его внимания.

Явная недооценка проблемы присуща монографии П. С. Лу-

чевникова «Гражданская война на Южном Урале». Это интересная книга, хорошо воспроизводящая необычайную остроту классовых противоречий в период войны, содержащая конкретный материал о героических усилиях рабочего класса и крестьянской бедноты по отражению военной опасности. Но авангардная роль коммунистов раскрыта в ней не полностью. Если на примере деятельности большевистского подполья данный вопрос решен удовлетворительно, то в отношении военного строительства он явно смазан.

А. Сласский в книге «Третья армия» справедливо отметил крупные заслуги партийных организаций Урала в деле политического просвещения войск Восточного фронта. Однако он полагал, что в 3-й армии партийная работа была налажена слабо, что армейский политотдел к моменту решающих боев за Урал осенью 1918 г. еще не оказывал заметного влияния на ход событий, не помогал мобилизованным коммунистам, не работал и среди населения прифронтной полосы⁹⁴.

Такая позиция не получила поддержки историков. В частности, большое количество иных фактов было приведено в коллективном труде «Коммунисты Урала в годы гражданской войны». Они показывали, что организационная и разъяснительная работа среди мобилизованных велась с самого начала формирования армии и приобрела особый размах именно осенью 1918г., когда красные войска в соответствии с июльским постановлением ЦК партии были основательно укреплены коммунистами и когда Уралобком РКП(б) по согласованию с командованием взялся за налаживание партийно-политической работы⁹⁵. В это время состоялись дивизионные партийные конференции, которые обобщили опыт военного строительства и наметили перспективы развития политической работы на фронте, а также показали, что партийное влияние глубоко затронуло все стороны жизни армии. Армейские коммунисты сыграли важную роль и в укреплении тыла, разъясняя рабочим и крестьянам классовый характер гражданской войны, помогая местным органам быстрее перестроиться на военный лад, подавить сопротивление контрреволюционных элементов, наладить снабжение фронта всем необходимым.

Что касается воспитательного воздействия на красноармейцев личного примера коммунистов, то и оно отражено в книге достаточно полно. Описывая военные действия на территории Урала летом и осенью 1918 г., особенно оборону Златоуста, Егоршинского плацдарма, Нижнего Тагила, легендарный рейд отрядов В. К. Блюхера по тылам белых, бои под Кушвой, Кыновским заводом, Красноуфимском, авторы привели много ярких фактов воинской доблести и самоотверженности членов партий, воевавших в качестве коман-

⁹⁴ См.: Сласский А. Третья армия. С.81.

⁹⁵ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 176—177.

диров, политработников и рядовых бойцов. Не случайно, говорилось в книге, коммунисты несли в боях особенно большие потери. За вторую половину 1918 г. выбыло из строя не менее 10 тыс. коммунистов, мобилизованных на фронт партийными организациями Урала⁹⁶.

Во второй половине 50-х гг. наряду с военными проблемами продолжалось изучение социальных отношений на Урале в условиях войны. Ф. П. Макаров и А. И. Устькачкинцева осуществили его на более широкой источниковой основе. О деятельности местных партийных органов по развитию трудовой и общественно-политической активности масс писали многие исследователи, особенно подробно — А. С. Быстрова в третьем томе «Гражданской войны в СССР» и Е. И. Рябухин в книге «Коммунисты Урала в годы гражданской войны». Историки создали яркое и правдивое представление об активе партии на заводах, в городах и деревнях прифронтовой полосы — советских руководителей, хозяйственников, организаторах, инструкторах и пропагандистах, чьими усилиями обеспечивалась прочная связь тыла с Красной Армией.

Следует сразу оговориться, что возможности уральского тыла были исследованы неравномерно. По-прежнему слабым местом в историографии гражданской войны на Урале оставалась жизнь рабочего класса. В литературе, в частности в книге «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», появились новые сведения, характеризующие трудовой героизм рабочих Лысьвы, Кизела, Надеждинска, Мотовилихи, и этим, в сущности, дело ограничилось. Е. И. Рябухин мог бы подробнее раскрыть производственную деятельность рабочего класса на примере Вятской губернии, поскольку соответствующие материалы сохранились в архивах, но он сосредоточил внимание на выяснении социально-политических причин меньшевистско-эсеровского мятежа на Ижевском и Воткинском заводах в августе 1918 г.

Дальнейшее развитие получила тема борьбы за упрочение Советской власти в деревне, особенно в период комбедов. А. С. Быстрова и другие историки обобщили обширный материал, свидетельствовавший об активном вовлечении беднейшего крестьянства Урала в социалистическую революцию, в дело вооруженной защиты завоеваний Октября. Они показали на конкретных примерах, что в деревне велась большая организационная и политико-массовая работа. Как сообщали авторы книги «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», только за август-сентябрь 1918 г. на места было послано свыше 500 партийных работников для вербовки добровольцев в Красную Армию, создания Советов, комитетов деревенской бедноты, коллективных хозяйств, первичных ячеек РКП(б)⁹⁷

⁹⁶ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 218.

⁹⁷ Там же. С. 189.

Убедительно описывая участие пролетарских и полупролетарских слоев деревни в борьбе с кулацко-белогвардейскими элементами, в оказании всемерной помощи Красной Армии, исследователи, однако, еще не дали объективной оценки позиции среднего крестьянства, не показали его колебаний в сторону контрреволюции, не выяснили причин этих колебаний.

После XX съезда партии наметился новый подход к оценке положения на Восточном фронте на втором этапе гражданской войны и интервенции. Он характеризовался использованием более разнообразных источников, введением в исследование многочисленных персонажей, правильным учетом объективных и субъективных факторов, определявших развитие боевых действий. Все эти качества в полной мере были присущи книге Л. М. Спирина «Разгром армий Колчака», где сформирована научная концепция темы, положенная в основу соответствующих разделов третьего и четвертого томов «Истории гражданской войны в СССР».

В описании боевых действий Л. М. Спирин отказался от специфического стиля, в котором была выдержана военно-историческая литература 30—40-х гг., и встал на путь более глубокого, более жизненного их отображения. Общий анализ операций, характеристика стратегических планов и соотношения сил воюющих сторон сочетались у него с яркими зарисовками конкретных эпизодов, подвигов как частей и соединений Красной Армии, так и отдельных бойцов, командиров и комиссаров. Одним из первых Л. М. Спирин отбросил надуманный термин «пермская катастрофа», восстановив боевые заслуги защитников Перми, которые сковали значительные силы противника и тем самым способствовали успешному контрнаступлению других армий Восточного фронта зимой 1918/19 г.

При освещении истории разгрома армий Колчака автор обстоятельно воспроизвел военно-организаторскую деятельность Коммунистической партии и ее вождя. Особенно выпукло обрисовано участие В. И. Ленина в оперативных делах, в укреплении Красной Армии и обеспечении ее всем необходимым на решающем этапе борьбы с колчаковщиной.

Существенный вклад в историографию внесла глава «Разгром колчаковских армий на Урале летом 1919 года», насыщенная интереснейшим материалом, большая часть которого публиковалась впервые. В ней подробно описаны бои за овладение Уфимским плоскогорьем и Златоустом, движение советских войск к центру промышленного Урала — Екатеринбург и, наконец, Челябинская операция, которой в основном завершилось освобождение края от белогвардейских оккупантов.

Ураловеды продолжили изучение истории гражданской войны на территории края в послеколчаковский период. Были изданы бро-

шюры, полностью посвященные данной теме или затрагивающие какие-то ее аспекты⁹⁸. Материалы, отражающие события на Урале в 1919—1920 гг., приводились и в упомянутых работах Д. А. Баевского, П. С. Лучевникова, П. И. Рощевского, Л. М. Спирина, книге «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», а также в статьях, помещенных в журналах и вузовских сборниках. В этой литературе видное место занимают вопросы, связанные с разорительными последствиями колчаковщины на Урале. Ф. С. Горовой, Л. М. Спирин, Я. Л. Ниренбург, К. Н. Андреев и другие исследователи считали, что массовый белый террор против рабочих и крестьян, хищнический грабёж оккупантами природных богатств привели к резкому углублению хозяйственной разрухи. Экономика Урала была окончательно дезорганизована в связи с отступлением колчаковцев в Сибирь. Белые захватили с собой оборудование с предприятий, запасы сырья, топлива, техническую документацию, готовую продукцию, уничтожили материальные ценности, которые не смогли увезти. Я. Л. Ниренбург сообщал, что в Усолье колчаковцы выпустили в Каму нефть из цистерн, сожгли Атигский завод, затопили рудники Соймановской долины. Было разрушено около 70% заводов края⁹⁹.

Проанализировав имеющиеся факты, историки пришли к выводу, что особенно был разрушен железнодорожный транспорт. По сведениям авторов книги «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», на Пермской железной дороге оккупанты взорвали 179 мостов и сожгли около 2 тыс. вагонов¹⁰⁰. В результате этой варварской политики, писал Д. А. Баевский, у Перми, Сарапула, Челябинска, Уфы, Оренбурга было прервано железнодорожное сообщение с центром и восточными районами страны¹⁰¹.

В литературе 40—50-х гг. приводились факты, свидетельствовавшие о разорительных последствиях господства колчаковцев в сельском хозяйстве. Подчеркивалось, что возврат белогвардейцами земли помещикам и буржуазии, конфискация продовольствия, фуража, продуктивного и рабочего скота вели к подрыву животноводства, сокращению посевных площадей, общему упадку сельскохозяйственного производства и в конечном счете к голоду.

Исследователи не обошли вниманием и такую сторону рассматриваемой проблемы, как состояние социального обеспечения тру-

⁹⁸ См.: Горовой Ф. С. Пермская губерния в период военного коммунизма: (второй и третий походы Антанты). Пермь, 1950; Андреев К. Н. Борьба Пермской большевистской организации за ликвидацию последствий колчаковщины. Пермь, 1951; Он же. Партийная неделя в Пермской губернии. Пермь, 1956.

⁹⁹ См.: Ниренбург Я. Л. Восстановление и упрочение Советской власти на Урале после разгрома колчаковщины (1919—1920 гг.) // Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1957. С. 53.

¹⁰⁰ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 381.

¹⁰¹ См.: Баевский Д. А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. С. 250.

дящихся в период освобождения Урала от белогвардейских оккупантов. Они показали на конкретном материале, что тяжелое положение, вызванное антинародной политикой царизма и буржуазии до победы Октябрьской революции, было усугублено разрушительными последствиями колчаковщины. Как свидетельствовали факты, приведенные в работах Я. Л. Ниренбурга и П. И. Рощевского, белогвардейцы разграбили больницы и школы, вывезли медицинские инструменты, медикаменты, эвакуировали медицинский персонал и учителей. При отступлении они бросили на произвол судьбы тысячи тифозных больных, которые разносили заразу, способствовали возникновению массовых эпидемий.

Г. И. Гужвенко, К. Н. Андреев, Р. М. Раймов, П. И. Рощевский, Я. Л. Ниренбург и другие историки положили начало систематическому изучению разносторонней деятельности партийных организаций Урала по ликвидации последствий белогвардейской оккупации, руководству советским строительством, восстановлением народного хозяйства, мероприятиями по социальному обеспечению рабочих, беднейших крестьян и красноармейских семей, всенародным движением за оказание помощи Красной Армии.

Одной из важных тем исследования явилось восстановление и укрепление партийных организаций края. В литературе содержатся сведения о времени восстановления ряда организаций (главным образом губернских и уездных), приводятся данные об их численности и составе, показываются некоторые формы и методы борьбы за чистоту партийных рядов, высказываются суждения о сроках завершения восстановительного процесса. Так, Я. Л. Ниренбург утверждал, что уральские коммунисты в короткий срок, к июлю—августу 1919 г. восстановили во всех районах свои партийные организации¹⁰².

Для пополнения партии, укрепления ее рядов исключительно важное значение имела партийная неделя на Урале, проведенная осенью 1919 г. Эта тема затронута во многих исследованиях, но наиболее активно ее разрабатывали в 50-е гг. К. Н. Андреев и Я. Л. Ниренбург. Они описали подготовительную работу, проведенную организациями перед неделей, показали численность коммунистов, вступивших в партию в период этой политической кампании, их социальный состав, обратили внимание на активность рабочих, их массовое вступление в партию. К. Н. Андреев отметил, что партийная неделя особенно успешно проходила там, где «крестьяне видели в коммунистах пример самоотверженного служения народу, пример моральной чистоты и трудового героизма»¹⁰³. Некото-

¹⁰² См.: *Ниренбург Я. Л.* Восстановление и упрочение Советской власти на Урале после разгрома колчаковщины (1919—1920 гг.). С. 46.

¹⁰³ *Андреев К. Н.* Партийная неделя в Пермской губернии. С. 34.

рые историки (Ф. С. Горовой, Я. Л. Ниренбург) касались такого важного вопроса, как привлечение в партию трудящихся женщин, справедливо связывая это с их политическим подъемом, стремлением поддержать партию и дело социалистического строительства.

Итоги партийной недели на Урале впечатляющи. По подсчетам авторов книги «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», краевая партийная организация в эти дни выросла на 42 тыс. человек. Партийная неделя «способствовала успешной работе партийных организаций Урала в течение всего последующего периода их деятельности»¹⁰⁴. Восстановление партийных организаций на территории края историки рассматривали как первое и решающее условие успешной ликвидации последствий колчаковщины. К такому выводу, в частности, пришел К. Н. Андреев.

Проблема воссоздания советского государственного аппарата на Урале после разгрома колчаковщины наиболее полно отражена в работах К. Н. Андреева, П. И. Рошевского, Я. Л. Ниренбурга. Историки обрисовали сложную военно-политическую ситуацию, в которой происходило восстановление Советской власти на территории края. Именно это, подчеркивали они, обусловило создание чрезвычайных местных органов власти в виде военно-революционных комитетов (ревкомов). В работах раскрывались принципы и методы формирования ревкомов, говорилось об их целях, функциях и месте в системе диктатуры пролетариата, подчеркивался демократизм ревкомов, их связь с широкими трудящимися массами, приводились факты, характеризующие партийный и социальный состав военно-революционных комитетов. Некоторые исследователи считали, что ревкомы были не единственной формой органов власти, возникших на освобожденной территории края. Р. М. Раимов, Я. Л. Ниренбург, например, писали, что в ряде мест сразу создавались Советы. К сожалению, авторы ограничились только констатацией этого факта, не объяснили причин явления и не показали, как часто народная власть воссоздавалась в рассматриваемый период в форме конституционных органов.

В литературе отмечалось, что восстановление Советской власти на Урале проходило под руководством и при непосредственной помощи местных партийных организаций, активном содействии политического аппарата Красной Армии. Особо интересны те работы, в которых отражены мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по оказанию помощи районам, освобожденным от белогвардейцев и интервентов. Наиболее подробно историки рассказали о деятельности агитационно-инструкторского парохода ВЦИК «Красная звезда», который пробыл на Урале месяц — с 23 июля по 23 августа 1919 г. Накопленный политотделом паро-

¹⁰⁴ Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 365.

хода опыт послужил «серьезным вкладом в укрепление Советской власти не только на Урале, но и во всей стране»¹⁰⁵.

Исследователи писали и о трудностях, с которыми столкнулись партийные организации при ликвидации последствий колчаковщины. Они сообщали о фактах упорного сопротивления враждебных сил, саботировавших советские законы, совершавших диверсии, терроризировавших партийный и советский актив, проникавших в органы власти и своими действиями дискредитировавших их. Именно этим ученые объясняли затяжной характер нормализации жизни в некоторых районах края. По сообщению Л. Коловарского, «вплоть до лета 1920 г. для ликвидации контрреволюционных банд приходилось применять военную силу»¹⁰⁶.

Одной из главных тем в литературе рассматриваемого периода являлось восстановление разрушенного народного хозяйства и мобилизация его ресурсов на нужды фронта. В публикациях Ф. С. Горового, Л. Коловарского, Я. Л. Ниренбурга, И. В. Гусельникова ставился и решался сравнительно широкий круг вопросов, относящихся к указанной проблематике. Несомненной заслугой историков являлось, в частности, то, что они обратились к более глубокому изучению вопроса о роли ЦК РКП(б), правительства, лично В. И. Ленина о возрождении экономического потенциала края. Центр обеспечивал уральскую промышленность специалистами, принимал меры к скорейшей эвакуации оборудования из Сибири, снабжал предприятия различными машинами и механизмами. По указанию В. И. Ленина, например, на Челябинские угольные копи к середине 1920 г. было доставлено 11 экскаваторов. Об этом сообщал Я. Л. Ниренбург¹⁰⁷.

Известное значение для понимания восстановительных процессов в экономике имеет опыт уральских партийных организаций по обеспечению промышленности и транспорта рабочей силой, сырьем, топливом, укреплению производственной дисциплины. Историки сообщали интересные факты о трудовой повинности. С. П. Сигов, например, писал, что на Урале только с осени 1919 г. по 20 апреля 1920 г. было привлечено к работе 714 тыс. человек и 460 тыс. подвод¹⁰⁸. И. В. Гусельников, подчеркивая массовость этого мероприятия, заключал: «Система трудовой повин-

¹⁰⁵ Коммунисты Урала в годы гражданской войны. С. 371.

¹⁰⁶ Коловарский Л. Проведение политики военного коммунизма в Пермской губернии // На Западном Урале. Молотов, 1951. С. 98.

¹⁰⁷ См.: Ниренбург Я. Л. Восстановление и упрочение Советской власти на Урале после разгрома колчаковщины (1919—1920). С. 58.

¹⁰⁸ См.: Сигов П. С. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 280.

ности проводилась Советским государством при поддержке большинства трудящихся»¹⁰⁹.

Помощь центра, активная работа местных партийных, советских и хозяйственных органов, героизм трудящихся масс являлись решающими факторами восстановления экономики края. К концу 1920 г., как отмечали исследователи, уральская промышленность восстановила значительную часть своих мощностей. По данным П. С. Лучевникова, из 227 крупных и средних предприятий Челябинской губернии к этому времени действовало уже 179¹¹⁰. Были подведены и некоторые итоги восстановления железнодорожного транспорта. Ученые писали и о других проблемах, касавшихся организации тыла, но разработаны они были на следующем этапе развития исторической науки.

4. Дальнейшее изучение истории Урала периода социалистического строительства

Историки 30—50-х гг. продолжили изучение осуществления на Урале ленинского плана построения социализма. Появились работы, в которых рассматривались все основные проблемы периода восстановления народного хозяйства и реконструктивного периода. Пристальное внимание было направлено на изучение истории промышленности и рабочего класса Урала в период построения основ социалистического общества. Уже в конце 30-х гг. вышел ряд популярных очерков по истории отдельных областей Урала, где подводились итоги социалистического строительства в восстановительный период и в годы первых пятилеток¹¹¹. Так, Ф. Радько, проанализировав период, предшествовавший началу социалистической индустриализации на Урале, сделал вывод, что уральская промышленность в целом превысила довоенный (1913 г.) уровень в 1926/27 г., хотя некоторые отрасли, такие, как каменноугольная и текстильная, превзошли этот уровень в 1925/26 г. От отмечал, что уже в процессе восстановления началась частичная реконструкция некоторых важнейших отраслей уральской промышленности. Авторы этих работ не касались теоретических вопросов, они рассматривали процесс социалистической индустриализации в рамках только первой пятилетки.

¹⁰⁹ Гусельников И. В. Борьба уральских партийных организаций за решение топливной проблемы в 1919—1920 гг. // Тр. каф. обществ. наук / Перм. мед. ин-т. 1959. Вып. 1, т. 1. С. 61.

¹¹⁰ См.: Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919. С. 186.

¹¹¹ См.: Наша область: Прошлое и настоящее Свердловской области. Свердловск, 1938; Кондаков А. Промышленность и транспорт Пермской области. Пермь, 1939; Радько Ф. От разрухи к индустриализации Урала // Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939; Чудаков Н. Свердловская область сегодня // Там же.

В период Великой Отечественной войны четко обозначился интерес ученых к истории превращения СССР в мощную промышленную державу. Подчеркивалась правильность генеральной линии партии на социалистическую индустриализацию. В монографиях П. Чеснокова и Е. Грановского содержался верный вывод, что политика социалистической индустриализации, осуществлявшаяся в нашей стране на протяжении всех предвоенных пятилеток, позволила Советскому государству выстоять в борьбе с гитлеровским фашизмом. Авторы положительно оценивали курс партии на ускоренное промышленное развитие восточных районов страны. Эта мысль развивалась в немногочисленных работах, которые появились в период Великой Отечественной войны на Урале¹¹². В небольшой по объему брошюре академика А. Е. Ферсмана затрагивались вопросы вклада уральцев в разработку полезных ископаемых края и создания на основе новых открытий мощной индустрии. Ученый размышлял о тех возможностях, которые открывало дальнейшее освоение природных богатств Урала. В статье Л. Неверова показывалось место Урала в планах индустриального развития страны начиная с плана ГОЭЛРО и кончая планами пятилетнего развития народного хозяйства. Автор нарисовал широкую панораму грандиозного промышленного строительства, в результате которого коренным образом изменилась отраслевая структура уральской промышленности. Л. Неверов, один из немногих в тот период, обратился также к процессу реконструкции важнейших отраслей тяжелой индустрии — машиностроения, черной и цветной металлургии. Он обратил внимание на роль науки в техническом прогрессе, проанализировав с этой целью вклад в индустриальное развитие Урала крупнейших ученых, трудившихся здесь в разные годы: В. Л. Комарова, А. Е. Ферсмана, И. М. Губкина, И. П. Бардина, М. А. Павлова и др.

Во второй половине 40-х—50-х гг. экономистами и историками были созданы работы, освещавшие историю промышленного строительства на Урале в период построения социализма¹¹³ и отличавшиеся не только более широким подходом к анализу фак-

¹¹² См.: *Ферсман А. Е.* Урал — сокровищница Советского Союза. М., 1942; *Неверов Л.* Триумф сталинской индустриализации // Сталинский Урал: К 25-летию Октября, Свердловск, 1942.

¹¹³ См.: *Клименко К.* Уральский экономический район. Свердловск, 1945; *Степанов П. Н.* Урал в годы сталинских пятилеток // Вестн. МГУ. Сер. физ. мат. и естеств. наук. 1950. № 3, вып. 5; *Сергеев С.* Социалистическая индустриализация Урала в годы предвоенных сталинских пятилеток. Свердловск, 1951; *Тиунов В. Ф.* Промышленное развитие Западного Урала: Ист.-экон. очерк. Пермь, 1954; *Сержантов В.* Генеральная линия // Челябинская область за 40 лет Советской власти. Челябинск, 1957; *Куликов В. М.* Парторганизация Урала в борьбе за проведение политики социалистической индустриализации. 1926—1929 гг. // Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1957; *Зуйков В. Н.* Из истории создания тяжелой индустрии на Урале. 1930—1932 гг. // Там же.

тического материала, но и постановкой важных теоретических вопросов и новых исследовательских проблем по истории социалистической индустриализации.

О хронологических рамках социалистической индустриализации не было единого мнения. Если В. Ф. Тиунов и В. Сержантов под этим процессом подразумевали все промышленное строительство, начатое после XIV съезда ВКП(б) и продолжавшееся до начала Великой Отечественной войны, то другие авторы придерживались мнения, что политика социалистической индустриализации была осуществлена в основном в годы первой пятилетки.

Исследователи тех лет узко понимали сущность социалистической индустриализации, сводя ее к развитию тяжелой промышленности. В. Ф. Тиунов подчеркивал, что особенность советского метода индустриализации заключалась в первоочередном развитии тяжелой индустрии¹¹⁴. С. Сергеев считал, что процесс индустриализации включал в себя две основные проблемы: строительство новых заводов и освоение новых заводов¹¹⁵. Никто из историков даже не пытался показать, как на Урале проходило становление и развитие легкой, пищевой и некоторых других отраслей промышленности. Лишь В. Ф. Тиунов отмечал создание в годы третьей пятилетки на территории Пермской области ряда предприятий легкой и пищевой промышленности.

В. Ф. Тиунов и В. М. Куликов обосновали значение политики социалистической индустриализации для судеб нашей страны и всего человечества. Они показали роль В. И. Ленина в разработке плана превращения СССР в мощную индустриальную державу. В. М. Куликов писал, что социалистическая индустриализация СССР явилась исторической необходимостью, обусловленной жизненными потребностями развития советского общества, насущными интересами укрепления Советского государства и строительства социализма¹¹⁶.

Исследователи второй половины 40-х—50-х гг. заострили внимание на деятельности партийных организаций Урала по осуществлению политики социалистической индустриализации. Они подчеркнули значение решений XIV, XV и XVI съездов партии для промышленного развития Урала, показали перестройку деятельности партийных организаций, их борьбу за чистку своих рядов, постановку сети политического просвещения и т. д. В. М. Куликов и В. Н. Зуйков много внимания уделили анализу внутрипартийной борьбы по вопросу социалистической индустриализа-

¹¹⁴ См.: *Тиунов В. Ф.* Промышленное развитие Западного Урала: Ист.-экон. очерк. С. 162.

¹¹⁵ См.: *Сергеев С.* Социалистическая индустриализация Урала в годы предвоенных сталинских пятилеток. С. 68.

¹¹⁶ См.: *Куликов В. М.* Парторганизация Урала в борьбе за проведение политики социалистической индустриализации. 1926—1929 гг. С. 111—112.

ции и ее отражению в Уральской партийной организации. В. М. Куликов сделал справедливый вывод, что в борьбе с троцкистско-зиновьевским блоком парторганизации области сплотили свои ряды, упрочили связи с массами¹¹⁷.

Многое было сделано для изучения истории промышленного строительства на Урале. Важнейшей считалась проблема исходного уровня индустриализации, т. е. того уровня развития промышленности, с которого началось осуществление политики социалистической индустриализации. В ее решении большая заслуга принадлежит авторам, изучавшим процесс восстановления промышленности на Урале. Данный период был тщательно проанализирован в работах В. Ф. Тиунова, В. Сержантова, а также в специальных исследованиях В. А. Плотицкого¹¹⁸. В них показывалось состояние уральской промышленности после освобождения края от белогвардейцев и интервентов, анализировались меры партии, направленные на ее восстановление, раскрывались проблемы и трудности, стоявшие на этом пути. В. А. Плотицкий отметил, что ход восстановления промышленности Урала проходил высокими темпами. Он привел следующие данные: если принять объем всего промышленного производства Урала в 1920/21 г. за 100%, то в 1921/22 г. он составил 121,7%, а в 1922/23 г. — 221,2%¹¹⁹. Автор подчеркнул значение плана ГОЭЛРО для подъема производительных сил Урала, рассмотрел изменения, происшедшие в годы восстановительного периода в размещении и отраслевой структуре промышленности.

Анализируя итоги восстановления промышленности Урала, все исследователи сходились в том, что в 1925—1926 гг. этот процесс был в основном завершен, а в 1927 г. довоенный уровень уральской промышленности был уже значительно превышен¹²⁰. В то же время они показали, что в те годы происходил не просто процесс восстановления промышленности на старой технической основе, а начались реконструктивные работы и даже новое промышленное строительство. В. А. Плотицкий привел ряд примеров пуска в строй новых цехов и предприятий, освоения новых производств. Он отметил, что в период восстановления народного хозяйства капиталовложения в промышленность увеличились с

¹¹⁷ См.: Куликов В. М. Парторганизация Урала в борьбе за проведение политики социалистической индустриализации. 1926—1929 гг. С. 118.

¹¹⁸ См.: Плотицкий В. А. Партийные организации Урала в борьбе за восстановление промышленности // Учен. зап. / Урал. ун-т. 1957. Вып. 17; Он же. Партийная организация Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства. 1921—1925 гг. // Социалистическое строительство на Урале.

¹¹⁹ См.: Плотицкий В. А. Партийная организация Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства. 1921—1925 гг. С. 92.

¹²⁰ См.: например: Тиунов В. Ф. Промышленное развитие Западного Урала: Ист.-экон. очерк. С. 155.

13,4 млн р. в 1923/24 г. до 24,9 млн р. в 1924/25 г.¹²¹. Эти качественные изменения в промышленности Урала, начавшиеся уже в годы восстановительного периода, позволили партии перейти к политике социалистической индустриализации, не дожидаясь окончательного восстановления промышленности.

В. М. Куликов наиболее полно отразил деятельность партийных организаций и рабочего класса Урала на начальном этапе социалистической индустриализации. Он рассмотрел решение проблемы накопления средств для промышленного строительства, показал борьбу руководящих органов и трудящихся масс за совершенствование государственного и хозяйственного аппарата, внедрение хозрасчета, осуществление других мер, направленных на проведение в жизнь строжайшего режима экономии, подчеркнул, что благодаря усилиям коммунистов уже в 1927—1928 гг. значительно ускорился процесс рационализации промышленности, реконструкции и переоборудования предприятий, началось строительство новых промышленных объектов. Автор проанализировал цифры первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Урала, задачи, вставшие перед различными отраслями промышленности региона¹²².

Нужно отметить, что исследователи второй половины 40-х—50-х гг. уделяли недостаточно внимания промышленному развитию края в годы первой пятилетки. Правда, эти проблемы ставились В. Ф. Тиуновым, В. Н. Зуйковым, В. Сержантовым. Однако авторы стремились показать главным образом строительство гигантов социалистической индустрии, не рассматривая всего комплекса вопросов, связанных с осуществлением политики коренной реконструкции производства. Поэтому в работах того времени не приводятся итоги развития промышленности Урала, нет анализа тех изменений, которые произошли в социально-экономических отношениях в предвоенные годы.

Литература по истории индустриализации дополнялась изданиями по истории городов, заводов и фабрик Урала. Большую работу проделали исследователи второй половины 30-х—50-х гг. по изучению истории крупных промышленных центров Урала¹²³. Особенно повезло в этом отношении Свердловску, процесс превращения которого в крупнейший центр тяжелого машиностроения рассматривался на двух конференциях, посвященных юбилейным датам в истории Екатеринбурга—Свердловска, а также в отдель-

¹²¹ См.: *Плотичкин В. А.* Партийная организация Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства. 1921—1925 гг. С. 104.

¹²² См.: *Куликов В. М.* Парторганизация Урала в борьбе за проведение политики социалистической индустриализации. 1926—1929 гг. С. 113.

¹²³ См.: *Астафьев А.* Златоуст. Челябинск, 1947; *Сержантов В.* Магнитогорск. Челябинск, 1947; *Строители индустриального Тагила.* Свердловск, 1958; *Сурин Л.* Юрюзань — город уральский. Катав-Ивановск, 1958 и др.

ных изданиях¹²⁴. Авторы работ по истории Свердловска, справедливо подчеркивая значение этого города как центра тяжелого и энергетического машиностроения, отмечали многоотраслевую структуру его промышленности. Их заслугой являлось освещение становления ряда отраслей легкой промышленности, без характеристики которых не получилось бы цельного представления об индустриальном облике города.

Несмотря на ликвидацию в марте 1938 г. Свердловской областной редакции «Истории фабрик и заводов», создание научной истории отдельных предприятий Урала продолжалось и во второй период развития советской исторической науки. Сохранились научные коллективы, работавшие над историей отдельных предприятий. В этих коллективах участвовали литераторы Урала, что придало публикациям по истории фабрик и заводов, вышедшим в конце 40-х—50-х гг., литературно-художественный стиль. Это прежде всего работы Г. Кипниса, Б. Рябинина, А. Алферова¹²⁵. Продолжались сбор и запись воспоминаний старых рабочих, и на основе их обработки был подготовлен ряд книг¹²⁶. В «Слове о горе Благодать», написанной по типу «Были горы Высокой», использованы воспоминания и рассказы рабочих крупного уральского рудника на горе Благодати, записанные и обработанные известным уральским писателем Е. А. Пермяком. В конце 40-х—50-х гг. вышли книги, посвященные истории отдельных предприятий Урала¹²⁷.

К работе по созданию научной истории фабрик и заводов привлекалось большое количество специалистов. Ведущие советские историки через «Правду» 21 мая 1958 г. обратились с призывом к широкой общественности страны возобновить работу по написанию истории фабрик и заводов. ЦК КПСС поддержал эту

¹²⁴ См.: *Пятницкий А. Н.* Свердловск. Свердловск, 1939; *Очерки истории Свердловска.* Свердловск, 1958.

¹²⁵ См.: *Кипнис Г.* Уралмашзавод и его люди. Свердловск, 1948; *Рябинин Б. С.* Верх-Исетский завод. Свердловск, 1948; *Он же.* Самый северный: Очерк по истории металлургического завода им. А. К. Серова. Свердловск, 1950; *Алферов А.* Прочнее стали: Ист.-худож. очерк. Уфа, 1954.

¹²⁶ См.: *Пермяк Е. А.* Слово о горе Благодать: Повествование о древнейшем уральском железном руднике горы Благодать. М., 1949; *Люди Челябинского тракторного.* Челябинск, 1950; *Чащин В. А.* По уральским заводам: Воспоминания. Молотов, 1951; *Люди сталинской Магнитки.* Челябинск, 1952; *Алексеев Г. Д.* Страницы прошлого: По рассказам старых большевиков г. Верхнего Уфалея. Челябинск, 1957; *Уралмаш: Рассказы уралмашевцев о своем заводе.* Свердловск, 1958.

¹²⁷ См.: *Гравишкис В.* Уралзис. Челябинск, 1947; *Янговский З.* На 60-й параллели. Свердловск, 1949; *Николаев С.* Чудесные соли. Молотов, 1951; *Данилкин М.* Новая жизнь старого завода. Молотов, 1951; *Челябинскому тракторному 20 лет.* Челябинск, 1953; *Давидов Л. Д.* Уральский великан: Уралмаш. М., 1956; *Камскому целлюлозно-бумажному комбинату 20 лет.* Краснокамск, 1956 и др.

инициативу и в постановлении от 21 октября 1958 г. «О книгах по истории фабрик и заводов» обратил внимание на необходимость глубокого освещения труда и жизни рабочих в период социалистического строительства¹²⁸.

На Урале почва для выполнения этого постановления была подготовлена. В Свердловске в конце 50-х гг. началось издание серии книг «Из истории машиностроения на Урале» и «Из истории уральских заводов». Ряд кафедр вузов Урала заключили договоры с предприятиями и приступили к написанию истории ведущих заводов. К работе были широко привлечены писатели, журналисты, краеведы, инженерно-технические работники, рабочие. В создании истории заводов стали играть большую роль возникавшие повсеместно музеи предприятий. Это позволило уже в конце 50-х гг. начать планомерный выпуск литературы указанной тематики¹²⁹.

Литература по истории фабрик и заводов тех лет отличалась от предшествующей более высоким идейно-теоретическим уровнем. Как правило, в этих книгах давалось проблемно-хронологическое изложение истории предприятия с начала его основания до конца 50-х гг. Исследователи пытались охватить весь комплекс вопросов жизни производственного коллектива, выдвигая на первый план деятельность партийной организации предприятия по налаживанию производства. Наряду с техническими поднимались проблемы становления трудового коллектива, организации социалистического соревнования и т. п.

В серии книг «Из истории машиностроения на Урале» в конце 50-х гг. вышли работы по истории Свердловского завода транспортного машиностроения, уральских электромашиностроительного, вагоностроительного и завода химического машиностроения. В указанных книгах, написанных инженерно-техническими работниками в содружестве с историками, акцентировался технико-экономический аспект деятельности промышленных предприятий Урала, рассматривались характер производства выпускаемой продукции, технико-экономические показатели. Значительное место отводилось строительству и реконструкции заводов. История пред-

¹²⁸ Справочник партийного работника. М., 1959. Вып. 2. С. 513—514.

¹²⁹ См.: *Наумов В. П., Козлов А. Г.* От Екатеринбургской фабрики до современного завода. М.; Свердловск, 1957; Уральский завод электрического машиностроения. М.; Свердловск, 1957; *Виноградов В. И., Магницкий А. В.* Уральский завод химического машиностроения. М.; Свердловск, 1957; Уральский вагоностроительный. М.; Свердловск, 1957; Ордена Трудового Красного Знамени металлургический комбинат им. А. К. Серова: К 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Серов, 1957; *Чернов В. Ф.* Березниковскому содовому заводу 75 лет. Пермь, 1958; 150 лет: К юбилею Михайловского завода. Михайловск, 1958; *Воронов П. Е., Яснев Д. А.* Уралмашзавод — первенец тяжелого машиностроения: 25 лет Уралмашзаводу. М.; Свердловск, 1958 и др.

приятия давалась кратко, схематично, без социально-политического анализа коллектива.

Следует отметить большую работу, проделанную исследователями 40—50-х гг. по созданию научной истории фабрик и заводов. Она обогатилась большим количеством работ, отличавшихся высоким теоретическим уровнем, наполненных богатым фактическим материалом, написанных хорошим литературным языком и значительно расширявших наши представления об истории социалистической индустриализации Урала.

Значительное место в работах по истории промышленности и отдельных предприятий Урала отводилось проблеме формирования и развития советского рабочего класса. В конце 30-х — начале 50-х гг. история рабочего класса Урала периода построения социализма рассматривалась лишь в работах по истории промышленности в связи с описанием огромных достижений в области промышленного строительства в годы восстановления народного хозяйства и первых пятилеток. Отсутствие специальных исследований по истории рабочего класса объяснялось ослаблением практического интереса к вопросам численного роста и социального состава рабочих как страны в целом, так и отдельных регионов в связи с увеличением городского населения и ростом социальной однородности населения. Со второй половины 30-х гг. статистика почти полностью прекратила замеры социальных групп внутри классов, что привело к резкому сокращению источниковой базы исследований.

Положение коренным образом изменилось во второй половине 50-х гг., когда изучение истории рабочего класса стало характеризоваться более углубленной разработкой методологических и теоретических вопросов. На повестку дня были поставлены проблемы структурных сдвигов в составе рабочего класса, количественного и качественного изменения и источников пополнения его рядов. Из уральских историков к решению этих проблем обратились В. А. Плотичкин, В. Ф. Тиунов, В. М. Куликов, В. Н. Зуйков, В. Н. Елисеева.

В работах В. А. Плотичкина и В. Ф. Тиунова рассматривались процессы, происходившие в рабочем классе Урала в годы восстановления народного хозяйства. Обратив внимание на трудности, связанные с формированием рабочего класса после окончания гражданской войны, В. А. Плотичкин отметил, что в связи с закрытием большинства предприятий рабочие вынуждены были заниматься кустарничеством и мешочничеством, а часть их уходила в деревню¹³⁰. Правильно указав на проявление этого процесса и среди уральских рабочих, автор упустил из виду связь

¹³⁰ См.: Плотичкин В. А. Партийная организация Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства. 1921—1925 гг. С. 80.

определенной части рабочих Урала с землей, что, несомненно, удерживало их на предприятиях. Историк связывал восстановление рядов рабочего класса с возобновлением деятельности промышленных предприятий. По мере того как в строй вступали все новые и новые фабрики и заводы, увеличивалась и численность рядов рабочего класса. Если на 1 октября 1923 г. на предприятиях ценовой промышленности Урала насчитывалось 118,8 тыс. рабочих, то на 1 октября 1925 г. — уже 150,7 тыс.¹³¹.

В. Ф. Тиунов привел данные о количестве рабочих, занятых в различных отраслях промышленного производства на Западном Урале в конце восстановительного периода. По подсчетам исследователя, в 1927 г. на территории современной Пермской области в ценовой промышленности трудилось 36 512 рабочих и служащих, а в мелкой и кустарной промышленности — 38 556 рабочих¹³². Существование мелкого и кустарного производства на Урале, полагал В. А. Плотицкий, способствовало уменьшению безработицы. А в 1923 г. здесь насчитывалось 25 199 безработных¹³³.

В. М. Куликов и В. Н. Зуйков показали численный рост рабочего класса Урала в начальный период индустриализации, обусловив его размахом социалистического строительства. В 1926/27 г. в крупной промышленности Урала было занято 190 тыс. рабочих¹³⁴. В первые два года пятилетки среднегодовое количество рабочих и служащих возросло с 614 тыс. до 747 тыс. человек, а к концу первой пятилетки — до 1 млн 530 тыс. человек. Численность рабочего класса на Урале в связи с огромным размахом строительства росла быстрее, чем в целом по Союзу. Особенно значительными были темпы роста кадров в капитальном строительстве. Так, при общем росте числа рабочих и служащих за пятилетку в 2,5 раза количество строителей увеличилось в 7,5 раза¹³⁵.

Первые данные о национальных отрядах рабочего класса Урала, в частности по Удмуртии, появились в литературе конца 50-х гг. В обобщающих трудах по истории автономной республики отмечалось, что к концу первой пятилетки количество рабочих в крупной промышленности Удмуртии увеличилось в 2,5 раза по сравнению с дореволюционным периодом. Наиболее быстро росли национальные кадры рабочих республики. В 1931 г. уд-

¹³¹ См.: *Плотицкий В. А.* Партийная организация Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства. 1921—1925 гг. С. 106.

¹³² См.: *Тиунов В. Ф.* Промышленное развитие Западного Урала: Ист.-экон. очерк. С. 156.

¹³³ См.: *Плотицкий В. А.* Партийная организация Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства. 1921—1925 гг. С. 94.

¹³⁴ См.: *Куликов В. М.* Парторганизация Урала в борьбе за проведение политики социалистической индустриализации. 1926—1929 гг. С. 130.

¹³⁵ См.: *Зуйков В. Н.* Из истории создания тяжелой индустрии на Урале. 1930—1932. С. 156, 174.

муртов в металлообрабатывающей и стекольной промышленности насчитывалось около 20%, в деревообрабатывающей — 28%, полиграфической — 93%, при этом по сравнению с 1920 г. их количество в металлургической и машиностроительной промышленности возросло в 12 раз¹³⁶.

Наличие данных о количестве рабочих Урала являлось положительной чертой историографии второй половины 50-х гг. Однако никто из исследователей при характеристике рабочего класса Урала периода построения социализма не обратил внимания на исторически сложившуюся особенность уральских рабочих, развившуюся прежде всего в связи с землей. Это, конечно, не позволило авторам правильно понять социальную природу уральского рабочего и показать ее влияние на политическую и производственную деятельность.

В. Н. Зуйков и В. Н. Елисеева обратились к вопросу об источниках и формах пополнения рядов рабочего класса в первой пятилетке. В. Н. Зуйков указывал, что в первые годы пятилетки комплектование рабочей силы в значительной мере происходило за счет старых кадров, возвратившихся на производство. Однако этот резерв был скоро исчерпан, и уже к 1930 г. предприятия и новостройки стали испытывать острую нужду в кадрах, особенно квалифицированных. Авторы проанализировали новые формы привлечения рабочей силы на производство. В литературе уже отмечалось, что в работе В. Н. Елисеевой не проводилось четкого разграничения понятий «источник» и «форма» пополнения рабочей силы, и автор, говоря преимущественно о формах, называла их источниками пополнения рабочего класса¹³⁷.

Основное внимание обращалось на организованный набор рабочей силы для промышленности. Исследователи отмечали, что уже со второй половины 1931 г. предприятия приступили к заключению договоров с колхозами на организованный набор рабочей силы в промышленность. По мнению В. Н. Зуйкова, условия для этого были созданы в связи с коллективизацией сельского хозяйства, уничтожившей расслоение деревни, а следовательно, устранившей причины бегства крестьян из деревни. По его подсчетам, в 1931 г. путем организованного набора уральская промышленность получила около 350 тыс. новых рабочих¹³⁸. Особенно много новых рабочих шло на новостройки. В. Н. Елисеева сделала вывод, что уже в 1931 г. оргнабор являлся главной фор-

¹³⁶ См.: Удмуртия за 40 лет Советской власти. Ижевск, 1957. С. 75; 400 лет вместе с русским народом. Ижевск, 1958. С. 77—78.

¹³⁷ См.: *Фельдман В. В., Шербакова Н. М.* Рабочий класс Урала периода построения социализма в советской исторической литературе // Вопросы советской историографии Урала. Свердловск, 1967. С. 205.

¹³⁸ См.: *Зуйков В. Н.* Из истории создания тяжелой индустрии на Урале. 1930—1932. С. 157, 158.

мой привлечения рабочей силы на Магнитострой¹³⁹. Этот вывод не соответствовал действительности.

В. Н. Зуйков анализировал и другие источники пополнения рабочего класса в начале 30-х гг. Он указывал, что партийные организации придавали огромное значение вовлечению в производство женщин, ранее не работавших на предприятиях. Только в 1931 г. на предприятия Урала пришло около 175 тыс. женщин¹⁴⁰.

Исследователи 40—50-х гг. показали изменения, происшедшие в положении рабочих Урала в период строительства социализма. Были приведены данные об улучшении материальных и бытовых условий жизни рабочего класса. В. А. Плотичкин заострил внимание на борьбе партийных организаций Урала за решение продовольственного вопроса, с голодом и его последствиями в годы восстановительного периода, на введении сдельной оплаты труда, повышении тарифных ставок, подчеркнул большую роль коллективных договоров, которые начали заключаться между администрацией и профсоюзными органами именно в те годы. Он привел данные о том, что во второй половине 1922 г. на Урале было заключено 333 договора, охватывавших 157 713 рабочих¹⁴¹.

В. М. Куликов и В. Н. Зуйков рассматривали эту проблему в связи с активизацией и перестройкой деятельности профсоюзных организаций Урала в начальный период индустриализации. Авторы писали о борьбе профсоюзов за выполнение администрацией предприятий коллективных договоров, за установление правильных норм выработки и оплаты труда, привели конкретные данные о росте доходов рабочего класса, увеличении государственных ассигнований на социально-культурные нужды трудящихся. Особенно большие изменения в материальном положении рабочего класса произошли в годы первой пятилетки. По подсчетам В. Н. Зуйкова, за это время фонд денежной заработной платы рабочих и служащих Урала увеличился почти в 6 раз, средняя зарплата рабочих — более чем в 2 раза, а сумма выплаченных пособий по социальному страхованию — в 3,5 раза¹⁴². Большие изменения произошли в развитии жилищного и коммунального строительства, здравоохранения.

Внимание исследователей привлекла проблема повышения культурно-технического уровня рабочего класса в период строитель-

¹³⁹ См.: *Елисеева В. Н.* Борьба за кадры на строительстве Магнитогорского металлургического комбината в годы первой пятилетки // Учен. зап. / Челяб. пед. ин-т. 1956. Вып. 1. С. 141.

¹⁴⁰ См.: *Зуйков В. Н.* Из истории создания тяжелой индустрии на Урале. 1930—1932. С. 158.

¹⁴¹ См.: *Плотичкин В. А.* Партийная организация Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства. 1921—1925 гг. С. 89.

¹⁴² См.: *Зуйков В. Н.* Из истории создания индустрии на Урале. 1930—1932. С. 174.

ства социализма. Авторы подчеркивали, что актуальность ее решения в годы социалистического строительства объяснялась изменениями, которые произошли в составе рабочего класса. В. Н. Зуйков отметил, что в годы первой пятилетки в уральской промышленности почти половину рабочих составляла молодежь, среди которой было много недавно пришедших из деревни, а значит, не имевших никакой квалификации. В 1930 г. среди рабочих Урала насчитывалось 385 тыс. неграмотных и 239 тыс. малограмотных¹⁴³. Необходимо было осуществить как общеобразовательную подготовку, так и профессионально-техническое обучение рабочих. Для этого использовались школы по ликвидации неграмотности, школы фабрично-заводского ученичества, профессионально-технические курсы, индивидуально-бригадное ученичество. Ф. Н. Каширская попыталась проследить изменение культурно-технического уровня рабочих в ходе социалистического соревнования. С одной стороны, повышение квалификации вело к более активному участию рабочих в социалистическом соревновании, а с другой — новая техника, которая активно поступала на производство и могла быть освоена только передовыми рабочими, заставляла рабочих повышать свой общеобразовательный и технический уровень¹⁴⁴.

Уральские исследователи привели данные о росте политической активности рабочего класса. Этому вопросу касались, в частности, В. А. Плотицкий, В. М. Куликов, В. Н. Зуйков. Они показали участие передовых рабочих в проведении важнейших общественно-политических кампаний, деятельность партийных организаций по вовлечению лучших представителей рабочего класса в партию, профсоюзные и комсомольские организации. Факты, описанные историками, свидетельствовали о неуклонном возрастании сознательности рабочих Урала, их активной поддержке генеральной линии партии. Особенно ярко это проявилось в ходе ожесточенной классовой и внутривластной борьбы, которая развернулась на Урале в связи с принятием плана социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

В 30—50-х гг. интенсивно разрабатывалась проблема трудовой активности рабочего класса. В. М. Готлобер, Л. И. Новоселов, С. М. Бабушкин обратили внимание на появление в 1924 г. на Урале производственных совещаний, которые сыграли важную роль в привлечении рабочих к управлению производством и в развертывании массового социалистического соревнования в начальный период индустриализации. Их деятельность была направ-

¹⁴³ См.: Зуйков В. Н. Из истории создания тяжелой индустрии на Урале. 1930—1932. С. 158.

¹⁴⁴ См.: Каширская Ф. Н. Роль социалистического соревнования в культурно-техническом росте рабочего класса во второй пятилетке // Тр. / Урал. политехн. ин-т. 1957. Вып. 86. С. 26.

лена на решение наиболее актуальных проблем, задерживавших развитие промышленности.

В. М. Куликов, В. Н. Зуйков, В. Н. Елисеева уделили большое внимание борьбе партийных и общественных организаций Урала за укрепление трудовой дисциплины, против текучести кадров. Они раскрыли меры по укреплению производственной дисциплины, показали успехи в этой области. В. Н. Елисеева сделала вывод, что уже в 1931 г. здесь имелись серьезные достижения. Она полагала, что в связи с ликвидацией безработицы и победой колхозного строя была достигнута стабилизация рабочей силы и созданы новые условия в работе с пополнением рабочего класса¹⁴⁵. Другие авторы считали подобный вывод несколько поспешным. По данным В. Н. Зуйкова, в 1931 г. на большинстве предприятий Урала 30—40% состава рабочих меняли место работы¹⁴⁶. Текучесть рабочей силы дезорганизовывала работу предприятий, не позволяла создать постоянные кадры, способные овладеть техникой и обеспечить выполнение производственных планов.

Одним из действенных методов борьбы за укрепление трудовой дисциплины было социалистическое соревнование. Исследователи 30—50-х гг. сделали многое для изучения его истории на Урале. К. Е. Андриевская, В. Н. Зуйков, В. М. Куликов, М. Е. Плеханов, В. Сержантов рассмотрели основные формы соревнования в годы первой пятилетки, обратились к предпосылкам зарождения массового социалистического соревнования в промышленности Урала, высоко оценили почин комсомольцев и молодежи в организации первых ударных бригад. Как и в литературе 20-х — первой половины 30-х гг., имелись разногласия о времени создания первой ударной бригады на Урале. Большинство авторов считали, что на Урале первая ударная бригада появилась на Златоустовском металлургическом заводе 15 ноября 1927 г.¹⁴⁷. Однако в некоторых изданиях назывался ноябрь 1926 г.¹⁴⁸. Это объяснялось некритическим использованием документа, в котором данные о работе ударной бригады конца 1927 г. были ошибочно отнесены к 1926 г.¹⁴⁹.

¹⁴⁵ См.: *Елисеева В. Н.* Борьба за кадры на строительстве Магнитогорского металлургического комбината в годы первой пятилетки. С. 116.

¹⁴⁶ См.: *Зуйков В. Н.* Из истории создания тяжелой индустрии на Урале. 1930—1932. С. 161.

¹⁴⁷ См.: *Куликов В. М.* Парторганизация Урала в борьбе за проведение политики социалистической индустриализации. 1926—1929 гг. С. 140; *Плеханов М. Е.* Движение ударников в годы первой пятилетки // *Тр. / Урал. электромех. ин-т ниж. ж.-д. транспорта.* 1959. Вып. 3. С. 16; *Сержантов В.* Генеральная линия. С. 126.

¹⁴⁸ См.: *Боевой путь уральского комсомола.* Свердловск, 1958. С. 60.

¹⁴⁹ ГАСО. Ф. 272. Оп. 2. Д. 685. Л. 130; *История индустриализации Урала: Док. и матер.* С. 133.

Исследователи того времени скептически отнеслись к достижениям молодежи в организации ударного труда. Они полагали, что почин первых ударников не был подхвачен широкими массами рабочего класса и ударничество на Урале получило распространение лишь после того, как ударные бригады стали возникать в других промышленных районах страны. А. Астафьеву удалось проследить дальнейшую судьбу первых уральских ударников и показать ее влияние на распространение ударного движения. Он подчеркивал, что Златоустовский завод явился колыбелью ударного движения и новых форм социалистического труда¹⁵⁰.

В. Н. Зуйков раскрыл формы, которые приобрело ударничество после I Всесоюзного съезда ударных бригад, проведенного в декабре 1929 г. Он показал распространение этого движения вширь, когда наряду с ударными бригадами появились ударные смены, цеха и даже заводы. В то же время возникли новые формы ударничества, такие, как сквозные ударные бригады, сменно-встречное планирование, хозрасчетные бригады. Автор проанализировал действенность ударного движения в годы первой пятилетки, его влияние на выполнение производственных заданий.

Исследователи вскрывали и трудности в организации социалистического соревнования: сопротивление наиболее отсталой части рабочего класса, недостатки в самой организации соревнования — бюрократизм в руководстве, формальный подход к идее соревнования, попытки превратить его в парадную шумиху. По мнению М. Е. Плеханова, это сдерживало творческую энергию и энтузиазм масс, не позволяло в полной мере использовать возможности для дальнейшего роста производительности труда¹⁵¹.

В работе В. Н. Конюхова показывалось развитие соревнования в годы первой пятилетки на предприятиях Удмуртии. Он также писал о формах социалистического соревнования: ударничестве, встречном планировании, общественном буксире и т. д., — отмечая, что соревнование не самоцель, а метод социалистического строительства¹⁵².

П. Ф. Балакин и Ф. Н. Каширская посвятили свои труды истории стахановского движения на Урале. П. Ф. Балакин проследил становление новых методов работы в угольной и горно-рудной промышленности и показал деятельность коммунистов по распространению движения новаторов на другие отрасли производства. К сожалению, авторам не удалось выявить специфику

¹⁵⁰ См.: Астафьев А. Златоуст. С. 66.

¹⁵¹ См.: Плеханов М. Е. Движение ударников в годы первой пятилетки. С. 19.

¹⁵² См.: Конюхов В. Н. Борьба партийной организации Удмуртии за развитие социалистического соревнования в период первой пятилетки // Зап. / Удм. НИИ. 1954. Вып. 16. С. 73.

почина стахановцев на местах, объяснить причины отставания Урала по размаху движения от Центрального промышленного района и Донбасса. Исследователи того времени считали стахановское движение высшей формой соцсоревнования и почти не рассматривали другие формы творческой активности рабочего класса. Между тем в годы второй пятилетки были и другие начинания передовиков производства в борьбе за овладение техникой.

* * *

Во второй половине 30-х—50-х гг. были достигнуты важные результаты в исследовании истории крестьянства и сельского хозяйства реконструктивного периода. Это изучение осуществлялось с позиций марксистско-ленинской методологии и на более широкой источниковой основе, которую составляли преимущественно документальные материалы архивов страны. Расширилась и дифференцировалась проблематика исследования, на первый план выдвинулись вопросы, связанные с деятельностью партии и Советского государства по подготовке и проведению социалистических преобразований в деревне, ограничению, вытеснению, а затем и полной ликвидации в процессе массовой коллективизации последнего эксплуататорского класса — кулачества, укреплению союза рабочих и крестьян, совершенствованию новых производственных отношений в сельском хозяйстве. Центральное место в литературе заняла проблема политической и идеологической борьбы, которую вели коммунисты против оппортунистических группировок всех мастей, отстаивая идеи ленинского кооперативного плана. Крупным вкладом в советскую историографию явились опубликованные в конце 40-х — первой половине 50-х гг. работы П. Н. Шаровой, С. П. Трапезникова, Б. А. Абрамова, Э. Б. Генкиной, М. С. Смирнова, В. М. Селунской, М. А. Краева и других ведущих ученых, посвященные истории коллективизации в целом или отдельным ее аспектам. По широте охвата темы, объему конкретного материала, идейно-теоретическому уровню эти труды выгодно отличались от литературы предшествующего периода.

В понимании закономерностей коллективизации и методов ее осуществления в то время допускались и серьезные ошибки, вызванные отрицательными последствиями культа личности. Придерживаясь догматической схемы «Краткого курса истории ВКП(б)», исследователи глубоко не вникали в объективные предпосылки переустройства сельского хозяйства на коллективных началах, упрощенно толковали, а то и вовсе не рассматривали социально-экономические процессы в доколхозной деревне, не учитывали местных особенностей социалистического строительства.

Некоторые недостатки стали очевидными еще до открытого осуждения партией культа личности и его последствий. В этом

проявилась закономерность поступательного развития советской исторической науки. В 1952 г. в журналах «Большевик» (№ 13) и «Вопросы истории» (№ 12) был поднят вопрос о более серьезном обосновании экономической необходимости перевода крестьянства на путь коллективного земледелия. Затем появилась статья М. П. Кима и Г. Н. Голикова, которая призывала историков полнее и конкретнее освещать героизм трудящихся масс, руководящую роль рабочего класса и его Коммунистической партии в борьбе за построение социализма в нашей стране¹⁵³.

После XX съезда КПСС реалистическая тенденция в изучении истории крестьянства реконструктивного периода получила законченное выражение. В духе этой тенденции были написаны новые произведения Б. А. Абрамова, С. П. Трапезникова, а также исследование В. П. Данилова, вышедшие во второй половине 50-х гг. Авторы попытались отойти от схематизма и иллюстративности, заново переосмыслить тему, применить аналитический метод в изучении фактического материала. Литература по проблемам коллективизации сельского хозяйства, опубликованная центральными издательствами, давала направление исследовательской работе на местах. В ней содержались конкретные сведения относительно положения деревни накануне и в период коллективизации в отдельных районах страны, в том числе на Урале.

Что касается уральских историков, то они сравнительно поздно взялись за изучение коллективизации. Во второй половине 30-х—40-х гг. по этой теме не было написано ни одной работы. В 1952 г. в Свердловске вышел научно-популярный сборник «Колхозный путь». В нем были помещены материалы о производственных достижениях некоторых коллективных хозяйств Свердловской области с краткими историческими экскурсами. Сборник отличался чрезвычайной ограниченностью документальной базы и в смысле общей трактовки истории коллективизации не выходил за рамки общепринятой тогда концепции. Лишь во второй половине 50-х гг., когда разработкой советской тематики занялись профессиональные историки, собранные в научно-исследовательских учреждениях и вузах Урала, и когда в оборот вошли богатейшие материалы центральных и местных архивов, началось систематическое изучение истории уральской колхозной деревни. За это время был издан ряд работ, авторами которых являлись преимущественно преподаватели истории и общественных дисциплин высших учебных заведений В. Н. Зуйков, А. В. Бакунин, Н. В. Ефременков, Р. Г. Бергауз, Е. А. Иванова, В. И. Мухачев, Г. А. Лимонов, В. И. Мочалин. Они внесли существенный вклад в историографию социалистического строительства на Урале.

¹⁵³ См.: *Ким М. П., Голиков Г. Н.* Некоторые вопросы разработки истории советского общества // *Коммунист*. 1954. № 5.

Разрабатывая конкретную проблематику темы, исследователи обратили внимание прежде всего на предпосылки коллективизации. Они поддержали мнение своих предшественников о слабой технической вооруженности сельского хозяйства на Урале накануне и в начале реконструктивного периода. По словам М. А. Краева, материально-техническая база местных колхозов создавалась на первых порах в результате простого сложения средств труда, находившихся до объединения в единоличном владении крестьян. Он писал, что по сравнению, например, с Верхневолжским краем переход от «мануфактурного» производства к машинному на Урале явно затянулся. В этих условиях важное значение приобретали коллективные формы машиноиспользования, не только повышавшие техническую оснащенность земледелия, но и ускорявшие процесс объединения крестьян в колхозы¹⁵⁴.

В монографии В. П. Данилова впервые сообщались некоторые цифры, позволявшие судить о состоянии материально-технической базы сельского хозяйства в основных регионах, включая Урал, и производить сопоставления. Автор отметил, что накануне коллективизации главным фактором, который влиял на стоимость крестьянской продукции, была не техника, а рабочая сила. Например, в льноводческих хозяйствах в составе издержек производства на долю этого компонента приходилось в Уральской области 80,5%, в Юго-Западной Сибири — 85,8%, в Центральном промышленном районе — 75,4%. Он подтвердил уже установленный факт о сравнительной технической отсталости уральской деревни, сославшись на такой объективный показатель, как обеспеченность крестьян усовершенствованными орудиями обработки почвы. Оказывается, средняя площадь пахоты, приходящаяся на один плуг, составляла на Урале 15,9 га, в то время как в Центральночерноземной области — всего 6 га, а в Северо-Западном районе — 4,1 га. В. П. Данилов подчеркнул, что благодаря постоянно возрастающей хозяйственной помощи Советского государства происходил процесс перевооружения деревни более совершенной техникой. Так, на Урале в 1927 г. по сравнению с 1924 г. количество примитивных сельскохозяйственных орудий уменьшилось на 17,8%, а в течение следующих двух лет — еще на 21%¹⁵⁵. К сожалению, уральские историки специально вопросом о материально-технических предпосылках коллективизации не занимались.

Объективная необходимость коллективизации вытекала, как известно, из самого факта существования частнособственнического, мелкотоварного производства, которое, по словам В. И. Лени-

¹⁵⁴ См.: Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954. С. 402.

¹⁵⁵ См.: Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства. М., 1957. С. 33, 39, 388.

на, постоянно рождало капитализм. Вот почему еще на первом этапе развития советской исторической науки исследователи придавали такое важное значение изучению социально-экономических отношений в доколхозной деревне. Эта проблема была вновь вынесена на рассмотрение во второй половине 50-х гг. сначала на общесоюзных материалах. В данном случае инициатива тоже принадлежала В. П. Данилову, одному из самых компетентных специалистов в области аграрной истории переходного периода. Относящиеся к теме сведения содержатся в его работе, посвященной характеристике социально-экономического облика советской деревни накануне коллективизации. В. П. Данилов показал, что до победы колхозного строя орудия и средства производства в сельском хозяйстве распределялись крайне неравномерно: в основном они были сконцентрированы в руках кулаков и зажиточных крестьян, а бедняки и часть середняков их не имели в достатке. Это обуславливало развитие отношений найма-сдачи скота, инвентаря и рабочей силы, порождало связанную с ними земельную аренду. Урал относился к числу тех регионов, где такие отношения были особенно распространены. Согласно данным выборочной гнездовой переписи 1927 г., которые привел автор, к найму и сдаче сельскохозяйственного инвентаря здесь прибегали 66% хозяйств, в то время как в целом по стране — 40,2%, а машин — соответственно 58% и 24,6%. Социальный состав сдачиков и арендаторов, как указывалось в работе, выглядел следующим образом. Нанимали инвентарь в подавляющем большинстве маломощные середняцкие и бедняцкие слои деревни. Самый низкий процент арендующих пахотные орудия давали кулацкие хозяйства. Иначе строились отношения сдачи. Удельный вес сдающих бедняцких хозяйств был ничтожен, середняки нанимали инвентаря примерно в 3—4 раза больше, чем сдавали. В кулацко-зажиточной группе число хозяйств, сдававших средства производства, более чем в 2 раза превосходило количество арендующих (73,8 против 33,7%). Значительное распространение получила на Урале и земельная аренда. Сам по себе этот факт, по справедливому замечанию В. П. Данилова, еще не означал развития капиталистических отношений, ибо к аренде прибегали и нуждающиеся крестьяне. Но когда она сочеталась с наймом рабочей силы, то получалось частнособственническое предпринимательство¹⁵⁶.

Важное значение историки придавали проблемам социалистического переустройства сельского хозяйства. Развитие кооперативного движения на Урале до конца 20-х гг. показывалось в самых общих чертах, главное внимание уделялось истории массовой коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Боль-

¹⁵⁶ См.: Данилов В. П. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации // Ист. зап. 1956. Т. 55. С. 100—101.

шинство исследователей относили начало массовой коллективизации здесь ко второй половине 1929 г. П. Н. Шарова считала не случайным, что именно в этом время проявилась тяга к созданию крупных обобщественных хозяйств в пределах сельсоветов и даже районов («гигантомания»). По ее сведениям, на 1 сентября 1929 г. уровень коллективизации по пяти районам Урала превысил 40%¹⁵⁷. В. Н. Зуйков, отметив крупные успехи в кооперировании крестьянства, которые были достигнуты после XV съезда ВКП(б), пришел к следующему выводу: «К концу 1929 г. в результате деятельности Коммунистической партии и Советского государства, творческой энергии широких народных масс были созданы необходимые материальные и политические условия для могучего разворота колхозного строительства»¹⁵⁸.

В. Н. Зуйков подробнее, чем другие историки, со ссылкой на неиспользованные материалы партийных архивов показал ход массовой коллективизации на Урале вплоть до 1934 г. Он писал, что в результате усилившейся помощи Советского государства окрепла материально-техническая база колхозного производства. В течение трех лет после провозглашения партией курса на коллективизацию сельского хозяйства количество тракторов на Урале увеличилось с 720 до 2 тыс., а в 1934 г. их насчитывалось уже 8 636. Все больше сказывались преимущества совместной обработки земли, особенно с применением машин. В среднем на одно хозяйство колхозы засевали в 2,5 раза больше пашни, чем единоличники. Ускорился процесс вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых земель. В 1933 г. по сравнению с 1928 г. посевные площади в колхозах увеличились на 1,5 млн га, или на 30%. Обобщественный сектор сельского хозяйства прочно занял ведущее место в хлебном балансе. Из всего количества товарного хлеба, поступившего в государственные закрома по Уральской области в 1933 г., на долю коллективных хозяйств приходилось 83,5%, совхозов — 11,3% и единоличников — 5,2%¹⁵⁹.

Необходимо отметить, что в работах В. Н. Зуйкова, как и в остальной литературе, не все вопросы исследованы глубоко и конкретно, были спорные, слабо аргументированные положения. Не получили объективного освещения трудности, связанные с ошибками и перегибами в колхозном строительстве. Отлив крестьян из колхозов весной 1930 г. историк рассматривал лишь как результат искажения партийной линии и прямых провокацион-

¹⁵⁷ См.: Шарова П. Великий перелом в сельском хозяйстве // Вопр. истории. 1949. № 5. С. 11.

¹⁵⁸ Зуйков В. Н. Коммунисты Урала — организаторы массового колхозного движения // Учен. зап. каф. истории КПСС / Урал. ун-т. 1957. Вып. 17. С. 133.

¹⁵⁹ См.: Зуйков В. Н. Партийные организации Урала в борьбе за победу колхозного строя (1927—1934) // Социалистическое строительство на Урале. С. 201, 206.

ных действий классового врага. Между тем в немалой степени это было вызвано и организационно-хозяйственной слабостью колхозов. Не было и оснований утверждать, что спад колхозного движения на Урале почти полностью прекратился в июне 1930 г., а затем «в развитии сельского хозяйства произошел коренной перелом»¹⁶⁰.

Важное научное значение имел вопрос о ликвидации кулачества. Он рассматривался и в общих работах по истории коллективизации Урала, и в специальных исследованиях¹⁶¹. Ликвидация кулачества представлялась историкам как подавление его сопротивления политике социалистического переустройства сельского хозяйства. Г. А. Лимонов, занимавшийся изучением материалов по истории кулацкой «хлебной стачки», правильно охарактеризовал эту акцию классового врага как попытку сорвать массовую коллективизацию.

Более широко поставили вопрос Е. А. Иванова и Р. Г. Бергауз. Они проанализировали на конкретном материале различные формы классовой борьбы, к которым прибегали кулаки, — от антисоветской пропаганды до вооруженных выступлений. Авторы убедительно показали, какой громадный вред социалистическому строительству наносила деревенская буржуазия. Не случайно, по их заключению, мероприятия партии и правительства, направленные на ликвидацию кулачества, были активно поддержаны массами трудового крестьянства.

И все же эта тема изучалась в 50-х гг. на недостаточно высоком уровне, без необходимой систематизации и обобщения. Исследователи не принимали во внимание всего комплекса мероприятий, связанных с ликвидацией кулачества, ограничиваясь его экспроприацией и подавлением. Между тем ведущие историки уже тогда указывали и на другие аспекты, в частности на меры по трудовому перевоспитанию кулаков¹⁶².

Особое место в литературе занял вопрос о руководящей роли рабочего класса Урала в коллективизации сельского хозяйства.

¹⁶⁰ Зуйков В. Н. Партийные организации Урала в борьбе за победу колхозного строя (1927—1934). С. 128.

¹⁶¹ См.: Иванова Е. А. Борьба с кулачеством в ходе строительства коллективных форм хозяйства в деревне: (Тюменский округ) // Учен. зап. / Могилев. пед. ин-т. 1956. Вып. 2; Лимонов Г. А. Борьба партийных организаций Урала за преодоление хлебозаготовительных трудностей в 1927—1928 гг. // Тр. / Урал. политехн. ин-т. 1957. Вып. 86; Бергауз Р. Г. Из истории классовой борьбы на Урале в период развернутого наступления социализма на капиталистические элементы в деревне (1929—1931 гг.) // Тр. / Сверд. с.-х. ин-т. 1959. Т. 5.

¹⁶² См.: Трапезников С. Исторический опыт колхозного строительства в СССР и его международный характер // Коммунист. 1958. № 5. С. 68.

Ему посвящен ряд специальных статей¹⁶³. Их авторы касались преимущественно истории рабочего шефства над деревней. В. И. Мухачев отмечал, что уже в середине 20-х гг. шефское движение, возникшее по призыву В. И. Ленина, охватило все города и рабочие поселки Урала. Наибольший размах оно получило в годы массовой коллективизации. По подсчетам автора, только с января 1930 г. по сентябрь 1931 г. численность добровольных шефских обществ увеличилась здесь с 20 000 до 113 830 человек¹⁶⁴. Помощь деревне приобретала характер широких политических и хозяйственных кампаний. Они захватывали все стороны производственной, общественной и культурной жизни трудового крестьянства.

В названных работах получил освещение и знаменитый почин двадцатипяти тысячников, которые сыграли большую роль в становлении новых производственных отношений в деревне, организационно-хозяйственном укреплении колхозов. По словам Н. В. Ефременкова и В. И. Мухачева, на Урале их насчитывалось 1 714 человек. Это были лучшие люди рабочего класса. 72% двадцатипяти тысячников являлись коммунистами, 4% — комсомольцами. Они работали в 755 колхозах, причем в 690 колхозах — председателями или членами правлений¹⁶⁵.

Во второй половине 50-х гг. историки обратились к изучению материалов, характеризующих процесс организационно-хозяйственного укрепления колхозов на Урале в ходе и особенно после осуществления массовой коллективизации. Отдельные аспекты данной проблемы были рассмотрены в упомянутых работах В. Н. Зуйкова, Е. А. Ивановой, Р. Г. Бергауз. Авторы привели некоторые данные о перестройке работы деревенских Советов и повышении их роли в колхозном строительстве, о проведении отчетных кампаний колхозов перед единоличниками, о поисках наиболее эффективных форм организации общественного труда. Был затронут и вопрос о подготовке колхозных кадров. По сведениям В. Н. Зуйкова, только в 1933 г. на Урале прошли подготовку

¹⁶³ См.: *Ефременков Н. В., Мухачев В. И.* Двадцатипяти тысячники-уральцы на колхозной работе в 1930 г. // *Тр. / Урал. политехн. ин-т.* 1957. Вып. 86; *Мухачев В. И.* Роль рабочего класса Урала в проведении массовой коллективизации (1929—1932 гг.) // *Учен. зап. / Сверд. юрид. ин-т.* 1959. Т. 9; *Он же.* Роль рабочих бригад в коллективизации уральской деревни // *Науч. докл. высш. шк.: Ист. науки.* 1960. № 3; *Он же.* Коммунисты — организаторы шефства уральских рабочих над деревней (1923—1926) // *Из истории большевистских организаций Урала.* Свердловск, 1960; *Воробьев Б.* Из истории рабочего шефства над деревней в 1929—1930 гг.: (по материалам Урала) // *Сб. науч. студ. работ каф. истории СССР / Урал. ун-т.* 1959.

¹⁶⁴ См.: *Мухачев В. И.* Роль рабочего класса Урала в проведении массовой коллективизации (1929—1932 гг.) С. 12.

¹⁶⁵ См.: *Ефременков Н. В., Мухачев В. И.* Двадцатипяти тысячники-уральцы на колхозной работе в 1930 г. С. 127, 137.

35 тыс. специалистов сельского хозяйства. Кроме того, закончили курсы массовых квалификаций 466,7 тыс. колхозников¹⁶⁶.

Однако все эти материалы носили разрозненный характер. Они могли служить лишь иллюстрацией тех сложных явлений, которые происходили в колхозной деревне в реконструктивный период. В работах имелись фактические неточности, делались спорные выводы, свидетельствовавшие об упрощенном понимании некоторых сторон коллективизации. Нельзя, например, согласиться с утверждением Е. А. Ивановой, что в 1930 г. почти всюду ликвидировалась уравниловка и устанавливалась сдельная оплата труда¹⁶⁷.

Различные вопросы организационно-хозяйственного укрепления коллективных хозяйств на Урале в завершающей стадии реконструктивного периода специально исследовал А. В. Бакунин¹⁶⁸. Автор обратил внимание прежде всего на усиление партийного влияния в деревне с целью парализовать происки замаскировавшегося классового врага. Как известно, эту задачу выполнили политотделы при МТС. В результате их деятельности только в 1933 г. в 24 районах области было выявлено и обезврежено 544 кулака, пробравшихся на руководящие должности в колхозах¹⁶⁹.

А. В. Бакунин поднял малоизученную тему о принятии на местах примерного устава сельскохозяйственной артели. Из приведенных им материалов следует, что под руководством партийных организаций это мероприятие приняло характер широкой хозяйственной и общественно-политической кампании. Оно сопровождалось активной разъяснительной работой среди населения, обсуждением на общих собраниях колхозников возможностей применения устава в местных условиях, принятием социалистических обязательств в борьбе за урожай, организацией производственных бригад. В статьях А. В. Бакунина показывалась огромная организационная помощь, которую получали колхозы от сельских Советов в таком важном деле, как учет труда и распределение доходов. Особенно внимательно Советы контролировали порядок начисления трудодней, пресекая допускавшиеся злоупотребления. Так, в 1934 г., по данным автора, в колхозах 37 районов области

¹⁶⁶ См.: Зуйков В. Н. Партийные организации Урала в борьбе за победу колхозного строя (1927—1934). С. 205.

¹⁶⁷ См.: Иванова Е. А. Проведение сплошной коллективизации в Тюменской округе (1929—1931 гг.) // Ежегодник Тюменского обл. краевед. музея. 1959. Тюмень, 1960. С. 75.

¹⁶⁸ См.: Бакунин А. В. Местные Советы Урала в борьбе за укрепление колхозов в период 1933—1934 гг. // Тр. / Урал. политехн. ин-т. 1957. Вып. 84; Он же. Из опыта работы политотделов МТС в колхозах Урала (1933—1934) // Там же. Вып. 86.

¹⁶⁹ См.: Бакунин А. В. Из опыта работы политотделов МТС в колхозах Урала (1933—1934). С. 168.

было списано свыше 230 тыс. незаконно начисленных трудодней¹⁷⁰. Конкретному исследованию подвергалась и кадровая политика партии в уральской колхозной деревне в годы второй пятилетки. Были проанализированы разнообразие формы массовой подготовки сельскохозяйственных кадров, получившие в то время широкое распространение.

* * *

Важные изменения произошли в изучении истории культурных преобразований, начатых Октябрьской революцией. Во второй половине 30-х—50-х гг. историки отошли от простого обобщения фактического материала и поставили ряд новых проблем, касавшихся роли В. И. Ленина в осуществлении культурных преобразований на Урале, закономерностей, сущности и хронологических рамок культурной революции. В работе И. М. Яброва был сделан вывод, что самым выдающимся завоеванием социалистической культуры было коренное изменение духовного облика советских людей, утверждение социалистической идеологии, активное участие в коммунистическом строительстве, формирование у трудящихся таких новых черт, как социалистическое отношение к труду и собственности, советский патриотизм и пролетарский интернационализм¹⁷¹.

Для авторов конца 30-х гг. было характерно утверждение, что культурная революция совершается в годы первых пятилеток. Они обращали особое внимание на те успехи в области культурного строительства, которые произошли в годы второй пятилетки¹⁷². В отличие от них И. М. Ябров полагал, что культурная революция, начавшаяся с момента Великой Октябрьской социалистической революции, окончательно победила, когда наша страна вступила в период постепенного перехода от социализма к коммунизму¹⁷³.

Обращение к характеристике исходного момента, с которого начались культурные преобразования на Урале, позволило историкам конца 30-х—50-х гг. показать достижения в культурном строительстве за первые десятилетия Советской власти. Материал о культурной отсталости дореволюционной России давался в работах И. М. Яброва, Р. У. Кузьева.

Р. У. Кузьев одним из первых проанализировал социалистические преобразования в области культуры на территории сов-

¹⁷⁰ См.: *Бакунин А. В.* Местные Советы Урала в борьбе за укрепление колхозов в период 1933—1934 гг. С. 196.

¹⁷¹ См.: *Ябров И. М.* Культурное строительство. Пермь, 1957. С. 9.

¹⁷² См.: *Чудаков Н.* Свердловская область сегодня // Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939. С. 151.

¹⁷³ См.: *Ябров И. М.* Культурное строительство. С. 9.

ременной Башкирии: завоевание органов печати и создание новых газет и журналов, организацию и рост книгоиздательства, становление башкирской советской литературы, проведение массовой агитационно-пропагандистской работы. Особое внимание автор уделил строительству новой советской школы, ибо здесь были особенно ярко видны достижения и преимущества Советской власти. Р. У. Кузьев привел следующие данные: если в 1915/16 учебном году в Уфимской губернии насчитывалось 1 977 школ, в которых обучалось 116 188 учащихся, то в первый год Советской власти количество школ увеличилось до 2 221, а количество учащихся — до 132 903¹⁷⁴.

Большинство работ по истории культурного строительства на Урале были выполнены в так называемом проблемном плане. Как и в первый период развития исторической науки, важное место в них отводилось истории народного образования. В. Г. Чуфаров и Г. Г. Чернова показали процесс ликвидации массовой неграмотности среди взрослого населения. По мнению Г. Г. Черновой, данная задача была в основном решена к началу Великой Отечественной войны. Следствием этого явились общий подъем культуры удмуртского народа, активное включение ранее неграмотных рабочих и крестьян в общественно-политическую жизнь¹⁷⁵. К сожалению, автор, рассматривая сложный вопрос культурной революции на примере национального района, не раскрыла особенностей работы по ликвидации неграмотности среди национальных меньшинств.

Обстоятельно была изучена история общеобразовательной школы на Урале в переходный период. В. Г. Чуфаров проанализировал первые мероприятия Советского государства в области школьного строительства, направленные на придание школьному образованию светского характера, ликвидацию сословных ограничений и демократизацию школьного образования. Он подчеркнул, что на Урале эта работа затянулась до конца восстановительного периода, так как проводилась в условиях острой классовой борьбы и тяжелых материальных и финансовых трудностей¹⁷⁶. Н. М. Василюк и Д. П. Горбунова описали историю общеобразовательной школы в период реконструкции народного хозяйства. Они показали огромные изменения, происшедшие в школьном образовании в связи с переходом ко всеобщему обучению.

¹⁷⁴ См.: Кузьев Р. У. Из истории культурного строительства в Башкирии в первый период Советской власти (октябрь 1917—июль 1918) // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Уфа. 1959. С. 130.

¹⁷⁵ См.: Чернова Г. Г. Ликвидация неграмотности в Удмуртии // Учен. зап. / Удм. пед. ин-т. 1956. № 10. С. 63.

¹⁷⁶ См.: Чуфаров В. Г. Из истории развития народного образования в Екатеринбургской губернии в первые годы восстановительного периода (1921—1923) // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1958. Вып. 1. С. 104.

Работы А. К. Рашитова, А. Ф. Эфирова, А. Ф. Кривошекова, Н. И. Ивонина, А. Ш. Савельева восполнили пробел, который имелся в изучении истории национальной школы на Урале. Обращение к данной проблеме стало возможным с ростом квалифицированных кадров в автономных республиках. Историки раскрывали историю школьного образования в Башкирии и Удмуртии, исходя из общих закономерностей, характерных для этого процесса по стране в целом, но выделяли ряд особенностей, присущих национальным районам.

Во второй период развития советской исторической науки интенсивно изучалась история среднего специального и высшего образования на Урале. Вышли в свет популярные очерки истории отдельных вузов и техникумов, приуроченные к юбилейным датам. Особенно широко исследовалась история Уральского и Пермского университетов, которые на протяжении всего переходного периода были крупнейшими центрами подготовки кадров различного профиля. Наличие большого фактического материала по истории некоторых вузов позволило историкам создать первую обобщающую работу по истории высшего образования на Урале¹⁷⁷.

Из отдельных вопросов истории высшего образования в то время начала изучаться роль В. И. Ленина в создании высшей школы на Урале. И. В. Седлецкий, М. Е. Главацкий и И. С. Добровольский ввели в научный оборот документы, которые раскрывали заинтересованность В. И. Ленина и его соратников в развитии высших учебных заведений в крупнейшем промышленном регионе страны, испытывавшем острую нехватку квалифицированных специалистов. В. И. Ленин принимал непосредственное участие в разработке Декрета об учреждении в Екатеринбурге Уральского университета и многое сделал для придания этому учебному заведению такого профиля, который соответствовал самым насущным потребностям народного хозяйства Урала.

А. А. Волков и В. Г. Черемных впервые в уральской литературе попытались раскрыть проблему формирования технической интеллигенции. Они проанализировали все направления подготовки производственно-технических кадров, включая систему высшей и средней специальной школы, формы подготовки и переподготовки руководящих работников и т. п., в годы первой пятилетки. Авторы отразили потребности уральской промышленности в квалифицированных специалистах и степень решения этой проблемы к концу первой пятилетки.

Целостной картины политико-просветительной и культурно-массовой работы на Урале в переходный период в те годы соз-

¹⁷⁷ См.: Демев А. И., Добровольский И. С. Высшее образование на Урале. Свердловск. 1958.

дать не удалось. Только Д. П. Горбунова попыталась показать сущность и задачи культурно-просветительной работы, ее место в идейно-политической деятельности Коммунистической партии, особенности культурно-просветительной работы на Урале в годы второй пятилетки. По ее мнению, огромную роль в распространении культуры среди широких масс трудящегося населения Урала сыграли рабочие клубы¹⁷⁸.

Во второй половине 50-х гг. внимание исследователей было обращено на идейно-политическую работу партии в условиях строительства основ социалистического общества. С. Т. Иовчук, Г. А. Лимонов, Е. Д. Агальцева, И. П. Плотников отмечали, что идейно-политическая деятельность Коммунистической партии приобретает огромное значение, когда речь идет о необходимости включения широких масс трудящихся в активную работу по строительству социалистического общества. Историки дифференцированно подошли к анализу форм и методов идейно-политической деятельности партии среди различных слоев населения, раскрыли особенности работы Уральской партийной организации по политическому просвещению трудящегося крестьянства, женщин, ранее угнетенных национальных меньшинств, попытались показать формирование на Урале сети политического просвещения, подготовку кадров партийных пропагандистов и их деятельность по политическому просвещению масс.

Историки конца 30-х—50-х гг. впервые обратились к изучению таких отраслей культурного строительства, как наука и искусство. В работе А. А. Волкова рассматривалась деятельность Уральского филиала АН СССР, созданного в период реконструкции народного хозяйства с целью активизации научных исследований в регионе, оценивался вклад ученых УФАНа в разработку ведущих проблем научных исследований и подготовку квалифицированных научных кадров.

История искусства Урала освещалась в научно-популярных очерках по истории отдельных театров, написанных представителями творческих коллективов или администрации театров в связи с юбилейными датами. Особенно широко показывалась деятельность театров крупнейшего промышленного центра Урала — Свердловска. В работах Б. В. Павловского и Н. Н. Серебренникова в искусствоведческом плане отражалось становление на Урале изобразительного искусства. Историки автономных республик кратко рассказали о формировании национального искусства башкир и удмуртов.

¹⁷⁸ См.: Горбунова Д. П. Руководство партийной организацией Свердловской области деятельностью клубных учреждений в годы второй пятилетки // Сб. статей каф. обществ. наук / Свердлов. пед. ин-т. 1960.

* * *

Развитие историографии социалистического строительства на Урале во второй половине 30-х—50-х гг. представляет собой сложный процесс. В результате накопления исторических знаний были созданы условия для широкого развертывания исследовательской работы в области советской тематики. Важнейшим из них являлось решительное преодоление влияния буржуазной идеологии и окончательное утверждение марксистско-ленинского метода познания прошлого. Прочно овладев подлинно научной методологией, советские историки на конкретном примере Уральского региона смогли глубже изучить закономерности переходного от капитализма к социализму периода. Они стали более четко представлять себе расстановку классовых сил на разных этапах революции и социалистического строительства, правильно поняли исключительно важное значение руководства Коммунистической партии, ее местных организаций в борьбе за установление и упрочение Советской власти, за осуществление социально-экономических и культурных преобразований.

Другим условием конкретной разработки темы было вовлечение в научный оборот множества новых источников. На данном этапе развития науки исследование основных проблем истории советского Урала велось с использованием главным образом неопубликованных документов и материалов, сосредоточенных в центральных и местных архивах. Широкое распространение получили документальные публикации, статистические сборники и периодическая печать. Важным видом источников стали произведения В. И. Ленина, постановления партии и правительства. Воспоминания полностью сохранили свое источниковедческое значение, а некоторые, написанные с использованием документальных материалов, приобрели исследовательский характер.

Естественный процесс совершенствования методологии и методики исторического исследования сдерживался объективными трудностями, вызванными войной и ее тяжелыми последствиями, а также влиянием культа личности. Как показал пример Урала, изучение некоторых сложных социально-экономических и политических явлений переходного периода принимало однобокий характер или полностью прекращалось. Преодоление указанных трудностей позволило оживить творческий поиск ученых. Но в полной мере результаты этого проявились лишь на следующем — современном этапе развития исторической науки.

Глава 3
СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
НА УРАЛЕ
(60—80-е гг.)

1. Характеристика современного этапа исследования темы

На современном этапе коммунистического строительства советская историческая наука выполняет важнейшую социальную функцию обобщения прошлого опыта и его использования при анализе современных проблем. Определяющим фактором ее развития является руководящая и направляющая роль Коммунистической партии, нацеливающей советских историков на решение наиболее актуальных вопросов социалистического и коммунистического строительства для объяснения насущных проблем, воспитания у советских людей качеств, присущих человеку коммунистического общества. В новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии, подчеркивается: «Научный анализ объективных противоречий социалистического общества, выработка обоснованных рекомендаций по их разрешению, надежных экономических и социальных прогнозов — неотложная задача общественных наук на современном этапе развития»¹. М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии обращал внимание идеологических работников на необходимость смелого и творческого характера нашей пропаганды. Он говорил: «Нужна наступательность — и в том, что касается разоблачения идеологических диверсий, и в доведении правдивой информации о реальных достижениях социализма, социалистическом образе жизни»².

Нынешний этап развития советской исторической науки характеризуется усилением интереса к методологическим проблемам и дальнейшему изучению ленинского наследия. Этому во многом способствовал выход в свет Полного собрания сочинений В. И. Ленина, очередных Ленинских сборников, Биографической хроники В. И. Ленина, пяти томов «Воспоминаний о В. И. Ленине». Для историков Урала публикация этого обширнейшего и богатейшего комплекса ленинских трудов, документов и материалов о его жизни и деятельности означала расширение возможностей исследова-

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 168.

² Там же, С. 88.

ния роли великого пролетарского вождя в истории края. Только в десяти томах Биографической хроники содержится свыше 700 фактов из жизни и деятельности В. И. Ленина, связанных с Уралом³.

Огромную работу по выявлению ленинского наследия, относящегося к Уралу, проделали местные исследователи. Работники архивов, научных учреждений и вузов подготовили и опубликовали ряд документальных сборников⁴. Центральное место в них заняли произведения В. И. Ленина, в которых содержатся высказывания о социально-экономической и политической обстановке в крае накануне Октябрьской революции, дается характеристика классовой борьбы уральских рабочих, процесса формирования и деятельности местных большевистских организаций, первых социалистических преобразований, значения Восточного фронта в годы гражданской войны, перспектив восстановления и развития экономики. Кроме того, в уральские сборники вошли воспоминания ветеранов революционного движения о встречах с Владимиром Ильичем и его близкими, письма и обращения трудящихся к Ленину, материалы партийных и советских органов, освещающие выполнение ленинских указаний. Составители сборников выявили новые материалы в крупнейших хранилищах Москвы и Ленинграда, местных партийных и государственных архивах, что позволило ввести в научный оборот ранее неизвестные документы.

Исследованию роли В. И. Ленина в истории советского Урала во многом способствовали научные конференции, широко проводимые в связи с празднованием 100-и 110-летнего юбилеев В. И. Ленина. В докладах ведущих ученых Москвы, Ленинграда, а также Свердловска, Перми, Челябинска и других городов Урала раскрывалась роль создателя Коммунистической партии и Советского государства в подготовке и победе Октябрьской социалистической революции в Уральском регионе, оказании отпора белогвардейцам и интервентам на Восточном фронте, быстрейшем восстановлении экономики края, определении перспектив социалистического переустройства промышленности и сельского хозяйства. Материалы некоторых конференций были опубликованы⁵. Наибольшей содержательностью отличались доклады веду-

³ См.: *Бакунин А. В.* Индустриальный Урал в трудах Ленина. М., 1981. С. 8.

⁴ См.: Ленин об Урале. Свердловск, 1969; Ленин в сердцах уральцев. Свердловск, 1969; Ленин с нами. Свердловск, 1969; Н. К. Крупская и Прикамье. Пермь, 1969; Ленин и Пермский край. Пермь, 1970; Ленин и Южное Зауралье. Челябинск, 1970; Ленин и Башкирия. Уфа, 1974; Живые строки. Челябинск, 1970; Ленин всегда с нами. Ижевск, 1970; Уральцы пишут Ленину. Свердловск, 1971; Пламя любви всенародной. Челябинск, 1975 и др.

⁵ См.: Первые уральские экономические чтения, посвященные 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Свердловск, 1961; В. И. Ленин и социально-экономические проб-

щих специалистов по истории Урала послеоктябрьского периода Ф. П. Быстрых, И. Ф. Плотникова, А. В. Бакунина, Н. В. Ефременкова. Организация научных конференций по ленинской тематике, публикация их материалов, несомненно, способствовали активизации научной жизни на Урале, положительно сказались на повышении теоретического уровня и расширении проблематики исследований по истории Великого Октября и других проблем переходного периода.

Ленинское наследие об Урале анализировалось в разнообразной по характеру литературе: статьях, предисловиях к сборникам ленинских документов, разделах монографий по истории Урала советского периода⁶. Особо нужно отметить выход сборников научных статей⁷ и монографий⁸, целиком посвященных этой проблеме. Комплексная разработка ленинского теоретического наследия значительно пополнила уральскую Лениниану, позволила открыть многочисленные новые факты, свидетельствовавшие о связи В. И. Ленина с Уралом.

Важнейшей чертой научной работы 60—80-х гг. является расширение и обогащение источниковой базы современных исторических исследований. Широкая сеть архивных хранилищ Урала обеспечивает исследователей фундаментальной источниковой основой по всем проблемам истории советского общества. О богатстве материалов, сосредоточенных в местных партийных и государственных архивах, можно судить по Государственному архиву Свердловской области. В конце 70-х гг. в архиве и его филиалах в Ирбите, Красноуфимске, Нижнем Тагиле и Серове имелось 4 004 фонда общим объемом 1 008 588 дел⁹. Огромное количество документов в партийных и государственных архивах свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения Октябрьской революции, гражданской войны и социалистического строитель-

лемы развития Урала. Свердловск, 1970. Вып. 1, 2; В. И. Ленин и местные партийные организации (1894—1917). Пермь, 1970; Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири: Докл. и сообщ. науч. конф. на тему «В. И. Ленин и социалистическое преобразование сельского хозяйства Урала и Западной Сибири». Курган, 1971.

⁶ См.: Ленин и Удмуртия: Библиогр. указатель (1917—1969 гг.). Ижевск, 1971; Ленин и Урал: Библиогр. указатель. Челябинск, 1972; Комарова Л. М. В. И. Ленин и Прикамье: Указатель лит. 2-е изд. Пермь, 1978; Библиографический указатель по истории Урала: (досоветский период). Свердловск, 1980.

⁷ См.: В. И. Ленин о социально-экономическом и духовном развитии социалистического общества. Свердловск, 1970; Ленин и некоторые вопросы социалистического строительства на Урале. Пермь, 1970; Идеи Ленина живут и побеждают: (из истории уральских партийных организаций). Челябинск, 1970; По ленинскому пути. Ижевск, 1970.

⁸ См.: Матушкин П. Г. Ленин об Урале. 3-е изд. Челябинск, 1972; Бакунин А. В. Индустриальный Урал в трудах Ленина.

⁹ См.: Государственный архив Свердловской области: Путеводитель. Краткий справочник. Свердловск, 1979. С. 3.

ства на Урале. Для того чтобы ознакомить широкие массы исследователей с этими документами, сотрудники архивов и ведущие специалисты по истории конкретных проблем жизни Урала публикуют обзоры фондов крупнейших архивов¹⁰.

В 60—80-е гг. публикаторская деятельность партийных и государственных архивов Урала еще более оживилась. Вслед за общесоюзными серийными изданиями документов по истории Великого Октября и социалистического строительства вышли в свет документы по истории Октября и строительства социализма в переходный период на Урале¹¹. Сборники документов 60—70-х гг. характеризуются повышением качества публикации, отбора документов, передачи текста, методики составления научно-справочного аппарата. Они сопровождаются квалифицированными историческими и археографическими предисловиями, хрониками событий, указателями, списками сокращений и т. п. В них включены различные по видам и характеру документы и материалы центральных и местных архивов, материалы периодики и статистика.

Продолжилось издание воспоминаний активных участников Октябрьской революции, гражданской войны и социалистического строительства на Урале¹². Ветераны революционного движения, рабочие и крестьяне воссоздали историю партийных ячеек и комитетов, рассказали о деятельности партии большевиков по завоеванию власти, об организации отпора контрреволюции в период гражданской войны, о налаживании работы уральского хозяйства, о производственной деятельности заводов, фабрик и кол-

¹⁰ См.: Урал в годы гражданской войны (май 1918—1920 гг.): Обзор документальных материалов архива. Свердловск, 1962; Обзор документальных материалов государственных и партийных архивов Свердловской области по теме «Из истории индустриализации Урала». Свердловск, 1964. Вып. 1; Аленчикова Н. Д. Обзор фондов Государственного архива Пермской области по истории социалистической индустриализации Пермского округа (1926—1928) // Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края. Пермь, 1965; Байчиков Ф. П., Тютева З. П. Обзор основных фондов партийного архива Башкирского обкома КПСС // Из истории Башкирской АССР. Уфа, 1959.

¹¹ См.: Гражданская война на Южном Урале. Челябинск, 1962; Южное Зауралье в период гражданской войны. Курган, 1963; Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Ижевск, 1963; Упрочение Советской власти в Пермской губернии. Пермь, 1966; Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920). Свердловск, 1967; Октябрь в Башкирии. Уфа, 1979; Из истории Магнитогорского металлургического комбината и г. Магнитогорска (1929—1941). Челябинск, 1965; История индустриализации Урала (1926—1932). Свердловск, 1967; В буднях великих строек. 1926—1937. Пермь, 1977; Рабочий класс — крестьянству Удмуртии. 1917—1965. Ижевск, 1967; По пути коллективизации. 1927—1937. Пермь, 1978; Культурное строительство в Удмуртии. 1917—1940. Ижевск, 1976; За социалистическую культуру. 1924—1939. Пермь, 1980 и др.

¹² См.: За власть Советов. Уфа, 1961; В пороховом дыму. Пермь, 1961; Женщины Урала в революции и труде. Свердловск, 1963; От поколения к поколению. Свердловск, 1964; В буднях великих строек. Пермь, 1967; Делу революции верны. Свердловск, 1977 и др.

хозов, о проявлении творческой активности трудящихся масс в управлении государством, производством, об организации социалистического соревнования. На основе воспоминаний восстанавливались многие важные факты из деятельности партийных организаций и революционного творчества масс.

Расширение источниковой базы вызвало необходимость повысить требования к использованию источников в исторических исследованиях. После создания обобщающих трудов по советскому источниковедению стали появляться работы уральских ученых, посвященные источниковедческим проблемам. В ряде статей¹³ и диссертаций¹⁴ были проанализированы комплексы источников по истории Урала переходного периода, разработаны методы изучения и использования источников по истории Великого Октября, гражданской войны и социалистического строительства.

На активизацию работы в области уральской археографии и источниковедения серьезное влияние оказала организация на Урале отделений Археографической комиссии АН СССР. Постановлением бюро отделения истории АН СССР от 22 сентября 1970 г. было создано Уральское отделение Археографической комиссии с секциями в Перми, Свердловске, Кирове, Ижевске, Челябинске. Первым председателем Уральского отделения был назначен профессор Ф. С. Горовой, его заместителем — профессор В. Я. Кривоногов¹⁵. 20 февраля 1973 г. было принято постановление бюро отделения истории АН СССР об организации Южно-Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР с центром в Уфе, председателем которого был утвержден доктор исторических наук Р. Г. Кузеев, а его заместителями — доктор исторических наук В. И. Ананьев и В. П. Чемерис¹⁶. Уральские отделения Археографической комиссии взяли на себя роль центров по выявлению, изучению и публикации источников по истории Урала, составлению описаний документов и книг, подготовке археографических сборников, проведению конференций по источниковеде-

¹³ См.: Роцевский П. И. Обзор некоторых источников по истории гражданской войны в Тюменской губернии // *Земля Тюменская*. Тюмень, 1965. Вып. 4; *Он же*. Об источниках по истории гражданской войны в Зауралье // *Учен. зап. / Перм. ун-т*. 1966. № 158; Васильковский О. А. Разработка вопросов методологии и публикации источников по истории гражданской войны на Урале (вторая половина 50-х—60-е гг.) // *Вопросы истории Урала*. Свердловск, 1973. Вып. 12 и др.

¹⁴ См.: Шаталов Д. Н. Воспоминания активных участников Великой Октябрьской социалистической революции на Урале как исторический источник: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1980; Камынин В. Д. Исторические источники о росте производственной активности рабочего класса в металлопромышленности Урала в первые годы социалистической индустриализации (1926—1929). М., 1977.

¹⁵ См.: Уральский археографический ежегодник за 1970 г. Пермь, 1971. С. 5.

¹⁶ См.: Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1. С. 3.

нию, археографии, текстологии, организации археографических экспедиций¹⁷.

В 70-х гг. археографические комиссии на Урале проделали большую работу. Было проведено две научные конференции (в 1972 г. в Уфе и в 1975 г. в Оренбурге) с целью привлечения внимания исследователей к проблемам специальных и вспомогательных дисциплин и перспективам их развития на Урале. Итоги исследований публиковались в специальных археографических сборниках¹⁸. Археографические комиссии стали центром координации текущего и перспективного планирования деятельности научных, учебных и культурно-просветительных учреждений по изучению источниковедения, археографии и других исторических дисциплин, координации научно-публикаторской деятельности.

Одной из особенностей современного периода развития исторической науки на Урале является объединение высококвалифицированных ученых в крупные исследовательские коллективы. С конца 50-х гг. заметно оживилась научно-исследовательская деятельность историков в вузах региона. Основными центрами вузовской науки стали кафедры отечественной истории и истории КПСС Уральского, Пермского и Башкирского университетов. Здесь сложились большие творческие коллективы, возглавляемые крупными учеными — специалистами в области истории Октябрьской революции Ф. П. Быстрых, Ф. С. Гбровым, З. А. Аминевым, гражданской войны и иностранной интервенции — О. А. Васьковским, И. Ф. Плотниковым, индустриализации и рабочего класса — В. Н. Зуйковым, В. В. Фельдманом, В. Г. Черемных, коллективизации сельского хозяйства — Н. В. Ефременковым, культурной революции — В. Г. Чуфаровым, М. Е. Главацким. О научной проблематике и достижениях в разработке различных вопросов истории советского Урала можно получить представление из обзоров, которые периодически помещались в советских исторических журналах¹⁹. Рост квалифицированных кадров и углубле-

¹⁷ См.: Гвоздикова И. М. В Южно-Уральском отделении Археографической комиссии при отделении истории АН СССР // История СССР. 1974. № 3. С. 228.

¹⁸ См.: Уральский археографический ежегодник за 1970 г.; Уральский археографический ежегодник за 1971 г. Свердловск, 1973; Уральский археографический ежегодник за 1972 г. Пермь, 1974; Уральский археографический ежегодник за 1973 г. Свердловск, 1975; Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973, Вып. 1; 1976. Вып. 2.

¹⁹ См.: Капцугович И. С. О работе исторического факультета Пермского университета // Вопр. истории. 1960. № 7; Ефременков Н. В. Научная работа кафедры истории СССР Уральского университета // История СССР. 1961. № 6; Печатальщикова Н. С. О работе исторического факультета Уральского университета // Вопр. истории. 1961. № 2; Кузеев Р. Г. Изучение истории Башкирской АССР на кафедре истории СССР Башкирского государственного университета // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967; Матер. 3-й науч. сессии вузов Урал. экон. р-на: (ист. науки). Свердловск, 1967. Вып. 1; Газизов К. Г. На кафедрах исторического факультета Башкирского государственного университета // История СССР. 1977. № 3.

ние научной специализации привели к образованию в этих университетах в 70-х гг. кафедр истории советского общества.

Активное участие в разработке проблем истории Урала переходного периода принимают сотрудники кафедр истории КПСС и общественных наук других вузов Свердловска, Перми, Уфы, а также Челябинска, Кургана, Тюмени, Ижевска и Оренбурга. Большой вклад в изучение истории Октябрьской революции и гражданской войны внесли доктора исторических наук профессора Н. К. Лисовский (Челябинск), И. С. Капцугович (Пермь), П. И. Рощевский (Тюмень), Л. И. Футорянский (Оренбург), Б. Х. Юлдашбаев (Уфа), В. С. Скробов (Свердловск), социалистической индустриализации — А. В. Бакунин (Свердловск), П. Г. Матушкин (Челябинск). О творчестве ведущих историков Урала, их вкладе в изучение различных проблем истории края, учебной и общественной деятельности уже написана специальная литература²⁰.

Изучением истории Октябрьской революции, гражданской войны и социалистического строительства на Урале занимаются сотрудники ряда научно-исследовательских учреждений. До начала 60-х гг. продолжал работу Институт истории партии при Свердловском областном комитете КПСС (филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Работниками института проводились сбор и изучение документов по истории местных партийных организаций, их деятельности в период борьбы за победу Октябрьской социалистической революции на Урале и оказанию отпора интервентам и белогвардейцам в годы гражданской войны. Активно ведется исследовательская работа в национальных республиках Урала. Продолжают свою деятельность Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР. Учеными этих учреждений написаны обобщающие труды по истории автономных республик и партийных организаций Башкирии и Удмуртии. В их трудах показано, что борьба за власть Советов и социалистическое строительство в автономных республиках прошла в своем развитии те же этапы, что и в других районах Урала, однако политическое, экономическое и культурное состояние различных народностей обусловило специфику революционной борьбы и социалистического строительства в национальных районах.

²⁰ См.: Мухин В. В., Оборин В. А., Рабинович Я. Б. Ф. С. Горовой (1916—1973) // История СССР. 1974. № 2; Они же Ф. С. Горовой — историк Урала // Уральский археографический ежегодник за 1972 г.; Александров И. А. П. И. Рощевский // История СССР. 1977. № 2; Волин Я. Р., Суслов М. Г., Дашевская М. А., Попов Н. Н. Ф. П. Быстрых как историк пролетарской революции на Урале // Большевицские организации Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917—1920). Свердловск, 1981.

В 1977 г. в Свердловске в Институте экономики Уральского научного центра АН СССР был организован сектор истории, преобразованный в 1980 г. в отдел истории (руководитель — профессор А. В. Бакунин). С его созданием научная жизнь на Урале еще более активизировалась. Вопросы истории Октябрьской революции и социалистического строительства стали вновь разрабатываться в связи с решением отдела истории о подготовке много томной «Истории Урала», коллективных трудов по истории рабочего класса, народного хозяйства, Советов и профсоюзов Урала. Отдел истории Уральского научного центра стал координирующим органом, направляющим внимание исследователей на изучение наиболее актуальных проблем советского Урала.

На современном этапе определенный вклад в изучение истории Урала продолжают вносить многочисленные краеведческие общества. В 1960 г. при исполкомах Советов были созданы областные, городские и районные отделы краеведения, при которых функционируют исторические секции. Краеведческие общества проводят конференции, посвященные юбилейным датам²¹, выпускают книги и брошюры по истории городов и поселков Урала, краеведческие сборники²². Краеведческая работа широко ведется музеями, которых только в Свердловской, Пермской и Челябинской областях более тридцати, а также отделами Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Это общество проделало большую работу по выявлению, учету и изучению памятников революционного прошлого и периода строительства социализма на Урале. Итоги исследовательской работы в этой области подводятся на заседаниях президиума областных отделений и на специальных конференциях²³.

Научно-исследовательскую деятельность учреждений координируют специальные органы. В 60-е гг. координацию всей научной работы по гуманитарным наукам на Урале осуществлял совет по координации и планированию научных исследований по гуманитарным наукам вузов Уральской зоны. Наряду с объединением усилий ученых, организацией и проведением научных конференций одной из своих главных задач совет считал подготовку научно-педагогических кадров высшей квалификации. В эти годы успешно работали над докторскими диссертациями и защитили их видные специалисты по истории Урала советского периода

²¹ См.: Доклады к научно-краеведческой конференции, посвященной 95-летию со дня рождения В. И. Ленина. Челябинск, 1965; Наш край: Матер. V Свердлов. обл. краевед. конф. Свердловск, 1971 и др.

²² См.: В помощь краеведу. Свердловск, 1962; 1964; 1966; На Западном Урале. Пермь, 1960; 1964; 1969; Край южноуральский. Челябинск. 1974.

²³ См.: например: *Корсаков Н. И.* Научно-методическая конференция «Памятники истории и культуры Пермской области» // Уральский археографический ежегодник за 1970 г.

З. А. Аминев, А. В. Бакунин, О. А. Васьковский, Н. К. Лисовский, Н. В. Ефременков, И. Ф. Плотников, П. Г. Матушкин, П. И. Рощевский, В. Г. Чуфаров и некоторые другие. С мая 1969 г. совет по координации социально-экономических и гуманитарных наук стал действовать в составе регионального научно-методического совета.

По мере углубления научной специализации возникла необходимость координации усилий ученых на разработке конкретных проблем. С этой целью в регионе были созданы проблемные советы Минвуза РСФСР и уральские секции общесоюзных проблемных советов. По истории Октябрьской социалистической революции на Урале деятельность историков направляют проблемный совет «В. И. Ленин и местные партийные организации России (1894—1917 гг.)» (председатель — профессор Я. Р. Волин) при Пермском университете и уральская секция научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция» (председатель — профессор Н. К. Лисовский). Историков, занимающихся проблемами социалистической индустриализации, объединяет проблемный совет «КПСС и научно-технический прогресс» (руководитель — профессор А. В. Бакунин), а специалистов по истории культурной революции — проблемный совет «Культурное строительство в СССР и духовное развитие советского общества» (руководитель — профессор В. Г. Чуфаров). Создание подобных органов свидетельствует о признании большого вклада историков в изучение различных проблем истории советского общества.

Проблемные советы осуществляют руководство изучением наиболее важных вопросов, проводят научные конференции, ведут работу с докторантами. Их члены занимаются научно-исследовательской и пропагандистской работой.

Эффективной формой активизации научно-исследовательской деятельности являются научные конференции, проводимые по инициативе координирующих органов, вузов и научно-исследовательских учреждений. Уральские ученые принимают активное участие во всесоюзных, республиканских и региональных конференциях по истории советского общества. Многочисленные конференции по самым различным проблемам исторической науки состоялись в Свердловске, Перми, Челябинске, Кургане, Уфе, других городах региона. Наряду с уральскими учеными в них участвовали сотрудники Института истории АН СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, преподаватели вузов Москвы, Ленинграда и других городов страны. Конференции служили средством консолидации ученых Урала, сосредоточения их усилий на важнейших направлениях научных исследований.

На Урале были проведены конференции по общей концепции истории края²⁴, ее проблемам: истории Октябрьской революции и гражданской войны²⁵, рабочего класса и промышленности²⁶, сельского хозяйства и крестьянства²⁷, культурной революции²⁸.

Укрепление методологических основ, расширение источниковой базы исследований, рост научных кадров историков придали исследовательской работе новые черты. История Октябрьской революции, гражданской войны и социалистического строительства в крае стала рассматриваться в обобщающих трудах по истории Урала и его отдельных регионов²⁹. Многие сделали уральские историки для создания научной истории парторганизаций Урала, в которой ведущее место отводится деятельности партии в период Октября и закрепления его завоеваний³⁰. Вышли труды по истории комсомола Урала и его областных организаций³¹.

²⁴ См.: Сборник материалов научной сессии Уральского экономического района (февраль 1963 г.). Свердловск, 1963. Вып. 1: Ист. науки; Вып. 2: История КПСС; Из истории Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства на Урале: (матер. науч. сессии преп. истории КПСС вузов Урал. экон. р-на, апрель 1965 г.). Свердловск, 1966; Вопросы истории Урала: Матер. 2-й науч. сессии вузов Урал. зоны в г. Перми, 20—22 апреля 1965 г. Пермь, 1966; Победа Октябрьской революции и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти: Матер. науч. сессии преп. каф. истории КПСС вузов Урала, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Свердловск, 1968.

²⁵ См.: Урал и оборона Советской страны: Матер. науч. конф., февраль 1968 г. Свердловск, 1968; Установление и упрочение Советской власти на Урале: Тез. межвуз. регион. науч. конф. Челябинск, 1983; Гражданская война на Урале: Тез. межвуз. регион. науч. конф. Челябинск, 1983.

²⁶ См.: Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961; Научная сессия по истории советского рабочего класса Башкирской АССР, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Уфа, 1967; Формирование и развитие рабочего класса и промышленности Урала в период построения социализма. 1917—1937: Информ. матер. Свердловск, 1982.

²⁷ См.: Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963; Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966; Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971.

²⁸ См.: Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества. Свердловск, 1974.

²⁹ См.: История Урала (период социализма). Пермь, 1965. Т. 2; Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск, 1965; Очерки истории Курганской области. Челябинск, 1968; Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1966. Т. 2; Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1962. Т. 2; Очерки истории Свердловска. 2-е изд. Свердловск, 1976.

³⁰ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971. Т. 1; 1974. Т. 2; Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1971; Очерки истории Челябинской областной партийной организации. Челябинск, 1967; Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965; Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1968; Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973.

³¹ См.: Так нам сердце велело... Свердловск, 1968; Координаты подвига. Челябинск, 1968; История комсомола Прикамья. Пермь, 1968; С огнем большевистским в груди. Свердловск, 1979.

Одной из характерных черт современного этапа развития советской исторической науки является усиление интереса к историографическим проблемам. На Урале были проведены историографические конференции, на которых подводились итоги изучения различных проблем истории края в переходный от капитализма к социализму период³². Центрами ведения историографических исследований в регионе стали кафедра историографии и источниковедения истории СССР Уральского государственного университета и уральская секция научного совета АН СССР по историографии и источниковедению (руководитель — профессор О. А. Васьковский).

К настоящему времени выпущены в свет многочисленные сборники статей³³ и учебные пособия³⁴ по историографии отдельных проблем истории советского Урала переходного периода. В них рассматривается становление и развитие советской исторической науки в регионе: организация научных исследований, развитие источниковой базы, расширение проблематики исследований.

Появился ряд работ уральских исследователей, посвященных критике буржуазных фальсификаторов истории края в переход-

³² См.: Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967; Матер. 3-й науч. сессии вузов Урал. экон. р-на: (ист. науки). Свердловск, 1967. Вып. 1: История СССР; Историография Октябрьской социалистической революции на Урале: Тез. межвуз. науч. конф. Челябинск, 1985; Историография гражданской войны на Урале: Тез. межвуз. науч. конф. Челябинск, 1985; Урал и проблемы региональной историографии: Советский период: Информ. матер. Свердловск, 1986.

³³ См.: Вопросы советской историографии Урала. Свердловск, 1967; Вопросы историографии гражданской войны на Урале. Свердловск, 1967; Историография и источниковедение. Свердловск, 1976; Историография социалистического строительства на Урале в переходный период. 1917—1937. Свердловск, 1980; Историография истории создания и развития союза рабочего класса и крестьянства на Урале. Свердловск, 1982; Историография истории Урала периода Октябрьской революции и гражданской войны. 1917—1920. Свердловск, 1984; Историография истории Урала переходного периода. 1917—1937. Свердловск, 1985.

³⁴ См.: Антонов А. Д. Историография Октябрьской социалистической революции и упрочения Советской власти на Урале. Март 1917—июль 1918. Пермь, 1975; Васьковский О. А., Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Современная советская историография истории Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1985; Плотноков И. Ф. Историография и источники истории большевистского подполья Урала и Сибири в период гражданской войны. 1918—1920. Свердловск, 1968; Васьковский О. А. Историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны на Урале. Свердловск, 1981; Васьковский О. А., Тертышный А. Т. Современная историография истории Урала периода гражданской войны. 1918—1920. Свердловск, 1984; Васьковский О. А., Камынин В. Д., Щербакова Н. М. Историография социалистического строительства на Урале в переходный период. Свердловск, 1982; Камынин В. Д. Историография истории рабочего класса Урала переходного периода. 1917—1937. Свердловск, 1987.

ный период³⁵. Отмечая интерес буржуазных исследователей к истории Урала, авторы раскрыли несостоятельность теорий, отрицающих социалистический характер Октябрьской революции и преобразований после ее победы, а также извращающих суть ленинской политики индустриализации края.

Определенный вклад в историографию советского Урала внесли историки национальных районов³⁶. Они раскрыли особенности развития исторических исследований в Башкирии и Удмуртии, охарактеризовали успехи в изучении отдельных проблем. В статье М. И. Абдуллина дается обоснованная критика буржуазных фальсификаций ленинской национальной политики³⁷. На примере образования первой в нашей стране автономной республики — Башкирской — автор показывает заботу Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным о развитии ранее угнетенных народов.

Для исторических исследований последних десятилетий характерно совершенствование теоретических и методологических основ, расширение источниковой базы, дальнейшее расширение проблематики. Развитие исторической науки на Урале сопровождается совершенствованием системы научно-исследовательских учреждений и вузов, количественным и качественным ростом кадров историков. Все это способствует достижению серьезных успехов в изучении конкретных проблем истории социалистического строительства.

2. Историография Великой Октябрьской социалистической революции на Урале

В 60—80-е гг. серьезно продвинулось вперед изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции на Ура-

³⁵ См.: *Пантюхина Т. Л.* Некоторые вопросы критики буржуазных фальсификаций революционной деятельности большевиков Урала в 1917 г. // Молодые ученые Курганского машиностроительного института — научно-техническому прогрессу: Тез. докл. науч.-практ. конф. Курган, 1985; *Китаев А. Я.* Извращение англо-американской буржуазной историографией роли Коммунистической партии в организации отпора белогвардейцам и интервентам на Урале и в Сибири летом 1918 г. // Гражданская война на Урале; *Малафеев Л. Ф.* Разоблачение вымыслов современных фальсификаторов истории о предпосылках социалистической индустриализации в СССР // Тр. / Урал. политехн. ин-т. 1972. № 207; *Косачев В. Г.* Фальсификация буржуазными историками целей и задач социалистической индустриализации Урала и Сибири // Там же. 1975. № 234.

³⁶ См.: *Очерки советской историографии Башкирской АССР.* Уфа, 1975; *Историография истории Удмуртии.* Ижевск, 1977; *Томшич В. Г.* Очерки по историографии Удмуртской партийной организации. Ижевск, 1972; *Историография и источниковедение истории партийных организаций Удмуртии: Сб. статей.* Ижевск, 1978.

³⁷ См.: *Абдуллин М. И.* История образования Башкирской АССР в современной буржуазной историографии // История СССР. 1972. № 6.

ле. Появился ряд крупных обобщающих трудов, в которых были раскрыты основные этапы развития социалистической революции, освещены наиболее важные проблемы, связанные с установлением Советской власти в регионе³⁸.

Выводы, сделанные в этих работах, получили существенное дополнение в ряде локальных исследований, авторы которых раскрыли историю революционной борьбы в различных районах Урала, проявление общих закономерностей и особенностей этой борьбы³⁹.

Отдельные проблемы истории классовой борьбы на Урале в 1917 г. нашли отражение в монографических работах А. В. Бакунина, Р. К. Валеева, И. М. Ионенко, И. С. Капцуговича, П. Г. Матушкина, Н. Н. Попова, Э. Д. Поповой, И. Р. Тагирова, В. С. Скробова, Л. И. Футорянского и других исследователей, а также в большом количестве научных статей.

Авторы многих, прежде всего обобщающих, трудов обстоятельно раскрыли процесс созревания на Урале социально-экономических и политических предпосылок победы Великого Октября, изучив экономику региона кануна социалистической революции, состояние классовых сил.

В работах по истории Урала, социалистической революции в крае освещалось положение уральской промышленности начала XX в.

Социально-экономическому развитию региона в предреволюционные годы посвятили свои специальные монографические исследования М. П. Вяткин и Ю. А. Буранов⁴⁰. В их книгах показывается высокая степень развития капитализма в промышленности Урала.

Авторы считают, что уральское горнозаводское производство являлось составной частью сложившегося в стране империализма. Значительное место они отводят изучению создания и деятельности в регионе акционерных компаний, показывают их связь с коммерческими банками и иностранным капиталом, отмечают,

³⁸ См.: Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961; Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1967; Лисовский Н. К. 1917 год на Урале. Челябинск, 1967.

³⁹ См.: Васильев С. М. На путях к Октябрю. Уфа, 1960; Глебов С. Победа Советской власти в Южном Зауралье. Курган, 1961; Аминов З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966; Горовой Ф. С. Александров Ф. А., Гантман Л. М. Капцугович И. С. Урал в огне революции: Пролетарская революция в Пермской губернии. Пермь, 1967; Дударь Е. И. Борьба за установление Советской власти в Оренбуржье (март 1917—июнь 1918 г.) // Учен. зап. / Оренбург. пед. ин-т. 1967. Вып. 24 и др.

⁴⁰ См.: Вяткин М. П. Горнозаводский Урал в 1900—1917 гг. М.; Л., 1965; Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861—1917 гг.). М., 1982.

что усилившийся процесс концентрации производства и централизации капитала привел к значительному сокращению числа мелких предприятий, не выдержавших трудностей войны и конкуренции с крупными.

Историки подчеркивают, что в промышленности Урала особенно ярко наблюдалось дальнейшее обострение противоречий между выросшими производительными силами и устаревшими производственными отношениями, тормозившими развитие экономики края.

Большой интерес представляет и монография Р. К. Валеева, в которой на материалах Поволжья и Урала рассматривается проблема назревания общенационального кризиса⁴¹.

В большинстве трудов правильно указывается, что на Урале ярко проявлялись все основные противоречия эпохи империализма, разрешение которых было возможно только революционным путем. Пролетариату Урала необходимо было уничтожить капиталистические производственные отношения, ставшие тормозом развития производительных сил, и полукрепостнические пережитки, существование которых ухудшало его положение.

Правда, в некоторых работах делались попытки преувеличить степень влияния докапиталистических форм на экономику Урала и преуменьшить степень развития капиталистических отношений⁴². Их авторы односторонне показывали развитие горнозаводской промышленности Урала, подчеркивая ее отсталость, упадок, перманентный кризис.

Эта позиция была подвергнута справедливой критике, так как она противоречит ленинской оценке социально-экономического строя России накануне Октябрьской революции.

Широкое освещение в историографии Великого Октября получила проблема решающей роли уральского пролетариата в победе социалистической революции на территории огромного индустриального района, отряда рабочего класса, проявившего в 1917 г. под руководством большевиков высшие образцы революционной сознательности, организованности и решительности. Историки не ограничились показом его революционной борьбы. Представляет интерес решение в литературе, и прежде всего в работах Ф. П. Быстрых, Ф. С. Горового, В. В. Адамова, Л. И. Лесновой, Г. В. Калугиной, вопросов социальной природы пролета-

⁴¹ См.: Валеев Р. К. Назревание общенационального кризиса и его проявление в Поволжье и на Урале в 1917 г. Казань, 1979.

⁴² См.: Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.

риата Урала, определения его численности и состава накануне и в период революции.

Ф. П. Быстрых подсчитал по архивным источникам, что к 1917 г. в горнозаводской промышленности Урала было занято 298,5 тыс. человек, а общее число фабрично-заводских и горнозаводских рабочих к этому времени составило 357 тыс.⁴³ Автор оговаривает, что из состава железнодорожников им учтены только рабочие железнодорожных мастерских. В других работах он указывает, что промышленных рабочих на Урале было 358,6 тыс.⁴⁴. Не претендуя на полную точность подсчетов, Ф. П. Быстрых сравнивает свои данные с данными Л. С. Гапоненко, полученными из других источников, — 378 тыс. человек, или 11,3% общего числа рабочих страны⁴⁵. Расхождение в цифрах во многом объясняется слабостью источниковой базы исследования этого вопроса из-за отсутствия в царской России организованного учета рабочей силы, крупными недостатками дореволюционной статистики, о чем подробно писал В. И. Ленин⁴⁶.

Ф. С. Горовой предпринял попытку создать общую картину соотношения местных и пришлых в составе горнорабочих Урала, что было важным показателем политической зрелости рабочего класса. На основе данных академика А. В. Погожева, используемых многими ураловедами, он делает вывод: в начале XX века уральские горнорабочие более чем на 70% состояли из бывших горнозаводских людей и примерно на 30% — из пришлых⁴⁷. В отличие от Ф. С. Горовой Ф. П. Быстрых не только показал средние цифры, но и отметил неравномерность распределения рабочих по заводам. Из приводимых им сведений видно, что на крупных уральских заводах, какими были Мотовилихинский, Надеждинский, Лысьвенский, Нижнетагильский, Кизеловский и некоторые другие, складывались многочисленные пролетарские коллективы⁴⁸.

Важное значение при изучении истории пролетариата Урала в период Октября имеет правильное решение вопроса о его связи с землей. Ф. С. Горовой на основе цифр о наделах, зафиксированных в уставных грамотах и данных Уральского поземельно-устроительного отряда, опубликованных в 1917 г., рассмотрел общие тенденции изменения землевладения. Сравнение этих данных

⁴³ См.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 57.

⁴⁴ См.: Быстрых Ф. П. Большевики Урала во главе масс в борьбе за установление власти Советов // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1966. С. 4.

⁴⁵ См.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 57.

⁴⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 455—458.

⁴⁷ См.: Горовой Ф. С. Влияние реформы 1861 года на формирование рабочего класса Урала // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1861. С. 157.

⁴⁸ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971. Т. 1. С. 7.

позволило Ф. С. Горовому сделать вывод, что для уральского горнозаводского населения было характерно увеличение душевых наделов, а связь с землей отрицательно влияла на формирование классового самосознания уральского пролетариата⁴⁹.

Ф. П. Быстрых рассмотрел вопрос о связи с землей не всего горнозаводского населения, а только пролетариата. Он отметил, что наделы рабочих состояли главным образом из усадеб, покосов, выгонов, лесов — 85—90%. Пахотные земли, на которые приходилось 10—15%, использовались теми, кто не имел заводского заработка. Большая часть пахотных земель была сосредоточена в руках бывших «мастеровых» закрытых и сильно сокративших производство заводов⁵⁰. На основе тщательного исследования земской статистики и сообщений заводоуправлений Ф. П. Быстрых сформулировал важную мысль, что две трети уральских рабочих проживали в заводских поселках, в которых никто не имел посевов, а одна треть — в поселках, где отдельные мастеровые, как правило не обеспеченные заводским заработком, имели посевы⁵¹.

Ф. С. Горовой не согласился с тем, что 75% уральских рабочих были обезземелены⁵², хотя Ф. П. Быстрых в указанной Ф. С. Горовым монографии «Большевистские организации Урала в революции 1905—1907 годов» (Свердловск, 1959. С. 29) пишет об отсутствии у двух третей рабочих посевов, а не вообще земель. Таким образом, вопрос о размерах землепользования нуждается в уточнении.

Свое мнение в отношении уральского пролетариата кануна Октября высказал В. В. Адамов. Он сравнивает по положению горнозаводских рабочих с сельскохозяйственными, судьба которых была неотделима от судьбы крестьян. Став к тому же земельными собственниками, подчеркивает автор, эти рабочие превращались в хозяйчиков-предпринимателей⁵³. Оценка В. В. Адамовым горнозаводского пролетариата Урала не получила поддержки в исторической литературе и была подвергнута острой критике.

На основании данных о социальном облике пролетариата Урала кануна Октября, имеющих в исторической литературе, можно сделать вывод, что его костяк составляли подлинные пролетарии.

⁴⁹ См.: Горовой Ф. С. Влияние реформы 1861 года на формирование рабочего класса Урала. С. 162—165.

⁵⁰ См.: Быстрых Ф. П. Формирование промышленного пролетариата на Урале // Матер. науч. сессии вузов Урал. экон. р-на. Свердловск, 1963. С. 9.

⁵¹ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 9.

⁵² См.: Горовой Ф. С. Влияние реформы 1861 года на формирование рабочего класса Урала. С. 161.

⁵³ См.: Адамов В. В. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года: (облик, борьба, гегемония). Одесса, 1967. Ч. 2. С. 162—163.

К тому же такие обстоятельства, как сосредоточение заводов на небольшом расстоянии друг от друга, высокая концентрация рабочего класса на металлообрабатывающих заводах, позволили историкам вслед за В. И. Лениным включить в состав «громоздкого большинства» российского пролетариата и горнозаводский пролетариат Урала — главную, решающую силу социалистической революции в крае.

В 60-х — начале 80-х гг. изучение истории классовой борьбы пролетариата Урала в период подготовки и проведения социалистической революции отличалось постановкой и правильным решением ряда неисследованных проблем, что неизбежно вело к введению в научный оборот огромного количества новых фактов. Тщательному анализу в работах А. П. Абрамовского, З. А. Аминова, Ф. П. Быстрых, М. А. Дашевской, Н. К. Лисовского, других историков подверглись различные формы классовой борьбы уральского пролетариата, в первую очередь динамика и специфика его стачечного движения, титаническая деятельность партии по политическому воспитанию трудящихся. В них выявляются особенности введения на Урале рабочего контроля, освещается борьба большевиков за влияние в профсоюзах, создание фабзавкомов, что свидетельствовало об организованности рабочего класса, показывается, как через вновь созданные организации рабочие воздействовали на ход общественно-политической жизни края, добивались осуществления своих требований.

Значительное распространение на Урале после победы буржуазно-демократической революции получил, как известно, рабочий контроль. Одну из основных специфических уральских причин широкого и разнообразного вмешательства рабочих края в организацию и управление производством историки видят в том, что около половины горнозаводских предприятий составляли казенные и посессионные заводы, оказавшиеся после свержения царизма без «хозяина». В обстановке двоевластия одним из новых хозяев таких предприятий явились Советы рабочих депутатов. Поэтому, с точки зрения рабочих, вмешательство Советов или иных рабочих организаций в производственную жизнь казенных заводов было вполне правомочным актом⁵⁴. В литературе приводится значительный материал, который показывает, что летом и осенью 1917 г. большевики на Урале ставили задачу создать цельную систему всеохватывающего контроля снизу доверху, т. е. не только по заводам, но и по районам, заводским округам. В этой связи подчеркивается: летом 1917 г. под руководством большевиков движение за рабочий контроль на Урале получило такой

⁵⁴ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 262—263.

размах, что дело шло к организации контроля над промышленностью в областном масштабе⁵⁵. Более того, как сообщает Ф. П. Быстрых, на политику саботажей и локаутов, проводимую горнозаводчиками после подавления корниловского мятежа, рабочие ответили не только стачками и рабочим контролем над производством, но и прямым захватом предприятий в свои руки⁵⁶.

В исторической литературе имеются различные мнения по вопросу истории стачечного движения рабочих Урала. Ф. С. Горовой высказал суждение, что рабочие основной отрасли промышленности края — горнозаводской с февраля по сентябрь 1917 г. не пользовались такой важнейшей формой давления на капиталистов, как стачка, объясняя это тем, что капиталисты искали любой повод для закрытия предприятий и локаута, поэтому пролетариат добивался осуществления своих целей другими методами. Стачками пользовались печатники, портные, повара и т. п.⁵⁷.

Большая заслуга в изучении стачечного движения на Урале принадлежит Ф. П. Быстрых, который первым создал обобщающую работу на эту тему. Он отмечает, что в силу определенных обстоятельств забастовочная борьба на крупных предприятиях Урала вплоть до всеобщей уральской стачки была слабо развита, однако это не означало отсутствия стачек на отдельных крупных заводах. Ф. П. Быстрых приводит конкретные примеры стачечной борьбы различных категорий рабочих горнопромышленных предприятий и подчеркивает, что в мае — июне 1917 г. забастовочная борьба на Урале усилилась. Если в марте не было ни одной забастовки, а в апреле только одна, то в мае — уже 24. По печатным и архивным материалам Ф. П. Быстрых удалось установить, что в апреле — октябре 1917 г. в крае было 198 забастовок, в которых участвовало 137 366 человек. Важен его вывод, что стачка в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции сыграла свою роль, хотя и не была единственной формой борьбы⁵⁸.

В современной исторической литературе успешно разрабатывается одна из немаловажных проблем — исследование борьбы большевиков Урала за создание вооруженных отрядов рабочего

⁵⁵ См.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 243.

⁵⁶ См.: Быстрых Ф. П. К вопросу о рабочем контроле в уральской промышленности в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Учен. зап. / Урал. ун-т. 1960. Вып. 33. С. 7.

⁵⁷ См.: Горовой Ф. С. Особенности рабочего движения на Урале в период от Февраля к Октябрю // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года: (облик, борьба, гегемония). Ч. 2 С. 69.

⁵⁸ См.: Быстрых Ф. П. Рабочее стачечное движение на Урале в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г.: Матер. науч. сессии, состоявшейся 3—5 июля 1962 г. в г. Киеве. М., 1964. С. 117—129.

класса — Красной гвардии. Изучением этой проблемы успешно занимается С. И. Куляпин. Он проследил работу уральских большевиков по строительству Красной гвардии, обратив внимание на ее численность и социальный состав. На материалах Центрального промышленного района, Урала и Поволжья написана монография Г. А. Цыпкина и Р. Г. Цыпкиной, также посвященная истории Красной гвардии. В таблицах, составленных авторами, содержатся сведения о местах формирования красногвардейских отрядов, времени их организации, численности. Приводится список руководителей с указанием кратких биографических данных, что является ценным дополнением к ранее известному материалу⁵⁹. Отдельные сюжеты о Красной гвардии Урала приводятся в трудах Е. Ф. Ерыкалова, В. С. Скробова, В. П. Верхося, А. М. Конева, М. А. Молодцыгина, Л. А. Хвостова, в работах по истории Октября в регионе.

Во главе революционного движения рабочих Урала шли местные большевистские организации. В исследовании их руководящей роли в подготовке и проведении Октябрьской революции на территории края советские историки достигли больших успехов. Эта тема обстоятельно разрабатывается в монографиях и статьях по истории Октября в регионе, в очерках истории областных организаций КПСС и коммунистических организаций всего Урала, в ряде специальных работ А. П. Абрамовского, З. А. Аминова, А. Д. Антонова, Ф. П. Быстрых, Ф. С. Горового, Н. Н. Попова и др. Подробно исследуется положение в партийных рядах между Февралем и Октябрем, тщательно анализируются причины и последствия «объединительной тактики», продолжается изучение борьбы большевиков за массы, раскрывается роль в этой борьбе революционеров, работавших на Урале.

Наглядное представление о количестве членов большевистской партии как на Урале в целом, так и в отдельных губерниях региона дает таблица, составленная Ф. П. Быстрых⁶⁰. Изучение печатного и архивного материала позволило ему создать общую картину изменения численности организаций большевиков на Урале, что было нелегко в силу ряда объективных причин: отсутствовал всесторонний учет коммунистов, не было статистических отчетов об их движении, условия деятельности партийных организаций были неодинаковы и т. п.⁶¹. Данные о ряде организаций

⁵⁹ См.: Цыпкин Г. А., Цыпкина Р. Г. Красная гвардия — ударная сила пролетариата в Октябрьской революции: (по материалам Центрального района, Урала и Поволжья). М., 1977. С. 280—374.

⁶⁰ См.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 530—536.

⁶¹ См.: Малафеев Л. Ф. К вопросу о численности партийных организаций Урала в период с октября 1917 до июня 1918 года // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск, 1968. С. 58.

Ф. П. Быстрых не удалось найти в документах, поэтому он исходил из учета как цифр предшествующего периода, так и тенденции развития организации. Все это позволило ему установить, что к 25 октября 1917 г. на Урале существовало 117 парторганизаций, объединявших 34 276 человек⁶².

Конечно, эти цифры не совсем точны, к тому же ряд данных Ф. П. Быстрых не совпадает с данными других исследователей, но они свидетельствуют о значительном приливе в большевистские организации края новых сил, что является одним из показателей повышения влияния Ленинской партии на народные массы. Н. В. Рубан и Х. М. Астрахан подчеркивают, что в крупных пролетарских центрах России, каким был Урал, большевистские организации уже в июле — августе 1917 г. по численности значительно превышали меньшевистские⁶³. По количественному составу большевистские организации Урала занимали третье место в стране после Петрограда и Москвы. Крупные организации большевиков находились в Екатеринбурге, Перми, Мотовилихе, Лысьве, Верхнетуринске, Сысерти, Алапаевске, других городах и рабочих поселках Урала⁶⁴. Историки выявили закономерность: количество организаций и членов в них находилось в прямой зависимости от наличия рабочих масс в городе и уезде.

Исследователи Октябрьской революции отмечают, что перед Уральской организацией большевиков в борьбе за массы встали определенные трудности, связанные с существованием во многих городах Урала в первые месяцы революции объединенных социал-демократических организаций. По подсчетам Ф. П. Быстрых, в марте—апреле 1917 г. на Урале действовала 21 объединенная организация⁶⁵. Влияние меньшевиков и эсеров ощущалось и в Советах. Н. К. Лисовский приводит данные, что из 129 Советов, организованных на Урале в марте—апреле 1917 г., большевики пользовались преобладающим влиянием лишь в 31⁶⁶.

В работах Ф. С. Горового, З. А. Аминевой, Н. К. Лисовского и других исследователей делалась попытка объяснить причины и последствия такой «объединительной» тактики. По мнению З. А. Аминевой, Н. К. Лисовского, существование объединенных

⁶² См.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 530.

⁶³ См.: Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917—1918 г.). М., 1968. С. 52, 54; Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году; Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973. С. 295.

⁶⁴ См.: Лисовский Н. К. 1917 год на Урале. С. 289; Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 249.

⁶⁵ См.: Быстрых Ф. П. Большевики Урала во главе масс в период борьбы за победу власти Советов // Вопр. истории КПСС. 1967. № 4. С. 49.

⁶⁶ См.: Лисовский Н. К. О некоторых вопросах истории Октябрьской социалистической революции на Урале // Вопросы истории Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале. Челябинск. 1966. С. 21—22.

организаций было серьезной ошибкой большевистских лидеров. Главная причина образования объединенных организаций заключалась в наличии оппортунистических примиренческих элементов в руководстве местных большевистских организаций. Н. К. Лисовский отмечает, что объединенные организации создавались там, где отсутствовали старые большевистские кадры. Он видит социальные корни и причины объединения большевиков с меньшевиками в соотношении классовых сил, в мелкобуржуазной среде, типичной для губернских и уездных городов Урала. Авторы коллективной монографии «Победа Октябрьской социалистической революции на Урале» объясняют ошибки уральских большевиков тем, что они не поняли своих задач после февральской революции, когда обстановка в стране резко изменилась, и считали, что буржуазно-демократическая революция не закончена, ее нужно развивать дальше, пока не будут решены все ее задачи.

Д. М. Шнейдер, подробно проанализировавший этот вопрос, считает, что у сторонников первой позиции заметна тенденция к преувеличению степени соглашательства большевиков с меньшевиками. Большевики, даже входя в первые месяцы после февральской революции в объединенные социал-демократические организации, проводили в них самостоятельную линию, отличавшуюся от линии меньшевиков, и успешно боролись за создание и оформление самостоятельных большевистских организаций⁶⁷. В литературе подчеркивается, что преодолеть объединительные тенденции, создать и укрепить свои самостоятельные организации большевикам Урала в значительной мере помогли Апрельские тезисы В. И. Ленина и решения VII Всероссийской конференции РСДРП(б). Задачей историков является комплексное исследование проблемы руководства ЦК РСДРП(б) партийной работой на Урале.

На современном этапе развития советской исторической науки заметно возросло внимание исследователей к истории классовой борьбы уральского крестьянства в 1917 г. Среди особенностей экономической жизни Урала кануна Октября исследователи выделяют то обстоятельство, что крупные землевладельцы и горнозаводчики, как правило, соединялись здесь в одном лице, что определяло социальную направленность крестьянских выступлений против буржуазии, владевшей землей.

Очень важным результатом исследования проблемы следует признать попытку вывести на основе данных статистики общее соотношение основных социальных групп деревенского населения Урала накануне Октябрьской революции. Я. Л. Ниленбург рассматривает процесс расслоения крестьянства по двум основным

⁶⁷ См.: Шнейдер Д. М. Вопросы историографии Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти в Башкирии // Очерки советской историографии Башкирской АССР. С. 113—114.

признакам — размеру посевной площади и распределению рабочего скота. По подсчетам автора, на одном полюсе уральской деревни сосредоточилась эксплуатируемая беднота, составлявшая в различных районах края 56—87% крестьянских дворов, на другом — деревенская буржуазия — 6—11%. Прослойка среднего крестьянства насчитывала от 10 до 34%⁶⁸. Тем самым исследователь подтверждает ленинскую мысль о более сильном разложении земледельческого населения Урала в отличие от крестьян многих губерний Центральной России. Для объективного понимания проблемы необходимо сопоставление имущественного положения крестьян Урала и других районов страны. Я. Л. Ниренбург приводит материалы, свидетельствующие об относительной зажиточности уральского крестьянства.

Крестьянское движение в регионе в период развития революции рассматривается в работах А. Д. Антонова, Л. А. Евдокимова, И. С. Капцуговича, Л. И. Легошина, Т. С. Томшич, Л. И. Фурторянского, Д. М. Шнейдера. На фоне общероссийских событий его история находит отражение в работах И. И. Минца, Т. В. Осиповой, П. И. Першина, В. М. Селунской, С. П. Трапезникова. Авторы приводят огромный фактический материал, позволяющий проследить нарастание классовой борьбы не только в губерниях, но и в отдельных уездах, волостях, деревнях и селах. Это, бесспорно, положительный факт историографии Октября на Урале. Однако некоторые авторы пытаются преувеличить степень большевизации крестьянских масс региона. Так, Е. И. Дударь пишет, что к моменту победы Октябрьского вооруженного восстания рабочий класс и большинство крестьянства Оренбургской губернии пошли за большевиками⁶⁹. Такой вывод не отражает действительного положения дел в уральской деревне.

Вопросы большевизации солдатских масс, деятельности уральских большевиков в армейских частях были разработаны преимущественно на архивном материале. Исследователям не удалось воссоздать полной картины военной деятельности большевистских организаций края, что отмечалось в статьях А. И. Новгородцева и Н. Н. Попова⁷⁰.

Данная проблема отражена в ряде работ С. И. Голубева, И. М. Ионенко, Н. Н. Попова, В. А. Несветаевой, М. М. Садри-

⁶⁸ См.: Ниренбург Я. Л. К вопросу о соотношении классовых групп в уральской деревне накануне Октябрьской революции // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 153.

⁶⁹ См.: Дударь Е. И. Борьба крестьян Оренбуржья за землю в 1917 г. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. С. 158.

⁷⁰ См.: Новгородцев А. И. Победа Октября на Урале // Вопр. истории КПСС. 1968. № 10. С. 138; Попов Н. Н. Советская историческая литература о борьбе уральских большевиков за солдатские массы в период подготовки и проведения Октябрьской революции // Большевистские организации Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917—1920). С. 46.

ва, В. С. Скрובה. Н. Н. Попов попытался определить результаты работы большевистских организаций Урала в воинских частях, сделав это на основе итогов выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. По его данным, в семи крупнейших гарнизонах Урала большевистская партия получила в среднем 55,7% голосов⁷¹. Эта цифра соответствует, как пишет Н. Н. Попов со ссылкой на исследование П. А. Голуба и Л. М. Спирина, итоговым показателям по тыловым гарнизонам всей страны, а также выводу В. И. Ленина, что к октябрю—ноябрю 1917 г. вся армия была наполовину большевистской⁷². Среди слабоизученных вопросов истории большевизации солдатских масс Урала и их участия в классовой борьбе Н. Н. Попов справедливо называет поверхностное исследование историками работы уральских большевиков в военных секциях Советов, а также других солдатских организациях, проблемы воздействия пролетариата на революционизирование солдатских масс и участия революционных солдат в создании и обучении рабочей Красной гвардии на Урале. Не прослежен ход солдатского движения в регионе накануне Октября, его особенности на различных этапах революции, не до конца изучен процесс большевизации солдатских масс в отдельных гарнизонах края⁷³. Многие пробелы в изучении истории солдатского движения на территории Урала были восполнены с выходом в свет монографии Н. Н. Попова «Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях» (Саратов, 1983).

Важную роль в изучении истории Октябрьской революции на Урале, около 30% населения которого составляли жители нерусских национальностей, играет исследование процесса развития национально-освободительного движения. Оно осуществлено в книге З. А. Аминевой «Октябрьская революция и гражданская война в Башкирии» и двух монографиях И. Р. Тагирова, специально посвященных изучению национально-освободительного движения в Поволжье и на Урале в феврале 1917 — марте 1918 г.⁷⁴.

Историки отмечают, что возникшие в Башкирии и Удмуртии после победы буржуазно-демократической революции националистические организации, высказавшиеся за поддержку Временного

⁷¹ См.: Попов Н. Н. Советская историческая литература о борьбе уральских большевиков за солдатские массы в период подготовки и проведения Октябрьской революции. С. 50.

⁷² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 9.

⁷³ См.: Попов Н. Н. Советская историческая литература о борьбе уральских большевиков за солдатские массы в период подготовки и проведения Октябрьской революции. С. 48—50.

⁷⁴ См.: Тагиров И. Р. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль—июль 1917 года). Казань, 1977; Он же, В борьбе за власть Советов: (Октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале. Июль 1917—март 1918 г.) Казань, 1977.

правительства, стремились к разжиганию национальной вражды, вынашивали реакционные планы создания Башкирии для башкир и культурно-национальной автономии Удмуртии, где руководящая роль была отведена башкирской и удмуртской буржуазии⁷⁵. В то же время З. А. Аминев показывает разногласия между различными отрядами национальной буржуазии, подробно останавливаясь на оформлении самостоятельного башкирского буржуазно-националистического движения, получившего название «валидовщина» по фамилии его руководителя А. Валидова. Он высказывает важное соображение, что на начальном этапе существования башкирское национальное движение играло положительную роль, ибо, по сути дела, было направлено против Временного правительства, не признавшего за народами России права на самоопределение и автономию. Выступая против него, башкирское национальное движение усиливало общий фронт борьбы против Временного правительства. Исследователь резко критикует ошибочные оценки К. Идельгужиним, М. Муртазиным, Х. Юмагуловым башкирского буржуазно-националистического движения как общенационального, надклассового, использованные зарубежными фальсификаторами истории Башкирии. Он подчеркивает: это движение представляло собой союз национальной буржуазии с феодальными элементами, созданный для закрепления монопольного права на эксплуатацию трудящихся масс своей национальности, что выявилось в ходе дальнейшей борьбы в период социалистической революции и гражданской войны⁷⁶.

Таким образом, историки обнаружили существенную специфическую закономерность развития социалистической революции в национальных районах Урала: здесь были сильны позиции буржуазных националистов, возрастало их стремление подчинить национально-освободительное движение трудящегося народа своим узкоклассовым интересам. Однако выдвинутый башкирскими и татарскими буржуазными националистами лозунг «единства мусульман» объединял преимущественно эксплуататорские слои и буржуазную интеллигенцию; широкие массы трудящихся башкир и татар смыкались вокруг Советов⁷⁷. Важную роль в этом сыграли деятельность большевистских организаций Урала, объединение большевиков-мусульман на съезде татарских и башкирских социал-демократов Южного Урала, координация их действий.

В работах по истории Октября на Урале большое внимание уде-

⁷⁵ См.: Антонов А. Д. Крах мелкобуржуазных и националистических организаций на Урале в 1917—1918 гг. // Учен. зап. / Куйбышев. пед. ин-т. 1970. Вып. 76. С. 29—30.

⁷⁶ См.: Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. С. 8—9, 91—95.

⁷⁷ См.: История Урала: (период социализма). Т. 2. С. 19.

ляется деятельности Советов. Согласно спискам, составленным Ф. П. Быстрых, в Пермской, Уфимской, Вятской, Оренбургской и Тобольской губерниях из 145 Советов, созданных революционным творчеством народных масс в дооктябрьский период, 117 были выбраны в марте, причем в 25 из них преобладали большевики. Более всего большевистских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов находилось на территории Пермской губернии — 21. В Уфимской губернии было 4 большевистских Совета, в Вятской, Оренбургской и Тобольской — ни одного⁷⁸.

Н. К. Лисовский приводит данные о 129 Советах, возникших в марте — начале апреля в четырех губерниях Урала⁷⁹. Нужно заметить, что в ряде случаев сведения о дате создания того или иного Совета (например, Ревдинского, Нижнесергинского, Егоршинского) расходятся. В монографии пермских историков говорится, что в первые месяцы революции под влиянием большевиков среди других были Мотовилихинский, Верхнеуфалейский, Пашийский, Косьвинский Совет⁸⁰. Авторы «Истории Урала» пишут: «Значительное влияние большевики и сочувствующие им беспартийные имели в... Челябинском, Оренбургском Советах»⁸¹.

Анализ деятельности Советов на Урале позволил проследить рост революционного сознания и организованности народных масс. Этот процесс отражен в статьях Ф. А. Александрова, Л. М. Гантмана, Ф. С. Гинзбург, Ф. П. Быстрых, С. И. Нуйкина. Рассматривая образование, состав, характер и содержание деятельности местных органов народной власти, авторы отмечают их зависимость от классового состава населения и степени влияния различных политических партий, подчеркивая, что, будучи связанными с другими революционными организациями трудящихся, Советы были огромной силой, способной взять всю полноту власти в свои руки. Осенью 1917 г. в расстановке политических сил на Урале произошли глубокие изменения, о чем наглядно свидетельствует процесс большевизации Советов. К 25 октября большевики Урала завоевали большинство Советов рабочих и солдатских депутатов. По подсчетам авторов «Очерков истории коммунистических организаций Урала», а также многих других историков, по Уралу в целом, включая Тобольское Зауралье и Вятское Предуралье, в это время большевистское руководство осуществлялось в 90 Советах, а эсеров-меньшевистское — в 55⁸².

В меньшей степени в исследовательской литературе отраже-

⁷⁸ Подсчеты произведены по: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. С. 537—551.

⁷⁹ См.: Лисовский Н. К. 1917 год на Урале. С. 102.

⁸⁰ См.: Горовой Ф. С., Александров Ф. А., Гантман Л. М., Капцугович И. С. Урал в огне революции: Пролетарская революция в Пермской губернии. С. 67.

⁸¹ История Урала: (период социализма). Т. 2. С. 8.

⁸² См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 293.

на история Советов крестьянских депутатов, действовавших в регионе. Не показано, кто создавал эти Советы, каков был их социальный состав, выступали ли они за переход власти в руки Советов.

Заслугой историков Урала является то, что они изучили не только положение дел в революционном лагере, процесс создания массовых политических сил Октября, но и деятельность сил контрреволюции, возглавляемых буржуазией, помещиками и их партиями и поддерживаемых мелкобуржуазными соглашателями, процесс консолидации контрреволюционных сил, их борьбу против революционного движения и развития Октября. Принципиальные вопросы проблемы были разработаны в трудах И. И. Минца, Н. П. Ерошкина, Э. Н. Бурджалова, В. И. Старцева. Полностью посвящены разработке этой темы коллективные монографии под редакцией Ф. П. Быстрых, а также работы Н. К. Лисовского, Ф. С. Горового, Ф. А. Александрова, Л. М. Гантмана, И. С. Капцуговича, Т. М. Баженовой. В исследованиях же общего характера процесс образования и деятельности буржуазных органов власти на Урале показан по-прежнему схематично.

Т. М. Баженова анализирует историю реорганизации органов городского самоуправления на Урале, рассматривает институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства. Показывая стремление Временного правительства под прикрытием мнимой демократизации дум укрепить свое положение на местах, автор констатирует, что основные вопросы в думах решались отнюдь не при помощи широкого участия новых гласных. Практически все дела управления оказались в руках узкого круга старых думских деятелей, группировавшихся вокруг городского головы. Используя статистический материал, историк приходит к выводу, что трудящиеся массы мало доверяли думах, не надеялись получить в них защиту своих прав и все более предпочитали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁸³.

При сопоставлении работ по истории Великой Октябрьской социалистической революции на Урале выявляются различные мнения исследователей о социальной сущности и деятельности комитетов общественной безопасности (кобов), возникших повсеместно в первые месяцы после свержения царизма. Так, Н. К. Лисовский пишет: «...на Урале, как и в других районах страны, комитеты общественной безопасности являлись органами буржуазного Временного правительства»⁸⁴.

⁸³ См.: Баженова Т. М. Реорганизация городского самоуправления на Урале от Февраля к Октябрю 1917 г. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1975. Сб. 13. С. 116, 126.

⁸⁴ Лисовский Н. К. Историкография Октябрьской социалистической революции на Урале // Вопросы истории КПСС. Челябинск, 1968. Вып. 3. С. 108—109.

Ф. С. Горовой считает, что в создании и деятельности кобов вместе с другими антимонархическими группами населения принимали участие уральские рабочие. В выступлении на научной сессии (Одесса, 1967) он подчеркнул, что руководство во многих комитетах общественной безопасности Урала осуществлялось рабочими и их Советами, а иногда кобы являлись составными частями Советов и играли прогрессивную роль. Далее, не ссылаясь на какие-либо источники, Ф. С. Горовой констатирует: материалами Урала не подтверждается мнение ряда исследователей, что комитеты общественной безопасности были буржуазными по составу и являлись органами Временного правительства на местах⁸⁵.

Некоторые исследователи поддержали в этом Ф. С. Горового, но у большинства его выводы вызвали серьезные возражения. Как справедливо отметил Ф. П. Быстрых, в некоторые комитеты общественной безопасности входили представители рабочего класса — большевики, надеясь через них разделаться со старым государственным аппаратом. В ликвидации его отдельных звеньев кобы действительно сыграли известную положительную роль. Однако, как правило, у них получали поддержку комиссары Временного правительства, и со временем комитеты общественной безопасности стали частью его местного государственного аппарата⁸⁶. В «Очерках истории коммунистических организаций Урала» подчеркивается, что кобы были основной опорой Временного правительства на местах⁸⁷. Такого же мнения придерживаются З. А. Аминев, Н. К. Лисовский, Ю. А. Буранов, Л. И. Дзюбинский и др. Вхождение в отдельные комитеты общественной безопасности большевиков достаточно четко проанализировала Т. М. Баженова. Она считает, что оценивать это следует в целом, независимо от деятельности отдельных комитетов. Участие в них большевиков порождало иллюзии о возможности сотрудничества комитетов с буржуазными элементами и сдерживало рост влияния Советов. На Урале большевики недолго участвовали в комитетах и уже в середине марта, выйдя из них, сосредоточили свою деятельность в Советах⁸⁸.

Особое значение, как научное, так и политическое, имеет изучение истории буржуазных партий в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Если в раскрытии их деятельности в масштабах страны в 60—80-е гг.

⁸⁵ См.: *Горовой Ф. С. Особенности рабочего движения на Урале в период от Февраля к Октябрю*. С. 67—68.

⁸⁶ См.: *Победа Октябрьской социалистической революции на Урале*. С. 69—70.

⁸⁷ См.: *Очерки истории коммунистических организаций Урала*. Т. 1. С. 236.

⁸⁸ См.: *Баженова Т. М. Местные органы власти и управления Временного правительства на Урале в феврале—октябре 1917 г.*: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 1977. С. 12.

произошли существенные положительные изменения, то разработка этой проблемы на материалах Урала остается слабым местом историографии Великого Октября. В исторической литературе до сих пор мало внимания уделено освещению деятельности уральских организаций буржуазно-помещичьих партий. В основном это разрозненные факты, приводимые исследователями в подтверждение тех или иных выводов о консолидации буржуазии края вокруг своего главного политического центра — партии кадетов.

Несколько лучше обстоят дела с изучением истории уральских организаций мелкобуржуазных партий. В монографии И. С. Капцуговича, посвященной изучению политической гибели эсеров на Урале, истории борьбы большевиков с эсерами в 1917 г., отведены специальные разделы⁸⁹. Борьба большевиков против оппортунизма, соглашательства меньшевиков и эсеров, за победу Октябрьской революции в регионе отражена и в коллективной монографии пермских авторов⁹⁰. При анализе содержания деятельности меньшевиков и эсеров на Урале историки учитывают ту позицию, которую мелкобуржуазные партии занимали в революции, считая, что условий для социализма в России еще не создано. Открытое соглашательство эсеров-меньшевистских лидеров, оказавшихся у руководства Советов, с буржуазией, их препятствие объединению рабочих, солдатских и крестьянских Советов, оборонческая позиция по отношению к войне, отказ от проведения в жизнь аграрной программы, решения рабочего вопроса ярко выявляют политическую линию меньшевиков и эсеров Урала, направленную на укрепление диктатуры буржуазии. Исследователи на примере Урала показали, что крах меньшевиков и эсеров был обусловлен социальными причинами, законами общественного развития и классовой борьбой, деятельностью большевистских организаций по политическому воспитанию народных масс.

В целом же данная проблема разработана еще недостаточно. Так, справедливо замечание Д. М. Шнейдера, что историки, детально анализируя деятельность Уфимской организации большевиков, оставляют без должного внимания другие политические партии и организации Башкирии, хотя известно, что большую активность проявляла эсеровская организация, особенно в Уфе и на некоторых заводах Южного Урала⁹¹. По мнению В. Г. Томшича, не в полной мере освещена история организаций мелко-

⁸⁹ См.: Капцугович И. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975.

⁹⁰ См.: Борьба против оппортунизма за создание и укрепление партийных организаций Урала (1894—1917 гг). Пермь, 1975.

⁹¹ См.: Шнейдер Д. М. Вопросы историографии Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти в Башкирии. С. 114.

буржуазных партий, действовавших на территории нынешней Удмуртии⁹². Это же можно сказать и об Урале в целом.

Неотъемлемую часть изучения истории Великого Октября составляют раскрытие процесса установления диктатуры пролетариата на местах и выяснение соотношения сил революции в различных районах страны в период триумфального шествия Советской власти. Данная тема занимает видное место в литературе о социалистической революции на Урале. Наиболее подробно она рассматривается в монографических исследованиях, а также в ряде научных статей З. А. Аминева, Ф. П. Быстрых, А. Д. Антонова, В. А. Горелова, М. Д. Машина, В. П. Чемериса, посвященных истории установления Советской власти в отдельных пунктах Урала. По подсчетам Ф. П. Быстрых, из 145 Советов Урала и прилегающих к нему районов Предуралья и Зауралья, о существовании и деятельности которых имеются сведения, провозгласили свою власть в октябре — 65 (45% общего числа Советов края), в ноябре — 28 (19%), в декабре — 19 (13%), в январе — 20 (14%), в феврале—марте — 13 Советов (9%). К марту 1918 г. Советская власть в основном установилась и в деревнях Урала⁹³.

Используя широкий документальный материал, историки проследили процесс перехода власти к Советам по районам Урала, обратив внимание на его специфику. Данные, приведенные в их трудах, свидетельствуют о том, что Советская власть легко, в основном мирным путем устанавливалась в тех районах, где были сосредоточены крупные сплоченные отряды рабочего класса, руководимые большевистскими организациями, где и среди деревенского населения находились мощные силы, способные до конца поддержать рабочий класс в социалистической революции. Но на Урале был и главный враг пролетариата — отряд промышленной буржуазии, стремившейся во что бы то ни стало удержать власть в своих руках. Здесь же имелся многочисленный слой мелкой буржуазии, которая не сразу осознала свои классовые интересы, объединявшие ее с трудовым народом, и проявляла колебания, что затрудняло развитие революции. В ряде работ историки не связывают конкретные события, происходившие в том или ином районе с расстановкой классовых сил, хотя очевидно, что без глубокого анализа социально-политических отношений невозможно в полном объеме охарактеризовать борьбу за установление диктатуры пролетариата.

На современном этапе значительно активизировалась исследовательская деятельность по истории периода упрочения Совет-

⁹² См.: *Томищ В. Г.* Очерки по историографии Удмуртской партийной организации. С. 38.

⁹³ См.: *Быстрых Ф. П.* Большевики Урала во главе масс в борьбе за установление власти Советов. С. 22.

ской власти на Урале. Особое внимание уделяется вопросам слома старой государственной машины и создания советских органов управления. Данная проблема рассматривается в общих работах по истории Октября, а также в специальных исследованиях А. Д. Антонова, Л. И. Голобородкиной, Л. В. Катаева, Г. В. Пожидаевой, Н. П. Селиванова, А. Т. Тертышного, Т. С. Томшич. Историки подчеркивают важность работы по созданию новых государственных органов, обращают внимание на ведущую роль партийных организаций в этом процессе. А. Д. Антонов отмечает, что руководящие указания по вопросу организации власти на местах содержались в решениях 3-й Уральской областной конференции РСДРП(б), состоявшейся в начале января 1918 г. и объявившей, что Советы должны быть единственным органом государственной власти в центре и на местах. В литературе приводится большой фактический материал об организации Советов в период уппрочения диктатуры пролетариата, рассказывается о формировании их рабочих органов — исполкомов. В обобщающем труде по истории коммунистических организаций Урала подчеркивается, что в главных административных центрах края советский аппарат управления в основном сформировался в январе 1918 г. К этому времени относится создание исполкома Уральского областного Совета и губернских исполкомов в Перми и Вятке, в Уфе губисполком образовался в декабре 1917 г., а в Оренбурге — в марте 1918 г.⁹⁴

Н. П. Селиванов пишет, что уездный аппарат Советов на Урале сформировался в марте — апреле 1918 г.⁹⁵ В волостях и селах советское строительство завершилось позже. По мнению А. Т. Тертышного, во многих селах и деревнях к началу гражданской войны не были созданы низовые органы власти, в частности, в середине июня 1918 г. в Чердынском уезде Пермской губернии Советы имелись только в 15 из 60 волостей; подобное положение существовало в Уфимской и Вятской губерниях⁹⁶. Автор отмечает, что на местах не было единообразия в организационной структуре советского аппарата, должной согласованности в работе различных его звеньев, существовали значительные расхождения в системе и сроках выборов Советов, не отвечал требованиям их социальный состав.

⁹⁴ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 321.

⁹⁵ См.: Селиванов Н. П. Большевики Урала в борьбе за создание аппарата уездных Советов // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. С. 73.

⁹⁶ См.: Тертышный А. Т. Основные направления советского строительства на Урале во второй половине 1918 — начале 1919 г. // Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 56.

Во многих работах подчеркивается, что объединение Советов крестьянских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов, которое развернулось на Урале по решению III областного съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов и областного чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов, имело большое значение для укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Авторы считают, что на Урале советские органы управления в подавляющем большинстве возникли на базе объединенных Советов.

Строя новый государственный аппарат, трудящиеся массы ломали старые органы управления. А. Д. Антонов показывает, что на Урале слом старого буржуазного государственного аппарата начался с роспуска контрреволюционных органов — Совета по управлению губернией в Перми и Верховного Совета по управлению губернией в Вятке, одновременно ликвидировались контрреволюционные комитеты общественной безопасности, комитеты защиты родины и революции, ломался саботаж чиновников и служащих государственных и земских учреждений. В работах Л. В. Катаева, З. А. Аминова, Л. И. Голобородкиной, Д. М. Шнейдера указывается, что по мере установления и упрочения Советской власти на местах начался процесс ломки старых органов городского и земского управления, приводятся многочисленные данные о том, как упразднялись городские думы, уездные и волостные земства и их управы, продовольственные и земельные комитеты, рассказывается о переходе их функций к Советам. Исследователи подчеркивают, что на Урале процесс ломки местных органов управления затянулся.

Многое сделано историками для освещения борьбы уральских большевиков с соглашательскими партиями за преобладание в Советах. В ряде работ приводятся данные о партийной неоднородности в Советах. Авторы «Очерков истории коммунистических организаций Урала» пишут, что на 14 марта 1918 г. в исполкоме областного Совета насчитывалось 67% большевиков и 33% левых эсеров, в губисполкоме Перми — соответственно 56 и 44%, в губисполкоме Вятки — 70 и 30%⁹⁷. По мнению Н. П. Селиванова, к середине марта 1918 г. в уездных Советах Урала большевики составляли 46,1%, правые и левые эсеры — 48,2%, меньшевики — 5,7%⁹⁸. Особенно серьезную борьбу пришлось вести в волостных и сельских Советах. В тот период это были общекрестьянские органы и многие из них были засорены классово чуждыми элементами.

⁹⁷ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 322—323.

⁹⁸ См.: Селиванов Н. П. Большевики Урала в борьбе за создание аппарата уездных Советов. С. 72.

В современной литературе обращено внимание на ошибки, допущенные в первые месяцы строительства госаппарата и объяснявшиеся недостаточно широкими и крепкими связями центра с местами, действиями левых эсеров. З. А. Аминев, А. Д. Антонов, Т. С. Томшич показывают сложности советского строительства в национальных районах края, рассказывают о деятельности национальных комиссариатов при местных Советах, их борьбе с буржуазными националистами.

Авторы «Очерков истории коммунистических организаций Урала» приводят обобщенные данные, характеризующие итоги советского строительства в первые месяцы Советской власти. Они считают, что к середине июля 1918 г. на Урале был создан 1 областной Совет, 2 окружных, 4 губернских, 34 городских, 34 уездных, 17 районных, 1 223 волостных, 1 823 сельских или деревенских Совета⁹⁹. Ведущий политической партией в них были большевики.

Отмечая успехи в изучении создания на Урале советского аппарата, следует подчеркнуть, что некоторые вопросы данной проблемы остались пока слабо изученными. В частности, нет единства взглядов на степень советизации уральской деревни к началу гражданской войны, не выяснен до конца партийный и классовый состав деревенских Советов, недостаточно раскрыта их хозяйственная и культурная деятельность, неполно показана руководящая роль рабочего класса в советском строительстве.

В современной историографии продолжено исследование истории создания вооруженных сил Советского государства. Наиболее глубоко эта проблема раскрыта в коллективной монографии «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале», а также в специальных работах В. С. Скрובה и М. А. Молодцыгина. Авторы рассказывают о сломе старой армии, о работе военных отделов Советов по ее демократизации, отмечают, что Советы Урала с первых дней стали постепенно переходить к управлению всеми военными делами. Как пишет В. С. Скробов, военные отделы организовывали выборы нового командного состава, передавали всю полноту власти солдатским комитетам и выборным командирам. По его мнению, усиление большевистского влияния и демократизация внутренней жизни частей позволили временно использовать отдельные подразделения в интересах Советской власти. Революционно настроенные солдаты участвовали в охране железнодорожных станций, помогали в подвозе продовольствия, вели борьбу с мешочничеством и спекуляцией. Одновременно шла демобилизация солдат старой армии. В. С. Скробов считает, что к середине апреля 1918 г. она была повсеместно завершена.

Помимо старой армии в первые месяцы Советской власти в

⁹⁹ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 321.

распоряжении Советского государства находилась другая военная организация — Красная гвардия. Большевистская партия принимала необходимые меры для ее укрепления, в том числе на Урале, где отряды Красной гвардии быстро росли. В. С. Скробов пишет, что Красная гвардия формировалась на большинстве заводов Урала. О создании отрядов сельской Красной гвардии говорит В. П. Половинко, по подсчетам которого к лету 1918 г. в уральских деревнях было 135 красногвардейских отрядов¹⁰⁰.

Башкирские историки поднимают вопрос о роли боевых организаций народного вооружения, возникших еще в годы первой русской революции и сыгравших определенную роль в установлении Советской власти. З. А. Аминев и Д. М. Шнейдер раскрывают деятельность партийных органов, направленную на использование этих вооруженных организаций при защите завоеваний пролетарской революции.

Много внимания исследователи уделяют строительству на Урале добровольческой Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в частности, решению уральских большевиков о зачислении всех дружин и отрядов Красной гвардии в резерв создаваемой армии. По подсчетам авторов коллективной монографии по истории гражданской войны на Урале, красногвардейские подразделения сохранялись в регионе до лета 1918 г., составляя здесь 40% всех вооруженных сил Советов. Историки отмечают огромную организаторскую и идеологическую работу большевиков, возглавивших творческую инициативу масс в строительстве Красной Армии. О. А. Васьковский, В. С. Скробов рассказывают об образовании органов военного управления, приводят богатый фактический материал о формировании добровольческих частей. Они подчеркивают, что на Урале набор добровольцев в армию достиг наибольшей интенсивности во второй половине марта — начале апреля 1918 г., когда ежедневная запись составляла несколько сот человек¹⁰¹. Многие авторы пишут о развитии партийно-политической работы в частях Красной Армии, о подготовке кадров красных командиров, о введении в некоторых первых добровольческих формированиях института политических комиссаров.

Анализируя проблемы перехода к строительству Красной Армии на основе всеобщей воинской повинности, историки положительно оценивают образование Уральского военного округа, создание сети военных комиссариатов, войсковых частей, учреждений, учебных заведений. Однако эта работа была только начата: осуществлять переход к постоянной регулярной армии пришлось уже в условиях развернувшихся военных действий.

¹⁰⁰ См.: Половинко В. П. Борьба уральских большевиков за осуществление ленинской аграрной программы в первый год пролетарской диктатуры: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 1981. С. 13.

¹⁰¹ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 46.

Современные исследователи отмечают, что военное строительство происходило в обстановке острой классовой борьбы, открытых выступлений контрреволюции. В обобщающих трудах по истории Октября и гражданской войны на Урале, а также в специальных работах А. Д. Антонова и Н. К. Лисовского отражен важнейший этап борьбы с контрреволюцией на Урале в первые месяцы Советской власти. Авторы прослеживают ход борьбы с дутовским мятежом, раскрывают причины ее затяжного характера, оценивают уроки.

В 60—80-е гг. активно ведется изучение истории первых социалистических преобразований в уральской промышленности. Ф. П. Быстрых, К. Я. Вотинова, А. П. Абрамовский, И. М. Шакинко рассмотрели проблемы осуществления рабочего контроля, борьбы с саботажем предпринимателей, перехода к национализации промышленности. С их точки зрения, рабочий контроль, быстро распространившийся на заводах Урала, явился первым шагом к национализации промышленности. Ф. П. Быстрых, П. Г. Матушкин, В. С. Голубцов останавливаются на особенностях рабочего контроля, вводимого после победы Октябрьской революции. Они обращают внимание на превращение контроля из осведомительного в распорядительный, проникновение его во все сферы деятельности предприятий. По их мнению, большую роль в мобилизации творческой инициативы уральских рабочих по созданию контрольных органов, осуществлению рабочего контроля над производством сыграли решения 1-й Уральской конференции фабрично-заводских комитетов, прошедшей в начале декабря 1917 г. Ф. П. Быстрых подчеркнул, что если до Октябрьской революции рабочий контроль имел определенное значение в борьбе с буржуазией, то после установления диктатуры пролетариата он стал жизненно необходимой мерой, так как капиталисты открыто и с большим ожесточением разрушали производительные силы страны¹⁰².

Ф. П. Быстрых, З. А. Аминев, А. Д. Антонов, А. П. Абрамовский считают, что активное сопротивление предпринимателей социалистическим преобразованиям явилось главной причиной раннего перехода к национализации промышленности на Урале. Национализация промышленности в регионе осуществлялась быстрыми темпами. По данным А. П. Абрамовского, к марту 1918 г., когда завершился первый этап национализации, собственностью Советского государства стали 16 крупных горных округов Урала. К маю 1918 г., т. е. к концу второго этапа, собственностью

¹⁰² См.: Быстрых Ф. П. К вопросу о рабочем контроле в уральской промышленности в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Из истории большевистских организаций Урала. Свердловск, 1969. С. 9.

государства стали 25 из 34 горных округов Урала, объединявших 344 промышленных предприятия¹⁰³. Историки отмечают активное участие местных органов власти в национализации промышленности. А. П. Абрамовский указывает, что из 344 предприятий 99 (29%) были национализированы центральными органами — Советом Народных Комиссаров и Высшим советом народного хозяйства, а 245 (71%) — областными, губернскими и другими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов¹⁰⁴. А. П. Абрамовский полагает, что такие темпы национализации горнозаводской промышленности Урала были возможны благодаря высокой организованности и решительным действиям рабочего класса, возглавляемого большевиками. В результате проведенных мероприятий с экономическим господством крупной буржуазии на Урале было в основном покончено.

М. А. Дашевская, Д. А. Цейтлин, А. П. Абрамовский многое сделали для изучения деятельности фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Урала. На большом фактическом материале они показали важность работы этих органов по практическому проведению контроля над производством, подготовке рабочих к управлению предприятиями, подъему производительности труда, улучшению материального положения рабочего класса.

А. Д. Антонов, Н. П. Селиванов, В. В. Камышлейцев, В. С. Голубцов и А. П. Абрамовский приводят значительный материал об организации управления национализированными предприятиями. Они подробно рассматривают разработку организационных форм управления, освещают деятельность деловых советов, превращение их в полновластные органы рабочего управления. По мнению А. П. Абрамовского, строительство аппарата управления национализированными предприятиями Урала завершилось в мае 1918 г., к этому времени повсеместно были созданы выборные коллегиальные органы рабочего управления — деловые советы. В. С. Голубцов считает, что в деловых советах было 50—60% коммунистов, а в ряде случаев и больше¹⁰⁵.

Много внимания авторы работ по истории социалистических преобразований в промышленности уделяют организации труда, борьбе за укрепление трудовой дисциплины, за преодоление хозяйственной разрухи в промышленности Урала и др.

Большой вклад внесли современные исследователи в изучение истории аграрных преобразований на Урале в период упрочения Советской власти. Данной проблеме посвятили свои работы

¹⁰³ См.: *Абрамовский А. П.* Первые социалистические преобразования в промышленности горнозаводского Урала. Челябинск, 1981. С. 8.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ См.: *Голубцов В. С.* Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917—1923 гг.). М., 1975. С. 43.

И. С. Капцугович, В. М. Жуков, Я. Л. Ниренбург, Л. В. Евдокимов, Т. С. Томшич, Н. В. Ефременков, В. П. Половинко и др. Значительное место авторы отводят описанию работы по учету и конфискации земель, роли в этом земельных комитетов и земельных отделов Советов. Интерес у историков вызывает период раздела конфискованных земель. Имеющиеся в литературе данные позволяют сделать вывод, что главным для Урала весной 1918 г. явилось распределение земель крупных владельцев. Вместе с тем в работах Е. П. Редаковой, Ш. Х. Сакаева, Е. И. Дударь, Т. С. Томшич приводятся примеры раздела земель кулаков, что было характерно для отдельных районов Зауралья и Удмуртии.

На Урале, как и в других районах страны, принцип уравнительного землепользования осуществлялся частично и с большими ограничениями: крестьяне чаще всего делили землю по едокам. Партийные организации Урала, пишет Н. В. Ефременков, поддерживали крестьян, поскольку такой принцип деления земель обеспечивал прежде всего интересы бедноты. Передача земли в руки крестьянства весной 1918 г. фактически не была завершена. Некоторые авторы указывают на технические сложности передела земли, нехватку специалистов и т. п. Н. К. Лисовский, З. А. Аминев отмечают противодействие осуществлению Декрета о земле со стороны кулацко-эсеровских элементов в Советах и земельных органах. Большинство исследователей подчеркивают, что ход аграрных преобразований был прерван начавшейся гражданской войной.

О. А. Васьковский всесторонне, со ссылкой на архивные источники обосновал тезис о незавершенности аграрных преобразований на Урале к началу гражданской войны, отмечая сложности в проведении передела земель и более позднее начало работ по распределению земель¹⁰⁶.

Слабее изучены в литературе итоги аграрных преобразований. Пока не ясно, кому досталась земля в результате уравнительного передела весной 1918 г., как изменилось соотношение социальных групп уральского крестьянства. В работах З. А. Аминевой приводятся общие сведения о среднем изменении земельных наделов по Уфимской губернии, в работах И. С. Капцуговича — по Пермской губернии. В. Р. Герасимюк отмечает незначительность изменений, она пишет, что, по данным Наркомзема, прирезки земли исчислялись мизерными долями: для Вятской губернии 0,03 дес. на едока, Уфимской — 0,16 дес., Пермской — 0,22—0,24 дес., Челябинской — от 0,51 до 1 дес.¹⁰⁷. Историки единодушно заклю-

¹⁰⁶ См.: Васьковский О. А. Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Учен. зап. / Урал. ун-т Свердловск, 1967. № 78, вып. 1. С. 83—84.

¹⁰⁷ См.: Герасимюк В. Р. Уравнительное распределение земель в европейской части Российской Федерации в 1918 г. // История СССР. 1965. № 11. С. 100.

чают, что в результате осуществления Декрета о земле уральская деревня осереднячилась.

До сих пор у исследователей нет единого мнения о количестве земли, переданной крестьянству Урала. В 1961 г. В. М. Жуков предпринял попытку отойти от традиционно высоких оценок итогов передела, полагая, что по всему Уралу было распределено 3 282 тыс. га¹⁰⁸. Однако в других работах были приведены более высокие показатели передела земли. Л. И. Голобородкина считает, что крестьянству было передано около 15 млн дес. бывших частновладельческих земель¹⁰⁹. Кроме того, в литературе имеется множество других показателей, относящихся ко всему Уралу и отдельным его районам. Трудность сопоставления большинства показателей состоит в том, что авторы часто не уточняют, какие земли имеют в виду — пашни, леса, — многие не указывают источники приводимых данных.

Попытка разобраться в этом процессе была предпринята Я. Л. Ниренбургом. Он внимательно изучил материалы Уралплана, на которые часто ссылаются историки, и пришел к заключению, что наиболее вероятное количество переданной земли составляет 3—3,1 млн га¹¹⁰. Эта цифра согласуется с данными других источников, которые приводят в своих работах Ф. П. Быстрых и Л. А. Евдокимов.

Н. К. Лисовский, З. А. Аминев, Н. В. Ефременков, Е. И. Дударь, И. С. Капцугович и другие исследователи пишут, что на Урале уже в первые месяцы Советской власти зародились социалистические производственные отношения, были созданы первые коллективные хозяйства. По сравнению с другими районами страны здесь отмечается более быстрый рост количества колхозов: по неполным данным, летом 1918 г. на Урале существовало около 70 производственных кооперативов и 60 совхозов¹¹¹.

Историки обратили внимание на ужесточение классовой борьбы в деревне весной 1918 г., выразившееся в росте активности кулачества, усилении организованности деревенской бедноты. Н. К. Лисовский, З. А. Аминев, П. Н. Абрамов приводят сведения о создании беднотой своих органов уже в первые месяцы Советской власти — прообразов комитетов бедноты. Т. С. Томшич подчеркивает, что с первых дней революции стали образо-

¹⁰⁸ См.: Жуков В. М. Из истории социалистической революции в уральской деревне 1918 г. // Учен. зап. / Сверд. высш. парт. шк. 1961. Вып. 2. С. 160.

¹⁰⁹ См.: Голобородкина Л. И. Руководство большевиков Урала деятельностью Советов крестьянских депутатов в первый год диктатуры пролетариата: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1982. С. 15.

¹¹⁰ См.: Ниренбург Я. Л. К вопросу об осуществлении на Урале ленинского Декрета о земле // Победа Октябрьской социалистической революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. С. 56.

¹¹¹ С.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 330.

вываться деревенские комитеты в Удмуртии, активно действовавшие и пользовавшиеся большим авторитетом. К сожалению, история этих органов изучена пока недостаточно.

3. Современная литература об основных проблемах истории Урала периода гражданской войны

Описание хода борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранной интервенцией на Восточном фронте занимает большое место в обобщающих трудах исследователей по истории гражданской войны в стране, а также в обширной монографической литературе. Работы Ю. И. Кораблева, Л. М. Спирина, Ю. П. Петрова, С. М. Клячкина, Г. В. Кузьмина, И. И. Минца, С. В. Липицкого, посвященные роли Коммунистической партии в организации отпора врагу, анализу хода военных действий на фронтах гражданской войны, позволяют определить роль Урала в общей борьбе советского народа с силами международного империализма. Е. Г. Гимпельсон, Д. А. Коваленко, П. Н. Соболев, Г. В. Шарapoв, В. М. Селунская показали расстановку классовых сил на разных этапах войны, исследовали особенности государственного и хозяйственного строительства, социальной политики Советской власти.

Уральские историки внесли также большой вклад в историографию гражданской войны, создали обширное литературное наследие. В связи с 50-летием освобождения края от интервентов и белогвардейцев было опубликовано коллективное обобщающее исследование по истории гражданской войны на Урале¹¹². В нем по-новому поставлены некоторые принципиальные вопросы относительно характера и движущих сил гражданской войны, причин временных военных неудач Красной Армии и социально-политических факторов, обусловивших в конечном счете полную победу Советской власти над интервентами и белогвардейцами.

Было издано несколько локальных исследований, включая упомянутую монографию З. А. Аминова, раскрывающих масштабы военных действий и социально-политическую обстановку в различных районах края¹¹³. Значительную часть современного литературного наследия составляют книги по истории создания и боевого пути некоторых частей и соединений Красной Армии¹¹⁴. Они

¹¹² См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале.

¹¹³ См.: *Рощевский П. И.* Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966; *Капцугович И. С.* Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969.

¹¹⁴ См.: *Баженов Н., Дудин Л., Мясников А., Полуяхтов А.* Краткая история полка Красных Орлов. М., 1963; *Кесарев С. П., Королев А. Н., Пичугов С. Г.* Особая бригада: (ист. очерк). М., 1962; *Попов П., Шакинко И., Буранов Ю.* По приказу революции. Свердловск, 1966; *Плотников И. Ф.* Десять тысяч героев: (легендарный рейд уральских партизан во главе с В. К. Блюхером). М., 1967.

написаны главным образом ветеранами войны с использованием не только личных воспоминаний, но и документальных материалов.

Есть работы, в которых анализируется военная, организаторская и политико-воспитательная деятельность коммунистов на Урале в годы войны¹¹⁵. Особенно интересна в этом плане книга В. С. Скрובה, на большом фактическом материале показавшего борьбу Коммунистической партии за создание на Урале крепкой военной организации диктатуры пролетариата, за превращение добровольческих формирований трудящихся в армию регулярного типа, способную противостоять армиям интервентов и белогвардейцев. Крупным вкладом в разработку истории гражданской войны на Урале стали работы И. Ф. Плотникова. В них обобщен громадный фактический материал, воссоздающий с большой степенью полноты и достоверности разностороннюю деятельность подпольных большевистских организаций Урала по разложению белогвардейского тыла, подготовке всеобщего восстания трудящихся против оккупантов, за восстановление Советской власти.

Важное место в современной литературе по истории гражданской войны занимает книга А. И. Лахмана об участии рабочих Вятской губернии в борьбе с контрреволюцией¹¹⁶. Наиболее убедительно исследователь показал авангардную роль пролетариата в укреплении тыла Красной Армии, организации оборонного производства, решении продовольственной проблемы, оказании организационной, политической и хозяйственной помощи беднейшему крестьянству.

Существенный вклад в современную историографию гражданской войны на Урале внесен исследованиями преподавателей вузов, научных сотрудников академических учреждений, архивов, краеведческих музеев, библиотек, опубликованными в виде статей в различных сборниках. Над проблемами истории Урала военных лет систематически работают М. А. Молодцыгин, Я. Л. Ниренбург, А. Т. Тертышный, В. Н. Никитин, М. Д. Машин, В. А. Данилов, Г. В. Пожидаев, Т. С. Томшич, В. И. Ананьев, И. В. Гусельников и многие другие. В их работах использован широкий круг источ-

¹¹⁵ См.: *Футорянский Л. И.* Партийная организация Оренбургской губернии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Оренбург, 1968; *Плотников И. Ф.* Героическое подполье: Большевистское подполье Урала и Сибири в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1968; *Скробов В. С.* Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале. Октябрь 1917—1920 г. Свердловск, 1971; *Плотников И. Ф.* В белогвардейском тылу: Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны. 1918—1919. Свердловск, 1978.

¹¹⁶ См.: *Лахман А. И.* Во имя революции: Рабочие Вятской губернии в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. 1918—1920. Киров, 1981.

ников, поставлены и изучены на конкретном материале вопросы, касающиеся организации вооруженного отпора контрреволюции, развертывания социалистической революции в деревне, социально-экономической политики белогвардейских оккупантов, ликвидации разрушительных последствий колчаковщины, укреплению союза рабочего класса с крестьянством и т. д.

Таким образом, на нынешнем этапе развития науки истории, руководствуясь марксистско-ленинской методологией и опираясь на широкую источниковую базу, продолжили углубленное изучение той тематики, которая была определена и частично исследована на предыдущем этапе.

Как и прежде, важнейшим объектом исследования явились проблемы военного строительства. В числе других дальнейшей разработке подвергся важный вопрос о руководящей роли В. И. Ленина, Коммунистической партии в организации отпора белогвардейцам и интервентам на востоке страны. В современной литературе, особенно в работах Ю. П. Петрова, Н. Ф. Кузьмина, Л. М. Спирина, Ю. И. Кораблева, Г. В. Кузьмина, уральских историков, использованы новые материалы, показывающие деятельность ЦК РКП(б), В. И. Ленина и его соратников по организации и укреплению Восточного фронта, где в начальный период гражданской войны решалась судьба социалистической революции. Эта деятельность выражалась в привлечении на военную работу лучших сил партии и рабочего класса, проведении массовых мобилизаций трудящихся, формировании регулярных частей Красной Армии и срочной отправки их на борьбу с чехословаками. Скрупулезное изучение идейного наследия В. И. Ленина, его переписки и Биографической хроники дало возможность окончательно покончить с недооценкой величайших заслуг советского народа в обеспечении вооруженной защиты завоеваний Октября.

Дальнейшее развитие и конкретизацию получила тема о мобилизующей роли уральских партийных и советских организаций, об участии трудящихся края в создании регулярной армии, в вооруженной борьбе с силами внешней и внутренней контрреволюции. Она нашла отражение в книгах ветеранов гражданской войны. Дополнив личные воспоминания архивными и другими материалами, они убедительно рассказали, как в огне ожесточенных боев рождалась регулярная Красная Армия. Авторы книги «Под знаменем ВЦИК» на примере создания Крестьянского коммунистического полка Красных Орлов показали процесс мобилизации революционных сил в Камышловском и Шадринском уездах. Примечательна высокая политическая активность коммунистов, передовых рабочих и беднейших крестьян, большевистски настроенных солдат-фронтовиков в этом аграрном районе Зауралья, который в первые же дни чехословацкого мятежа превратился в арену острейшей классовой борьбы.

Подвергся глубокому изучению один из интереснейших и драматических эпизодов гражданской войны, который на современном этапе развития науки начал осмысливаться заново, — рейд В. К. Блюхера. В работах В. В. Душенькина, П. С. Лучевникова, Н. К. Лисовского, И. Ф. Плотникова, в монографиях обобщающего плана показана консолидация добровольческих отрядов Южного Урала в партизанскую армию, оказавшуюся по своим боевым и морально-политическим качествам намного сильнее регулярных войск противника. В книге «Десять тысяч героев», написанной на основе тщательного изучения литературных и архивных источников, И. Ф. Плотников первым обратил внимание на тот примечательный факт, что отряд Блюхера, оказавшийся в глубоком тылу белых и вынужденный вести партизанскую войну, тем не менее не походил на обычное партизанское соединение. По структуре и характеру боевой деятельности он мало чем отличался от регулярных частей Красной Армии. Боевые действия отряда, замечает И. Ф. Плотников, были не столько партизанскими, сколько действиями регулярной части, пробивающейся из окружения на соединение с главными силами.

Значительный вклад в упрочение Советской власти на Урале внесли интернациональные части Красной Армии. Их история впервые была изучена на широком фактическом материале уральскими учеными М. П. Хильченко, В. А. Даниловым, В. И. Ананьевым, И. М. Шакинко. Они показали, как под влиянием идей Великого Октября зарождалось и крепло движение пролетарской солидарности, направленное против агрессивной политики международного империализма. Интернационалисты, среди которых были китайцы, корейцы, венгры, чехи, словаки, немцы и представители других национальностей, вместе с русскими рабочими и крестьянами поднялись на борьбу с контрреволюцией. Сформированные на Урале интернациональные отряды оказали большую помощь советскому командованию.

Обстоятельный анализ хода военного строительства дан в обобщающей монографии «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале». На обширном фактическом материале, характеризующем масштабы добровольческого движения, здесь показывается, как происходила мобилизация революционных сил во многих городах, заводских поселках и деревнях огромного края, как вслед за коммунистами добровольно вставали на защиту завоеваний Октября рабочая молодежь, крестьянская и казачья беднота, трудящиеся национальных районов, иностранные рабочие и военнопленные. Авторы высоко оценивают морально-политические качества добровольцев, приводят примеры их самоотверженного поведения в бою на многих участках чехословацкого фронта, но в то же время хорошо сознают и крупные недостатки отрядной системы. В книге впервые объективно рассматри-

вается вопрос о боеспособности добровольческих отрядов с точки зрения их профессиональной подготовки, приводятся убедительные примеры того, как неблагоприятно влияли на ход боевых действий раздробленность, необученность и плохое вооружение советских войск, отсутствие единого управления, опытных командных кадров, твердой воинской дисциплины¹¹⁷.

В свете новых фактов становится понятной важность подробного описания в книге мероприятий по сплочению революционных сил на Урале. Командование при поддержке местных советских, партийных и военных органов объединяло оперативное и политическое руководство войсками, создавало правильно организованные штабы и аппарат снабжения, привлекало на командные должности опытных военных специалистов, организовывало отряды по типу регулярной армии, устанавливало строгую воинскую дисциплину, формировало резервы, налаживало политико-массовую работу и т. д.

Огромный фактический материал собран и обобщен в монографических исследованиях П. И. Рощевского, З. А. Аминева, И. С. Капцуговича, Н. К. Лисовского, Л. И. Футорянского. Он достаточно полно отображает конкретную социально-политическую обстановку, в которой развертывалась революционная борьба в разных районах Урала. Исследователи раскрывают содержание мобилизационной, организаторской и пропагандистской работы коммунистов в самой глубокой толще народных масс, показывают соотношение сил революции и контрреволюции, детально восстанавливают ход боевых действий на разных участках фронта, называют много новых имен активных участников событий.

Проблема партийного руководства советскими войсками Восточного фронта затрагивается в работах Ю. П. Петрова, Л. М. Спирина, М. А. Молодцыгина, многих местных исследователей. Наиболее основательно она изучена В. С. Скробовым. Он подробно рассказал о делах коммунистов 2-й и 3-й армий, о постановке политико-воспитательной и культурно-просветительной работы в полевых частях, гарнизонах и среди населения прифронтовой полосы, о роли Уральского областного комитета партии в обеспечении идейного руководства военным строительством, о попытках армейских политорганов развернуть революционную пропаганду в войсках противника. Впервые в литературе был поднят вопрос о деятельности военных комиссаров на Урале. В. С. Скробов ввел в научный оборот новые материалы, характеризующие усилия партии по поддержанию прочного единства фронта и тыла, воюющей армии и трудового населения¹¹⁸.

¹¹⁷ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 93—96.

¹¹⁸ См.: Скробов В. С. Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале. Октябрь 1917—1920 г.

Следует признать, что основные направления военного строительства на Урале в начальный период гражданской войны освещены в современной литературе правильно, но источниковая база для исследования этой проблематики нуждается в дальнейшем расширении. Свердловский историк В. В. Дубленных, поднявший в печати вопрос о необходимости тщательной проверки, уточнения и дополнения имеющихся в литературе сведений относительно состава, численности и вооружения частей Красной Армии на Урале¹¹⁹, в одной из своих работ убедительно показал, что в архивах страны есть еще немало материалов, которые не использованы исследователями¹²⁰.

Важнейшей задачей историографии остается освещение хода военных действий на Урале, анализ боевых операций, которые осуществлялись советским командованием, показ героизма и самоотверженности красных воинов. Эта тема по-прежнему составляет главное содержание литературы о гражданской войне. До недавнего времени развитие военных событий изучалось преимущественно на левом фланге и в центре 3-й армии, т. е. в районах Южного и Среднего Урала. Гораздо меньше было известно о деятельности правофланговых частей армии, оборонявших подступы к Перми со стороны Кунгура, а также оперировавших в районе Прикамья. В работе свердловских историков «Гражданская война и военная интервенция на Урале» и в книге И. С. Капцуговича «Прикамье в годы гражданской войны» этот пробел в известной мере восполнен. Авторы отметили активные наступательно-оборонительные действия 3-й и 4-й уральских дивизий, подробно описали бои на Красноуфимском направлении, подчеркнули, что выход героических отрядов В. К. Блюхера из окружения к линии фронта имел большое значение для укрепления советской обороны. Что касается обороны Прикамья, то она воспроизведена в литературе главным образом в связи с подавлением войсками 2-й армии меньшевистско-эсеровского мятежа на Ижевском и Воткинском заводах. Систематического и полного изложения борьбы с контрреволюцией в этом районе мы пока не имеем.

В современной литературе сделана попытка оценить общие военно-политические итоги первого этапа гражданской войны и империалистической интервенции на Урале. Суть этой оценки такова. В боях за Урал летом и осенью 1918 г. белогвардейцы и интервенты, несмотря на тактическое превосходство, не доби-

¹¹⁹ См.: Дубленных В. В. Некоторые итоги изучения истории 3-й армии Восточного фронта: (об участии трудящихся Урала в военном строительстве начала гражданской войны) // Историография истории создания и развития союза рабочего класса и крестьянства на Урале. Свердловск, 1982. С. 41—44.

¹²⁰ См.: Дубленных В. В. Неопубликованные материалы об участии рабочего класса Урала в строительстве Красной Армии в 1918 г. // Источниковедение истории классовой борьбы рабочих Урала. Свердловск, 1981.

лись решающего успеха. Правда, им удалось захватить значительную часть промышленных районов края, но это стоило огромных потерь. В боях под Екатеринбургом, Егоршино, Кунгуром, на Тагильском, Кушвинском, Лысьвенском, Осинском направлениях противник израсходовал большую часть резервов, предназначенных для выполнения важнейшей стратегической задачи — захвата Перми. Активное сопротивление 3-й армии облегчило наступление советских войск на других участках Восточного фронта, содействовало успешной ликвидации контрреволюционных мятежей в Поволжье и Прикамье¹²¹.

Многие исследователи обращают внимание на социальную подоплеку военных событий. В полном соответствии с ленинской концепцией они утверждают, что вооруженная борьба с контрреволюцией в восточных районах страны разворачивалась первоначально при невыгодном для Советской власти соотношении классовых сил ввиду колебаний мелкобуржуазных масс. По мнению авторов книги «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале», поддержка мелкой буржуазии позволяла белогвардейцам некоторое время сохранять значительный численный перевес, иметь более мощные резервы, быстрее восполнять потери¹²².

Среди эпизодов гражданской войны, описанных в современной литературе, видное место занимает военное сопротивление с колчаковщиной. Прежде всего продолжалась переоценка положения Восточного фронта зимой 1918/19 г. Используя новые материалы, исследователи (И. С. Капцугович, авторы книг «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале», «Особая бригада» и др.) сумели глубже разобраться в военных и социально-политических причинах падения Перми, проанализировать мероприятия советского командования, ЦК РКП(б), местных организаций по устранению причин, которые привели к отступлению левофланговых армий Восточного фронта. Было обращено внимание на формирование и районе Перми 5-й бригады 29-й стрелковой дивизии (впоследствии особая бригада 3-й армии). В книге «Особая бригада» правильно отмечается, что появление на фронте нового, весьма боеспособного соединения было исключительно своевременным и оказало положительное влияние на ход борьбы против белогвардейских войск севернее и северо-западнее Перми. Объединение под единым командованием действовавших здесь разрозненных частей и отрядов придало советской обороне более организованный и планомерный характер. Колчаковские войска, наступавшие по Верхотурско-Соликамскому тракту в обход левого фланга 3-й армии, встретили наконец серьезный отпор и вы-

¹²¹ См.: Васильковский О. А. Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Вопросы историографии гражданской войны на Урале. Свердловск, 1967. С. 53.

¹²² См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 194.

нуждены были втянуться в изнурительные бои. Расчет белого командования на быстрый захват Коми-Пермяцкого края и безоговорочное продвижение навстречу северным контрреволюционным силам не оправдался.

Концепция разгрома армий Колчака весной и летом 1919 г., изложенная в соответствующем произведении Л. М. Спирина и вошедшая в обобщающие работы по истории гражданской войны, которые были опубликованы во второй половине 50-х гг., не претерпела принципиальных изменений. Она подверглась основательной детализации, причем особое внимание было обращено на некоторые недостаточно изученные ее аспекты. В литературе дополнительно использован большой фактический материал, характеризующий напряженные усилия Коммунистической партии, Советского правительства, всего трудового народа по наращиванию военно-экономического потенциала, форсированию строительства регулярной армии, бесперебойному снабжению Восточного фронта резервами, вооружением, обмундированием, продовольствием. В полной мере раскрыты выдающаяся роль В. И. Ленина в организации разгрома колчаковщины, его непосредственное участие в решении стратегических, оперативно-тактических и политических задач с целью скорейшего освобождения Урала от белогвардейских оккупантов.

Важно отметить, что поражение контрреволюции на востоке страны сейчас более тесно увязывается с действием социальных факторов. Исследователи подчеркивают, в частности, огромное политическое значение решений VIII съезда РКП(б) о союзе с середняком и последующих мероприятий Советского государства по оказанию хозяйственной помощи деревне. Пропаганда этой политики в отношении среднего крестьянства, развернутая партийными агитаторами среди трудящихся и красноармейцев, а также на оккупированной территории, дала замечательный эффект: число сторонников Советской власти неуклонно возрастало, в то время как социальная база колчаковщины катастрофически разрушалась.

Крупным сдвигом в изучении гражданской войны на Урале явилась постановка экономических и социальных проблем, характеризующих состояние советского тыла. Историки приступили к конкретному исследованию хозяйственного, советского и партийного строительства в прифронтовых районах Урала, попытались показать перестройку работы тыла на военный лад, патристическую помощь рабочего класса и трудящегося крестьянства армиям Восточного фронта, выявить специфику социальных отношений на Урале, четко определить те слои трудящегося населения, которые с самого начала являлись прочной классовой основой большевизма. Они показали огромный вклад рабочего класса,

беднейшего крестьянства, угнетенных масс нерусских народов Урала в дело вооруженной защиты социалистической революции.

Большой интерес продолжает вызывать история уральского пролетариата, который с самого начала войны был застрельщиком революционной мобилизации масс на борьбу с интервентами и белогвардейцами. В ранее опубликованной литературе деятельность рабочего класса в тылу Красной Армии не получила полного освещения.

Значительным шагом вперед в изучении истории рабочего класса в годы гражданской войны явилась книга А. И. Лахмана «Во имя революции». Автор попытался установить численность, состав и экономическое положение заводского населения Вятской губернии, показать основные направления его производственной и общественно-политической деятельности. Главное внимание он уделил роли рабочего класса в мобилизации хозяйственных ресурсов для нужд обороны, впервые систематически описал на примере Вятской губернии состояние промышленного потенциала Урала в условиях гражданской войны. В книге подробно рассматривается деятельность профсоюзов и фабрично-заводских комитетов по регулированию производства и осуществлению контроля за ним, обеспечению предприятий сырьем, топливом и рабочей силой, укреплению трудовой дисциплины, повышению производительности труда, установлению норм выработки.

Факты, введенные в научный оборот А. И. Лахманом, а также Д. А. Баевским, Е. Г. Гимпельсоном, Д. А. Коваленко, О. А. Васьковским, В. С. Скробовым, свидетельствуют, что ни постоянные мобилизации в армию, ни исключительно тяжелые условия труда, ни изношенность оборудования, ни острая нехватка продовольствия и предметов первой необходимости не мешали сознательным труженикам тыла выполнять свой долг перед революцией, давать стране и фронту металл, чугунное литье, уголь, строительные материалы, предметы воинского снаряжения, оружие, снаряды.

Заметно активизировалось внимание к наиболее сложным аспектам избранной темы. Речь идет о социальной природе уральского пролетариата, о позиции его различных слоев в вооруженной борьбе с контрреволюцией.

Современная наука, как уже говорилось, располагает достаточным материалом, чтобы оценить выдающиеся заслуги кадровых рабочих Урала перед революцией. Однако учитываются и негативные обстоятельства. Подвергаются сомнению слишком оптимистические выводы о революционной активности масс. Например, Ю. И. Кораблев отмечает, что в начале вооруженной борьбы с интервентами и белогвардейцами в некоторых районах Урала часть рабочих держалась пассивно. Он сообщает, что мобилизации рабочих и трудящихся крестьян, проведенные летом 1918 г.

в Приволжском, Уральском и Западно-Сибирском военных округах, не дали ожидаемых результатов: из предполагаемых 275 тыс. человек здесь удалось призвать в Красную Армию только 40 тыс. бойцов¹²³. Автор правильно вскрыл причину такого положения. Трудности призыва объяснялись не столько обстановкой боевых действий в восточных районах, сколько сложными социально-политическими отношениями, колебаниями среднего крестьянства. Все это отрицательно сказывалось и на поведении части рабочих, имевших недостаточную политическую закалку.

Помимо уклонения от воинской повинности были опасные проявления антисоветских настроений среди отсталой части заводского населения. Волна меньшевистско-эсеровских мятежей, прокатившаяся по всему Уралу летом 1918 г., захватила и некоторые рабочие центры. Контрреволюционные выступления имели место в Невьянском, Кушвинском, Рудянском, Шайтанском, Юговском, Саткинском, Кусинском заводах. Серьезным успехом белогвардейцев было временное свержение Советской власти в Ижевске и Воткинске. В чем причина подобных явлений? Исследователи справедливо усматривают ее в неоднородности социального состава рабочего класса, в тех качественных изменениях, которые внесла в рабочую среду гражданская война. Они подчеркивают, что лучшая, наиболее сознательная и преданная делу революции часть рабочих была отвлечена на фронт, что их место заняли буржуазные элементы, привлеченные на производство в порядке трудовой повинности. Естественно, массовый уход в армию передовых рабочих и коммунистов сильно ослаблял революционное пролетарское влияние на остальную массу трудящихся, развязывал руки контрреволюционной агентуре, соглашательским партиям меньшевиков и эсеров.

Внимательное изучение политической обстановки, сложившейся на Урале в начальный период гражданской войны, позволило заключить, что отдельные вспышки антисоветских настроений среди рабочих были вызваны огромными трудностями и лишениями, которые были обусловлены хозяйственной разрухой и которыми всегда пользовался классовый враг¹²⁴.

Судьба социалистической революции в значительной степени зависела от расстановки классовых сил в деревне, от прочности союза пролетариата с массами трудового крестьянства. Констатируя высокую степень имущественного расслоения крестьянства Урала, историки пришли к правильному выводу, что в деревне имелись достаточно мощные резервы революции в виде многочисленной крестьянской бедноты. Вместе с тем большую эко-

¹²³ См.: *Кораблев Ю. И.* В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970. С. 291.

¹²⁴ См.: *Гражданская война и иностранная интервенция на Урале.* С. 154—155.

номическую и политическую силу представляли здесь деревенская буржуазия, зажиточные слои среднего крестьянства и казачества. Именно их поддержка обеспечивала контрреволюции численный перевес над Красной Армией в ходе гражданской войны.

Важнейшим этапом борьбы за союз рабочего класса с трудящимся крестьянством, за развертывание социалистической революции в деревне явилось создание комбедов. История комитетов деревенской бедноты на Урале нашла отражение в специальных исследованиях А. С. Быстровой, И. А. Попова, В. М. Жукова, А. Д. Антонова, Т. С. Томшич, В. Н. Никитина и др. В современной литературе, опирающейся на широкую источниковую базу, правильно показана историческая роль классовых организаций пролетарской части крестьянства в упрочении Советской власти в деревне. Исследователи проанализировали предпосылки социалистической революции в деревне, подробно охарактеризовали деятельность комбедов по проведению хлебной монополии, учету, разверстке и заготовке сельхозпродуктов, снабжению неимущего крестьянства за счет кулаков продовольствием, семенами, инвентарем и рабочим скотом, оказанию организационной и хозяйственной помощи крестьянским коллективам, созданию добровольческих отрядов для борьбы с вооруженной контрреволюцией.

Комитеты деревенской бедноты стали создаваться повсеместно в соответствии с Декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г.¹²⁵ Однако в некоторых районах Урала, как отмечают историки, классовая борьба в деревне достигла такого накала, что уже в ходе аграрной революции возникла настоятельная потребность в организации неимущего крестьянства. Отсюда отдельные исследователи (Е. П. Редакова, Ш. Х. Сакаев) делают слишком поспешный вывод, что кое-где широкое наступление на кулачество началось уже весной 1918 г. В литературе преобладает противоположная точка зрения. Большинство историков правильно считают, что в связи с гражданской войной и по иным причинам субъективного порядка строительство комбедов на Урале запоздало. В массовом масштабе они стали создаваться в конце лета — начале осени 1918 г., а в Вятской губернии еще позднее.

Какова же общая оценка деятельности комитетов деревенской бедноты на Урале? Ряд исследователей, в том числе А. С. Быстрова, В. М. Жуков, М. А. Садаков, полагают, что за короткий срок своего существования они справились с поставленными задачами. Такой безоговорочный вывод вряд ли правилен. В условиях гражданской войны социалистическая революция не смогла глубоко затронуть уральскую деревню. Сопротивление буржуазии не было сломлено здесь до конца. Это, несомненно, отрицательно сказыва-

¹²⁵ См.: Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 416—419.

лось на состоянии тыла Красной Армии, на ходе вооруженной борьбы с контрреволюцией.

Следует отметить, что участие трудового крестьянства Урала в гражданской войне показано несколько односторонне. Достаточно полно описан патриотический подвиг беднейшего крестьянства, которое вместе с рабочим классом под руководством большевистской партии строило и укрепляло Красную Армию, отражало натиск контрреволюции в тылу, жертвовало всем ради достижения победы над врагом. Одновременно исследователи подчеркивают, что первые уроки борьбы с белогвардейщиной привели к определенному сдвигу влево более широких масс крестьянства, включая его средние слои. В современной литературе показано, что уже летом и осенью 1918 г. в деревнях начали проявляться признаки революционизирования среднего крестьянства. Но отдельные факты не следует переоценивать. Не прав П. И. Рошевский и некоторые другие исследователи, усматривающие в них свидетельство массового поворота середняка на сторону Советской власти. Такая постановка вопроса не позволяет объяснить дальнейших событий войны, связанных с Колчаком, который, как известно, пришел к власти благодаря поддержке мелкой буржуазии. В 1918 г. окончательного перелома в пользу Советской власти в уральской деревне еще не произошло, среднее крестьянство выступало в основном на стороне контрреволюции или в лучшем случае оставалось нейтральным. Это в особенности относилось к казачеству. Л. М. Спирин и А. Л. Литвин справедливо критикуют тех историков, которые преувеличивают революционность казачьего сословия, не признают того очевидного факта, что большинство казаков в начале войны поддерживало врагов Республики Советов¹²⁶.

Анализируя причины временной утраты Советской власти на Урале, исследователи обратились к истории мелкобуржуазных партий, которые на первом этапе гражданской войны играли роль прямых пособников контрреволюции. Данная тема в той или иной мере затрагивается во всей литературе. Специально ею занимались Л. М. Спирин, О. А. Васьковский, И. С. Капцегович, А. Д. Антонов, Ж. М. Попова, В. М. Запольская и другие историки.

Говоря о крахе мелкобуржуазных партий в ходе гражданской войны, исследователи обычно имеют в виду их организационный распад. Однако здесь необходимо показать несостоятельность самой идеологии «демократического» социализма, провал попыток меньшевиков и эсеров найти средний путь между диктатурой про-

¹²⁶ См.: Спирин Л. М., Литвин А. Л. Партия большевиков — организатор разгрома белогвардейцев и интервентов: (историограф. очерк). М.: Знание, 1980. С. 37—38.

летариата и диктатурой буржуазии после свержения Советской власти. На Урале господство белогвардейцев началось, как известно, с образования областного правительства, возглавленного кадетско-меньшевистско-эсеровской партийной коалицией. В работах И. С. Капцуговича, П. С. Лучевникова, И. Ф. Плотникова, В. М. Запольской деятельность этого правительства получила освещение, хотя и недостаточно полное. Справедливо отмечено, что пришедшие к власти соглашатели сразу взяли курс на восстановление системы частного предпринимательства, т. е. капиталистического строя. Но вряд ли правильно ставить знак равенства между ними и крупной буржуазией. И. С. Капцугович, например, пишет, что областное правительство Урала было буржуазным, с черносотенно-кадетским большинством, что меньшевики и эсеры лишь прикрывали ширмой демократии буржуазно-помещичью сущность новой власти. По мнению автора, соглашатели с усердием поддерживали режим насилия, чинимые белогвардейцами зверства¹²⁷.

Более дифференцированную оценку господства «демократической» контрреволюции дали авторы книги «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале». Они подчеркивают, что реставрация старых порядков после белогвардейской оккупации края осуществлялась исподволь. Соглашатели не решились сразу отменить все мероприятия Советской власти, в частности, денационализировать крупные заводы, ликвидировать систему социального страхования рабочих, отобрать землю у крестьян и вернуть ее прежним владельцам. Уральская буржуазия терпела такую политику, опасаясь революционного взрыва, но окрепнув, стала выражать недовольство недостаточно энергичной деятельностью соглашателей по восстановлению старого строя и начала добиваться своего явочным порядком с помощью военных властей. Это и предопределило судьбу коалиционного правительства. Оно уступило место военной диктатуре, опираясь на которую буржуазия повела решительную борьбу за возвращение всех своих политических и экономических привилегий¹²⁸.

Неправильно думать, что меньшевики и эсеры потерпели крах в результате репрессий со стороны диктаторского режима, который они формально не признали. Сначала политика соглашательства изжила себя идейно. Неспособность так называемых социалистических правительств обуздать произвол реакционной военщины, оградить интересы мелкобуржуазных масс от наступления крупного капитала — вот что в корне подорвало престиж меньшевистско-эсеровской идеологии, разрушило ее социальную базу.

¹²⁷ См.: Капцугович И. С. Прикамье в огне гражданской войны. С. 32, 81.

¹²⁸ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 201—207.

Историки обратили самое серьезное внимание на политику колчаковщины. Ее социально-экономические аспекты подверглись глубокому и всестороннему изучению в современной литературе, прежде всего в произведениях Л. М. Спирина, П. С. Лучевникова, П. И. Рошевского, И. Ф. Плотникова, в книгах по истории гражданской войны на Урале. Авторы убедительно показали, что господство черносотенной диктатуры сопровождалось безудержным разграблением природных богатств края, хищнической эксплуатацией рабочего класса, запрещением каких бы то ни было демократических институтов, многократным увеличением налогового обложения, разгулом спекуляции, резким падением жизненного уровня масс. Особое значение придавалось отношениям Колчака с крестьянством, ибо они во многом определяли состояние белогвардейского тыла и фронта. В литературе указывалось, что в аграрном вопросе колчаковское правительство взяло курс на денационализацию земли и защиту частнособственнических прав крупных землевладельцев.

Анализируя политику грабежа и насилий, которую проводила реакционная военщина в деревне, ученые правильно заключили, что поборы с крестьян не были регламентированы. Они взымались в чрезвычайном порядке для нужд белой армии, т. е. методом контрибуций, реквизиций, конфискаций. При Колчаке произвол белогвардейцев принял такие чудовищные размеры, что не только имущество крестьянина, но и его жизнь оказалась под серьезной угрозой. В литературе часто приводятся сведения о жертвах колчаковского террора, но они не позволяют судить, в какой степени этот террор коснулся широких слоев народа. Лишь авторы книги «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале» попытались подойти к вопросу дифференцированно. Они установили, что белый террор был направлен главным образом против рабочего класса и его политической партии, против наиболее активных сторонников Советской власти. Колчак отличался от своих меньшевистско-эсеровских предшественников тем, что, выполняя волю крупных капиталистов, помещиков, черносотенцев, в конечном счете вступил в конфликт с мелкобуржуазными массами крестьянства. В книге впервые использованы обнаруженные в архиве списки крестьян Екатеринбургской губернии, убитых белогвардейскими карателями¹²⁹.

Именно с реакционной политикой колчаковщины многие исследователи (Л. М. Спирин, И. Ф. Плотников, О. А. Васьковский, З. А. Аминев, Я. Л. Ниренбург и др.) связывают поворот массы среднего крестьянства и казачества Урала на сторону пролетариата. О. А. Васьковский относит этот поворот к весне, а

¹²⁹ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 262—264.

И. Ф. Плотников — к лету 1919 г. Что касается казачества, то оно, по мнению Я. Л. Ниренбурга, твердо высказалось за Советскую власть лишь к осени 1919 г. Говоря об изменении позиции уральского крестьянства, историки учитывают не отдельные факты, а совокупность признаков, определявших военно-политическую обстановку на фронте и в тылу. Такими признаками И. Ф. Плотников правильно считает поражение колчаковских войск в результате мощного контрнаступления Красной Армии, резкое увеличение притока в нее крестьян-добровольцев, почти полное прекращение дезертирства красноармейцев и одновременно прогрессирующее разложение белогвардейских войск, массовое бегство из них насильно мобилизованных (преимущественно уральских) крестьян, сдачу в плен и переход колчаковских солдат целыми соединениями на сторону красных, нарастание партизанского движения, повальное уклонение крестьян от мобилизации в белую армию¹³⁰.

Окончательный поворот крестьянства на сторону пролетариата рассматривается ныне не просто как стихийный, вызванный уроками гражданской войны. Исследователи в полной мере показали значение и субъективные предпосылки данного процесса, а именно правильной политики партии по отношению к среднему крестьянству, большой организаторской и разъяснительной работы, которую вели коммунисты в белогвардейском тылу.

История большевистского подполья изучается на протяжении десятков лет и составляет существенную часть историографии гражданской войны на Урале. Ученые включили в научный оборот огромный фактический материал и на его основе конкретно осветили все стороны деятельности большевистских организаций по мобилизации трудящихся на борьбу за свержение белогвардейского режима, за восстановление Советской власти.

Основательно изучена роль Центрального Комитета партии, в частности Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б), в руководстве подпольной работой, выяснены тактические особенности этой работы, показано участие подпольщиков в забастовочном, партизанском и повстанческом движении, названы многие сотни имен коммунистов, беззаветно сражавшихся и героически погибших в борьбе с колчаковщиной.

Крупный вклад в историографию большевистского подполья на Урале внес И. Ф. Плотников. Он не только продумал теоретические аспекты темы, но и дополнил ее конкретное содержание. Тщательно обследовав центральные и местные архивы, ученый собрал новые материалы, которые дали возможность подвер-

¹³⁰ См.: Плотников И. Ф. О процессе перехода среднего крестьянства Урала на сторону Советской власти в тылу интервентов и белогвардейцев: (к историографии вопроса) // Историография истории создания и развития союза рабочего класса и крестьянства на Урале. Свердловск, 1982. С. 80.

гнуть фактической проверке имеющуюся литературу, внести важные уточнения и поправки в сложившееся представление о размещении, численности и структуре подпольных организаций, о способах связи с центром, о координации тактических установок, о создании и масштабах революционной работы среди трудящихся масс. Одним из первых он обратил серьезное внимание на партийное руководство крестьянским движением, направленным против аграрной политики оккупантов и насильственных мобилизаций в белую армию. Описывая в своих книгах и многочисленных статьях историю большевистского подполья, автор подчеркнул, какое большое значение партия придавала революционизированию деревни. Подпольные комитеты, возникшие в крупных промышленных центрах Урала, фактически являлись губернскими уездными партийными органами. При некоторых из них создавались особые отделы по работе с крестьянством.

И. Ф. Плотников отмечает, что в ходе общенародной войны с белогвардейскими оккупантами укреплялся союз рабочего класса с массами трудового крестьянства. Это, в частности, проявилось в характере партизанского движения. На Урале оно развивалось под большевистским влиянием, было направлено на свержение колчаковского режима и восстановление Советской власти. Партизанские отряды состояли главным образом из крестьян. Однако рабочая прослойка в них также была значительной. По мнению автора, четко выраженное пролетарское руководство партизанским движением на Урале составляет отличительную особенность этого промышленного края по сравнению, например, с аграрной Сибирью.

Касаясь социальных проблем истории послеколчаковского периода, исследователи исходят из того примечательного факта, что в ходе вооруженной борьбы с колчаковщиной на Урале сложилось новое соотношение классовых сил, в результате чего возникла возможность установить прочный военно-политический союз рабочего класса с крестьянством. В частности, коренным образом изменилось отношение масс к Красной Армии. З. А. Аминев, И. В. Гусельников, М. А. Молодцыгин, Я. Л. Ниренбург, В. С. Скробов и другие исследователи отмечают, что во время решающего наступления красных войск Восточного фронта в освобожденных городах, заводских поселках и деревнях Урала наблюдался небывалый прилив добровольцев в Красную Армию. С большим подъемом проходили и обязательные мобилизации. Авторы монографии «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале» полагают, что общее число мобилизованных с лета 1919 г. до конца 1920 г. составило на Урале более 325 тыс. человек¹³¹.

Изменение политических взглядов среднего крестьянства, мас-

¹³¹ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 389.

совый поворот его в сторону Советской власти отразились и на вражеском лагере. Именно с этим поворотом, а также с целеустремленной борьбой большевистского подполья за колеблющиеся массы в условиях белогвардейской оккупации авторы книги «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале», а также З. А. Аминев, И. Ф. Плотников, П. И. Рошевский связывают широкое движение сопротивления в тылу Колчака, разложение белогвардейской армии весной—летом 1919 г. Историки отмечают, что характерными чертами кризиса белогвардейского ста-на, и в частности вооруженных сил, были падение дисциплины, мародерство, дезертирство и массовые переходы колчаковских солдат на сторону Красной Армии. По данным И. Ф. Плотникова и В. Н. Никитина, только за первую половину июня 1919 г. в 3-ю армию перешло 3,5 тыс. колчаковских солдат. С середины августа до середины сентября 40 тыс. человек сдалось 1-й армии¹³².

Анализируя новую расстановку классовых сил на Урале в послеколчаковский период, исследователи отметили возросшее доверие масс к коммунистам, которые героическими делами на фронте и в тылу подтвердили свою репутацию бескомпромиссных борцов с контрреволюцией. Наиболее подробно эта тема раскрыта в работах В. И. Ивановой, А. И. Лахмана, Я. Л. Ниренбурга. Они говорят об увеличении численности партийных рядов за счет наиболее сознательных рабочих, крестьян, красноармейцев. Послеколчаковский период характеризовался бурным ростом деревенских партийных ячеек. И. С. Капцугович пишет, что «крестьянство Пермской губернии, даже и середняки, испытав на себе «прелести» колчаковского режима, охотно вступают в ряды Коммунистической партии»¹³³.

Важнейшим показателем популярности Коммунистической партии, доверия к ней народа являются выборы в органы власти. Проанализировав партийный состав местных Советов, исследователи пришли к выводу, что на завершающем этапе войны на Урале усилилась руководящая роль Коммунистической партии в советском строительстве. Сравнивая данные за 1918 г. с итогами предвыборных кампаний 1919—1920 гг., они отметили резкое увеличение в Советах и их исполкомах удельного веса коммунистов. По этим показателям Урал шел впереди многих районов страны. Для вывода, подтверждающего эту важную особенность края, историки уже располагают определенным материалом. Из-

¹³² См.: Плотников И. Ф., Никитин В. Н. Осуществление коммунистами Урала решений VIII съезда РКП(б) по крестьянскому вопросу в период освобождения края от колчаковщины // Партийные организации Урала в борьбе за упрочение завоеваний Октябрьской революции. Свердловск, 1979. С. 41.

¹³³ Капцугович И. С. Прикамье в огне гражданской войны. С. 119.

вестно, что на уездных съездах Советов Урала коммунистов и сочувствующих было 72,5%¹³⁴, в то время как в среднем по республике, по данным Е. Г. Гимпельсона, — 54,8%¹³⁵. В низовых органах власти — волостных исполкомах края процент коммунистов и сочувствующих колебался от 48—60 (в земледельческих волостях) до 70—100 (в заводских волостях)¹³⁶, в то время как по стране он составил только 32%¹³⁷.

Некоторые исследователи попытались выявить руководящую роль рабочего класса в советском строительстве, показать удельный вес рабочих в органах власти. А. И. Лахман сообщает, например, что с апреля по декабрь 1920 г. в Вятском горсовете из 410 депутатов было 269 рабочих (65,6%)¹³⁸. В том же году, по сведениям Е. Г. Гимпельсона, в уездных исполкомах Вятской губернии рабочие составляли 30,6% общего числа членов¹³⁹. На уездных съездах Советов и избранных на них исполкомах промышленных губерний процент рабочих был намного выше, например, на Нижнетагильском уездном съезде Советов (октябрь 1920 г.) он достиг 91,8%¹⁴⁰.

Прямым следствием изменившейся расстановки классовых сил на Урале в послеколчаковский период явилось усиление политической и трудовой активности трудящихся. Патриотическое движение за оказание всемерной помощи фронту изучено разносторонне. И. В. Гусельников, А. И. Лахман, Я. Л. Ниренбург, П. Г. Матушкин, А. Н. Фадеев, опираясь на солидную источниковую базу, рассматривают большой круг вопросов, связанных с состоянием экономики края, мобилизацией трудовых резервов, борьбой рабочих за становление новой дисциплины труда, ростом

¹³⁴ См.: *Тертышный А. Т.* Деятельность партийных организаций Урала по созданию советского государственного аппарата на основе Конституции РСФСР и улучшение его социального состава после разгрома колчаковщины (1919—1920 гг.) // Из истории партийных организаций Урала периода строительства социализма. Свердловск, 1972. С. 15.

¹³⁵ См.: *Гимпельсон Е. Г.* Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968. С. 112.

¹³⁶ См.: *Тертышный А. Т.* Деятельность партийных организаций Урала по созданию советского государственного аппарата на основе Конституции РСФСР и улучшение его социального состава после разгрома колчаковщины (1919—1920 гг.). С. 16.

¹³⁷ См.: *Гимпельсон Е. Г.* Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. С. 112.

¹³⁸ См.: *Лахман А. И.* Во имя революции: Рабочие Вятской губернии в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. С. 16.

¹³⁹ См.: *Гимпельсон Е. Г.* Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. С. 494—495.

¹⁴⁰ См.: *Тертышный А. Т.* Деятельность партийных организаций Урала по созданию советского государственного аппарата на основе Конституции РСФСР и улучшение его социального состава после разгрома колчаковщины (1919—1920 гг.). С. 21.

трудовой активности трудящихся масс и конкретными формами ее проявления, подводят итоги восстановления промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Некоторые историки (М. А. Дашевская, Э. Г. Савцов, В. С. Скробов) попытались показать роль профсоюзов, хозяйственных органов управления, трудовой армии в восстановлении промышленности края.

В литературе очень ярко отображен самоотверженный труд рабочего класса по восстановлению разрушенного войной хозяйства, ускорению добычи топлива и промышленного сырья, выплавки металла, выпуска оборонной продукции. Я. Л. Ниренбург и Г. В. Пожидаева, например, сообщают, что металлурги Чусовского завода Гребенкин, Кашков, Халтурин в сентябре 1920 г. работали по 50 смен каждый — вдвое больше, чем полагалось по норме¹⁴¹.

Трудовой героизм и высокая политическая сознательность трудящихся масс и в первую очередь рабочих наиболее ярко проявились в коммунистических субботниках, которые были важнейшим средством борьбы с разрухой, воспитания коммунистического отношения к труду. В литературе прослеживается руководящая роль Коммунистической партии в организации и проведении субботников, подчеркивается их массовость, влияние на повышение производительности труда и выполнение производственных заданий. Некоторые историки показывают участие в субботниках женщин, частей Красной Армии. В. С. Скробов пишет, что на территории Приуральяского военного округа с 1 марта по 1 декабря 1920 г., по неполным данным, было проведено 6 017 субботников с участием советских воинов¹⁴².

Коммунистические субботники были важной, но не единственной формой трудового соревнования, созданной в годы гражданской войны. И. В. Гусельников, В. Ф. Мамонов, Я. Л. Ниренбург, Г. В. Пожидаева отмечают появление летом 1920 г. на Урале (на Мотовилихинском заводе) движения ударных трудовых бригад. Как правило, они создавались на самых ответственных и решающих участках производства и показывали образцы трудовой дисциплины, высокой производительности труда. Я. Л. Ниренбург, Г. В. Пожидаева видят в ударных бригадах, получивших широкое распространение на Урале, новый шаг вперед в развитии социалистических форм труда¹⁴³.

¹⁴¹ См.: *Ниренбург Я. Л., Пожидаева Г. В.* Коммунистические организации Урала во главе трудового соревнования рабочих (1919—1920) // *Большевистские организации Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны* (1917—1920). Свердловск, 1981. С. 133—134.

¹⁴² См.: *Скробов В. С.* Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале. Октябрь 1917—1920 г. С. 246.

¹⁴³ См.: *Ниренбург Я. Л., Пожидаева Г. В.* Коммунистические организации Урала во главе трудового соревнования рабочих (1919—1920). С. 132.

В литературе отмечается, что местные партийные, советские, хозяйственные органы с помощью центра в короткий срок сумели ликвидировать разрушения, причиненные войной, возродить промышленность и транспорт. Наиболее обобщенно итоги восстановления народного хозяйства Урала показываются в коллективном труде «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале». Авторы этой работы отмечают, что в 1920 г. заводы Урала произвели более 70% выплавленной в стране стали, почти 100% рельсов и 62% другого проката. Они пришли к выводу, что в рассматриваемый период «военная экономика Советской страны опиралась на промышленные ресурсы Урала»¹⁴⁴.

Уральский регион являлся в 1919—1920 гг. не только металлургической, топливной и сырьевой базой страны, но и районом, где производилась значительная часть оружия и снаряжения для Красной Армии. На уральских заводах бронировали поезда, изготавливали орудия и пулеметы, снаряды и орудия, холодное оружие и т. д. Под подсчетам А. И. Лахмана, за 1919—1920 гг. ижевские оружейники дали Красной Армии 445 720 винтовок, что составило половину их выпуска в стране за эти годы¹⁴⁵.

По достоинству оценен исследователями и трудовой подвиг уральского крестьянства. Высшим проявлением революционного патриотизма тружеников деревни нашего края было выполнение, а в ряде случаев и перевыполнение продовольственной разверстки, активное участие в общественно-политических кампаниях помощи фронту. В литературе сообщаются очень интересные факты, свидетельствующие о решимости крестьян отдать все для победы. По подсчетам Я. Л. Ниренбурга, в 1919/20 и 1920/21 хозяйственных годах на Урале было заготовлено 85 млн пудов хлеба и зернового фуража, что составило более 1/7 всего зерна, полученного в стране¹⁴⁶. Как справедливо отмечается в литературе, это следует считать несомненным свидетельством того, что союз трудящихся классов стал реальным фактом и что трудовое крестьянство извлекло правильные выводы из уроков гражданской войны.

Историография гражданской войны располагает значительной литературой, отражающей другие стороны участия трудящихся Урала в оказании помощи фронту. Историки пишут о проведении массовых общественных кампаний по сбору оружия, военного снаряжения, одежды, денег для Красной Армии, отмечают заботу о семьях красноармейцев. Эта помощь приобрела широкий размах в наиболее критические для Советской Республики моменты, ког-

¹⁴⁴ Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 388.

¹⁴⁵ См.: *Лахман А. И.* Во имя революции: Рабочие Вятской губернии в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. С. 110.

¹⁴⁶ См.: *Ниренбург Я. Л.* Из истории деятельности рабочих продовольственных отрядов на Урале в 1919—1920 гг. // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1964. Вып. 2. С. 30.

да фронт испытывал особо острую нужду во всемерной поддержке тыла. О размахе добровольных пожертвований уральцев свидетельствуют многочисленные факты, приведенные в литературе. Например, авторы «Истории Урала» сообщают, что к июлю 1920 г. в Пермской и Екатеринбургской губерниях от трудящихся поступило в помощь фронту 13 млн р., сотни пудов продовольствия и тысячи комплектов одежды¹⁴⁷.

В историографии гражданской войны на Урале четко определены субъективные факторы, которые оказывали сильнейшее воздействие на расстановку классовых сил, ускоряли и закрепляли поворот трудящихся масс на сторону Советской власти. Речь идет о громадной разъяснительной и организаторской работе партии в маесах, о правильной социальной политике нашего государства, направленной на защиту жизненных интересов трудящихся. После разгрома Колчака большевики Урала, руководствуясь социальной программой Октябрьской революции, при постоянной поддержке центральных партийных и советских органов мобилизовали максимум сил и средств, чтобы ослабить последствия хозяйственной разрухи и антинародной политики белогвардейцев и интервентов. Из литературы видно, что забота о нуждах трудящихся выразилась в воссоздании и развитии органов здравоохранения, народного образования, оказания рабочим и крестьянам продовольственной, финансовой, материальной, хозяйственной помощи. А. В. Бакунин, И. В. Гусельников, П. Г. Матушкин и др. сообщают факты срочной помощи уральским рабочим, которая предпринималась по указанию В. И. Ленина. По его инициативе пополнялись кадры рабочих, строилось жилье, рабочие обеспечивались одеждой, обувью, промышленными товарами. В «Истории гражданской войны в СССР» указано, например, что Совет труда и обороны 9 января 1920 г. принял постановление о снабжении теплой одеждой шахтеров Кизеловских угольных копей¹⁴⁸. В этом же месяце по распоряжению В. И. Ленина военно-хозяйственное ведомство отпустило рабочим Челябинского угольного района более 2 тыс. валенок, свыше 1 тыс. полушубков, шахтерские сапоги и т. д.

Большую заботу В. И. Ленин проявлял о снабжении рабочих Урала продовольствием. Авторы книги «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале» приводят документы, в которых В. И. Ленин требовал «во что бы то ни стало снабдить всех рабочих Урала... полным запасом необходимого продовольствия» и сводки о поступлении хлеба «присылать два раза в месяц»¹⁴⁹.

¹⁴⁷ См.: История Урала. 2-е изд. Пермь, 1977. Т. 2. С. 145.

¹⁴⁸ См.: История гражданской войны в СССР (1917—1922). М., 1960. Т. 5. С. 22.

¹⁴⁹ Цит. по: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 384.

Подчеркивая огромное значение социальной политики Советского государства, исследователи, однако, не забывают, что в условиях войны, хозяйственной разрухи его материальные возможности были чрезвычайно ограничены и их не хватало для удовлетворения социальных потребностей населения. Особенно тяжелым было положение рабочего класса. По данным Е. Г. Гимпельсона, в 1920 г. 89,1 тыс. рабочих, занятых в металлургии Урала, получили всего 2 тыс. пар валенок, 4 800 пар белья и 50 пар галош¹⁵⁰. В течение 1919 г. и четырех месяцев 1920 г. номинальная заработная плата рабочих Вятки, пишет А. И. Лахман, выросла в три раза, а реальная уменьшилась более чем в 30 раз¹⁵¹. Но в условиях острейшего недостатка продовольствия, предметов первой необходимости рабочий класс проявлял величайшую революционную сознательность, отдавая все силы укреплению обороноспособности страны.

Важнейшее место в социальной политике пролетарского государства занимала помощь семьям красноармейцев. Разработка этой проблемы ведется плодотворно и в целом получила удовлетворительное освещение. Историки подчеркивают разносторонность помощи семьям воинов Красной Армии. Им выдавали денежные пособия на приобретение скота, сельскохозяйственного инвентаря, дров, ремонтировали дома, помогали убирать урожай, обрабатывать землю. Я. Л. Ниренбург сообщает, что в Екатеринбургской губернии во второй половине 1919 г. на оказание денежной помощи семьям красноармейцев было израсходовано 122 млн р. В Пермской губернии была оказана помощь в обработке земли и в ремонте сельскохозяйственного инвентаря 39 727 семьям красноармейцев¹⁵².

Огромное политическое значение имела забота о хозяйственных нуждах трудового крестьянства. Историки обстоятельно рассмотрели этот вопрос, показав на многих конкретных примерах, как воплощался в жизнь курс Коммунистической партии на союз со средним крестьянством. В системе мероприятий по оказанию помощи деревне очень важное место занимало наделение землей безземельных и малоземельных крестьян. В. И. Иванова, Я. Л. Ниренбург, Р. П. Толмачева говорят о проведении в жизнь советских аграрных законов после освобождения края от колчаковцев и трудностях, с которыми земельные органы встретились на местах при осуществлении землеустройства. Из литературы вид-

¹⁵⁰ См.: Гимпельсон Е. Г. Советский рабочий класс. 1918—1920 гг.: Социально-политические изменения. М., 1974. С. 261.

¹⁵¹ См.: Лахман А. И. Во имя революции: Рабочие Вятской губернии в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. С. 57.

¹⁵² См.: Ниренбург Я. Л. Восстановление и упрочение Советской власти на Урале после разгрома колчаковщины (1919—1920 гг.). С. 77.

но, что, несмотря на недостаток технических сил, уральскому крестьянству в 1919—1920 гг. было передано огромное количество земли. По данным Я. Л. Ниренбурга, крестьяне Камышловского и Шадринского уездов получили 18 тыс. дес. церковной земли¹⁵³. Успехи в землеустройстве отмечает и башкирский историк З. А. Аминев. Он пишет, что после изгнания белогвардейцев в большинстве волостей за короткий срок были восстановлены проведенные весной 1918 г. уравнильные переделы земли¹⁵⁴. Вместе с тем некоторые историки, в частности авторы «Очерков истории Удмуртской АССР», справедливо считают, что наделение крестьянства землей в ряде районов Урала затянулось на весь период гражданской войны, а в некоторых местах этот процесс не был завершен и к концу 1920 г.¹⁵⁵

Восстановление производительных сил сельского хозяйства в значительной степени зависело от обеспечения деревни машинами и инвентарем. Исследователи отмечают, что партийные и советские органы мобилизовали местные ресурсы для производства необходимого крестьянству инвентаря. Однако снабжение деревни инвентарем было весьма ограниченным. По данным В. И. Ивановой, полученные в 1920 г. Челябинской губернией сельскохозяйственные машины и орудия только на 10% могли удовлетворить потребности населения¹⁵⁶. Поэтому исключительное значение приобретали ремонт имевшихся сельскохозяйственных орудий и развитие сети прокатных пунктов. В середине 1920 г. в Екатеринбургской губернии работало, как пишет Р. П. Толмачева, 227 прокатных пунктов и 116 ремонтных мастерских¹⁵⁷.

Особую заботу Советское государство проявляло о жизненных нуждах крестьянской бедноты и маломощных середняков. В этом отношении большую роль играло восстановление сельскохозяйственных коллективов, уничтоженных белогвардейцами, и создание новых. Организация и деятельность коллективных хозяйств на Урале нашла отражение в литературе. Н. В. Ефременков, Я. Л. Ниренбург, Р. П. Толмачева рассказывают о формах коопе-

¹⁵³ См.: *Ниренбург Я. Л.* К вопросу о ревкомах как местных органах власти Советского государства // Учен. зап. / Ош. пед. ин-т. 1959. Вып. 3. С. 80.

¹⁵⁴ См.: *Аминев З. А.* Начало восстановления народного хозяйства Башкирии после освобождения края от колчаковцев (1919—1920 гг.) // Учен. зап. / Башк. ун-т. 1969. Сер. 8, Ист. науки. Вып. 41. С. 18.

¹⁵⁵ См.: *Очерки истории Удмуртской АССР.* Т. 2. С. 94.

¹⁵⁶ См.: *Иванова В. И.* Деятельность партийных организаций Южного Урала по оказанию помощи крестьянству после освобождения от колчаковщины (1919—1920 гг.) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири: (докл. и сообщ. науч. конф. по истории сельского хозяйства и крестьянства Урала и Западной Сибири, 10—12 июня 1965 г.). Свердловск, 1966. С. 351.

¹⁵⁷ См.: *Толмачева Р. П.* К вопросу об экономической политике Советской власти в деревне в 1920 г.: (по материалам Екатеринбургской губернии) // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1964. Вып. 5. С. 107.

рирования, дают социально-экономическую характеристику сельскохозяйственным кооперативам, указывают время создания колхозов, их численность, подчеркивают ведущую роль коммунистов и рабочих в колхозном строительстве, более высокую производительность труда в колхозах по сравнению с мелкими индивидуальными хозяйствами. Авторы отмечают огромное политическое значение первых коллективных хозяйств, которые оказывали помощь крестьянам и приобщали их к общественному труду. Наряду с государственными и хозяйственными органами активное участие в этом принимал рабочий класс, особенно в период общественно-политических кампаний, таких, как неделя сельскохозяйственной помощи, неделя ремонта сельскохозяйственного инвентаря, неделя крестьянина. В это время десятки тысяч рабочих выезжали в деревню для оказания шефской помощи крестьянам. На заводах рабочие увеличивали трудовой день, проводили субботники и воскресники для производства и ремонта сельскохозяйственного инвентаря. Крестьянство усиленно снабжалось промышленной продукцией, в первую очередь железом, крайне необходимым для села. По данным Р. П. Толмачевой, в период недели ремонта сельскохозяйственного инвентаря (апрель 1920 г.) государство выделило для пяти губерний Урала 50 тыс. пудов железа¹⁵⁸.

Большую организационную и материальную помощь крестьянам рабочий класс оказывал через продовольственные отряды. Интерес к этой проблеме проявили А. И. Лахман, Я. Л. Ниренбург, З. И. Сираев. Они подняли вопрос об источниках формирования продотрядов, их численности, партийном и профессиональном составе, характере деятельности. Я. Л. Ниренбург, например, отмечает, что в заготовительных кампаниях 1919/20 и 1920/21 гг. в пяти уральских губерниях приняло участие 282 рабочих продотряда, в которых состояло 8 276 человек. Больше четверти членов продотрядов были коммунистами¹⁵⁹. На многочисленных примерах исследователи показывают титаническую работу продотрядов по оказанию всесторонней, и в первую очередь хозяйственной, помощи крестьянству. Слабее раскрыта идейно-политическая и культурно-просветительная деятельность продовольственных отрядов, но тем не менее ее общие направления в литературе прослеживаются. Продотряды; пишут историки, укрепляли деревенские органы власти, создавали сельские партийные и комсомольские организации, школы, клубы, библиотеки, избы-читальни, читали лекции, созывали сходы, митинги, на которых разъясняли политику Коммунистической партии, Советского государства.

¹⁵⁸ См.: Толмачева Р. П. К вопросу об экономической политике Советской власти в деревне: (по материалам Екатеринбургской губернии). С. 107.

¹⁵⁹ См.: Ниренбург Я. Л. Из истории деятельности рабочих продовольственных отрядов на Урале в 1919—1920 гг. С. 21—22.

На основе исследованных фактов историки делают закономерный вывод, что в результате осуществления аграрной политики партии, помощи пролетарского государства экономическое положение уральского крестьянства заметно улучшилось. Социально-экономические сдвиги, происшедшие в деревне в конце гражданской войны, выразились главным образом в осереднячении значительной части деревенской бедноты. По сведениям Ю. А. Полякова, в Пермской губернии с 1917 по 1920 г. число хозяйств с посевом до 2 дес. выросло с 23,4 до 40,5%, а количество бескоронных хозяйств уменьшилось с 18,6 до 8,1%¹⁶⁰.

Есть еще один важный аспект социальной политики партии в годы гражданской войны, который привлек внимание исследователей: приобщение трудящихся масс к управлению государством, осуществление принципов социалистической демократии. В настоящее время имеются разработки, касающиеся истории возникновения и функционирования на Урале таких общественных институтов, как ячейки содействия при органах рабоче-крестьянской инспекции, делегатские собрания женщин, беспартийные конференции. Действенным средством приобщения широких масс к политической жизни страны являлись беспартийные конференции. Исследователи (Т. Л. Левина, Я. Л. Ниренбург, Г. С. Сутырина) говорят о времени появления беспартийных конференций на Урале, анализируют главные направления их работы, показывают классовую борьбу, которая велась на этих конференциях по основным вопросам жизни деревни и государства в целом, подчеркивают массовость беспартийных конференций, их политическое и хозяйственное значение для укрепления тыла.

Определенное отражение нашла в литературе борьба коммунистов за повышение политической сознательности женщин через женотделы и делегатские собрания. Г. Ф. Горнова, Е. В. Костюченко, А. Юрьева подчеркивают характер деятельности делегатов, которые работали в органах социального обеспечения, здравоохранения, народного образования, оказывали помощь семьям красноармейцев, организовывали общественное питание, активно участвовали в различных кампаниях помощи фронту. В эти годы были предприняты первые шаги по вовлечению женщин в состав местных Советов и исполкомов.

Одной из главных форм по вовлечению рабочих и крестьян в работу по управлению государством являлись контрольные органы, в особенности ячейки содействия, которые функционировали при рабоче-крестьянской инспекции. Историки края пишут о работе ячеек содействия по обследованию и ревизии различных

¹⁶⁰ См.: Поляков Ю. А. Социально-экономические итоги аграрных преобразований Октябрьской революции (1917—1920 гг.). М., 1961. С. 30, 34.

учреждений, предприятий, отмечают эффективность и массовость этих обследований. По сведениям А. М. Савинкова, в 1920 г. только Пермским губернским отделением РКИ было произведено около 500 различных обследований¹⁶¹.

К сожалению, сегодняшний уровень разработки темы не дает полного представления о формах демократизации советского строительства, о роли массовой инициативы в деле управления государственным аппаратом. Если роль указанных общественных институтов в решении народнохозяйственных задач, сплочении трудящихся масс вокруг Коммунистической партии, укреплении союза рабочего класса с крестьянством раскрыта сравнительно полно, то их значение как школы приобретения трудящимися навыков государственного управления, подготовки кадров советских работников исследовано недостаточно. Опубликованные материалы не содержат обобщающих данных (в масштабах региона, губерний и даже уездов) о том, какое количество рабочих и крестьян было вовлечено в массовые обследования, летучие ревизии предприятий и учреждений, работу делегатских собраний женщин, беспартийных конференций по всему послеколчаковскому периоду гражданской войны на Урале.

4. История промышленности и рабочего класса Урала периода социалистического строительства

Изучение истории промышленного развития Урала, борьбы партийных организаций за мобилизацию трудящихся масс на решение главных задач социалистического строительства наиболее широко развернулось в 60—80-е гг. В исторических исследованиях были поставлены важные теоретические вопросы, такие, как периодизация промышленного развития Урала в переходный период, соотношение общих закономерностей и специфических особенностей в социалистическом переустройстве экономики края. На решении их уральскими исследователями положительно сказался выход содержательных работ общесоюзного плана, посвященных истории промышленности в СССР в период восстановления и реконструкции народного хозяйства. Труды Э. Б. Генкиной, С. С. Хромова, Ю. В. Воскресенского, В. С. Лельчука, В. И. Касьяненко и других советских исследователей заложили хорошую основу для изучения восстановления промышленности после гражданской войны, уяснения значения ленинского плана ГОЭЛРО для промышленного развития СССР в переходный период, определения исходного уровня и основных этапов социалистической индустриализации, отличия социалистической индустриализации от капи-

¹⁶¹ См.: *Савинков А. М.* Из деятельности Пермской РКИ в 1920 г. // Из истории партийных организаций Урала. Пермь, 1966. № 151. С. 37.

талистической, сущности советского метода промышленного развития.

Внимание уральских исследователей привлек период восстановления промышленности края после окончания гражданской войны. Советские историки по-разному определяют хронологические рамки восстановительного периода. В. П. Иванов полагает, что уральским партийным, советским и хозяйственным органам удалось приступить к началу восстановления промышленности сразу после освобождения территории Урала от колчаковской оккупации, т. е. уже с осени 1919 г.¹⁶² В. В. Фельдман и В. С. Голубцов выступили против автоматического увязывания окончания военных действий и начала восстановления промышленности. Они обратили внимание на то, что в 1919—1920 гг. была проделана большая работа по налаживанию предприятий, продукция которых была необходима для нужд фронта. В начале 1921 г. была предпринята попытка методами военного коммунизма быстро восстановить уральскую промышленность, увеличить выплавку металла в несколько раз. Однако только переход к новой экономической политике смог обеспечить решение этой важной задачи¹⁶³.

В. С. Голубцов на материалах ведущей отрасли уральской промышленности — металлургии показал, что восстановительные процессы на Урале начались значительно позже, чем по стране, — лишь в 1922 г., а до того времени продолжался упадок основных отраслей промышленности. Причинами этого являлись серьезные ошибки, допущенные в конце 1920 — начале 1921 г. руководителями хозяйственных органов центра и Урала, обострение хозяйственных трудностей, влияние неурожая и голода 1921 г.

В. А. Плотичкин, В. П. Иванов, В. С. Голубцов, В. В. Фельдман рассмотрели ход восстановления уральской промышленности, обратили внимание на важность таких мероприятий Коммунистической партии, как перевод промышленности на хозяйственный расчет, реализация на Урале ленинского указания о необходимости концентрации крупной промышленности, проведение перестройки управления промышленностью, использование концессий.

П. Г. Матушкин и В. Ф. Тиунов раскрыли значение ленинского плана ГОЭЛРО для промышленного развития Урала и показали его реализацию. Авторы отметили, что главные усилия были направлены на кустование существующих энергосистем для

¹⁶² См.: *Иванов В. П.* Вопросы историографии деятельности рабочего класса Урала (1919—1925 гг.) // Тр. / Моск. ист.-арх. ин-т. 1974. Т. 30, вып. 1. С. 5.

¹⁶³ См.: *Фельдман В. В.* Борьба коммунистической партии за восстановление промышленности и сплочение рабочего класса на Урале в 1921—1925 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 1971. С. 51—52; *Голубцов В. С.* Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917—1923). М., 1975. С. 202.

более равномерного распределения энергии и строительства новых электростанций¹⁶⁴.

В работах уральских исследователей подведены итоги и показаны особенности восстановления промышленности. В 1925/26 г. валовая продукция всей уральской промышленности составила 93,9% от уровня 1913 г. По производству проката, кровельного железа и стали был почти достигнут довоенный уровень¹⁶⁵. Однако восстановление промышленности было не только возрождением старых предприятий и производственных связей. Уже в ходе восстановительного периода началась реконструкция, преобразовавшая характер и структуру уральской промышленности в годы индустриализации.

Успехи в изучении восстановительного периода в регионе позволили уральским исследователям решить важные проблемы перехода к осуществлению ленинского плана социалистической индустриализации. В их работах подчеркивается исключительно важное значение решений XIV съезда ВКП(б), взявшего курс на осуществление политики социалистической индустриализации, раскрывается плодотворная деятельность уральских партийных организаций по реализации этого плана.

А. В. Бакунин поставил вопрос о периодизации промышленного развития Урала в годы социалистической индустриализации. По его мнению, в 1926—1937 гг. была в основном создана социалистическая индустрия с ее ведущими отраслями тяжелой промышленности. Был выполнен ленинский план социалистической индустриализации как составная часть всего плана построения социализма в нашей стране. Внутри этого периода выделяются этапы: 1926—1929, 1929—1932, 1933—1937. Однако у исследователей имеются разногласия относительно начала второго этапа. А. В. Бакунин связывает его с принятием первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, «который знаменовал собой особый период в развитии индустриализации не только Урала, но и Центрального промышленного района, Донбасса, Поволжья и других экономических районов СССР»¹⁶⁶. По мнению В. Н. Зуйкова, создание на основе решений XIV съезда ВКП(б) крупного индустриального центра на Урале «знаменовало собой новый этап в развитии народного хозяйства, в размещении промышленности СССР»¹⁶⁷.

¹⁶⁴ См.: Матушкин П. Г. Урало-Кузбасс. Челябинск, 1966; Тиунов В. Ф. Энергетика Западного Урала: Ист.-экон. очерк. Пермь, 1968; Он же. Ленинский план электрификации страны и электроэнергетика Западного Урала. Пермь, 1969.

¹⁶⁵ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 2. С. 47—48.

¹⁶⁶ Бакунин А. В. Социалистическая индустриализация Урала: (к историографии вопроса) // Историография социалистического строительства на Урале в переходный период (1917—1937). С. 85.

¹⁶⁷ Зуйков В. Н. Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926—1932. М., 1971. С. 44, 46.

Заслугой уральских историков являются обобщающие исследования, в которых прослеживается история промышленного развития Урала в реконструктивный период¹⁶⁸, деятельности партии по превращению Урала в могучий индустриальный район страны. Авторам удалось обобщить материал по различным отраслям промышленности крупнейшего региона страны, сыгравшего важнейшую роль в индустриализации СССР. Конечно, конкретная проблематика, а также хронологические рамки каждой монографии различны.

П. Г. Матушкин комплексно рассмотрел историю возникновения и реализацию проблемы Урало-Кузнецкого комбината. Он справедливо связывает план Урало-Кузнецкого комбината с электрификацией этих районов, отмечая, что в плане ГОЭЛРО подчеркивалась важная роль Урала в деле электрификации страны и что производственная связь Урала и Кузбасса могла быть реально осуществлена на основе электрификации и реконструкции всего народного хозяйства страны. Автор рассказывает о ходе строительства крупных предприятий, позволивших соединить уральский металл и сибирский уголь.

В. Н. Зуйков и А. В. Бакунин анализируют промышленное строительство на Урале в годы первых пятилеток. Они заостряют внимание как на строительстве новых промышленных предприятий, так и на технической реконструкции старых в плане создания второй угольно-металлургической базы на востоке страны.

Конкретные исследования по отдельным проблемам индустриализации можно разделить на две группы. Первая включает в себя работы, авторы которых изучают комплекс вопросов, связанных с развитием промышленности Урала на различных этапах социалистической индустриализации. Ученые подчеркивают разнохарактерность этих задач.

Существенным вкладом в изучение начального этапа социалистической индустриализации на Урале явились исследования В. М. Куликова. Он показал место Урала в плане социалистической индустриализации страны, деятельность уральских организаций по научно обоснованному планированию хозяйств региона, борьбу рабочего класса за рациональное и рентабельное производство, развертывание промышленного строительства, наиболее полно рассмотрел классовую и внутрипартийную борьбу с троцкистско-зиновьевским антипартийным блоком по вопросам индустриализации. В работах В. М. Куликова раскрывается не только деятельность ЦК партии в этом направлении, но и, что особенно важно, борьба уральских партийных и общественных организаций с антиленинскими уклонами.

¹⁶⁸ См.: Матушкин П. Г. Урало-Кузбасс; Зуйков В. Н. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926—1932); Бакунин А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке. Свердловск, 1968.

Введение обширного архивного материала о борьбе с антипартийными группировками присуще всей литературе, посвященной начальному этапу индустриализации Урала. П. Г. Матушкин, В. Н. Зуйков, А. Е. Недобоева и др. значительное место отводят изучению роли ЦК, уральских партийных и советских организаций в утверждении ленинского курса на индустриализацию страны, развитие на Урале промышленного центра. Это расширило прежние представления о характере, направленности, масштабах внутрипартийной борьбы, участия в ней рабочего класса, молодежи, самой широкой общественности уральского края. В таких условиях победа над «левыми» и правыми оппортунистами, буржуазными националистами в вопросах индустриализации была неизбежна.

В описании второго этапа социалистической индустриализации освещены два основных направления: строительство новых крупных промышленных предприятий и техническая реконструкция старых в плане сооружения Урало-Кузнецкого комбината. Исследователи все больше привлекают вопросы рационализации, технического прогресса, творчества рабочего класса, инженерно-технических работников, повышения боеспособности партийных и общественных организаций. Вместе с экономистами историки раскрывают этапы создания и развития ведущих отраслей уральской индустрии, особенно металлургии, машиностроения, химии, топливно-энергетического комплекса, анализируют деятельность Центрального Комитета, выдающихся деятелей партии, уральской партийной организации, всего советского народа в строительстве на Урале крупнейшего индустриального центра страны.

Наиболее ярко история промышленного строительства на Урале в годы первой пятилетки представлена в трудах П. Г. Матушкина и В. Н. Зуйкова. Авторы проследили историю социалистического строительства и проектирования заводов тяжелой индустрии, массовый героизм рабочего класса в создании и технической реконструкции предприятий, обеспечении высоких темпов развития промышленности и преодоления трудностей. На большом фактическом материале они объясняют источники побед в промышленном строительстве и технической реконструкции, показывают, как Коммунистическая партия и ее ведущий отряд — большевики Урала готовили эти решающие успехи, перестраивали свои ряды, совершенствовали формы и методы работы в массах. Авторы дают историю становления уральской индустрии во взаимодействии, комплексном развитии всех ведущих отраслей, в кооперации с хозяйственной жизнью Сибири.

Применительно к третьему этапу исследователи анализируют процесс завершения строительства второй угольно-металлургической базы, реконструкции промышленности. В работах А. В. Бакунина, А. П. Воропай, В. Г. Томшича, Н. П. Минаковой просле-

живается ввод в действие ведущих предприятий тяжелой промышленности, решение главной задачи периода — освоение новой техники и новых производств. Подробно освещается деятельность уральских партийных организаций по перестройке и укреплению своих рядов, повышению уровня идеологической работы коммунистов и политической активности масс. Исследователи справедливо делают акцент на организации труда, укреплении трудовой дисциплины, перестройке и совершенствовании управления производством, на качественных показателях уральской промышленности. Наряду с этим подводятся итоги социалистической индустриализации, рассматриваются социально-политические и экономические изменения, происшедшие на Урале в результате победы социализма.

Вторая группа исследований показывает осуществление ленинского плана социалистической индустриализации на примере развития отдельных отраслей промышленности. Правда, изучению подвергаются в основном отрасли тяжелой промышленности. В настоящее время имеются фундаментальные труды, посвященные ведущим отраслям уральской индустрии, таким, как металлургия, машиностроение, химия. Это главным образом историко-партийные исследования, раскрывающие деятельность партийных организаций по созданию ведущих отраслей уральской индустрии, показывающие рост перерабатывающих отраслей и на основе этого структурные сдвиги в промышленности. Впервые были предприняты попытки исследовать на уральском материале развитие легкой и пищевой промышленности. В статьях А. И. Яковлева показывается рост этих отраслей промышленности в годы второй пятилетки.

Исследования по истории отдельных отраслей промышленности позволяют отразить гигантские достижения на каждом участке. Однако в отличие от обобщающих трудов в этих работах сложнее оценить общий вклад каждой отрасли в народное хозяйство Урала.

В последние годы проявился интерес к изучению особенностей индустриального развития национальных районов Урала¹⁶⁹. Исследователи отмечают, что решающими предпосылками социалистической индустриализации Башкирии и Удмуртии были национальное и социальное освобождение трудящихся Октябрьской революцией, братская помощь русского народа, постоянная забота Коммунистической партии и Советского правительства. Все это обусловило более высокие темпы индустриализации автономных республик, чем в целом по стране.

¹⁶⁹ См.: Гумеров Г. Башкирия в период восстановления народного хозяйства. 1923—1928 гг. Уфа, 1960; Муртазин М. Руководящая роль КПСС в создании нефтяной промышленности Башкирии. Уфа, 1960; Башкирская партийная организация во главе социалистической индустриализации республики: Сб. статей. Уфа, 1970.

Относительно исходного уровня индустриализации автономных республик высказываются различные суждения. Во многих работах отмечается, что в Башкирии и Удмуртии период индустриализации связан с началом первой пятилетки. Из-за серьезных разрушений, нанесенных в ходе военных действий на территории автономных республик, жестокого неурожая и голода 1921/22 г. восстановление народного хозяйства затянулось и было завершено только в 1927/28 г.¹⁷⁰

Другие исследователи считают, что индустриализация в Башкирии и Удмуртии началась одновременно с центральными и другими промышленными районами страны¹⁷¹. Они полагают, что достижение довоенного уровня производства не может быть мерилом их подготовленности к реконструкции хозяйства, и Удмуртия и Башкирия благодаря помощи всей страны имели возможность перейти к реконструкции, индустриализации до полного окончания восстановительных работ. Начало индустриализации эти авторы связывают с реконструкцией крупных промышленных предприятий и освоением новых видов промышленной продукции.

В работах башкирских и удмуртских историков показывается преобразующее воздействие ленинских идей на жизнь ранее отсталых народов. Строительство в этих республиках крупных промышленных предприятий отражало суть нового, социалистического размещения производительных сил и национальной политики Коммунистической партии. Успехи в индустриализации имели большие социально-экономические последствия. В условиях советского строя произошла консолидация башкир и удмуртов в социалистическую нацию. Рабочий класс стал ведущей силой республик.

Значительно обогатилась литература по истории заводов и фабрик и городов Урала. Появились новые книги о Свердловске, Нижнем Тагиле, Серове, Алапаевске. По инициативе архивного отдела Свердловского облисполкома и Государственного архива Свердловской области был издан ряд сборников, в которых давались методические указания к написанию научной истории фабрик и заводов, содержались обзоры фондов ГАСО, в которых имеются материалы по истории отдельных предприятий Урала, а также публиковались статьи по истории фабрик и заводов¹⁷².

В настоящее время созданы крупные исследования по истории гигантов промышленности Урала первых пятилеток — Уралмаш-

¹⁷⁰ См.: Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. С. 247—248; Очерки истории Удмуртской организации КПСС. С. 268.

¹⁷¹ См.: Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 2. С. 142; Саяхов Ф. Борьба башкирской партийной организации за осуществление ленинского плана построения социализма (1926—1937): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 1968. С. 22.

¹⁷² См.: Из истории заводов и фабрик Урала. Свердловск, 1960. Вып. 1; 1963. Вып. 2.

завода, Магнитогорского металлургического комбината, Челябинского тракторного завода, выходят научно-популярные очерки и исследования по истории других предприятий края. В этих работах прослеживается история становления городов социалистического типа, создания социалистических предприятий на Урале, особенно в период индустриализации. Достоинство книг и в том, что они рассказывают о героях первых пятилеток, крупных организаторах, новаторах производства и имеют важное значение для воспитания молодежи на славных патриотических традициях нашего народа.

С историей промышленного развития Урала тесно связана история рабочего класса в период восстановления народного хозяйства и социалистической индустриализации.

В центре внимания историков, занимающихся периодом восстановления народного хозяйства и начавшейся реконструкции промышленности, находится вопрос о консолидации и развитии рабочего класса Урала. В. В. Фельдман, В. В. Адамов, В. П. Иванов, Н. М. Щербакова рассматривают изменения в численности и составе рабочего класса в ходе мирного строительства. В. В. Фельдман, исходя из данных о землепользовании горнозаводского населения Урала после Октябрьской революции, делает вывод, что не только увеличились земельные наделы рабочих, но землепользование распространилось на новые категории горнозаводского населения. Переход части рабочих к усиленному занятию сельским хозяйством на земле, расположенной близ заводских поселков, в общем отражая процесс деклассирования, задержал распыление рабочего класса. Поэтому восстановление рабочих кадров на Урале шло значительно быстрее, чем в других промышленных центрах страны¹⁷³.

Сходной точки зрения на процессы, происходившие в рабочем классе Урала в период восстановления народного хозяйства, придерживается В. П. Иванов. Приведя данные об изменениях в численности уральского пролетариата по годам, он отмечает, что, несмотря на голод и жесткую концентрацию производства, количество рабочих в тот период уменьшилось незначительно. Причину этого автор видит в прочных традиционных связях большинства уральских рабочих с землей. Данное обстоятельство привело к тому, что на Урале консолидация рабочей силы не представляла больших трудностей¹⁷⁴.

Современные исследователи обратили внимание на источники

¹⁷³ См.: *Фельдман В. В.* Развитие социалистической промышленности и формирование социалистического рабочего класса на Урале // В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. Вып. 1. С. 210.

¹⁷⁴ См.: *Иванов В. П.* Вопросы историографии деятельности рабочего класса Урала (1919—1925 гг.) // Тр. / Моск. ист.-арх. ин-т. М., 1974. Т. 30, вып. 1. С. 19.

пополнения рабочего класса в то время. Они подчеркивают, что в первые годы Советской власти (до 1928 г.) это были главным образом члены рабочих семей — женщины и подростки, а с 1929 г. — в основном выходцы из деревни, крестьяне Уральской области или близких к Уралу районов Поволжья и Башкирии. Среди них было немало представителей нерусских национальностей — татар, башкир, мордвы, удмуртов, что способствовало быстрому культурному росту этих народов.

Башкирские и удмуртские историки проделали большую работу по изучению истории рабочего класса автономных республик. Ими подготовлены серьезные обобщающие труды, в которых раскрываются вопросы формирования и развития рабочего класса в период строительства социалистического общества¹⁷⁵. На формирование рабочего класса Башкирии и Удмуртии повлияли более поздние сроки восстановления его численности, продолжавшей сокращаться и после окончания гражданской войны. Лишь преодоление последствий голода 1921 г. создало предпосылки для собирания кадров рабочих Удмуртии и Башкирии. Процесс восстановления численности рабочего класса в этих республиках затянулся до 1928 г.

В современной исторической литературе получили освещение отдельные проблемы истории уральских рабочих периода восстановления народного хозяйства и начавшейся реконструкции промышленности. Ряд историков обратили внимание на формы классовой борьбы рабочих в первые годы нэпа. Работы А. В. Бакунина, В. Г. Гранина, В. Д. Камынина, Ф. Ф. Ячменева посвящены изучению положения и борьбы рабочих на концессионных предприятиях. На этом сложном участке социалистического строительства рабочему классу, поддерживаемому Советским государством, противостоял иностранный капитал. Авторы раскрывают формы борьбы рабочих за свои права, деятельность профсоюзов по поддержке и защите интересов рабочих, результаты борьбы с иностранными предпринимателями.

В. П. Иванов, А. В. Мельников, В. В. Фельдман специально остановились на деятельности профсоюзов Урала в период восстановления народного хозяйства, охватывающей создание аппарата управления промышленностью, перестройку заработной платы, повышение культурно-технического уровня рабочих. В. П. Иванов рассмотрел процессы, происходившие в уральских профсоюзах в связи с переходом к новой экономической политике

¹⁷⁵ См.: Из истории рабочего класса Башкирской АССР. Уфа, 1967; Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. 1. (1917—1950 гг.). Уфа, 1971; Суханов А. И. Рабочий класс Удмуртии (1917—1970 гг.). Ижевск, 1979.

перестройку их деятельности, формы и методы руководства рабочими массами¹⁷⁶.

Наиболее разработанной проблемой истории рабочих Урала в современной исторической литературе является производственная активность рабочего класса в период перехода к мирному строительству и начала реконструкции промышленности. В. П. Иванов поставил очень интересную проблему об эволюции форм производственной активности уральских рабочих в первые годы восстановительного периода: коммунистические субботники, распространенные на Урале после освобождения от колчаковской оккупации, с конца 1921 г. начинают проводиться все реже и реже, а в 1922—1923 гг. исчисляются единицами. В. П. Иванов объясняет это последствиями голода, который сковывал трудовую активность рабочего класса, некоторыми негативными моментами в организации субботников. Но главное, по мнению автора, заключается в том, что субботники как форма трудовой активности рабочего класса были характерны для эпохи, когда неотложные первоочередные хозяйственные задачи требовали ударного добровольного труда миллионов людей. С переходом на хозрасчет, сдельную оплату труда, с развитием плановых начал в экономике предприятий и материального стимулирования ударного труда надобность в большом объеме сверхурочных работ и субботниках постепенно начала отпадать.

В. П. Иванов, Я. Л. Ниренбург, Г. В. Пожидаева обратили внимание на появление в первые годы восстановительного периода новой формы трудовой активности рабочего класса — ударных (показательных) групп, артелей и бригад. В. П. Иванов полагает, что именно эта форма продолжила традиции коммунистических субботников.

Современные исследователи основательно изучили деятельность производственных совещаний, которые возникли в годы восстановительного периода и получили широкое распространение в период социалистической индустриализации как эффективная форма привлечения рабочих к управлению производством и активизации их производственной активности. Эта тема раскрывается в работах Л. Н. Новоселова, С. М. Бабушкина, Л. Вагановой, В. Д. Камынина и некоторых других исследователей. Большинство авторов считают, что производственные совещания на Урале возникли осенью 1924 г. и постепенно получили все большее распространение.

¹⁷⁶ См.: *Иванов В. П.* Перестройка работы профсоюзов Урала в первые годы восстановительного периода (1921—1923 гг.). Пермь, 1966; *Он же.* Формы и методы привлечения трудящихся к управлению производством и культурным строительством на Урале (1921—1925). Пермь, 1966.

В. П. Иванов придерживается иного мнения об истоках и времени образования этой формы производственной активности рабочего класса. С его точки зрения, производственные совещания, возникшие на многих предприятиях в начале 1921 г., явились непосредственным ответом рабочего класса на ленинские указания о роли и задачах профсоюзов как школы управления социалистической промышленностью. Вначале производственные совещания не получили широкого распространения и применения, имели различную структуру и по-разному назывались. Однако их состав и содержание работы были в основном одинаковыми.

Большое внимание современные исследователи уделяют изучению предпосылок возникновения массового социалистического соревнования в промышленности Урала в первые годы социалистической индустриализации. В работах обобщающего характера¹⁷⁷, а также в статьях В. М. Куликова, В. Д. Камынина, В. А. Хламкина, В. Г. Черемных показывается широкое распространение в начальный период индустриализации новых форм трудовой активности рабочего класса, таких, как производственные конкурсы, смотры, переклички, ударные бригады. В работах последних лет делается попытка объяснить обусловленность появления новых форм соревнования процессами, происходящими в самом рабочем классе, и новыми задачами социалистического строительства.

В литературе по истории массового социалистического соревнования в начальный период индустриализации имеется ряд серьезных разночтений, многие из которых объясняются несовершенством методики использования исторических источников. До сих пор нет единого мнения о времени возникновения первой ударной бригады на Златоустовском механическом заводе — одной из первых ударных бригад в стране. В. Д. Камынин обнаружил документы, позволяющие отнести ее создание к маю—июню 1927 г.¹⁷⁸ Большие разночтения имеются в литературе о количестве ударников на Урале в 1929 г. Все это говорит о необходимости продолжать изучение данной проблемы.

Ряд вопросов по истории рабочих периода восстановления народного хозяйства и начавшейся реконструкции промышленности также нуждаются в более тщательном исследовании. Это участие передовых рабочих в хозяйственном и советском строительстве, рост материального благосостояния и культурно-технического уровня рабочих и т. д.

¹⁷⁷ См.: Очерки развития социалистического соревнования на Урале (1919—1967 гг.). Свердловск, 1970; Чеснокова Т. И. Его заветы вечны: Коммунисты — организаторы социалистического соревнования на Урале (декабрь 1917—январь 1970). Челябинск, 1970.

¹⁷⁸ Партийный архив Челябинской области. Ф. 491. Оп. 3. Д. 39. Л. 316; Оп. 4. Д. 75. Л. 324.

Периоду первых пятилеток посвящены исследования В. В. Адамова, А. И. Пасиковой, В. Г. Черемных, Н. М. Щербаковой. В них показываются структурные сдвиги в рабочем классе под влиянием социалистической индустриализации, закономерности его развития, общие для страны в целом и проявившиеся только на Урале. Н. М. Щербакова подчеркивает, что уральскому рабочему классу были присущи некоторые особенности роста. Так, при общем постоянном увеличении численности рабочих в промышленности в 1931—1932 гг. наблюдается сокращение числа рабочих на старых металлургических предприятиях. Это объясняется уходом рабочей силы со старых предприятий на новостройки.

Историки отмечают, что в период социалистического строительства связь определенной части рабочих с землей продолжала существовать. В. Г. Черемных пишет о значительном ослаблении этой связи уже к 1932 г. По мнению Н. М. Щербаковой, в начале 30-х гг. она была еще сравнительно велика. В то время происходило изменение характера связи различных категорий рабочих с землей. Если до конца 20-х гг. с землей были связаны в основном рабочие с большим производственным стажем, то в начале 30-х гг. — рабочие, лишь недавно пришедшие на промышленные предприятия.

В статьях В. В. Адамова выдвинут ряд интересных проблем, относящихся к специфике формирования промышленных кадров на Урале. Автор сделал вывод о более позднем, чем в целом по стране, прекращении бурного численного роста рабочих, отнеся конец этого процесса к 1934 г.

Современные исследователи продолжили изучение источников и форм пополнения рядов рабочего класса в годы первых пятилеток. Были выдвинуты различные оценки роли оргнабора рабочей силы в период наибольшего притока пополнения в ряды промышленных рабочих. В. Н. Елисеева утверждает, что период наибольшего спроса на рабочую силу совпал с сокращением притока крестьянского населения в промышленность. Эта точка зрения была подвергнута критике в исследованиях других уральских историков. Н. В. Ефременков и А. И. Пасикова на большом фактическом материале доказали, что потребность промышленности Урала в рабочей силе удовлетворялась главным образом за счет колхозного крестьянства Уральской области. Они привели убедительные данные об огромном резерве рабочей силы в сельском хозяйстве Урала и резко увеличении количества отходников в конце 20-х — начале 30-х гг.

В. В. Адамов пришел к выводу о преобладании самотека над оргнабором, указав на недостатки системы заключения предприятиями прямых договоров с колхозами на поставку рабочей силы.

Данный вывод, впервые высказанный уральскими исследователями, в дальнейшем получил подтверждение на общесоюзном материале.

Историки Башкирии и Удмуртии проанализировали особенности формирования национальных отрядов уральского рабочего класса в период социалистической индустриализации. По мнению В. Я. Алексеева, период восстановления народного хозяйства характеризовался не только собиранием кадров рабочих, но и существенными изменениями в их составе. Эти моменты необходимо учитывать при характеристике количественных и качественных изменений в составе рабочих автономных республик в период реконструкции народного хозяйства. Автор указывает, в частности, на то, что большинство рабочих стали трудиться на социалистических предприятиях; произошло некоторое увеличение численности национальных кадров рабочего класса; усилился процесс концентрации рабочих в связи с закрытием многих ветхих предприятий¹⁷⁹.

Однако другие исследователи считают, что в годы восстановления народного хозяйства и в начальный период индустриализации прослойка национальных кадров среди рабочих Башкирии и Удмуртии была незначительной. Т. Ахмадиев приводит данные, что в 1928 г. в цензовой промышленности Башкирии удельный вес башкир составлял 6%, татар — 8,4%¹⁸⁰. Он рассмотрел пути становления и развития рабочего класса, деятельность партийных и советских органов по созданию национальных отрядов рабочих Урала. Показав динамику роста национального состава по всем национальностям края, автор сделал вывод, что в 30-е гг. удельный вес таких отрядов был еще мал. Основные причины этого Т. Ахмадиев видит в низком уровне общеобразовательной подготовки, малочисленности городского населения, патриархально-бытовых и религиозных пережитках, тяжелых материально-бытовых и жилищных условиях, недостатках в деятельности партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций, которые отражались на подготовке и закреплении кадров на производстве.

Ф. Саяхов также выступил с критикой тех исследователей, которые завышали данные о росте национальных кадров рабочего класса. По его подсчетам, к концу первой пятилетки удельный вес национальных кадров на различных предприятиях Баш-

¹⁷⁹ См.: Алексеев В. Я. Из истории изучения социалистической индустриализации и рабочего класса в БАССР // Очерки советской историографии Башкирской АССР. С. 192.

¹⁸⁰ См.: Ахмадиев Т. Социалистическая индустриализация и формирование национальных кадров рабочего класса в Башкирии // Науч. сессия по истории сов. рабочего класса Башкирской АССР, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. С. 17.

кирии колебался от 10 до 15%¹⁸¹. Автор обратил внимание на социально-экономические последствия формирования национальных кадров рабочего класса. Он подчеркнул, что рабочий класс явился той частью наций, которая наиболее заметно обнаружила тенденцию к сближению с другими нациями. Кроме того, теперь союз рабочего класса и крестьянства носил не только межнациональный, как было ранее, но и внутринациональный характер.

Современные историки Башкирии пришли к выводу, что, несмотря на большие трудности, к концу второй пятилетки формирование рабочего класса было в основном завершено. Ядром формирования многонационального рабочего класса явились русские рабочие края и прибывшие из индустриальных районов страны.

Исследователи истории рабочего класса Башкирии указали на специфику формирования кадров рабочих отдельных отраслей промышленности. Труды Ю. Никифорова, А. Стрельцова, М. Муртазина посвящены рабочим-нефтяникам Башкирии. А. Стрельцов отмечает сложные условия процесса формирования кадров рабочих нефтяной и нефтедобывающей промышленности. В первые годы наблюдалась большая текучесть кадров, обусловленная отставанием жилищного строительства, недостатками в организации труда, предубеждением местного населения против промышленного труда. Автор обратил внимание на источники и формы пополнения рядов рабочих-нефтяников, повышение их культурно-технического уровня. Он подчеркнул, что сначала квалифицированные кадры рабочих и ИТР Башкирии готовились за ее пределами, а затем по мере развертывания сети профтехобразования основная часть стала формироваться непосредственно на территории автономной республики.

К сожалению, в уральской историографии отсутствуют работы, посвященные анализу формирования рабочих конкретных отраслей промышленности.

Из отдельных проблем истории рабочего класса Урала периода социалистической индустриализации большой интерес вызывает изменение культурно-технического уровня рабочих в годы первых пятилеток. Этой проблеме посвящены работы В. В. Адамова, М. Е. Плеханова, Л. И. Новоселова, П. Ф. Балакина, Н. Я. Кемеровой и других уральских исследователей. Авторы излагают систему мероприятий высших и местных партийных организаций по обучению рабочих без отрыва от производства и развитию стационарной сети фабрично-заводского ученичества. Они дают широкую картину борьбы советских рабочих за куль-

¹⁸¹ См.: *Саяхов Ф. Башкирская партийная организация в борьбе за создание кадров рабочего класса, повышение его трудовой активности и материального благосостояния // Партия в борьбе за социально-экономические преобразования в Башкирии. Уфа, 1968. С. 40.*

туру в годы первых пятилеток, показывают процесс повышения грамотности, распространения политических знаний. В определении же понятия «культурно-технический уровень рабочего класса» у исследователей нет четких критериев.

Во введении к сборнику статей «Рост культурно-технического уровня рабочего класса» подчеркивается, что при социализме культурно-технический рост трудящихся является результатом объективного фактора — роста самой техники, изменения условий труда, и субъективных — организаторской и воспитательной работы Коммунистической партии по мобилизации масс на овладение современной техникой и культурой, на развитие творческой инициативы трудящихся, работы по совершенствованию среднего специального образования и т. п.¹⁸² Однако о росте культурно-технического уровня рабочих большинство авторов судят по косвенным показателям — росту производительности труда, количеству рационализаторских предложений, уменьшению текучести кадров, укреплению дисциплины на производстве и т. д. Никто не пытается показать, как изменяется облик рабочего класса под влиянием требований социалистического производства.

Современные исследователи многое сделали для изучения форм социалистического соревнования рабочих в промышленности Урала в годы первых пятилеток. В работах К. Е. Андриевской, Л. И. Мартыновой, В. Г. Черемных, В. А. Хламкина, П. Ф. Балакина, Ф. Н. Каширской приводится большой фактический материал о росте производственной активности рабочего класса, рассматривается содержание различных форм социалистического соревнования — от ударничества до стахановского движения. Авторы пытаются объяснить причины распространения социалистического соревнования среди широких масс рабочего класса, дать сведения об ударниках, новаторах производства, показать эффективность соревнования, формы руководства им партийными и общественными организациями. К сожалению, ход социалистического соревнования на предприятиях Урала раскрывается в традиционной форме — на статистическом материале.

Некоторые историки оценивают стахановское движение как высший этап социалистического соревнования. Н. М. Щербакова полагает, что оно не было высшим из возможных, а одним из этапов социалистического соревнования, не исключавшим, а предполагавшим другие формы трудовой активности рабочего класса. Выступая против оценки эффективности и размаха стахановского движения по статистическим данным о количестве стахановцев, она утверждает, что об этом следует судить по объективным показателям — данным о перевыполнении и пересмотре норм.

¹⁸² См.: Рост культурно-технического уровня рабочего класса // Тр. / Урал. электромех. ин-т инж. ж.-д. транспорта. 1961. Вып. 4. С. 3.

Исследователи социалистического соревнования на материале автономных республик обратили внимание на медленное втягивание рабочих масс в этот процесс. Т. Ахмадиев отмечает, что причинами более слабого охвата соревнованием рабочих Башкирии были низкий культурно-технический уровень национальных кадров, большой приток в промышленность выходцев из деревни, которые часто не имели навыков работы на промышленных предприятиях, недостатки в работе партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций. В. Я. Алексеев подчеркивает, что некоторое снижение количества соревнующихся на предприятиях Башкирии объяснялось усложнением форм творческой активности рабочих. Постепенный выход на первый план качественных показателей в соревновании вызвал сильный отток рабочих с низким квалификационным и общеобразовательным уровнем.

В последние годы были поставлены некоторые новые проблемы истории рабочего класса Урала периода социалистической индустриализации. Это относится к материальному положению рабочих Урала, их политической активности, вовлечению женщин в общественно полезный труд, ликвидации безработицы. Однако в рассмотрении данных проблем на уральском материале предстоит еще многое сделать, чтобы раскрыть закономерности и особенности указанных аспектов жизни и деятельности рабочего класса.

Современные исследователи внесли большой вклад в изучение истории развития промышленности и рабочего класса Урала периода восстановления и реконструкции народного хозяйства. Вместе с тем в работах по названным проблемам имеются недостатки, нерешенные вопросы. Во-первых, освещение проблем индустриального развития края носит иногда описательный характер, отдельные работы страдают фактографичностью, в них не раскрывается сущность исторических явлений, закономерности и особенности развития тех или иных процессов, мало обобщений. Во-вторых, требует значительного расширения источниковая база исследований. Необходимо вовлекать в научный оборот больше материалов периодической печати, воспоминаний активных участников социалистического строительства. В-третьих, историки зачастую пользуются готовыми схемами, под которые подгоняются факты. Поэтому в ряде трудов историческая действительность изображается без трудностей, ошибок, которые преодолевались партией, рабочим классом в напряженной борьбе за социализм. В-четвертых, научное изложение, всесторонняя аргументация нередко подменяются единичными, нетипичными примерами, что в значительной степени обедняет исследование, делает его неубедительным. В-пятых, имеют место искажения в освещении событий, преувеличение роли уральской экономики, уход от сложных и спорных

вопросов, в результате чего отдельные проблемы остаются до сих пор не изученными и не решенными.

Историкам промышленности и рабочего класса Урала в период социалистического строительства предстоит продолжить исследование руководящей и направляющей роли Коммунистической партии в создании мощного промышленного комплекса на Урале в переходный период. Важно осуществить дальнейшее изучение общих закономерностей и выявление специфических особенностей в развитии уральской промышленности, проведении здесь в жизнь ленинского плана строительства социализма. В связи с этим назрела задача подготовки книги по истории народного хозяйства, в которой бы в комплексе рассматривалась экономическая история всех ведущих отраслей Урала. Следует преодолеть известную неравномерность в освещении различных отраслей промышленности, обратив внимание на цветную металлургию, лесную и деревообрабатывающую промышленность. Ученые в долгу перед рабочими Урала: до сих пор нет обобщающего труда, посвященного его истории, творческой активности рабочих и инженерно-технических работников, проблеме роста их материального благосостояния. Заслуживают пристального внимания вопросы о социально-экономических последствиях создания второй основной угольно-металлургической базы на востоке страны, значении Урала в технической реконструкции и развитии социалистической промышленности других экономических районов. В годы социалистической индустриализации в крае велась интенсивная борьба за технический прогресс. Необходимо изучение этих вопросов, в том числе борьбы за снижение себестоимости, повышение качества и эффективности производства на Урале. Требуется создание истории массовых организаций трудящихся. Особенно важно проследить на всех этапах роль Советов, профсоюзов, кооперации в создании промышленного комплекса на Урале. Нужно продолжить работу в области источниковедения и историографии истории промышленности и рабочего класса Урала. Большое значение имеет создание обобщающего труда по историографии данных проблем с уделением внимания критике буржуазных фальсификаторов. Исследование этих проблем на более высоком идейно-теоретическом и научном уровне сделает работы по истории промышленного развития и рабочего класса достоянием широких масс и будет способствовать интенсивному решению вопросов коммунистического строительства.

5. Историография социалистического преобразования сельского хозяйства на Урале

Современный этап развития советской исторической науки характеризуется существенными достижениями в области изучения

аграрной истории советского общества. Имеется ряд общих и специальных историографических исследований, в которых она подвергнута подробному анализу. Заслуживают внимания труды М. А. Вылцана, В. П. Данилова, В. П. Дмитренко, И. Е. Зеленина, Н. А. Ивницкого, Л. Ф. Морозова, Ю. А. Мошкова, В. И. Погудина, Ю. А. Полякова, В. М. Селунской, В. А. Сидорова, С. П. Трапезникова, И. Я. Трифонова, В. Н. Яковцевского, коллективные издания многотомной истории КПСС и СССР, монографий «Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление» (М., 1969), «Советское крестьянство: Краткий очерк истории (1917—1969 гг.)» (М., 1970; 1973).

Планомерно и обстоятельно изучались проблемы крестьянства и колхозного строительства и на Урале. Были подготовлены все условия для всестороннего и подлинно научного исследования вопросов об осуществлении ленинского плана социалистического преобразования деревни, о социально-экономических предпосылках массовой коллективизации, о состоянии и развитии материально-технической базы сельского хозяйства, о роли Коммунистической партии и Советского правительства в социалистической реконструкции замлечения, о процессе сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса и т. д.

Среди аграрных проблем уральской деревни 20-х гг., получивших определенное освещение в трудах уральских историков, нужно отметить состояние и развитие сельскохозяйственного производства. Экономическая и социальная политика партии и государства в первые годы нэпа строилась и развивалась исходя из факта абсолютного преобладания мелкотоварного уклада в деревне. Поэтому исследование истории восстановления сельскохозяйственного производства связано с практической оценкой прежде всего объективных возможностей крестьянского хозяйства в производстве и реализации сельскохозяйственной продукции. Несмотря на все трудности и препятствия, сельское хозяйство по основным показателям не только вплотную приблизилось к довоенному уровню, но по некоторым направлениям продвинулось вперед. В этом проявилась трудовая и политическая активность широких крестьянских масс и умелое использование рабочим классом принципов новой экономической политики.

Особенно много сделали для понимания важнейших тенденций в развитии сельского хозяйства В. П. Гуров, Н. В. Ефременков, В. М. Куликов, А. А. Петерюхин, Л. П. Сашенкова, Р. П. Толмачева. Они сосредоточили внимание прежде всего на развитии сельскохозяйственного производства, его динамике, причинах упадка и подъема экономики крестьянского хозяйства в 1921—1925 гг. В статьях указанных авторов подробно раскрываются основы той сложной и трудной обстановки, в которой началось восстановление сельского хозяйства. Общая технико-эко-

номическая отсталость, убыль рабочей силы, разрушительные войны, нарушение нормальных экономических связей между городом и деревней, засуха 1921 г. привели к резкому сокращению сельскохозяйственного производства. Кроме того, сказались отрицательные последствия продразверстки.

Правильно трактуются и причины успешного восстановления посевных площадей и роста поголовья рабочего и продуктивного скота. Однако в ряде работ отсутствует убедительная аргументация даты завершения процесса восстановления сельского хозяйства. Так, Н. В. Ефременков считает, что в 1925 г. посевные площади были восстановлены на 88,4% от уровня 1916 г., а в 1927/28 г. выросли до 95%¹⁸³; Р. П. Толмачева приводит на 1925 г. цифру 79,4%, а на 1926 г. — 86,3%¹⁸⁴; В. П. Гуров 1925 г. сопровождает показателем 87,5%¹⁸⁵; В. П. Анистратенко и В. М. Куликов утверждают, что процент восстановления посевных площадей в 1925 г. равнялся 85,4, а в 1926 г. — 93,1¹⁸⁶.

Имеются расхождения и по другим показателям восстановительного процесса. Необходимо более полное соответствие между приводимым фактическим материалом и выводами; следует выработать единую методику сопоставления важнейших данных восстановления производительных сил сельского хозяйства Урала в сравнении с материалом по стране в целом. Хотя процесс восстановления основных элементов сельскохозяйственного производства на Урале протекал более медленно, чем по стране, но характеризовался теми же качественными изменениями. Если взять за основу данные статсборников «Уральское хозяйство в цифрах» за 1926—1930 гг. по отношению к 1916 г., то получится такая картина: посевные площади достигли 94,1%, поголовье лошадей — 84,7%, крупного рогатого скота — 98,9%, по количеству овец и коз довоенный уровень был превышен. К 1926 г. более четко и определенно стала вырисовываться традиционная структура посевов. Пашня под основные яровые культуры — пшеницу и овес увеличилась до 72,2%, а под второстепенные хлеба уменьшилась. Вместе с расширением посевных площадей и ростом урожайности

¹⁸³ См.: Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1966. Вып. 1. с. 68.

¹⁸⁴ См.: Толмачева Р. П. О государственной помощи сельскому хозяйству в восстановительный период (1923—1925 гг.) // Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск, 1964. С. 111.

¹⁸⁵ См.: Гуров В. П. Партийные организации Урала в борьбе за восстановление сельского хозяйства (1921—1925 гг.) // Учен. зап. / Урал. ун-т. 1969. Вып. 15. С. 66.

¹⁸⁶ См.: Анистратенко В. П., Куликов В. М. Социально-экономическое развитие уральской деревни в конце восстановительного периода // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1971. С. 80.

значительно увеличилась валовая продукция полеводства. В 1925 г. уровень валового сбора зерна 1916 г. — 240,8 млн пудов был превзойден¹⁸⁷.

Восстановление сельскохозяйственного производства характеризовалось увеличением массовой и товарной продукции сельского хозяйства. С 1924 по 1927 г. валовая продукция сельского хозяйства выросла с 359 млн довоенных рублей до 436 млн р. За это же время товарная масса сельскохозяйственных продуктов увеличилась с 53 млн до 80 млн р.¹⁸⁸. С общим подъемом земледелия и животноводства связаны повышение доходности, материального положения крестьянства, превращение Урала из потребляющего в производящий район, вывозящий сельскохозяйственные продукты.

Урал относится к районам с запутанными земельными отношениями. Преобладающей формой землепользования была общинная, которая характеризовалась широким распространением дальнотемелья, чересполосицы и мелкополосицы, что явилось серьезным препятствием развитию производительных сил сельского хозяйства. Поэтому Н. В. Ефременков, В. М. Куликов, В. Е. Муравьев, А. А. Петерюхин прежде всего обращают внимание на успешность проведения землеустроительной политики, на ее эффективность в улучшении агротехники, на создание благоприятных условий для коллективных форм землепользования, на классовый характер землеустройства.

В общей форме исследованы и другие методы содействия и регулирования развития производительных сил крестьянского хозяйства, повышения его интенсивности и рациональности — механизм цен, налоги, кредит, машиноснабжение и машиноиспользование. Таким образом, в новых политических и экономических условиях мелкое крестьянское хозяйство переживало не деградацию, не застой, а развивалось по восходящей линии, увеличивая год от года валовую и товарную продукцию сельского хозяйства, урожайность.

Подобный вывод прослеживается во всех работах уральских историков, занимающихся указанной проблемой. В обобщенном виде причины данных явлений в восстановлении и развитии сельскохозяйственного производства разъяснил Н. В. Ефременков. По его мнению, это свидетельствует о том, что «Коммунистическая партия выработала и проводила в деревне правильную политику, позволившую в короткие исторические сроки восстановить довоен-

¹⁸⁷ Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1926. С. 256, 264—265, 280—281; Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1928. С. 270—271; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 4: Сельское хозяйство. Свердловск, 1930. С. 110—111, 140—141, 182—184.

¹⁸⁸ ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 797. Л. 3. об.

ный уровень сельскохозяйственного производства, укрепить смычку между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством»¹⁸⁹.

Н. В. Ефременков, В. М. Куликов, В. Е. Муравьев отмечают, что наряду с определенными успехами во второй половине 20-х гг. начинают обнаруживаться явления, обусловленные ограниченными возможностями мелкотоварного частнособственнического хозяйства. Среди причин, вызвавших отставание зернового производства от потребностей быстро растущего городского населения, исследователи называют индустриализацию страны, низкую товарность мелких единоличных хозяйств, отсталую техническую базу, процесс семейно-имущественных разделов, обострение классовой борьбы и пр. Правда, историки ограничиваются перечислением подобного рода явлений, глубоко не вникая в первооснову, структуру производства и обмена непосредственного производителя — мелкого частного собственника.

Исследование состояния и развития единоличного крестьянского хозяйства в конкретно-историческом плане показывает, что оно проходило в противоречивых формах и было следствием воздействия множества факторов. Необходимо в широком объеме проследить процесс действия всех этих сил и его конечные результаты. Особого внимания заслуживает вопрос о динамике товарного производства, о влиянии на нее процесса осереднячивания крестьянства, всей сферы товарно-денежных отношений.

К наиболее сложным и важным в истории крестьянства и социалистического преобразования сельского хозяйства по праву относится проблема обоснования объективных предпосылок коллективизации, тесно связанная с вызреванием и проявлением общего и специфического в подготовке и осуществлении социалистической реконструкции сельского хозяйства.

В настоящее время вопрос о состоянии и развитии материально-технической базы сельского хозяйства накануне и в период развертывания сплошной коллективизации можно считать в основном решенным. Общая оценка состояния и развития материально-технической базы сельского хозяйства Урала, наиболее развернуто данная Н. В. Ефременковым, совпадает с положениями, изложенными в общесоюзной литературе. «Анализ материалов, характеризующих материально-производственную базу сельскохозяйственного производства Урала, — пишет историк, — позволяет заключить, что к началу массовой коллективизации здесь имелись лишь отдельные элементы новой материальной базы в виде тракторных колонн, прокатных и зерноочистительных

¹⁸⁹ Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 73.

пунктов и т. д... В 1928 г. доля тракторов в общем балансе тягловой силы составила 0,78, а в 1929 г. — 0,91%»¹⁹⁰.

Уральские историки единодушны с Н. В. Ефременковым в том, что Урал не относился к районам большого распространения машин и сельскохозяйственного инвентаря. Главными орудиями производства крестьянских хозяйств долгое время были соха и деревянная борона для обработки почвы, серп и коса для уборки. При средней норме плугов по республике на сто десятин посева 9,7 штуки, утверждают Н. В. Ефременков и В. Е. Муравьев, Урал имел 6,6 штуки и при средней норме 41 плуг на 100 хозяйств по РСФСР на Урале приходилось 27,7 штуки. Занимая в 1926 г. 7,2% всех посевных площадей РСФСР, Урал имел плугов и букеров всего 5%, а сох, косулей и сабанов — 10,6%. Гораздо лучше обстояло дело с обеспеченностью сельскохозяйственными машинами, особенно молотилками на конной тяге¹⁹¹. Причины подобных явлений, однако, не называются, авторы ограничиваются общей констатацией.

Особое внимание исследователи уделяют вопросу производства и организации снабжения крестьянских хозяйств машинами и орудиями. Покупательная способность крестьянского населения выражалась в таких цифрах: «В 1925 году уральское крестьянство приобрело машин и инвентаря на 5,8 млн. рублей, в 1927 — на 8,9 млн рублей и в 1928 г. — на 12,2 млн рублей»¹⁹².

Увеличению спроса на машины и сельхозинвентарь содействовал ряд факторов, среди которых историки указывают на завершение восстановительных процессов в сельском хозяйстве, общий подъем крестьянской экономики, улучшение материального положения бедняцких и середняцких слоев деревни, политику партии и правительства по созданию наиболее благоприятных условий для продажи и закупки сельскохозяйственной техники и, конечно, на успехи социалистической индустриализации. Приводится большое число фактических данных, свидетельствующих об определенных сдвигах в техническом обеспечении уральского крестьянства основными орудиями и средствами производства.

В связи с этим историки придают особое значение быстрому росту в составе поступавшей в сельское хозяйство техники удельного веса сельскохозяйственных машин и тракторов. Появление

¹⁹⁰ Ефременков Н. В. Деятельность партийных организаций Урала по претворению в жизнь ленинского учения о социалистическом преобразовании сельского хозяйства // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971. С. 86.

¹⁹¹ См.: Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 65; Муравьев В. Е. Состояние сельского хозяйства Урала к началу реконструктивного периода // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1966. С. 138.

¹⁹² Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 65.

новой техники в сельском хозяйстве, считает В. М. Куликов, «содействовало вовлечению крестьянства в кооперативное движение, подготавливало условия для коренной реорганизации сельскохозяйственного производства»¹⁹³. Н. В. Ефременков указывает, что «уже в 1927/28 году среди приобретенного крестьянами инвентаря основное место занимают уборочные машины, молотилки и сеялки... усиливается спрос на плуги»¹⁹⁴.

Исследователи обращают внимание и на другую сторону проблемы. Они показывают, что партийные и советские организации проводили четкую классовую политику в машиноснабжении. Однако обеспечение каждого бедняцкого и середняцкого хозяйства всеми необходимыми орудиями производства путем продажи их в собственность было делом безнадежным. Мелкие крестьянские хозяйства не всегда имели возможность купить сложные и усовершенствованные машины и тем более рационально их использовать. Необходимо было наладить коллективную форму владения и пользования сельскохозяйственными орудиями и машинами, организовать прокатные пункты.

По существу, пока работа Н. В. Ефременкова «Из истории организации тракторных колонн и МТС на Урале»¹⁹⁵ единственная, целиком посвященная данному вопросу. Автор останавливается на количественной и качественной стороне деятельности МТС и колонн, показывает, что они добились в обслуживаемых ими объединениях больших успехов в расширении посевных площадей, в увеличении урожайности и товарности культур, в поднятии материального благосостояния беднейших слоев деревни, способствовали росту колхозного строительства, создавали для этого материально-технические условия. Трактор, таким образом, был самым лучшим агитатором преимуществ крупного социалистического производства. Весомость статьи Н. В. Ефременкова и в том, что в ней предметно сделан акцент на организации и состоянии МТС и колонн, принадлежащих кооперации. Вопрос этот в нашей литературе относится к категории малоизученных.

Однако рост технической вооруженности сельского хозяйства отставал от потребностей колхозов, совхозов, крестьянских хозяйств. Машины и сложные сельскохозяйственные орудия в производстве крестьянского двора большой роли не играли, почти повсеместно господствовал ручной труд, а основной тягловой силой в сельском хозяйстве в период непосредственной подготовки

¹⁹³ Куликов В. М. Укрепление экономической смычки с крестьянством на Урале в 1926—1927 гг. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1961. Вып. 39, ч. 2. С. 52.

¹⁹⁴ Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 66.

¹⁹⁵ Ефременков Н. В. Из истории организации тракторных колонн и МТС на Урале // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1961. Вып. 39, ч. 2.

коллективизации по-прежнему оставалась лошадь, считают Л. П. Власова, Н. В. Ефременков, В. Е. Муравьев. Материально-техническая база сельского хозяйства складывалась главным образом из орудий производства единоличных крестьянских хозяйств.

Социально-экономическая история уральского доколхозного крестьянства определенное время рассматривалась лишь в плане создания предпосылок массовой коллективизации. Во второй половине 60-х гг. уральские историки получили возможность приступить к изучению темы широким фронтом и по определенному плану. Некоторые успехи были достигнуты в оценке масштабов имущественного и социального расслоения крестьянства, сути и направленности этого процесса.

Многие вопросы, важные для понимания конкретной экономической и политической обстановки в уральской деревне 20-х гг., нашли освещение в работах В. П. Анистратенко, В. П. Гурова, Н. В. Ефременкова, Р. Н. Киреева, В. М. Куликова, В. Е. Муравьева, В. Б. Цыганова и др. Исследователи подчеркивают, что, несмотря на некоторое своеобразие социально-экономического развития, в уральской доколхозной деревне наблюдались те же процессы, что и в целом по стране или в других районах. Однако процесс осереднячивания крестьянства и классовой структуры все еще раскрыт далеко не полно и без достаточной аргументации.

Значительно полнее и обстоятельнее рассмотрены характер и динамика имущественной и социальной дифференциации крестьянства, социально-экономические отношения. Сведения, приведенные в работах В. П. Анистратенко, Н. В. Ефременкова, В. М. Куликова и др., наглядно свидетельствуют, что в 1922—1925 гг. произошли значительные изменения в соотношении различных групп крестьянства. Авторы дают обширный материал, характеризующий место и значение различных групп крестьянства в сельскохозяйственном производстве, показывают социально-экономические сдвиги, которые произошли в уральской доколхозной деревне под влиянием кооперации, кредитной и налоговой политики Советского государства, помощи рабочего класса. «Расслоение деревни в рассматриваемый период, — пишут В. П. Анистратенко и В. М. Куликов, — характеризовалось уменьшением бедноты, значительным увеличением середняков при некотором росте кулацкой группы»¹⁹⁶.

В статьях названных авторов путем глубокого социально-экономического анализа разнообразного фактического материала очерчиваются масштабы и динамика имущественной и социальной дифференциации крестьянства, прослеживается тенденция крайне неравномерного распределения пашни, рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Историки указывают, что это

¹⁹⁶ Анистратенко В. П., Куликов В. М. Социально-экономическое развитие уральской деревни в конце восстановительного периода. С. 83.

приводило к массовому распространению отношений найма-сдачи скота, инвентаря, рабочей силы и земельной аренды. Особенно подробно данные моменты прослеживаются в работах Н. В. Ефременкова и В. Е. Муравьева.

В исследованиях, посвященных рассматриваемой проблеме, впервые в уральской исторической литературе приводятся уточненные данные о социальном составе доколхозной деревни, все-сторонне показываются социально-экономические отношения уральского крестьянства во всей их сложности и многообразии. Причем эти моменты проанализированы на материале не только восстановительного, но и реконструктивного периода. Изучая процесс социально-экономических изменений, Н. В. Ефременков приходит к выводу, что «социальный состав уральской деревни к концу 1927 г. представляется в следующем виде: пролетариат — 4,7%, бедняки — 21,4%, середняки — 69,9%, кулаки — 4,0%»¹⁹⁷. Эти сведения не только дают более точную характеристику социального состава уральской деревни, но и показывают, что изменилось лишь соотношение между основными группировками крестьянства, но сами группировки остались, так же как сохранилась возможность эксплуатации и неравенства.

Необходимо указать на особенность уральской деревни 1925—1926 гг., которая пока не была отмечена в трудах уральских авторов. Если в 1922—1925 гг. на базе общего хозяйственного подъема происходило уменьшение числа беспосевных и малопосевных хозяйств и рост средне- и многопосевных, то в 1925—1926 гг. наблюдались некоторые отклонения в этом процессе. Продолжалось увеличение количества хозяйств с крупным посевом, но одновременно начинала усиливаться дифференциация крестьянства и расти прослойка самых бедных¹⁹⁸. Что касается последних, то, по данным весенних опросов, этот рост прослеживался на Урале и в 1927 г.¹⁹⁹. Подобные сведения наглядно подтверждают правильность взятого XV съездом партии курса на преобразование сельского хозяйства. Они заставляют исследователей оценить процесс осереднячивания с точки зрения не только его типичности для всей доколхозной деревни, но и специфики его проявления на разных этапах и в разных регионах.

В 1928—1929 гг. социально-экономическое расслоение крестьянства благодаря ряду мероприятий Коммунистической партии и Советского государства, направленных на создание предпосылок массовой коллективизации, все более подпадало под регулирующее воздействие диктатуры пролетариата. В результате

¹⁹⁷ Ефременков Н. В. Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации // Вопросы истории Урала, Свердловск, 1963. Вып. 4. С. 157.

¹⁹⁸ См.: Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1927. С. 412—413.

¹⁹⁹ См.: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 4: Сельское хозяйство. С. 402.

происходило ограничение экономической мощи и влияния кулацких хозяйств, ускорялось перерастание бедняцких хозяйств в середняцкие, замедлялся процесс дифференциации крестьянства. Сам же этот процесс, специфика его проявления на данном этапе, масштабы имущественных и социальных сдвигов внутри крестьянства, конечный результат и последствия перегруппировки основных классовых сил деревни изучены недостаточно основательно и конкретно. Факт «самораскулачивания» получил лишь некоторое освещение в работах уральских историков. Его характер, формы выражения, причины и следствия в плане производственном и социально-политическом еще предстоит всесторонне осветить.

Историки пришли к единому мнению о конкретном соотношении классовых группировок уральской деревни в конце 1927 г.²⁰⁰. Этого нельзя сказать о восстановительном периоде. Правда, В. П. Анистратенко и В. М. Куликов высказали предположение, что вполне допустимо распространить удельный вес классовых групп 1927 г. и на 1925 г.²⁰¹. Однако, к сожалению, это не выход из положения. Для подтверждения такого предположения необходимо использовать статистические и их данные по совокупности и взаимодополняемости. Уральским историкам пора отойти от готовых установок и принципов статистических органов 20-х гг. и предпринять попытки самостоятельных решений. Это значительно продвинуло бы вперед дело изучения социальных отношений и классовой структуры крестьянства Урала.

В таком же направлении нужно осуществлять поиски четких и определенных по возможности критериев имущественной и социальной принадлежности к той или иной социально-классовой группе и на основе этого конкретно и детально изучать каждую классовую группу. Пока же на уральском материале довольно основательно исследовано только батрачество²⁰².

Важное место в трудах уральских историков занимает показ многогранной и целенаправленной деятельности Коммунистической партии и Советского государства по регулированию социально-экономических процессов в деревне. Из всего комплекса вопросов о роли пролетарского государства в оказании огромной и действенной помощи сельскому хозяйству и трудящемуся крестьянству в наибольшей степени раскрыты кредитная, налоговая, машиноснабженческая, землеустроительная политика и политика цен.

²⁰⁰ См.: Ефременков Н. В. Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации. С. 157—158; Анистратенко В. П., Куликов В. М. Социально-экономическое развитие уральской деревни в конце восстановительного периода. С. 91.

²⁰¹ См.: Анистратенко В. П., Куликов В. М. Социально-экономическое развитие уральской деревни в конце восстановительного периода. С. 92.

²⁰² См.: Цыганов В. Б. Некоторые вопросы источниковедения и историографии Уральского батрачества // Из истории рабочего класса и крестьянства Урала. Свердловск, 1973.

Ряд ценных мыслей, интересных наблюдений по поводу этих моментов содержатся в статьях В. П. Анистратенко, Н. В. Ефременкова, В. Е. Муравьева, В. М. Куликова, Р. П. Толмачевой и др. Авторы стремились раскрыть не только социально-экономическое значение данных мероприятий, но и их ярко выраженный классовый характер, борьбу вокруг них.

Советская историческая наука ставит кооперацию на одно из первых мест в регулировании социальных процессов в деревне и в создании условий для социалистического преобразования сельского хозяйства. В этом нет преувеличения. Диктатура пролетариата, национализация основных средств производства превращали кооперацию в одно из самых действенных средств перевода крестьян на рельсы крупного коллективного хозяйства. К настоящему времени об истории кооперативного строительства на Урале написана обширная и разнообразная литература. Появились работы, авторы которых стремятся широко осветить роль кооперации как в налаживании торгово-посреднического оборота между городом и деревней, так и в сфере производственного обслуживания.

Основная масса сельскохозяйственных машин и орудий в восстановительный период (62—67%), замечают А. А. Петерюхин и Р. В. Кондратьева, распределяются среди крестьянских хозяйств с помощью кооперации²⁰³. Анализируя основные направления хозяйственной деятельности кооперации в разные годы, Н. В. Ефременков, Р. В. Кондратьева, А. А. Петерюхин подчеркивают прежде всего усиление ее роли в производственном обслуживании крестьянских хозяйств. И хотя в трудные годы восстановления народного хозяйства машиноснабженческая деятельность сельхозкооперации не могла быть решающей, тем не менее к концу периода сумма оборота уральских кооперативов распределялась приблизительно поровну между снабжением и сбытом, а в последующие годы роль кооперации в организации снабжения крестьянских хозяйств орудиями и машинами непрерывно возрастала²⁰⁴.

Оценивая конкретно-историческое развитие кооперации в условиях 20-х гг., уральские историки единодушны в трактовке ленинского положения о необходимости создавать «ряд привилегий экономических, финансовых и банковских — коопераций; в

²⁰³ См.: Петерюхин А. А., Кондратьева Р. В. Деятельность партийных и советских организаций Урала по финансово-экономическому укреплению сельскохозяйственной кооперации и осуществлению политики кредитования и машиноснабжения в конце восстановительного периода // Совершенствование форм партийного руководства промышленностью и сельским хозяйством. Свердловск, 1974. С. 62.

²⁰⁴ См.: Ефременков Н. В., Муравьев В. Е. Из истории кооперативно-колхозного движения на Урале в 1926—1927 гг. // Вопросы экономической истории и экономической географии. С. 116—117.

этом должна состоять поддержка нашим социалистическим государством нового принципа организации населения»²⁰⁵. Среди работ, специально посвященных финансово-экономической деятельности кооперации либо так или иначе освещающих регулирующую роль Советского государства в социальных процессах деревни, наибольший интерес представляют статьи В. П. Гурова, Р. В. Кондратьевой и А. А. Петерюхина, Р. П. Толмачевой. В них раскрываются основные формы и методы кредитной, финансовой, налоговой, хлебозаготовительной политики Советской власти, показывается деятельность партийных и советских организаций в данном направлении. Уточняя этот момент, А. А. Петерюхин и Р. В. Кондратьева пишут: «По размеру банковского кредита она занимала в 1923 и 1924 годах первое место среди других клиентов, а в 1925 году — второе после госторговли»²⁰⁶.

Должное отражение в трудах большинства уральских авторов находит и классовая направленность работы сельхозкооперации. Наиболее исследованы меры по кооперированию и обслуживанию бедноты, маломощных середняков, возрастание значения социальной направленности кредитования и машиноснабжения, конкретно показано влияние таких мероприятий на процессы социальной дифференциации крестьянства. Наибольший интерес представляют сочинения Н. В. Ефременкова, Р. В. Кондратьевой и А. А. Петерюхина, отличающиеся богатством материала и широкими хронологическими рамками.

Давая практическую оценку роли кооперации в социалистическом строительстве, историки приходят к важному выводу, что после XV съезда ВКП(б) происходят качественные сдвиги в развитии кооперации, меняются формы и методы ее работы, все более приобретая производственный характер. Непосредственно перед началом массовой коллективизации появляются в массовом порядке простейшие объединения производственного типа (машинные, посевные, семеноводческие, мелиоративные товарищества). Важным средством производственного кооперирования крестьянства и объединения его в колхозы была контрактация как форма планового, государственного руководства сельским хозяйством и регулирования социальных процессов в деревне. Однако по Уралу этот момент изучен недостаточно.

Уральские историки единодушно подчеркивают, что значение кооперации в установлении смычки между городом и деревней во многом зависело от того, какие слои крестьянства она объединяла и в какой степени. Общий недостаток всех данных о со-

²⁰⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 373.

²⁰⁶ Петерюхин А. А., Кондратьева Р. В. Деятельность партийных и советских организаций Урала по финансово-экономическому укреплению сельскохозяйственной кооперации и осуществлению политики кредитования и машиноснабжения в конце восстановительного периода. С. 55.

циальном составе заключается в том, что большинство их выведены по имущественным признакам и нуждаются в дальнейшем уточнении и обобщении. До настоящего времени исследователи еще четко не определили своего отношения к дискуссии о характере социально-экономических отношений крестьянства, вовлеченного в различные формы кооперации. В. П. Данилов высказал мнение, что система социальных отношений единоличных крестьянских хозяйств, объединенных в простейшие формы кооперации, является переходной, сочетающей элементы и мелкобуржуазные, и капиталистические, и социалистические²⁰⁷. Данное утверждение встретило понимание одних и возражение других историков. Вне всякого сомнения, существует прямая необходимость дальнейшего уточнения и конкретизации позиций сторон.

Наиболее яркими представителями социалистического уклада были в то время колхозы и совхозы. В становлении и развитии колхозного строя 20-е гг. играли существенную роль: именно тогда закладывались основы и вырабатывались наиболее рациональные пути и способы существования и функционирования общественной системы производства и распределения. Уральские историки не обошли вниманием этот интересный период в колхозном строительстве²⁰⁸. Прежде всего они отмечают трудности и сложности, с которыми столкнулось колхозное движение при переходе к новой экономической политике. Однако причины временного спада в колхозном строительстве всесторонне не анализируются.

На организационное строительство и внутреннюю жизнь колхозов определенное влияние оказала новая экономическая политика. В частности, внедрение принципа материальной заинтересованности стимулировало поиски более рациональных форм организации труда и распределения доходов, восстанавливались товарно-денежные отношения в коллективах. Кроме того, все историки отмечают, что спад был временным фактором, а в последующие

²⁰⁷ См.: Данилов В. П. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР: Матер. науч. сессии, состоявшейся 18—21 апреля 1961 г. в Москве. М., 1963. С. 79—80; Он же. Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие // Новая экон. политика: Вopr. теории и истории. М., 1974. С. 73.

²⁰⁸ См.: Ефременков Н. В. Массовое колхозное движение на Урале // Ист. зап. 1963. № 74; Он же. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг.; Муравьев В. Е. Колхозное строительство на Урале в 1926 г. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963; Мазуренко Г. А. Создание предпосылок для социалистических преобразований на Обском Севере (20-е годы) // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1964. Вып. 2; Бикбаев Р. А. Подготовка предпосылок коллективизации сельского хозяйства в Башкирии // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1966; Толмачева Р. П. Из истории создания и деятельности первых колхозов на Среднем Урале (1919—1925 гг.) // Сб. асп. работ / Свердлов. юрид. ин-т. 1968. Вып. 7 и др.

годы начался рост числа колхозов. Этот спад, по мнению Н. В. Ефременкова, к 1924—1925 гг. был преодолен, а с 1926 г. в коллективном земледелии произошли не только количественные, но и качественные изменения²⁰⁹.

Особого внимания заслуживает вопрос как об основных формах колхозного строительства, их динамике, так и о социальном составе коллективных хозяйств. Известно, что в практике социалистического преобразования в деревне сложились три основные формы коллективных хозяйств: коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли. Все исследователи сходятся во мнении, что до введения новой экономической политики в колхозном движении преобладали коммуны и артели, но имелось и небольшое количество товариществ по совместной обработке земли.

В таких формах коллективные хозяйства продолжали развиваться и в новых экономических условиях. По данным Н. В. Ефременкова, к 1 октября 1927 г. на Урале насчитывалось 540 колхозов, в том числе 120 коммун, 333 артели, 87 товариществ по совместной обработке земли²¹⁰. Конечно, это соотношение не было постоянным, на разных этапах колхозного строительства оно менялось. Например, на 1 октября 1929 г. на учете было 509 коммун, 1 315 артелей и 1 696 тозов²¹¹. Колхозное движение в 1928 и 1929 гг. по-прежнему развивалось в трех формах, но наибольшее распространение получили близкие и понятные крестьянству товарищества по совместной обработке земли.

Для уральской деревни было характерно значительно большее, чем в целом по стране, распространение коммун. К 15 июня 1929 г. они составили 14,5% всех колхозов, в них входило более 25% коллективизированного населения²¹². Подробного объяснения этому факту историки не дают, сравнительные же данные по времени и сути хозяйственной мощи, по степени обобществления, размерам валовой продукции, доходам и т. д. показывают преимущество коммун перед другими формами кооперации²¹³.

Приведенные в работах уральских авторов материалы позволяют заключить, что по социальному составу колхозы того периода были объединениями в основном бедняцких и маломощных середняцких хозяйств. Удельный вес беспосевных, безлошадных и безынвентарных хозяйств, по мнению Н. В. Ефременкова, был, несомненно, выше в коммунах и артелях и ниже в товариществах

²⁰⁹ См.: *Ефременков Н. В.* Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 89.

²¹⁰ Там же. С. 91.

²¹¹ Подсчитано по: *Уральское хозяйство в цифрах.* 1930. Вып. 4. С. 322.

²¹² Подсчитано по: *Уральское хозяйство в цифрах.* 1930. Вып. 4. С. 327.

²¹³ См.: *Ефременков Н. В.* Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 91—94.

по совместной обработке земли, зато середняцких хозяйств было больше в тозах, чем в коммунах и артелях. Для большинства крестьян, не имевших или почти не имевших средств производства, вступление в колхоз было единственным выходом из тяжелого положения²¹⁴.

Существенные сдвиги в колхозном строительстве произошли после XV съезда ВКП(б). Отмечая основные закономерности и своеобразие развития колхозного движения непосредственно перед началом массового вступления крестьян в производственные коллективы, Н. В. Ефременков выделяет следующие моменты. Благодаря повседневной заботе и помощи Советской власти колхозное строительство в 1928—1929 гг. (до октября) развивалось довольно успешно, без рывков и замедлений. С 1 мая 1928 г. по октябрь 1929 г. число колхозов по Уралу возросло более чем в два раза, а количество коллективизированных хозяйств — почти в шесть раз. По темпам колхозного строительства Урал занимал ведущее место в стране, уступая только основным зерновым районам²¹⁵. Причины этого явления, однако, не освещаются.

Вновь возникшие колхозы по количеству объединенных дворов, площади посевов, поголовью рабочего и продуктивного скота, наличию сложных дорогостоящих машин были более крупными и экономически более мощными, чем старые, образованные до съезда. Большую роль в создании материальных и психологических условий коллективизации продолжали играть и старые колхозы, особенно коммуны. Определенное значение в этом смысле имеет изучение истории Шатровского союза коммун — своеобразной организации, объединявшей несколько коллективов и оказавшей большое влияние на крестьянское население²¹⁶. Крупные коллективы, и прежде всего коммуны, более наглядно демонстрировали преимущества передовых способов агротехники, организации производства, использования обычного крестьянского инвентаря и машин. И хотя значительная часть колхозов не отличалась высокими экономическими показателями, техническая база их в 1928—1929 гг. все еще была слабой, а ее развитие не успевало за ростом числа колхозов, тем не менее, как отмечает Н. В. Ефременков, их опыт, достижения и даже трудности и ошибки в поисках лучших форм и методов коллективного хозяйствования яв-

²¹⁴ См.: *Ефременков Н. В.* Социально-экономическая характеристика состава уральских колхозов накануне перехода к массовой коллективизации // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 219—223.

²¹⁵ См.: *Ефременков Н. В.* Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 96—97, 103—104.

²¹⁶ См.: *Фунтов А. Ф.* Союз коммун Шатровского района Тюменского округа Уральской области в подготовке и проведении сплошной коллективизации (1926—1930 гг.) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966.

ляются предметом самого пристального изучения и сегодня. Автор обращает внимание и на изменения в формах колхозного строительства, и на сдвиги в социальном составе колхозов. В период непосредственной подготовки коллективизации колхозное движение было в своей основе батрацко-бедняцким, но с постоянно увеличивающейся прослойкой середняков. Все это, вместе взятое, констатирует Н. В. Ефременков, свидетельствовало об усилении движения трудящихся масс крестьянства в колхозы, о приближении серьезного перелома в настроении середняка, о вызревании решающих условий массовой коллективизации²¹⁷.

Большую роль в коллективизации крестьянских хозяйств сыграли и крупные государственные предприятия в сельском хозяйстве — совхозы. Публикации по этому вопросу ограничены по количеству и объему. Исключение представляет статья Г. С. Калугиной²¹⁸. Однако и она написана в одном ключе: подчеркивается помощь совхозов бедноте, маломощным середнякам, колхозам, показывается непосредственное участие совхозов в организации коллективов и т. д. Производственная же деятельность совхозов, их организационно-хозяйственное состояние, значение в решении зерновой проблемы освещаются бегло и схематично.

В целом история колхозно-совхозного строительства накануне массовой коллективизации нашла должное освещение как в общих трудах по аграрной тематике, так и в специальных статьях.

Вопрос о времени вызревания предпосылок и о начале массового колхозного движения в различных районах страны до сих пор остается актуальным. А история непосредственного развертывания и осуществления сплошной коллективизации, история крестьянства и сельского хозяйства того периода является одной из центральных проблем аграрной тематики. На уральском материале по узловым вопросам данной проблемы создана многочисленная и разноплановая литература. Уральские историки исследовали процесс социалистической реконструкции сельского хозяйства достаточно обстоятельно. Авторы показали, как в итоге грандиозной работы Коммунистической партии удалось привлечь середняка в колхозы, организовать великий перелом в недрах самого крестьянства. Результаты широкой подготовки предпосылок коллективизации полностью сказались во второй половине 1929 г. По данным Н. В. Ефременкова, на 1 октября 1929 г. в Уральской области насчитывалось 3 548 колхозов, объединявших более 94 тыс. крестьянских хозяйств, процент коллективизации составил 7,3. За последние три месяца 1929 г. на Урале

²¹⁷ См.: Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 96—99.

²¹⁸ См.: Калугина Г. С. К вопросу о роли колхозов Урала в коллективизации сельского хозяйства // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1972. С. 3.

примерно 263 тыс. крестьянских хозяйств вошли в состав колхозов, т. е. почти в три раза больше, чем за все предшествующие годы. В итоге количество колхозов стало исчисляться цифрой 4,5 тыс., а процент коллективизации достиг 30. В некоторых сельскохозяйственных округах Зауралья процент коллективизации был еще выше, отдельные районы стали практически осуществлять сплошную коллективизацию²¹⁹.

Н. В. Ефременков анализирует социальный состав колхозов по состоянию на 1 октября 1928 и 1929 гг. и заключает, что до осени 1929 г. членами колхозов были главным образом бедняки и лишь немногим более четверти — середняки. Движение основной массы крестьянства в колхозы началось, подчеркивает автор, в последние месяцы 1929 г.²²⁰ Однако никаких фактов, подтверждающих это положение, в данной работе не приводится. В другой статье, посвященной колхозному строительству в 1931—1932 гг., Н. В. Ефременков пишет: «Социальный состав уральских колхозов с конца 1929 г. до середины 1931 г. коренным образом изменился. Если в начале массового колхозного движения основную массу колхозников составляли бедняки, то к июню 1931 г. бедняков и середняков в колхозах оказалось поровну»²²¹. В доказательство автор приводит абсолютные данные о числе батраков, бедняков, середняков, рабочих и служащих в коллективизированных хозяйствах по итогам сплошного обследования колхозов в мае 1930 г.²²² Процентное их соотношение таково: батраков — 9,9%, бедняков — 49,1, середняков — 36,2, рабочих и служащих — 4,3%²²³. Близки к этим данным, особенно в отношении удельного веса бедняков и середняков среди колхозников, сведения X Уральской областной конференции ВКП(б), проходившей в июне 1930 г.²²⁴ Как видим, этот вопрос освещен далеко не в полной мере и нуждается в более глубоком и всестороннем изучении.

Чтобы исчерпывающе оценить поворот основных масс крестьянства к колхозному строительству и более конкретно определить его время, следует помесечно и даже подекадно изучить ход колхозного движения во второй половине 1929 — начале 1930 г.

²¹⁹ См.: *Ефременков Н. В.* Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 103, 105.

²²⁰ Там же. С. 98.

²²¹ *Ефременков Н. В.* Колхозное строительство на Урале в 1931—1932 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Свердловск, 1968. С. 32.

²²² Там же. С. 32.

²²³ См.: Колхозное строительство на Урале (1928—30 гг.). Свердловск; Челябинск, 1931. С. 29.

²²⁴ См.: X Уральская областная конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. Свердловск, 1931. С. 267.

Пока такие сведения наиболее полно представлены лишь в работах Н. В. Ефременкова. Он приводит данные на 1 июня, 1 октября, 20 ноября 1929 г., 20 января, 20 февраля, 1 и 20 марта, 1 и 20 апреля, 1 мая 1930 г. Вопрос о ходе колхозного строительства, его темпах и конкретных сроках осуществления на Урале должен привлечь внимание ученых.

Массовое колхозное движение потребовало выработки рациональной формы коллективного хозяйства. Постановление ЦК партии от 5 января 1930 г., утвержденный ЦИК и СНК СССР Примерный устав сельскохозяйственной артели четко назвали форму и основные условия производственного кооперирования крестьян²²⁵. Однако на Урале утверждение сельхозартели в качестве главной формы социалистического строительства в деревне произошло далеко не сразу и не гладко. Пока точно не установлено, когда сельхозартель стала ведущей формой коллективного хозяйства. На 1 октября 1929 г. в Уральском регионе артели составляли всего 38%²²⁶, зато к концу 1930 г., по данным Н. В. Ефременкова, артелей было 86,3%, коммун — 12,6, тозов — 1,1%²²⁷, а летом 1931 г. — соответственно 84, 10,7, 5,3%. Это позволило Н. В. Ефременкову написать, что «в качестве основной формы колхозного строительства на Урале прочно утвердилась сельскохозяйственная артель»²²⁸.

Приведенный фактический материал позволяет сделать и такие интересные выводы. На Урале долго и прочно держалась как одна из форм коллективного хозяйства коммуна. Даже к концу 1930 г. ее удельный вес среди колхозов был выше, чем тозов. И это нельзя объяснить только тем, что коммуны насаждались искусственно, без «достаточных оснований... с помощью насилия»²²⁹. Конечно, такие случаи были. Но не следует упускать из виду и другие обстоятельства. Коммуны на Урале получили широкое распространение еще до начала массовой коллективизации. Уральские историки неоднократно приводили в своих статьях примеры высокой хозяйственной организации производства в коммунах.

²²⁵ См.: О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству: Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. // КПСС в резолюциях... 8-е изд. М., 1970. Т. 4. С. 383—386; Примерный устав сельскохозяйственной артели // Коллективизация сельского хозяйства: Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935. М., 1957. С. 282—287.

²²⁶ См.: Колхозы в 1929 году: Итоги сплошного обследования колхозов. М., 1931. С. XX—XXI.

²²⁷ См.: Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 118.

²²⁸ Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1931—1932 гг. С. 29.

²²⁹ Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 111.

Достаточно вспомнить положительный опыт и достижения союза коммун Шатровского района. Поэтому можно предположить, что для определенной части крестьянства, особенно его батрацко-бедняцкой прослойки, наиболее сознательной и активной группы середняков, коммуны виделись прообразом будущего коммунистического производства и общежития.

Одним из наиболее сложных моментов начального этапа сплошной коллективизации являются объективное выяснение и изучение всех трудностей, возникших при массовом повороте крестьян-единоличников и мелких собственников к крупному социалистическому производству. обстоятельный анализ фактического материала, аргументированных положений авторов с учетом местных особенностей подтверждает, что в оценке известных явлений сплошной коллективизации были допущены некоторые крайности. Н. В. Ефременков пишет, что Центральный Комитет партии принял решительные меры к исправлению положения, как только получил сигналы с мест об ошибках при проведении коллективизации. Уральский обком ВКП(б) уже 21 февраля 1930 г. начал разъяснять порочность практики создания колхозов-гигантов, требовал осторожного подхода к организации без предварительной подготовки как крупных колхозов с централизованным руководством на целый район, так и колхозов высших форм. 1 марта 1930 г. в телеграмме местным партийным организациям Уралобком снова указал на серьезные нарушения политики партии в колхозном строительстве. Автор делает вывод, что некоторые меры по исправлению перегибов на местах предпринимались со второй половины февраля, но делалось это не очень интенсивно и, «самое главное, ошибочное постановление пленума Уралобкома, принятое в декабре 1929 года, продолжало оставаться в силе, его никто не отменял»²³⁰.

Энергично и решительно Уралобком и местные партийные и советские организации, считает Н. В. Ефременков, взялись за дело после выхода постановления ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г.²³¹, но время было упущено, в деревне на почве ошибок и перегибов, обострения классовой борьбы начался массовый отлив крестьян из колхозов. Указанные явления, вне всякого сомнения, имели место и отрицательно воздействовали на крестьянство и на колхозное движение. Исследователь на конкретном материале показывает, что условия для проведения реальных установок партии и правительства в колхозном строительстве в конце 1929 г. и первые месяцы 1930 г. практически не изменились, а темп коллективизации только в январе—феврале возрос более чем в два

²³⁰ Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 112—113.

²³¹ О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении: Постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. // КПСС в резолюциях... 8-е изд. Т. 4. С. 394—397.

раза. Такое можно объяснить, предполагает автор, ошибками и перегибами, вызванными противоречивым решением декабрьского (1929 г.) пленума Уралобкома. Далее Н. В. Ефременков констатирует, что в марте 1930 г. начался массовый выход крестьян из колхозов²³².

Подобное объяснение кажется несколько односторонним, не учитывающим других факторов, воздействующих одновременно и на процесс коллективизации, и на колхозника-середняка. Эти причины следует искать и в двойственной сути середняка, и в том, что колхозное движение в то время больше развивалось вширь, а не вглубь, и в игнорировании интересов и мнения крестьянства при решении неотложных хозяйственных и организационных вопросов. Видимо, необходимо рассмотреть причины выхода крестьян из колхозов весной и летом 1930 г. всесторонне.

Динамика колхозного движения, приведенная в работах уральских исследователей, показывает, что выходы крестьян из колхозов продолжались вплоть до осени 1930 г. и на сентябрь приходился самый низкий для указанного года процент коллективизации — 26,3²³³. Новый подъем колхозного строительства начался во второй половине октября 1930 г., отмечает Н. В. Ефременков, и продолжался до августа 1931 г., когда сплошная коллективизация победила в основных зерновых районах страны и Урала в частности²³⁴. Проследившая динамику колхозного строительства почти ежемесячно с 20 октября 1930 г. до 20 декабря 1931 г., уральский историк не только анализирует ход, формы колхозного движения, его особенности применительно к Уралу, но и делает серьезную попытку объяснить причины нового прилива единоличников в колхозы, новых успехов в коллективизации.

Очень важно подчеркнуть, что Н. В. Ефременков, как и другие уральские исследователи, оценивая новый подъем колхозного движения, особо выделяет факт добровольности вступления в колхозы, восстановления ленинских принципов кооперирования, то, что «создание новых колхозов и вступление крестьян как в них, так и в сохранившиеся коллективы проходило без нарушения ленинских принципов, коллективизация вновь стала развиваться на здоровой основе»²³⁵.

Подробно исследуется историками и заключительный этап сплошной коллективизации на Урале. Примечательно стремление

²³² См.: Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 114.

²³³ Там же.

²³⁴ См.: Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1931—1932 гг. С. 27.

²³⁵ Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 118.

не только показать успехи и достижения колхозного строительства, но и раскрыть динамику колхозного движения в преодолении трудностей и противоречий, выразившихся в отливе части крестьян из колхозов зимой и весной 1932 г. Наиболее полно это явление раскрыто в статье Н. В. Ефременкова «Колхозное строительство на Урале в 1931—1932 гг.». Обстоятельно разбираются причины выходов, приводятся точки зрения других авторов, выясняется разница в проценте коллективизации на Урале, указанном историком И. Е. Зелениным²³⁶ и самим Н. В. Ефременковым, высказывается аргументированное мнение об определенном своеобразии данного процесса в регионе, обусловленном массовым отходом колхозников на новостройки пятилетки, в промышленность и т. д., а также приливом в колхозы новых хозяйств или возвращением старых²³⁷.

На основе конкретного анализа хода коллективизации с августа 1931 г. по февраль 1933 г., исходя из важнейших мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства по дальнейшему укреплению хозяйственного и организационного состояния колхозов, решительных действий областной партийной организации по разъяснению этих постановлений колхозникам и единоличникам, Н. В. Ефременков делает вывод, что «к августу—сентябрю 1932 г. отлив крестьян из колхозов Урала удалось приостановить, коллективизация в области стабилизировалась на уровне 68,8%». Если учесть, что на долю колхозов приходилось 79,9% посевной площади области и 91,1% посевной площади крестьянских хозяйств, то можно считать сплошную коллективизацию на Урале к концу 1932 г. в основном завершившейся²³⁸.

В ряде статей раскрываются историческая закономерность и неизбежность ликвидации кулачества как последнего эксплуататорского класса, обусловленность политики ликвидации кулачества насильственными мерами на основе сплошной коллективизации, формы и методы борьбы кулаков против мероприятий Советской власти, против колхозного строя, ход ликвидации кулачества, участие в нем трудящихся масс крестьянства и т. д.

Кулачество было самым многочисленным эксплуататорским классом, который в ходе социалистического строительства самой логикой, потребностью построения нового общества должен был быть ликвидирован. Сроки и формы осуществления данного процесса определялись конкретно-историческими условиями конца 1929 — начала 1930 г., потому нельзя путать эти понятия и сме-

²³⁶ См.: Зеленин И. Е. Колхозное строительство в СССР в 1931—1932 гг. // История СССР. М., 1960. С. 27.

²³⁷ См.: Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1931—1932 гг. С. 79.

²³⁸ Там же. С. 80, 83.

шивать их, как сделано в статье Р. Н. Киреева²³⁹. Нужен детальный анализ социально-экономической обстановки в стране и в деревне, расстановки сил накануне и в период начавшейся коллективизации, соотношения классовых группировок крестьянства.

Необходимость применения насильственных мер в отношении кулачества была продиктована конкретно-исторической обстановкой, ужесточением борьбы деревенской буржуазии против социалистического строительства в деревне. Но реализация политики раскулачивания началась, только когда партия и правительство убедились в непримиримости кулачества к колхозному строительству, только на основе сплошной коллективизации.

Уральские исследователи подчеркивают, что в ряде районов Урала, вставших на путь сплошной коллективизации, местные организации при активной поддержке бедняцкого и середняцкого слоя деревни приступили к раскулачиванию еще в декабре 1929 г.²⁴⁰ Таким образом, начальный этап ликвидации кулачества как класса у уральских историков сомнений не вызывает. Н. В. Ефременков, как бы подытоживая свои собственные и исследования других авторов, заключает, что «раскулачивание происходило организовано и к концу 1930 г. первый этап этой сложной и важной работы на Урале был завершен. К этому времени было описано, конфисковано и передано в неделимые фонды колхозов имущество кулаков первой и второй категорий»²⁴¹. Если учесть, что большинство советских историков не только не разъединяют процесс сплошной коллективизации и ход ликвидации кулачества, но видят в них много общего, в том числе совпадение сроков и основных рубежей реализации, то есть все основания согласиться с Н. В. Ефременковым. Можно принять за основу для дальнейшего уточнения и более аргументированного обоснования и утверждение автора, что процесс ликвидации кулачества был завершен во второй половине 1931 и в 1932 г.²⁴² Вопрос нуждается в изучении и периодизации.

Важной частью проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства является организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Примечательно, что уральские исследователи отмечали его большое значение для колхозного строительства на

²³⁹ См.: Киреев Р. Н. К вопросу об исторической неизбежности ликвидации кулачества как класса: (по материалам Южного Зауралья) // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Курган, 1971. С. 224—225.

²⁴⁰ См.: Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. С. 120.

²⁴¹ Ефременков Н. В. Деятельность партийных организаций Урала по претворению в жизнь ленинского учения о социалистическом преобразовании сельского хозяйства. С. 97.

²⁴² Там же. С. 98.

всех этапах. Но приступить серьезно к конкретному решению этого вопроса партийные, советские и колхозные органы смогли после вынесения решений июньского (1931 г.) Пленума ЦК и постановления ЦК ВКП(б) от 2 августа 1931 г., в которых указывалось на необходимость устранения недостатков и развития успехов, достигнутых к тому времени в организации социалистического производства, учете труда, использовании машин и трудовых ресурсов, проведении сдельщины, правильном распределении доходов, расстановке кадров и т. д.²⁴³. Проблему организационно-хозяйственного укрепления колхозного строя историки понимают очень широко. Н. В. Ефременков, например, считает, что сюда необходимо включить такие составные части, «как правильная организация труда на основе сдельщины и использования принципа материальной заинтересованности, внедрение правильных, наиболее целесообразных для колхозов форм учета труда и распределения доходов между колхозниками в зависимости от количества и качества труда, затраченного каждым из них в общественном производстве, организация социалистического соревнования и ударничества как основы для успешного развертывания хозяйственной деятельности и роста экономической мощи коллективов»²⁴⁴.

Уральским историкам удалось показать и специфические особенности как региона в целом, так и его отдельных зон в становлении социалистических форм труда и производства. Много сделано для более полного освещения состояния материально-технической базы колхозного строя, тех изменений, которые произошли в обеспечении колхозов новой техникой и кадрами, в механизации отдельных видов сельскохозяйственных работ. Сосредоточенная в основном в МТС и в совхозах новая техника оказывала огромное воздействие на психологию единоличника, на производственные возможности колхозов. Однако механизация сельского хозяйства по темпам отставала от социальных процессов, протекавших в деревне, и от потребностей колхозного производства. Весной 1931 г. только 3% колхозов имели собственные тракторы, в 70% коллективов находились хлебоуборочные машины, в 87% — молотилки. Машины могли быть пущены в дело при наличии конной тяги²⁴⁵.

Конкретным проявлением успехов в коллективизации и орга-

²⁴³ Предварительные итоги сева и задачи уборочной кампании: Из резолюции Пленума ЦК ВКП(б), 12 июня 1931 г. // КПСС в резолюциях... 8-е изд. Т. 4. С. 525—529; О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов: Постановление ЦК ВКП(б) от 2 августа 1931 г. // Там же. С. 559—560.

²⁴⁴ Ефременков Н. В. Колхозное строительство на Урале в 1931—1932 гг. С. 52.

²⁴⁵ Там же. С. 31.

низационно-хозяйственном укреплении колхозов явилось дальнейшее улучшение хозяйственной деятельности коллективов, рост их экономики, повышение доходов и благосостояния колхозников, общее увеличение удельного веса социалистического сектора в сельскохозяйственном производстве области. Не все эти вопросы раскрыты с достаточной полнотой и на конкретно-историческом материале. Так, без показа всей глубины и сущности, на основе только некоторых общих данных говорится о снижении урожайности и уменьшении валовых сборов всех культур²⁴⁶.

Проблеме общих закономерностей и специфике их проявлений в социалистическом преобразовании сельского хозяйства различных районов страны уделяется большое внимание. Однако она еще не стала предметом самостоятельного исследования на Урале. Комплексное изучение этих вопросов с учетом природно-географических условий, конкретной социально-экономической действительности, наличия или отсутствия системы транспортных сообщений, этнического фактора и т. д. помогло бы не только конкретно-исторически представить специфические условия раскрытия общих закономерностей, но и явилось бы определенным вкладом в обоснование, подтверждение значимости опыта истории социалистического строительства в СССР.

Можно назвать еще несколько проблем истории социалистического преобразования сельского хозяйства, обстоятельное изучение которых обогатит наши представления о социалистической реконструкции уральской деревни, позволит четко определить задачи историков в исследовании истории крестьянства и социалистического колхозного строительства на Урале. Это малоизученность вопроса о роли и месте крестьянина-единоличника в системе социально-экономических условий колхозной деревни, о его социальном составе, об изменениях в экономике его хозяйства, его связях с деревней и городом и т. п., недостаточная изученность вопросов о тех огромных социально-экономических сдвигах, которые произошли в уральской деревне в результате коллективизации, о социально-экономическом и политическом облике колхозного крестьянства, о структуре уральской деревни на завершающем этапе коллективизации, неполнота решения вопросов о роли рабочего класса в организационно-хозяйственном укреплении колхозов, о деятельности в деревне отряда рабочего класса из совхозов и МТС. Кроме того, необходимо показать становление и развитие передовых колхозов и совхозов, осветить их роль в подготовке и осуществлении коллективизации, в утверждении социалистических принципов хозяйствования, в формировании качественно нового труженика сельского хозяйства.

²⁴⁶ См.: *Ефременков Н. В.* Колхозное строительство на Урале в 1931—1932 гг. С. 82.

6. Проблемы культурной революции на Урале

Главной особенностью современной историографии культурной революции на Урале является не только всестороннее исследование конкретно-исторической канвы событий, но и постановка методологических проблем, связанных с ленинским пониманием сущности культурной революции, ее периодизации на Урале, роли трудящихся масс в осуществлении культурных преобразований.

Уральские ученые рассматривают культурную революцию как составную часть ленинского плана построения социализма, как всеобщую закономерность социалистического строительства. В монографиях В. Г. Чуфарова и М. Е. Глазачко анализируются взгляды В. И. Ленина на основные проблемы культурной революции, прослеживается его непосредственное участие в принятии документов, определивших направления культурного строительства в нашей стране.

Исходя из ленинской концепции культурной революции, В. Г. Чуфаров определяет ее как сложный революционный процесс, связанный со всесторонним духовным обновлением общества, становлением нового, высшего типа культуры — социалистической культуры, опирающейся на все передовое, что создано предшествующим развитием человеческой мысли²⁴⁷.

По мнению В. Г. Чуфарова, период культурной революции коренным образом отличается от последующих этапов культурного строительства в нашей стране. Ломка старой, реакционной и создание новой, социалистической культуры протекали в условиях острой классовой борьбы. Для осуществления культурных преобразований в этот период применялись революционные формы и методы, которые утратили свое значение в последующем (чрезвычайные комиссии по ликвидации неграмотности, самообложение в пользу учреждений культуры, культпоход, рабфаки и т. п.)²⁴⁸.

В современной литературе широко обсуждается вопрос о хронологических рамках культурной революции на Урале. Все историки полагают, что она началась сразу же после перехода власти в руки пролетариата и тесно связана с происходящими в стране политическими и экономическими преобразованиями. Что же касается конца культурной революции, то по этому вопросу исследователи высказывают различные соображения.

В. Г. Чуфаров считает, что главные задачи культурной революции были решены к концу второй пятилетки. К этому времени

²⁴⁷ См.: Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920—1937. Свердловск, 1970. С. 24.

²⁴⁸ См.: Чуфаров В. Г. Основные моменты периодизации истории осуществления культурной революции на Урале // Культурная революция в СССР. М., 1967. С. 269.

было в основном покончено с неграмотностью взрослого населения, в стране проводился начальный всеобщий и имелись большие успехи в осуществлении неполного среднего образования, была создана армия советской интеллигенции, ликвидировано культурное неравенство народов СССР и навсегда покончено со старым бытом деревни, социалистическая идеология стала безраздельно господствовать в советском обществе²⁴⁹. Это позволило В. Г. Чуфарову сделать вывод, что решающие успехи в осуществлении культурной революции на Урале были достигнуты в 30-е гг., к концу реконструктивного периода, когда в основном было построено социалистическое общество. Однако задачи культурной революции были решены лишь в основном, так же как задачи по реконструкции народного хозяйства²⁵⁰.

В работах других уральских историков вопрос о конечных рубежах культурной революции решается не столь категорично. Так, П. К. Кузнецов отмечает, что к началу Великой Отечественной войны в культурном строительстве были достигнуты серьезные успехи, однако социалистическая культурная революция в нашей стране победила одновременно с полной и окончательной победой социализма, т. е. к концу 50-х гг.²⁵¹. После этого, пишет автор, начался завершающий этап культурной революции, связанный с периодом коммунистического строительства. Подобное мнение высказывается Г. Н. Трефиловым, И. М. Ябровым, которые не выделяют 30-е гг. в качестве принципиальной грани, отделяющей один этап культурной революции от другого. В данном случае понятие культурной революции утрачивает свое историческое содержание и превращается в бесконечный процесс культурного строительства.

Говоря о более дробной периодизации истории осуществления культурной революции на Урале, В. Г. Чуфаров выделяет два основных этапа: 1917—1927 гг. — начало становления социалистической культуры и 1928—1937 гг. — решающие успехи в осуществлении культурной революции. При этом автор называет важнейшие переломные моменты в культурном строительстве на Урале внутри данных этапов²⁵².

Большое внимание уральские исследователи уделяют изучению деятельности различных организаций, особенно партийных, по руководству культурной революцией. Историки проанализи-

²⁴⁹ См.: Чуфаров В. Г. Основные моменты периодизации истории осуществления культурной революции на Урале. С. 270.

²⁵⁰ См.: Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920—1937. С. 25.

²⁵¹ См.: Кузнецов П. К. Особенности и основные этапы культурной революции в Удмуртии // Тр. /Перм. политехн. ин-т. 1973. № 126. С. 119.

²⁵² См.: Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920—1937. С. 26.

ровали формы и методы партийного руководства культурой, показали их постоянное совершенствование, поиски новых способов руководства. Гораздо слабее изучены вопросы государственного руководства культурным строительством, такие, как развитие ленинских традиций, создание эффективной системы государственного руководства, взаимодействие партийных, государственных и общественных организаций в процессе руководства²⁵³.

Важнейшей проблемой, рассматриваемой во всех исследованиях уральских историков, является освещение роли народных масс и прежде всего рабочего класса в осуществлении культурной революции. В них показано повышение культурного уровня трудящихся масс в результате плодотворной деятельности партийных организаций по осуществлению культурных преобразований, обусловившее активное участие рабочих и трудящихся крестьян Урала в создании материальной культуры, в развитии переходной идеологии.

Значительный вклад в изучение истории социалистической культуры Урала внесли исследователи национальных районов. Историки Удмуртии, создавшие обобщающие работы, обращают внимание на особенности проведения культурных преобразований в национальных районах Урала²⁵⁴. Наличие пережитков докапиталистических отношений в области идеологии, культуры, быта, влияние христианской религии с остатками языческих верований, отсутствие развитой письменности создавали дополнительные трудности в осуществлении культурной революции в этих районах. В то же время авторы убедительно доказывают, что формирование национальной культуры являлось важнейшей составной частью социалистической культуры Урала и страны в целом.

Подавляющее большинство работ уральских исследователей культурной революции выполнено в так называемом отраслевом разрезе. В современной литературе прослежено развитие на Урале всех основных отраслей культурного строительства в переходный период, включая проблемы народного образования, формирования социалистической интеллигенции, культурно-просветительной работы, науки и искусства. По временному аспекту наименее изучен первый послеоктябрьский период в истории советской культуры Урала. По этому периоду нет самостоятельных исследований. Остальные этапы культурного строительства на Урале в переходный период изучены более полно.

Одной из главных проблем, вставших перед нашей страной после Октябрьской революции, было создание принципиально но-

²⁵³ См.: *Чуфаров В. Г.* Победа социализма и решающие успехи культурной революции в СССР // *Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества.* С. 36.

²⁵⁴ См.: *Трефилов Г. Н.* К вершинам культуры. Ижевск, 1964; *Он же.* Культурная революция в Удмуртии. Ижевск, 1970; *Кузнецов П. К.* Культурная революция в Удмуртской АССР. Ижевск, 1975.

вой системы народного образования, соответствующей задачам построения социализма. Складывание такой системы происходило в сложнейших условиях скудости средств, материальных лишений, враждебного капиталистического окружения. Особенная трудность заключалась в массовой неграмотности населения, унаследованной от дореволюционного прошлого. Исследователи показывают, что задача ликвидации неграмотности взрослого населения являлась первоочередной в культурном строительстве, так как без ее осуществления невозможно было культурное возрождение страны. Однако ликбез не мог выполнить главной задачи — создания социалистической культуры, поскольку был порожден конкретно-историческими особенностями развития России.

Уральские исследователи уделяют большое внимание изучению этой проблемы в трудах о повышении культурного уровня рабочего класса и трудящегося крестьянства, об истории народного образования и культурно-просветительной работы. В связи с этим возникает вопрос о месте ликбеза среди различных направлений культурного строительства. В. Г. Чуфаров рассматривает ликбез в качестве самостоятельного направления культурного строительства. Успехи в ликвидации неграмотности способствовали усилению работы на всех других участках культурного фронта²⁵⁵. Л. М. Зак включает борьбу за ликвидацию неграмотности в качестве составной части в проблему народного образования²⁵⁶. И. Т. Шалашова, Н. Я. Кемерова, М. В. Попов в своих исследованиях по истории культурно-просветительной работы на Урале среди других проблем анализируют состояние работы по ликвидации неграмотности взрослого населения. Этой проблеме отводится значительное место как в общих трудах по истории культурного строительства²⁵⁷, так и в ряде специальных работ²⁵⁸. Авторы показывают борьбу за организацию всенародного похода за грамотность на протяжении всего переходного периода. Статьи М. В. Попова, С. М. Волкова, Н. М. Ушакова, И. Т. Шалашовой, Н. Я. Кемеровой посвящены отдельным этапам этой борьбы, причем наибольшее внимание привлекло развертывание работы по ликвидации неграмотности в период реконструкции народного хозяйства. Исследования Л. Г. Гибадуллина, К. З. Фатихова и Г. Г. Черновой раскрывают особенности борьбы за ликвидацию неграмотности взрослого населения в автономных республиках Урала.

В. Г. Чуфаров обращает внимание на особую значимость ликбеза для Уральского региона, поскольку дореволюционный Урал

²⁵⁵ См.: Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920—1937. С. 17, 50.

²⁵⁶ См.: Зак Л. М. История изучения советской культуры. М., 1981. С. 112.

²⁵⁷ См.: Культурная революция на Урале. Свердловск, 1966.

²⁵⁸ См., например: Чуфаров В. Г., Горбунова Д. П. От неграмотности — к вершинам культуры. Свердловск, 1963.

отставал в культурном отношении от центральных районов России. Статистические данные об исходном уровне грамотности населения Урала позволяют ему показать качественный скачок в области образования, осуществленный усилиями советских людей.

Уральские исследователи признают, что наивысшего подъема работа по ликвидации неграмотности достигла в годы первой пятилетки. Однако результаты работы к концу первой пятилетки вызывают споры среди историков. По мнению С. М. Волкова, к концу 1932 г. грамотность населения Урала в возрасте 16—50 лет составила 95%²⁵⁹. В. Г. Чуфаров ссылается на документы XI Уральской областной конференции ВКП(б), состоявшейся в январе 1932 г., где называлась цифра 92%, однако требует подходить к этой цифре с известной осторожностью, напоминая, что в годы первой пятилетки в число обученных нередко зачисляли всех посещающих школы ликбеза²⁶⁰. Правда, автор не приводит других данных, по которым можно было бы судить об уровне грамотности уральского взрослого населения к концу первой пятилетки.

Большинство исследователей разделяют последнее мнение. Они признают, что к началу второй пятилетки с неграмотностью на Урале было покончено, а оставшиеся 5—8% неграмотного населения не могли оказать какого-либо влияния на темпы социалистических преобразований.

Н. Я. Кемерова считает, что грамотность населения Урала к началу второй пятилетки была ниже 90%²⁶¹. По ее данным, за годы второй пятилетки было обучено гораздо меньше людей, чем за предыдущий период. К тому же процесс обучения неграмотных и малограмотных был значительно сложнее, поскольку пришлось иметь дело с наименее организованными слоями населения — выходцами из деревни, женщинами. Кроме того, главные средства в те годы направлялись на школьное строительство, что существенно ослабило материальную базу ликбеза. Несмотря на это, к концу второй пятилетки на Урале, как и по стране в целом, были достигнуты решающие успехи в борьбе за всеобщую грамотность населения. Объективную картину таких успехов дала Всесоюзная перепись населения 1939 г. Согласно ее данным грамотность населения СССР в возрасте 9—49 лет составила

²⁵⁹ См.: Волков С. М. Из истории борьбы партийных организаций Уральской области за грамотность взрослых // Учен. зап. / Перм. ун-т. 1971. № 260. С. 200.

²⁶⁰ См.: Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920—1937. С. 210.

²⁶¹ См.: Кемерова Н. Я. Деятельность партийных организаций Урала по развитию культурно-просветительной работы в годы второй пятилетки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1974. С. 12.

89,1%, а по Свердловской, Пермской, Челябинской областям — соответственно 90,7, 89 и 88,9% ²⁶².

Изучение деятельности по ликвидации неграмотности взрослого населения на Урале ведется высокими темпами. Достигнутые результаты свидетельствуют, что эта работа является подлинно всенародным делом при организующей и направляющей роли Коммунистической партии и Советского государства. Однако ликбез в условиях советского общества являлся лишь первым шагом на пути повышения общеобразовательного и культурного уровня трудящихся нашей страны. Многое зависело от создания новой подлинно демократичной системы народного образования, которая могла бы предупредить рецидивы неграмотности и обеспечить непрерывный подъем общей культуры народных масс.

Внимание современных исследователей привлекает история становления и развития на Урале общеобразовательной школы. Правда, не все этапы школьного строительства изучены достаточно полно. В статьях В. И. Ивановой и А. Т. Тертышного анализируются первые мероприятия Советской власти в области школьного строительства, развитие общеобразовательной школы после освобождения Урала от Колчака. Эти годы были очень важными в истории становления советской школы. Авторы подчеркивают, что осуществить коренную перестройку школьного образования в тот период не удалось из-за колчаковской оккупации. В. Г. Чуфаров отмечает, что колчаковщина явилась наглядным уроком для учительства Урала, которое в массе своей неприязненно отнеслось к политике Советской власти в области школьного строительства ²⁶³.

Истории школы в годы реконструкции народного хозяйства, когда шла борьба за осуществление начального, а затем семилетнего всеобуча, посвящены работы Д. П. Горбуновой, Н. К. Покровской, В. В. Чернышкова, а также специальное исследование П. В. Гришанова ²⁶⁴. Урал к концу восстановительного периода значительно отставал от других областей РСФСР по состоянию обучения детей и подростков. Ликвидировать это отставание предстояло в период введения начального, а затем семилетнего всеобуча. П. В. Гришанов подробно останавливается на таких важных вопросах школьного строительства, как расширение и укрепление материальной базы школ, подготовка и воспитание

²⁶² См.: Кемерова Н. Я. Партийные организации Урала в борьбе за завершение ликвидации неграмотности и малограмотности в годы второй пятилетки // Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. Свердловск, 1972. С. 115—116, 121.

²⁶³ См.: Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920—1937. С. 23.

²⁶⁴ См.: Гришанов П. В. Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926—1937 гг.). Челябинск, 1982.

педагогических кадров, помощь школе хозяйственных, общественных организаций и населения, перестройка учебно-воспитательного процесса. В работах П. В. Гришанова и В. В. Чернышкова обращается внимание на повышение роли школы, комсомольской и пионерской организаций в коммунистическом воспитании трудящихся.

Д. П. Горбунова и Н. К. Покровская показывают особенности школьного строительства в годы второй пятилетки. Именно тогда был осуществлен переход к семилетнему всеобучу и значительно расширилось среднее образование на Урале. Н. К. Покровская отмечает новые моменты, которые были характерны для школьного строительства того времени. Во-первых, основная масса школьных помещений стала строиться на средства госбюджета. Во-вторых, значительно выросла доля нового строительства. В-третьих, эта работа приобрела плановый характер.

В. Г. Чуфаров выступил с критикой тех авторов, которые относили завершение перехода к начальному всеобучу в нашей стране к концу 30-х гг. По его мнению, всеобщее начальное обучение было осуществлено в основном в начале 30-х гг.²⁶⁵

Литература, посвященная истории общеобразовательной школы, имела одну общую черту: в ней много места отводилось истории педагогической мысли. Исследователи показали, что наряду с теневыми сторонами, связанными с перестройкой содержания школьного образования в 20-е гг., в истории школы было много положительного и даже поучительного, а П. В. Гришанов обобщил опыт уральского учительства в 20—30-е гг.

В последние годы активно разрабатывается история национальной школы Урала²⁶⁶, создававшейся в условиях Советской власти на основе равноправия наций и языков. В то же время в становлении и развитии национальной школы были политические, социальные и хозяйственные трудности. Авторы приводят богатый фактический материал о первых организаторах народного образования в Башкирии и Удмуртии.

Система народного образования нашей страны представляет собой сеть учебных заведений профессионального характера. Формирование ее имело особое значение именно для Урала, который до Октябрьской революции не обладал подобными учебными за-

²⁶⁵ См.: Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920—1937. С. 240.

²⁶⁶ См.: Алибаев С. Р. Школы Башкирской АССР: (прошлое, настоящее и пути дальнейшего развития). Уфа, 1966; Мустафина Ф. Х. Народное образование в Башкирской АССР. Уфа, 1966; Она же. Расцвет народного образования в Башкирской АССР. Уфа, 1968; Боброва В. Г. Становление советской школы в Удмуртии. Ижевск, 1967; Обухов А. П. Народное образование в Удмуртской АССР. Ижевск, 1972; Фролова Г. Д. Из истории удмуртской школы. Ижевск, 1971 и др.

ведениями и в период социалистического строительства испытывал острейшую потребность в квалифицированных кадрах. Исследователи обратили внимание на создание сети низшего производственно-технического образования, призванной подготовить для народного хозяйства Урала рабочих и сельских специалистов.

В работах А. В. Бакунина, В. И. Банновой, Л. И. Милостной, М. И. Чернышевой, С. П. Постникова показывается роль отдельных форм обучения в обеспечении промышленности специалистами. Для быстрого удовлетворения потребности уральской промышленности в квалифицированных кадрах применялись различные формы обучения, как с отрывом, так и без отрыва от производства. В. И. Баннова высоко оценивает роль школ ФЗУ, утверждая, что уже в годы восстановления народного хозяйства именно они стали основной формой подготовки и резерва квалифицированных рабочих. По мнению С. П. Постникова, в тот период основную массу рабочих кадров готовили непосредственно на производстве через профтехкурсы, индивидуально-бригадное ученичество и т. п. Что же касается школ ФЗУ, то в период восстановления народного хозяйства они подготовили лишь небольшую часть нового пополнения квалифицированных уральских рабочих.

М. И. Чернышова и Л. И. Милостная, занимавшиеся изучением подготовки кадров в годы первой пятилетки, полагают, что школы ФЗУ стали главной формой подготовки квалифицированных кадров из молодежи только к концу первой пятилетки, а ранее рабочие обучались без отрыва от производства. М. И. Чернышева попыталась дать оценку краткосрочной подготовке рабочих по методу, разработанному Центральным институтом труда и широко применяемому в годы первой пятилетки. С одной стороны, такое обучение ограничивалось механической тренировкой, ремесленничеством, что не отвечало требованиям нового производства, которое нуждалось во всесторонне развитом рабочем. С другой же стороны, данный метод позволял рабочему за короткое время получить элементарную культуру труда. Коммунистическая партия использовала метод ЦИТ в условиях повышенного спроса на рабочую силу для подготовки кадров невысокой квалификации.

Формы подготовки квалифицированных кадров для сельского хозяйства также были неодинаковыми Э. Ф. Ризева, наиболее полно проанализировавшая этот вопрос, останавливается на таких формах, как различного рода курсы по обучению работников массовых профессий и сельскохозяйственные школы. Она изучает вопросы финансирования данных учебных заведений, укрепления их материальной базы, борьбы за улучшение социального состава учащихся, подготовки преподавательских кадров, совершенствования учебного процесса.

Наряду со становлением сети низшего профессионального обучения в названных работах рассматривается создание на Урале средних специальных учебных заведений. Этой форме обучения квалифицированных специалистов посвящены также статьи А. Г. Дегтярева, П. В. Гришанова, Л. А. Марголина, В. В. Ножикина. А. Г. Дегтярев впервые раскрыл многие моменты профессиональной подготовки кадров через техникумы за весь реконструктивный период. Автор считает, что именно в то время завершился процесс формирования советской системы среднего специального образования, сложились основные формы и методы учебно-воспитательной работы. Он останавливается на вопросе расширения техникумов и их сети за указанный период. По мнению А. Г. Дегтярева, в первой пятилетке наблюдалось количественное увеличение этих учебных заведений, преимущественно технического профиля. В годы второй пятилетки общее количество техникумов несколько сократилось, главный упор делался на качество подготовки специалистов, происходило упорядочение сети средних специальных учебных заведений, укрепление их материальной базы.

Внимание современных исследователей привлекает история высшего образования на Урале. Опубликованы научно-популярные очерки по истории крупнейших учебных заведений Урала²⁶⁷. Активно изучается роль В. И. Ленина и его соратников в организации первых учебных заведений на Урале²⁶⁸. Это особенно ярко проявилось в создании Уральского университета, у истоков которого стояли В. И. Ленин и А. М. Горький. Указания В. И. Ленина имели решающее значение для определения профиля Уральского университета.

В исследованиях М. Е. Главацкого, В. Г. Чуфарова, М. И. Кондрашевой, Л. М. Трофимовой, других уральских историков важное место отводится изучению деятельности партийных организаций Урала по созданию сети высших учебных заведений. Ес-

²⁶⁷ См.: Уральский политехнический институт за 40 лет. Свердловск, 1962; Уральский политехнический институт. 1920—1970: Ист. очерк. Свердловск, 1970; Магнитогорскому горно-металлургическому институту 30 лет. Магнитогорск, 1962; 50 лет Свердловскому горному институту. М., 1967; Пономарев В. А. Первый вуз Челябинска. Челябинск, 1975; Главацкий М. Е. Уральский государственный университет. Свердловск, 1960; Очерки истории Уральского университета. Свердловск, 1967; Уральский государственный университет. Свердловск, 1980; Пермский государственный университет им. А. М. Горького: Ист. очерк. 1916—1966. Пермь, 1966 и др.

²⁶⁸ См.: Главацкий М. Е. 150 лет и 2 года: (о роли В. И. Ленина в организации высшего образования на Урале) // Урал. 1964. № 4; Он же. Об участии А. М. Горького в организации Уральского университета // Из истории Урала. Свердловск, 1960; Он же. А. М. Горький и Уральский университет // Вестн. высш. шк. 1968. № 3; Добровольский И. С. В. И. Ленин и высшая школа на Урале // Блокнот агитатора. Свердловск, 1960, № 7.

тественно, основное внимание уделяется вузам технического профиля, которые в то время доминировали среди высших учебных заведений Урала. Авторы рассматривают вопросы укрепления материальной базы вузов, совершенствование учебного процесса в высших учебных заведениях, борьбу за рационализацию сети вузов и т. д.

Реформа высшей и средней специальной школы, проведенная в конце 20-х — начале 30-х гг., включала в себя несколько моментов, и уральские историки поставили вопрос, в какой степени оправдали себя те или иные положения реформы.

М. Е. Главацкий, рассматривая вопрос о перестройке управления профессиональным образованием, согласно которой вузы были переданы из ведения Наркомпроса хозяйственным органам, выступает с критикой авторов, видящих в ней только положительные или только отрицательные стороны. По его мнению, в целом перестройка имела положительное значение. Хозяйственные органы обязаны были вплотную заняться подготовкой кадров. Существенные изменения претерпела материальная база вузов, упрочились связи учебных заведений с производством. В то же время ведомственная подчиненность породила ряд трудностей в работе высшей и средней специальной школы²⁶⁹.

В соответствии с реформой на базе ранее существовавших вузов были созданы узкоспециализированные отраслевые институты. В. Г. Чуфаров дает в целом негативную оценку созданию отраслевых институтов, считая, что это поставило молодые вузы в трудные условия. У большинства из них не было соответствующей материальной базы, особенно в городах, где вузы создавались впервые, не хватало преподавательских кадров, часть институтов имела незначительный контингент студентов. В. Г. Чуфаров делает вывод, что качество обучения студентов в таких вузах было весьма низким. Единственное, чего позволила достичь подобная система, — это возможность ускорить выпуск специалистов. Однако тут же В. Г. Чуфаров оговаривает, что квалификация этих кадров была невысока и уже в 1932 г. ускоренная подготовка инженеров узкого профиля была прекращена²⁷⁰. Подобное мнение высказывает Л. М. Трофимова, которая хотя и признает, что разукрупнение вузов в начале 30-х гг. было необходимым шагом, но считает эту меру не оправдавшей себя²⁷¹.

М. Е. Главацкий утверждает, что анализ деятельности от-

²⁶⁹ См.: *Главацкий М. Е.* КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926—1937 гг.). Свердловск, 1974. С. 21.

²⁷⁰ См.: *Чуфаров В. Г.* Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920—1937. С. 285—286.

²⁷¹ См.: *Трофимова Л. М.* Деятельность партийных организаций Урала по совершенствованию высшей школы в годы второй пятилетки: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Свердловск, 1974. С. 13.

расловых институтов дает основание для выводов о положительном значении метода ускоренной подготовки кадров, хотя при его осуществлении не удалось избежать отдельных недостатков. Автор показывает, что разукрупнение технических вузов дало возможность в короткий срок создать большое число новых учебных заведений и расширить их географию; изменить соотношение числа студентов индустриальных и других отраслей знаний в пользу первых; начать массовую подготовку кадров по новым специальностям²⁷². Его поддерживает Т. Г. Усольцева, которая считает, что создание отраслевых институтов позволило организовать подготовку специалистов по наиболее важным отраслям промышленности²⁷³.

В. Г. Чуфаров отмечает, что перестройка учебного процесса в вузах, которая проводилась согласно реформе высшей школы, внесла много нового в деятельность высшей и средней специальной школы. Она дала возможность широко увязать учебу с жизнью, приблизить систему образования к производству, значительно улучшить коммунистическое воспитание студентов. Автор пишет, что новые учебные планы и программы ликвидировали излишнюю многопредметность, усилили внимание к изучению специальных дисциплин, большое место отводили производственной практике студентов, ограничили срок пребывания студентов в вузе. В то же время новые учебные планы и программы резко сокращали время на изучение общенаучных дисциплин, что значительно ухудшало теоретическую подготовку молодых специалистов, внедряли лженинаторские методы обучения. В. Г. Чуфаров подчеркивает, что ошибки, допущенные при перестройке учебно-методической работы в высшей школе в конце 20-х — начале 30-х гг., нельзя объяснить лишь объективными причинами²⁷⁴.

В литературе, посвященной истории высшей школы Урала в переходный период, большое место отводится проблеме пролетаризации студенчества. Имеются и специальные работы²⁷⁵, авторы которых анализируют деятельность рабочих факультетов, подготовительных курсов по вовлечению рабочих и крестьян в вузы, роль партийных мобилизаций на учебу. По мнению М. Е. Главац-

²⁷² См.: *Главацкий М. Е.* КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926—1937 гг.). С. 22—23.

²⁷³ См.: *Усольцева Т. Г.* Деятельность Уральской партийной организации по подготовке и воспитанию инженерно-технических работников в годы первой пятилетки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1967. С. 8.

²⁷⁴ См.: *Чуфаров В. Г.* Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920—1937. С. 289, 299.

²⁷⁵ См.: *Главацкий М. Е.* Изменение состава студентов вузов Урала в реконструктивный период // Матер. науч. сессии вузов Урал. экон. р-на: Ист. науки. Свердловск, 1963; *Главацкий М. Е., Усольцева Т. Г.* Осуществление указаний В. И. Ленина о пролетаризации высшей школы // В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. Вып. 2: Первые рабфаки на Урале. Свердловск, 1963 и др.

кого, пока слабо изучен вопрос о результатах этого процесса — о динамике социального состава студентов в годы строительства социализма²⁷⁶.

Современные историки стараются более точно определить содержание тех процессов, которые характеризуются понятием «пролетаризация высшей школы». М. Е. Главацкий считает, что нужно различать «пролетаризацию», т. е. создание нового контингента студентов, социальный состав которого соответствовал бы новой классовой структуре советского общества, и демократизацию высшего и среднего специального образования, т. е. революционную перестройку высшей и средней специальной школы²⁷⁷. Л. А. Баранова поддерживает ленинградского исследователя В. С. Волкова в том, что даже к процессу изменения социального состава студенчества более подходит термин «демократизация» как более точно отражающий сущность политики Коммунистической партии по массовому вовлечению в учебные заведения трудящихся и ликвидации монополии на образование свергнутых эксплуататорских классов²⁷⁸.

Исследователи показывают, что процесс изменения социального состава уральских вузов наиболее интенсивно наблюдался с конца 20-х до середины 30-х гг. в соответствии с нуждами и потребностями социалистического хозяйства. В статьях Л. Я. Барановой, С. М. Верзилова, М. К. Сыроежкиной рассматриваются формы и методы коммунистического воспитания студенческой молодежи. Авторы подчеркивают, что условия для успешного осуществления задач воспитания студентов были созданы в результате перестройки всей деятельности вузов и техникумов. Этому способствовали изменение социального состава студентов, укрепление партийных и общественных организаций, завоевание на свою сторону органов управления учебными заведениями. Исследователи пишут, что введение в вузовские программы общественных наук, сеть политкружков и семинаров, печать, участие в агитационно-пропагандистской деятельности имели большое значение в коммунистическом воспитании студентов. Работы этих авторов посвящены разнообразным направлениям коммунистического воспитания, включая нравственное, военно-патриотическое, выработку коммунистического отношения к труду.

Необходимо отметить хорошую изученность истории народного образования на Урале в переходный период. Это прежде всего история общеобразовательной школы и вузовского образова-

²⁷⁶ См.: *Главацкий М. Е.* КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926—1937 гг.). С. 25.

²⁷⁷ Там же. С. 26.

²⁷⁸ См.: *Баранова Л. Я.* Деятельность партийных организаций Урала по коммунистическому воспитанию студенчества вузов и техникумов в 1921—1927 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1981. С. 11.

ния. Однако имеется ряд неполно исследованных проблем, в частности, по народному образованию в первые годы Советской власти и в период восстановления народного хозяйства. В изучении среднего специального образования имеются определенные успехи, однако история техникумов непроизводственного профиля по подготовке работников здравоохранения, торговли, культуры осталась вне поля зрения ученых. Из отдельных вопросов вузовского образования нуждаются в дальнейшем исследовании такие формы обучения, как заводы-втузы, заочная и вечерняя форма подготовки специалистов, практика командирования рабочих и коммунистов в учебные заведения.

Крупнейшей исследовательской проблемой культурной революции на Урале является формирование социалистической интеллигенции. Историки, основываясь на марксистско-ленинской методологии, ставят вопросы о месте интеллигенции в социалистическом обществе, путях ее формирования. В литературе отмечается острота этой проблемы для молодого Советского государства. Пролетариат как класс неимущий и угнетенный не располагал собственной интеллигенцией и вынужден был формировать ее лишь после захвата власти.

Все историки сходятся во мнении, что в конкретно-исторических условиях переходного периода социалистическая интеллигенция формировалась по трем основным каналам: через систему средней специальной и высшей школы, путем выдвижения рабочих и крестьян на руководящие посты и за счет привлечения старой интеллигенции на сторону Советской власти. Эти направления развивались и использовались Советским государством с первых лет его образования, однако постепенно высшая и средняя специальная школа становится главным, а затем единственным источником пополнения кадров интеллигенции в нашей стране. Использование старой интеллигенции и выдвиженчество характерны лишь для переходного периода.

Наиболее полно в уральской литературе исследована подготовка квалифицированных кадров специалистов через систему высшей и средней специальной школы. В работах по этой тематике характеризуется организующая деятельность Коммунистической партии по массовой подготовке молодых специалистов.

Учитывая специфику экономики Урала, испытывающей потребность прежде всего в инженерно-технических кадрах, историки обратили особое внимание на формирование производственно-технической интеллигенции. В работе М. Е. Главацкого, статьях П. Н. Тарасенкова, Л. Г. Дворсона, В. Г. Черемных, Т. Г. Усольцевой раскрываются особенности создания этого отряда уральской интеллигенции. Авторы показывают плохую обеспеченность народного хозяйства Урала квалифицированными специалистами, особенно отраслей тяжелой промышленности, которые имели решаю-

щее значение в период реконструкции народного хозяйства. М. Е. Главацкий характеризует трудности, вставшие на пути ускоренной подготовки кадров для промышленности. Он пишет, что решению этой проблемы в сравнительно быстрые сроки способствовал ряд факторов: постоянно возрастающий спрос промышленности на специалистов, наличие потомственных рабочих, боевая и сплоченная партийная организация²⁷⁹. М. Е. Главацкий, подсчитав количество специалистов технического профиля, подготовленных вузами Урала для народного хозяйства в годы предвоенных пятилеток, отмечает, что в целом система высшего образования справилась с задачами, поставленными перед ней промышленностью.

В последние годы исследователи обратились к изучению выдвинутости как важного канала в решении проблемы кадров. Были поставлены очень важные вопросы о природе выдвинутости, его роли в создании новой интеллигенции. По мнению М. Е. Главацкого, выдвинутость была рождена Октябрьской революцией, самой природой социалистического строя. Он выступает с критикой тех авторов, которые связывают возникновение выдвинутости с нехваткой кадров²⁸⁰.

Уральские авторы подчеркивают, что роль выдвинутости, зародившегося в первые годы Советской власти, возросла к концу 20-х гг., когда оно стало массовым явлением. Э. Г. Савцов и М. И. Кондрашева исследовали выдвинутость рабочих в первые годы Советской власти и сделали вывод, что уже тогда оно было одним из основных путей формирования руководящих кадров во всех областях государственного и хозяйственного строительства. М. Е. Главацкий и Т. Г. Усольцева изучили данный метод в условиях реконструкции народного хозяйства. Они осветили такие его формы, как специальные курсы, прикрепление к специалистам, учеба без отрыва от производства. М. Е. Главацкий отмечает, что выдвинутость второй половины 20-х — 30-х гг., как правило, органически сливалась с учебой²⁸¹. В работах Т. Г. Усольцевой и В. К. Янина раскрыты новые формы подготовки руководящих кадров из практиков: курсы красных директоров, Урало-Казахстанская промакадемия, учебные комбинаты на крупных заводах и некоторые другие.

В последние годы исследователи обратились к изучению деятельности партийных организаций по воспитанию старой интеллигенции и привлечению ее к активному сотрудничеству с Со-

²⁷⁹ См.: *Главацкий М. Е.* КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926—1937 гг.). С. 8.

²⁸⁰ Там же. С. 30.

²⁸¹ Там же. С. 31.

ветской властью. Это был один из важнейших путей в сложном процессе формирования советской интеллигенции, однако положение старой буржуазной интеллигенции и работа по ее перевоспитанию подробно изучены применительно лишь к первому десятилетию Советской власти. В работах М. И. Кондрашевой и В. П. Полева поставлены вопросы о роли В. И. Ленина в привлечении буржуазных специалистов к социалистическому строительству, об идейно-политической дифференциации буржуазной интеллигенции после Октябрьской революции.

В. П. Полев замечает, что использование буржуазных специалистов было не тактическим маневром, а политической задачей, рассчитанной на длительную историческую перспективу, на весь переходный период. Он указывает на некоторые особенности процесса перевоспитания старой интеллигенции на Урале, более демократичной по составу из-за отсутствия в ее среде политических фигур. Кроме того, на уральскую интеллигенцию оказал большое воздействие опыт колчаковской оккупации. Все это, по мнению В. П. Полева, повлияло на то, что на Урале деятельность антисоветских элементов имела меньшее влияние на основную часть интеллигенции.

В работах В. П. Полева и М. И. Кондрашевой анализируются формы использования буржуазных специалистов на службе Советскому государству. Их привлекали к созданию советской общеобразовательной и высшей школы, к работе в хозяйственных органах и ведению лекционно-просветительной работы среди трудящихся. Авторы показывают значение таких сторон деятельности партийных и советских органов среди буржуазных специалистов, как забота о материальном положении и бытовых условиях специалистов, урегулирование правового положения, борьба со «спецеидством» и т. д. Они подчеркивают роль рабочего класса, партийно-советской печати и собственного опыта интеллигенции в ее постепенном переходе на позиции Советской власти.

Очень сложной проблемой является окончательный переход старой интеллигенции на позиции социализма. Все авторы единодушны в том, что он начался уже в первые годы Советской власти. Однако вопрос о завершении этого процесса продолжает оставаться спорным. Дело в том, что некоторые авторы отождествляют переход старой интеллигенции на позиции социализма с ее профессиональным сотрудничеством с Советской властью. Поэтому у них получается, что переход буржуазной интеллигенции на позиции социализма происходит в конце восстановительного периода или в годы первой пятилетки.

Так, в работе В. Ф. Неустроева говорится следующее о старом учительстве Урала: «К концу первого пятилетия новой жизни наблюдается несомненный сдвиг в политическом настроении этого слоя старой интеллигенции, обеспечен в основном ее переход

на позиции социалистического строительства»²⁸². В статье С. М. Волкова указывается, что к концу 1932/33 учебного года «большая часть старого учительства прочно стала на сторону Советской власти благодаря воспитательной работе партийных и советских организаций»²⁸³. Нужно отметить, что приведенные соображения касаются учительства, которое ближе всех стояло к трудящимся массам и имело давние демократические традиции.

По мнению других авторов, применительно к данному этапу социалистического строительства можно говорить лишь о повороте интеллигенции в сторону Советской власти, о сдвигах в политических взглядах интеллигенции и расширении ее сотрудничества с Советским государством. Под окончательным переходом старой интеллигенции на позиции рабочего класса эти авторы понимают сознательный, идейный переход на позиции социализма, восприятие марксистско-ленинского мировоззрения. У интеллигенции к тому времени складываются новые социально-психологические черты. Многие старые специалисты стремятся связать свою судьбу с Коммунистической партией. Окончательный переход старой интеллигенции на позиции социализма происходит лишь к концу 30-х гг.²⁸⁴

До настоящего времени не все проблемы, связанные с перевоспитанием старой интеллигенции, решены в полной мере. Следует точно определить, кого относить к «буржуазной» интеллигенции, изучить профессиональное движение среди интеллигенции, роль общественных организаций в ее перевоспитании²⁸⁵.

Обращает на себя внимание неодинаковая изученность формирования различных отрядов интеллигенции. На уральском материале достаточно полно изучены проблемы формирования и деятельности производственно-технической интеллигенции. Появилось солидное исследование П. В. Гришанова, посвященное истории учительства на Урале²⁸⁶. Автор подробно рассмотрел процесс перехода старого учительства на позиции Советской власти и подготовку новых учительских кадров в период реконструкции народного хозяйства. Выводы, сделанные в данной работе, имеют не только местное, но и общесоюзное значение.

²⁸² Неустроев В. Ф. Из истории развития учительства Урала (1917—1923 гг.) // Учен. зап. / Свердлов. пед. ин-т. 1968. № 65. С. 139.

²⁸³ Волков С. М. Подготовка и повышение квалификации учительских кадров на Урале в 1928—1932 гг. // Учен. зап. / Перм. ун-т. 1969. № 215. С. 70.

²⁸⁴ См.: Главацкий М. Е., Чуфаров В. Г. О формировании научно-педагогической интеллигенции в СССР // Из истории советской интеллигенции. Новосибирск, 1974. С. 47.

²⁸⁵ См.: Главацкий М. Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926—1937 гг.). С. 37—38.

²⁸⁶ См.: Гришанов П. В. Партийное руководство подготовкой и воспитанием учительских кадров в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926—1937). Саратов, 1983.

К сожалению, лишь несколько статей посвящено формированию сельской, научной, медицинской, художественной интеллигенции. Авторы односторонне освещают этот процесс, характеризуя пути подготовки кадров, их идейно-политическое воспитание, показывают участие врачей, агрономов, работников искусства, литераторов Урала в общественной работе в качестве агитаторов, пропагандистов, профсоюзных активистов, избрание их представителей в Советы, рассматривают развитие шефской помощи художественной интеллигенции, ее гастрольную деятельность, участие в социалистическом соревновании.

Г. С. Адрианова попыталась подойти к формированию художественной интеллигенции как к сложному и многогранному процессу, включавшему в себя количественные показатели, общественно-политические, идеологические, социально-психологические, структурные, профессионально-функциональные и другие характеристики.

К. З. Фатихов и А. В. Шункаров проследили процесс формирования национальных кадров интеллигенции на Урале. Однако в этом направлении сделаны лишь первые шаги.

Важным средством культурного и политического воспитания масс служила широкая сеть культурно-просветительных учреждений, созданная после Октябрьской революции.

В литературе последних лет освещены основные этапы развертывания политического просвещения и культурно-массовой работы на Урале. М. А. Дашевская, Г. С. Сутырина, М. А. Молодцыгин, В. С. Скробов обратились к анализу политико-массовой работы в первые годы Советской власти. Они характеризуют мероприятия Советского государства по организации политико-просветительной работы среди рабочих, крестьян и красноармейцев, раскрывают сущность основных агиткампаний, которые часто проводились в первые годы Советской власти и в период гражданской войны, показывают деятельность агитпароходов, агитпоездов и других форм агитационно-массовой работы. В тот период еще не было создано специальных органов по руководству политико-просветительной работой, и ею занимались партийные, профсоюзные и советские органы. Только после окончания гражданской войны были изменены организационные формы руководства политико-просветительной работой, что придало ей планомерный характер.

В. Г. Чуфаров характеризует массовую политико-воспитательную работу в период перехода к новой экономической политике. Он показывает значение создания политпросветов на Урале, контроль за их деятельностью со стороны партийных органов, роль политпросветов в проведении массовых агиткампаний, широкое участие в этих кампаниях трудящихся масс. Историк подчеркивает, что культурно-массовая работа в Советском государстве

носила политико-просветительный характер, что вытекало из мысли В. И. Ленина о необходимости самой тесной связи культурно-просветительной работы с политикой Коммунистической партии, с политическим просвещением масс.

В работах В. Г. Чуфарова и И. Т. Шалашовой раскрыты особенности организации культурно-просветительной работы в период реконструкции народного хозяйства. Заслуга авторов заключается в комплексном показе и обобщении всех форм и методов этой работы, в выявлении ее роли и места в коммунистическом воспитании трудящихся Урала, в анализе методов партийного руководства.

Уральские исследователи отмечают многочисленность и разнообразие форм и методов культурно-просветительной работы в переходный период. Партийные организации, политпросветы изыскивали новые формы, позволявшие более планомерно вести эту работу среди трудящихся. Особое внимание историков привлекли такие формы культурно-массовой работы, как рабочие клубы и библиотеки. Л. Ф. Богер, Д. П. Горбунова, Н. Я. Кемерова, Г. С. Радич и другие исследователи рассмотрели деятельность рабочих клубов в плане укрепления их материальной базы, подготовки кадров для работы в них, совершенствования форм и методов работы клубов, повышения их эффективности в деле коммунистического воспитания и просвещения трудящихся. Партийные органы стремились превратить рабочие клубы в действенные центры политического просвещения масс. В. Г. Чуфаров показывает, как клубы постепенно совершенствовали свою деятельность, переходя от агитационно-массовой работы, характерной для первых лет Советской власти, к другим важным формам культурно-просветительной деятельности. В клубах развивалась производственная пропаганда, кружковая деятельность, художественная самодеятельность. Партия предпринимала меры по преодолению тенденции сведения работы клубов к чисто культурной деятельности, усилению идейно-воспитательной работы в клубах.

Историки детально исследовали развитие клубов в годы реконструкции народного хозяйства. В это время значительно расширилась клубная сеть на Урале и улучшилась работа клубов. В. Г. Чуфаров подчеркивает, что на данном этапе одной из важнейших задач клубов становится воспитание у трудящихся социалистического отношения к труду, повышение их трудовой и политической активности. Перестроив свою работу, клубы начали вести пропаганду марксизма-ленинизма и политики Коммунистической партии, заниматься эстетическим воспитанием.

В. А. Зорина, И. Т. Шалашова, Н. Я. Кемерова специально останавливаются на значении деятельности библиотек Урала в проведении культурно-просветительной работы. Они показывают

мероприятия партии и правительства по реорганизации библиотечного дела в нашей стране, расширению сети библиотек и пополнению их книжных фондов, организации подготовки и переподготовки библиотекарей, анализируют эффективные формы библиотечной работы. Особенно успешно библиотеки занимались пропагандой книги и массовой работой с читателем. В тех условиях библиотеки являлись наиболее массовыми и доступными центрами распространения знаний и политического просвещения масс. Авторы показывают, что наряду с клубными учреждениями библиотеки сыграли немалую роль в приобщении широких масс рабочих и крестьян к культуре.

В работах М. В. Попова, Н. М. Ушакова раскрываются особенности культурно-просветительной работы в деревне, которая являлась важнейшим участком культурно-просветительной деятельности партии и государства. Авторы заострили внимание на переломном моменте уральской деревни, когда происходила массовая коллективизация крестьянских хозяйств и культурно-просветительная работа должна была способствовать переходу крестьян на социалистические рельсы хозяйствования. В работах характеризуется деятельность таких культурно-просветительных учреждений, как избы-читальни, народные дома, дома крестьянина, показывается связь их деятельности с задачами социалистического строительства. При переходе к массовой коллективизации сельские культурно-просветительные учреждения были нацелены на усиление политико-воспитательной работы с бедняками и середняками. Спецификой трудов этих авторов является показ культурно-просветительной работы в связи с обострением классовой борьбы в уральской деревне в период массовой коллективизации.

К сожалению, пока недостаточно изучена культурно-просветительная работа в деревне в первые годы Советской власти, в период восстановления сельского хозяйства и создания условий для перехода к массовой коллективизации. Авторы, занимающиеся данным периодом, анализируют лишь отдельные аспекты этой работы. Недостаток исследований по истории культурных преобразований на селе приводит к тому, что очень трудно представить процесс становления новой духовной жизни уральской деревни, — процесс, который проходил в тесной связи с социалистическим переустройством деревни. Только в работе С. В. Налобиной была предпринята попытка комплексно изучить изменения культурного уровня уральского крестьянства в условиях колхозного строя.

Пристальное внимание уральских исследователей привлекает история партийно-советской печати. Современная литература по истории печати и ее роли в культурно-просветительной деятельности партии охватывает все периоды ее становления и развития. Интересна попытка Б. Н. Мещерякова, И. А. Варнавского,

Л. Г. Краснокутской обратиться к истокам советской периодики, изучению ее роли в период Октября и гражданской войны.

В работах Г. Г. Воронцовой, Т. П. Ожигановой, В. А. Рольщикова, И. Т. Шалашовой, В. С. Кравцова достаточно подробно исследована история периодической печати в годы восстановления и реконструкции народного хозяйства. Историки затрагивают широкий круг вопросов, связанных с историей партийно-советской печати и ее роли в решении народнохозяйственных и культурных проблем. Они показывают историю создания различных органов печати, деятельность партийных организаций по рационализации сети газет и журналов, укреплению их материальной базы, решению проблемы кадров, развитию рабселькоровского движения, улучшению содержания газет и журналов.

Появились труды по истории периодической печати и издательского дела в автономных республиках Урала²⁸⁷.

В последнее время проявился интерес к истории радиовещания и киноискусства как важнейшего средства информации и культурно-политического просвещения. Однако в работах С. В. Набоиной, М. В. Попова, И. Т. Шалашовой несколько односторонне освещается процесс влияния новых средств массовой информации на широкие трудящиеся массы, не раскрывается воспитание нового человека социалистического строя.

Огромный вклад в политико-просветительную работу вносили партийные организации. Они заботились о повышении идейно-теоретического уровня коммунистов и комсомольцев как авангарда рабочего класса и трудящегося крестьянства, стремились к распространению политических знаний среди широких масс трудящихся. В работах М. А. Гейт, В. А. Плотичкина, Н. Ф. Плотникова, Р. Ш. Кувакова, Ф. А. Файзрахмановой получила освещение деятельность партийных организаций по созданию сети политического просвещения и повышению идейно-теоретического уровня комсомольцев и коммунистов. Предпосылки для успешной идейно-теоретической деятельности коммунистов Урала сложились в результате борьбы партийных организаций за единство партии и ее организационное укрепление, регулирование социального состава. Авторы раскрывают содержание идейно-политической работы партийных организаций в тот период. Ф. А. Файзрахманова полагает, что главные задачи политического просвещения — овладение марксистско-ленинской идеологией, разоблачение буржуазной идеологии, вовлечение трудящихся в политическую и хозяйственную жизнь страны, привитие убежденности в возможности построения социализма, воспитание в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма.

²⁸⁷ См.: Ахунзянов Т. А. Печать Советской Башкирии. Уфа, 1967. Т. 1; Куваков С. С. 50 лет издательского дела в Башкирии. Уфа, 1969; Емельянов Л. П. Печать Удмуртии. Ижевск, 1964.

В работах В. В. Покровского, Э. Я. Комиссаровой, В. А. Крашенинникова, Н. И. Музафаровой, Т. А. Кругловой, А. А. Чудиновского и других исследователей подчеркивается, что важнейшей составной частью идеологической работы партии было атеистическое воспитание, предполагающее не только преодоление предрассудков у верующих людей, но и воспитание всех граждан в духе воинствующего материализма и атеизма, коммунистической нравственности. Ф. Ф. Гайнуллин и Р. А. Набиев попытались раскрыть особенности атеистической пропаганды среди трудящихся Башкирии, на территории которой проживали различные национальности, исповедующие различные религии. Это снижало эффективность атеистической пропаганды.

В работах Н. И. Музафаровой характеризуются особенности ленинской политики в области религии и церкви на Урале, осуществлению которой в первые годы Советской власти препятствовали колчаковская оккупация, низкий культурный уровень населения, неоднородность его национального и социального состава, обилие религиозных верований, отсутствие квалифицированных кадров. Эта работа была продолжена и в первые годы восстановительного периода. Автор обращает внимание на сильное противодействие церковных кругов проведению в жизнь ленинского принципа свободы совести. Н. И. Музафарова подчеркивает, что духовенство Урала отличалось организованностью и крайней реакционностью.

Исследователи показывают, как в результате деятельности партийных и атеистических органов постепенно снижался уровень религиозности населения Урала. В. А. Крашенинников отмечает, что к началу реконструктивного периода этот уровень был значительно ниже, чем в целом по стране. В то же время исследователи выступают с критикой тех авторов, которые преувеличивают успехи, достигнутые в данной области. Л. П. Соколов говорит, что уже в 1925 г. начался массовый отход крестьян от религии²⁸⁸. Н. М. Ушаков полагает, что в годы восстановительного периода церковь на Урале удерживала прочные позиции, а существенный поворот в сторону освобождения трудящихся от религии произошел лишь в годы первой пятилетки.

Н. П. Драп, Л. И. Рабченко, Ф. А. Файзрахманова раскрывают особенности деятельности партийных и общественных организаций по интернациональному воспитанию трудящихся. В их работах поднимается вопрос об организации и деятельности МОПРа на Урале. Авторы подчеркивают зависимость хозяйствен-

²⁸⁸ См.: Соколов Л. П. Из истории борьбы Шадринской окружной партийной организации за атеистическое воспитание трудящихся (1923—1925) // Матер. науч. сессии вузов Урал. экон. р-на: Ист. науки. С. 69—70.

ных задач, решаемых населением Урала, от усиления его интернационального воспитания.

К сожалению, другие направления и отрасли культурного строительства на Урале изучены недостаточно полно. Как уже отмечалось, на предшествующих этапах развития советской исторической науки исследователи почти не затрагивали истории становления советской науки и искусства на Урале. Первые шаги в этом направлении были сделаны на современном этапе советской историографии.

Заслугой современных исследователей является обращение к истории становления советской системы организации науки на Урале. Это проблема комплексная, и различные ее аспекты рассматриваются в трудах по истории высшего образования на Урале, в работах по истории советской интеллигенции. Из специальных исследований по истории науки следует отметить статью А. В. Бакунина и З. Т. Сажиной, в которой поднимается вопрос о роли В. И. Ленина в развитии науки на Урале²⁸⁹. Авторы показывают интерес В. И. Ленина к решению проблемы Урало-Кузнецкого комбината, использованию природных ресурсов Урала. В работе подчеркивается непосредственное участие В. И. Ленина в создании Уральского университета, долгое время являвшегося единственным центром научных исследований на Урале, а также претворение ленинских идей о развитии науки на Урале в период реконструкции народного хозяйства.

Историки обратились к изучению деятельности первых научно-исследовательских учреждений на Урале, созданных после Октябрьской революции. Это были новые, революционные по методам и задачам работы научные органы, которые направили усилия исследователей прежде всего на изучение революционного прошлого края, истории Коммунистической партии, общественных организаций Урала. В работах современных исследователей получила освещение деятельность Уральского истпарта как основного центра по изучению истории местных партийных организаций и революционного движения на Урале. О. А. Васьковский, И. И. Кузнецова показали историю создания Уральского и Башкирского истпартов, проанализировали деятельность этих органов по сбору и изучению историко-партийных документов и материалов по истории революционного движения и социалистического строительства на Урале.

В последнее время появились статьи Р. И. Голубцовой, посвященные изучению деятельности истпрофов и истмолов на Урале по разработке истории профсоюзного и молодежного движения.

²⁸⁹ См.: Бакунин А. В., Сажина З. Т. В. И. Ленин и партийное руководство наукой // Тр. / Урал. политехн. ин-т. 1972. № 207.

В. Г. Чуфаров многое сделал для характеристики научно-исследовательской деятельности вузов Урала в первые годы Советской власти. Автор рассмотрел вопросы, связанные с формированием научных и преподавательских кадров Уральского и Пермского университетов, помощью партийных органов по укреплению материальной базы вузовской науки, основными достижениями научных исследований.

Внимание историков привлекла организация научно-исследовательской работы на Урале в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. В работах Н. И. Власовой и В. С. Калининченко показано расширение сети научных учреждений на Урале в годы первой пятилетки, решение проблемы научных кадров, укрепление материальной базы научных учреждений, достижения в укреплении связи науки с производством. Авторы подчеркивают огромное значение создания на Урале филиала Академии наук СССР для активизации научных исследований. А. Ф. Прокладова попыталась обобщить итоги деятельности научных учреждений Удмуртии в переходный период. Она остановилась на истории создания отдельных научных учреждений и основных направлениях их работы.

В целом исследование истории научных учреждений и науки на Урале только началось и требует пристального внимания историков.

Современные исследователи подробно изучают развитие различных видов искусства на Урале. К сожалению, до сих пор не создано обобщающего труда, в котором история становления социалистического искусства в регионе решалась бы комплексно. В монографии В. Г. Чуфарова рассматривается партийное руководство искусством, содержатся интересные обобщения. Большая часть исследований представляет собой искусствоведческие и литературоведческие труды, посвященные истории театра, изобразительного и музыкального искусства, развития литературы на Урале²⁹⁰. Эти работы носят сугубо специальный характер, однако

²⁹⁰ См.: Панфилов А. П. Театральное искусство Урала. Свердловск, 1967; *Он же*. Первые спектакли о В. И. Ленине на Урале // Учен. зап. / Свердлов. пед. ин-т. 1967. № 55; *Он же*. Партийная организация Урала совершенствует руководство театральным искусством // Там же. 1965. № 26. Павловский Б. Е. Художники Свердловска. Л., 1960; Композиторы Урала. Свердловск, 1968; Гальцева Л. П. Молодая литература Магнитки // Учен. зап. / Свердлов. пед. ин-т. 1968. № 61; *Она же*. Звала гора Магнитная... // Урал. 1968. № 10; Келлер И. И. Кокурина А. С., Надеждин Ю. Ф. Пермский ордена Трудового Красного Знамени академический театр оперы и балета им. П. И. Чайковского. Пермь, 1971; Коган Б. Добрый мир оперетты. Свердловск, 1973; Матафонова Ю. К. Свердловский драматический. Свердловск, 1980; Ахлюстина М. А. Деятельность партийных организаций по руководству художественной литературой (1932—1937 гг.) // Партийные организации во главе культурного строительства. Свердловск, 1978; Ярков С. П. Первые шаги советской художественной школы на Урале // Из истории художественной культуры на Урале. Свердловск, 1980.

в них нашла отражение борьба за ленинское понимание социалистической культуры, роли искусства в жизни советских людей, показаны основные вехи и этапы в развитии различных видов искусства на Урале. Авторы анализируют трудности и успехи в становлении и развитии советской художественной культуры на Урале на фоне бурных и сложных событий общественной жизни, наложивших большой отпечаток на становление социалистической культуры.

Созданы исследования по истории искусства в национальных районах Урала²⁹¹. Наряду с показом особенностей развития отдельных видов искусства в автономных республиках Урала в книгах дается характеристика крупнейших деятелей искусства Башкирии и Удмуртии, с именами которых связано становление социалистической национальной культуры.

Современные исследователи внесли большой вклад в изучение истории культурной революции на Урале. Ими впервые было изучено в комплексе ленинское теоретическое наследие по вопросам строительства социалистической культуры, что позволило поставить и решить сложные методологические проблемы, связанные с пониманием сущности, задач и основных этапов культурной революции на Урале. Исследования историков 60-х — начала 80-х гг. отличается широкая источниковая база, разнообразная проблематика. Наиболее плодотворно изучаются история народного образования, формирование социалистической интеллигенции и постановка культурно-просветительной работы. Отмечая несомненные заслуги современных историков в решении этих проблем, следует обратить внимание на определенную диспропорцию в изучении отдельных вопросов культурного строительства на Урале в переходный период. Необходимо и дальше заниматься изучением истории среднего специального образования, формирования различных отрядов непроизводственной интеллигенции. Следует продолжить изучение развития науки и искусства, переходя от исследования отдельных вопросов и этапов к созданию обобщающих трудов, позволяющих комплексно представить организацию научных исследований, становление и развитие социалистического искусства на Урале в послеоктябрьский период.

²⁹¹ См.: *Баширов М.* Камиль Рахимов. Уфа, 1967; Башкирские народные песни и наигрыши. М., 1965; Башкирский ансамбль народного танца. Уфа, 1966; *Саитов С.* 50 лет Башкирского драматического театра. Уфа, 1969; *Фатихов К. З.* Борьба Башкирской партийной организации за создание и развитие Башкирского профессионального музыкального искусства (1917—1941 гг.) // Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества; *Хайруллин Р. Х.* Мастера оперного искусства Башкирии. Уфа, 1963; *Гайнуллин М., Хусаинов Г.* Писатели советской Башкирии. Уфа, 1977; *Путь к удмуртской опере.* Ижевск, 1969; *Поляк А. И.* Художники Удмуртии. Ижевск, 1970; *Голубкова А. Н.* Музыкальная культура советской Удмуртии. 1917—1967. Ижевск, 1978.

Заключение

Советская историческая наука проделала большой путь развития. Это отчетливо показывают историографические исследования. На Урале высокими темпами велось изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и социалистического строительства. Важнейшее значение имело утверждение в науке марксистско-ленинской методологии. Идеи наследие основоположников научного коммунизма служило теоретической базой исследований по истории советского общества. Однако подлинно научная концепция Октябрьской революции и социалистического строительства сложилась в упорной борьбе с влиянием буржуазной и оппортунистической идеологии.

Распространение исторических знаний требовало большой организационной работы. В 20-х — начале 30-х гг. было сделано очень многое для собирания, обработки и систематизации исторических источников, создания широкой сети научно-исследовательских учреждений, подготовки профессиональных кадров историков-марксистов, публикации разнообразной литературы. Процесс установления и упрочения социалистического общественного строя на Урале имел свою специфику, обусловленную географическим положением края, классовым и национальным составом его населения, уровнем социально-экономического и культурного развития, наконец, историческими традициями. Эти особенности либо ускоряли, либо тормозили ход общественного развития на местах. В литературе того времени была сформулирована конкретная проблематика, составлявшая содержание истории переходного периода.

Во второй половине 30-х — 50-х гг. были созданы благоприятные условия для изучения всех проблем истории Урала переходного периода. Этому способствовали возрастание роли Коммунистической партии в развитии общественных наук, совершенствование теоретической и методологической основы исторической науки. Интенсивная разработка ленинского идейного наследия, значительное расширение источниковой базы, рост квалификации научных кадров, размах публикаторской работы предопределили крупные количественные и качественные сдвиги в историографии темы. Обязательным условием дальнейшего развития творческой мысли являлось осуждение субъективистских ошибок и неправильных методов исследования, временно утвердившихся под влиянием культа личности.

Концентрировалось внимание на закономерностях исторического процесса и их проявлении в истории советского Урала. Исследователи относили к ним руководящую роль Коммунистической партии в истории борьбы за установление и упрочение Советской власти и социалистического строительства, создание и со-

вершенствование советской государственной власти, поддержание прочного союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, активное участие широких народных масс в осуществлении экономических, социальных и культурных преобразований. С постепенным преодолением местного подхода к освещению истории Урала переходного периода происходившие здесь события стали органически связываться с общим прогрессом развития социалистической революции.

60—80-е гг. характеризуются совершенствованием теории и методики исторического исследования, ростом квалифицированных кадров, созданием крупных обобщающих разработок по основным проблемам истории Урала переходного периода. Историки, вводя в научный оборот все новые источники, расширяют проблематику научных изысканий, привлекают внимание к наиболее важным и сложным вопросам истории советского Урала.

Большие успехи достигнуты в изучении конкретных проблем истории Урала переходного периода. В обобщающих трудах и крупных монографиях рассмотрены социально-экономические и политические предпосылки социалистической революции, процесс установления Советской власти и борьбы за ее упрочение, ход вооруженной защиты Республики Советов от интервентов и белогвардейцев. Особый интерес у историков вызывают социально-политические проблемы первых лет Советской власти на Урале, история классов и политических партий. Современные исследователи продвинулись далеко вперед в изучении особенностей уральского пролетариата, его вклада в революционную борьбу, расстановки классовых сил в деревне. Более фундаментально стал исследоваться лагерь контрреволюции. Впервые были созданы капитальные труды по истории края в послеколчаковский период, показано изменение классовых сил под влиянием уроков гражданской войны.

В изучении истории социалистического строительства на Урале особенно велики достижения в разработке истории социалистической индустриализации и культурной революции. Раскрыты закономерности и особенности развития промышленности Урала в переходный период, превращения края в крупнейший промышленный регион страны. Подробно исследованы основные этапы промышленного строительства, роль рабочего класса Урала в построении фундамента социалистической экономики. Всесторонне освещены процесс создания социалистической культуры Урала, его закономерности и этапы, основные направления культурного строительства в переходный период. Усилиями уральских исследователей культурная революция предстала как составная часть ленинского плана построения социализма в нашей стране. Многое сделано в изучении истории социалистического переустройства сельского хозяйства Урала. Показаны основные этапы реализации

ленинского кооперативного плана на Урале, достижения в этой области.

Вместе с тем имеется ряд вопросов, требующих дальнейшего исследования. Нужно продолжить комплексное изучение роли В. И. Ленина в развитии нашего края, значения ленинского теоретического наследия для анализа различных проблем истории Урала. Необходимо изучение истории революционных преобразований, поскольку существуют расхождения по некоторым важным вопросам: о степени зрелости социально-экономических предпосылок Октябрьской революции, об особенностях развития рабочего класса и его роли в социалистической революции. Недостаточно исследованы история массовых организаций трудящихся и их вклад в революционную борьбу на Урале. Большие разногласия наблюдаются в вопросе об аграрных преобразованиях в уральской деревне, слабо изучены конкретные формы складывания союза рабочего класса и трудящегося крестьянства в социалистической революции.

В исследованиях по истории гражданской войны на Урале наряду с военными и политическими стали подниматься проблемы развития экономики, трудового подвига рабочего класса и трудящегося крестьянства. Однако полной картины особенностей социально-экономического развития края в эти годы пока не создано. Необходим анализ работы промышленности, транспорта, организации работы тыла в период борьбы с белогвардейцами и интервентами. Нуждаются в дальнейшей разработке вопросы деятельности большевистского подполья и партизанского движения в регионе. Только начато изучение истории мелкобуржуазных партий и их политического краха в период гражданской войны. Много неисследованных проблем в истории послеколчаковского периода, когда рабочему классу и трудящемуся крестьянству Урала приходилось решать сложные задачи помощи фронту и борьбы с разрухой.

Настало время преодолеть существующую неравномерность в изучении истории различных отраслей промышленности и отдельных отрядов рабочего класса, обратить внимание на развитие цветной металлургии, лесной и деревообрабатывающей, легкой промышленности. Комплексное изучение всех отраслей промышленности позволило бы более четко проследить основные закономерности и особенности превращения Урала в мощный передовой промышленный регион страны. Для создания обобщающего труда по истории рабочего класса нашего края необходимо изучение слабоисследованных отрядов рабочих легкой промышленности, транспорта, сельского хозяйства.

До сих пор нет обобщающего труда и по истории социалистического переустройства сельского хозяйства Урала, а значит, и цельного представления о масштабах преобразований в сельском

хозяйстве, неравномерно изучены отдельные этапы и проблемы перевода сельского хозяйства Урала на социалистические рельсы. Литература по истории коллективизации сельского хозяйства изобилует расхождениями в конкретных фактах. Остаются нерешенными многие проблемы.

Следует ликвидировать определенную диспропорцию в исследовании отдельных вопросов истории культурных преобразований на Урале в переходный период, продолжить освещение проблем организации среднего специального образования, формирования различных отрядов непроизводственной интеллигенции. Это относится также к истории науки и искусства Урала, где необходим переход от изучения отдельных вопросов и этапов к созданию обобщающих трудов, позволяющих комплексно представить организацию научных исследований и развитие социалистического искусства на Урале в послеоктябрьский период.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Изучение истории советского Урала в период становления марксистско-ленинской историографии (1917 — первая половина 30-х гг.).....	6
1. Теоретическое наследие В. И. Ленина — основа научной историографии советского Урала.....	6
2. Основные направления исследовательской и публикаторской работы.....	17
3. Изучение социально-экономических и политических проблем истории Октябрьской революции на Урале.....	31
4. Проблемы вооруженной защиты и упрочения Советской власти на Урале в исторической литературе.....	44
5. Начало изучения истории социалистического строительства... ..	60
Глава 2. Историография Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале (вторая половина 30-х — 50-е гг.).....	85
1. Организация научных исследований.....	85
2. Освещение в литературе истории подготовки и свершения Октябрьской революции на Урале.....	94
3. Историки об участии трудящихся Урала в борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией в 1918—1920 гг.	114
4. Дальнейшее изучение истории Урала периода социалистического строительства.....	134
Глава 3. Современная советская историография истории Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале (60—80-е гг.).....	161
1. Характеристика современного этапа исследования темы.....	161
2. Историография Великой Октябрьской социалистической революции на Урале.....	172
3. Современная литература об основных проблемах истории Урала периода гражданской войны.....	198
4. История промышленности и рабочего класса Урала периода социалистического строительства.....	223
5. Историография социалистического преобразования сельского хозяйства на Урале.....	239
6. Проблемы культурной революции на Урале.....	263
Заключение.....	287

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА УРАЛЕ (1917—1937)**

Редактор Л. А. Гупало
Технический редактор Т. Д. Рязанова
Корректор Л. И. Габова

ИБ № 120

Сдано в набор 19.06.87. Подписано к печати 02.12.87.

НС12783. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 2.

Литературная гарнитура. Офсетная печать.

Усл. кр.-отт 17,2. Уч.-изд. л. 20,5. Тираж 1100 экз.

Заказ 2818. Цена 3 р. 30 к.

Издательство Уральского университета.
620219, Свердловск, ГСП-830, пр. Ленина, 136.

Тип. Упр. изд., полигр. и кн. торговли.
В. Пышма, Кривоусова, 11.